IMT Nuremberg Archives

H – 1203

International Court of Justice

H1203 – 0002

С Т Е Н О Г Р А М М Ы

ЗАСЕДАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Т о м XXУ-й Экз. 2.

С о д е р ж и т:

20 мая - утреннее и вечернее заседания

21 мая - утреннее и вечернее заседания

22 мая - утреннее и вечернее заседания

23 мая - утреннее и вечернее заседания

24 мая - утреннее и вечернее заседания.

Страницы: с 11326-й по
11887-ю включительно

XXV-II

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяю, что данный том, пронумерованный с 11326 стр. по 11887 стр., озаглавленный "Русские стенограммы" содержит в себе стенографическую запись судебных заседаний Международного Военного Трибунала по делу Германа Вильгельма Геринга и других на русском языке за период времени с 20 мая 1946 г. по 24 мая 1946 г.

Указанная запись на русском языке составлена на основании стенографических записей и сверена с электрозвукозаписью производившихся в суде.

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ
МАЙОР (А.ПОЛТОРАК)

"11" декабря 1946 г.
г.Нюрнберг

H1203 – 0003

H1203 – 0004

C E R T I F I C A T E

Official transcript of the International Military Tribunal from 20 May 1946 to 24 May 1946 in the matter of the United States of American, The French Republic, The United Kingdom of Great Britain und Northern Ireland and The Union Soviet Socialist Republic against Hermann Wilhelm Goering and others contained in the volume under the title:

"Russian Transcripts"

numbered 11326 to 11887 inclusively are herewith certified as an authentic official Russian text, having identical force as the English, French und German texts.

John E. Ray

JOHN E. RAY, Colonel, FA
General Secretary
International Military Tribunal

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяется, что русский текст стенограмм заседаний Международного Военного Трибунала за период времени с 20 мая 1946 г. по 24 мая 1946 г. по делу: Соединенные Штаты Америки, Французская Республика, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Союз Советских Социалистических Республик против Германа Вильгельма Геринга и других, - содержащихся в данном томе, озаглавленном "Русские стенограммы", пронумерованном с 11326 стр. по 11887 стр. включительно является аутентичным и официальным текстом, имеющим одинаковую силу с английским, французским и немецким текстами.

ПОЛКОВНИК ДЖОН Е. РЕЙ
Генеральный Секретарь
Международного Военного Трибунала

г. Нюрнберг
"11" декабря 1946 г.

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 20 мая 1946 года

/Утреннее заседание/.

Встать! Суд идет!

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Доктор Хорн хочет задать свидетелю еще несколько вопросов.

ХОРН: С разрешения Трибунала я хотел бы задать свидетелю еще несколько вопросов.

Г-н гросс-адмирал, верно ли, что 24 апреля 1941 года район действия так называемого нейтрального патруля военно-морского флота США был распространен за пределы 300-мильной зоны и увеличен по меньшей мере до 1 тысячи миль?

РЕДЕР: Я не помню точно, когда это было, но действительно эта зона была увеличена.

ХОРН: Верно ли, что в начале июня 1941 года на основании закона, изданного США, иностранные суда, интернированные в северо-американских портах, были конфискованы, причем среди них находилось 26 итальянских кораблей и 2 германских судна?

РЕДЕР: И здесь я не могу назвать точной даты. Это произошло летом 1941 года. Преимущественно это были итальянские корабли и несколько германских. Точных цифр я назвать не могу.

ХОРН: В июне 1941 года США официально об"явили о своей готовности всеми силами оказывать помощь Советскому Союзу. Вы говорили об этом с Гитлером и какова была его позиция?

H1203 – 0005

H1203-0006

РЕДЕР: Да, действительно, такой факт имел место. В этом заявлении говорилось, кажется, о беспроцентном займе. Возможно, я и говорил об этом с Гитлером, но я не могу сказать, каково было его отношение. Могу сказать только одно, что все эти мероприятия не изменили в то время нашего курса. Как раз в июне я беседовал с Гитлером и сказал ему, что мы, как и прежде, не трогаем американские корабли и будем оставлять их в покое, несмотря на те отрицательные моменты, которые возникают в связи с этим и о которых я здесь уже упомянул.

ХОРН: В 1941 году в своих официальных речах американский военный министр Стимсон и министр военно-морского флота Нокс, а также министр иностранных дел Хэлл неоднократно требовали использования флота США для охраны английских транспортов с военными грузами, направлявшихся в Великобританию. 12 июля 1941 года министр военно-морского флота Нокс довел до сведения представителей прессы приказ Рузвельта об открытии огня по германским кораблям. Как Гитлер и Вы реагировали на такие действия, противоречащие принципам нейтралитета?

РЕДЕР: Да, эти факты верны, они отвечают исторической действительности. Гитлер и после этого категорически приказал ни в коем случае не открывать огня по своей собственной инициативе, а только обороняться. Так мы и поступали впоследствии, что видно из двух случаев: с эсминцами "Крир" и "Керне".

ХОРН: Благодарю Вас, у меня нет более вопросов.

КОМЕНДАНТ СУДА: Ваша честь, подсудимый Геринг отсутствует на утреннем заседании Трибунала.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, Вы читали книгу капитана Шустлера "Борьба военно-морского флота против условий Версаля" в то время, когда она была опубликована, не так ли?

РЕДЕР: Так точно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Обратитесь, пожалуйста, к одной из страниц этой книги. Это страница 26-я IO-й книги документов, I23-я страница немецкого текста книги документов. Капитан Шустлер говорил Вам, что он собирался написать такую книгу, не так ли?

РЕДЕР: Да, я могу сказать, что поводом для написания этой книги было то, что национал-социалисты все время нападали на нас, представителей военно-морского флота, и упрекали нас в том, что мы до 1933 года слишком мало сделали для укрепления военно-морского флота. Поэтому-то в этой книге и упоминаются такие факты.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Эта книга распространялась среди старших офицеров военно-морского флота, не так ли?

РЕДЕР: Так точно. Во всяком случае, любой из высших офицеров мог по желанию получить эту книгу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Обратитесь, пожалуйста, к странице 27-й английской книги документов, где имеется предисловие. Как Вы увидите, в конце первого абзаца говорится, что книга имеет своей целью дать достоверную картину борьбы военно-морского флота против невыносимых условий Версальского мирного договора.

РЕДЕР: Так точно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И в третьем абзаце говорится: "Этот меморандум должен также подчеркнуть заслуги тех людей, которые, не будучи известными в широких кругах,

11328

H1203 – 0007

H1203 – 0008

готовы были взять на себя ответственность и отдать все свои силы на борьбу против условий мирного договора".

РЕДЕР: Так точно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Согласитесь ли Вы с тем, подсудимый, что это предисловие хотя и в общих выражениях, но довольно точно передает отношение военно-морского флота к нарушению условий Версальского договора?

РЕДЕР: Да, относительно обхода положений Версальского договора настолько, насколько это было необходимо для улучшения нашего беззащитного положения в последнее время по причинам, о которых я говорил в последние дни.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Обратитесь, пожалуйста, к 28-й странице. Это 126-я страница Вашего экземпляра. Милорд, здесь дается краткое резюме содержания книги. Как вы видите, оно состоит из четырех разделов. В первом говорится о первых попытках оказать сопротивление проведению в жизнь условий Версальского договора и далее перечисляются эти попытки. Не останавливайте на этом свое внимание. Во втором абзаце говорится о мерах по вооружению, проводимых ~~независимо~~ самостоятельно, за спиной имперского правительства и законодательных органов.

РЕДЕР: В обоих случаях сказано: с конца войны до вторжения в Рурскую область в 1923 году; с 1923 г. до дела Ломана в 1927 г. К обоим случаям я никакого отношения не имею.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Давайте разберемся в этом. С 1922 по 1924 г.г. Вы были инспектором по боевой подготовке военно-морского флота в Киле, не так ли?

РЕДЕР: Инспектором боевой подготовки: то-есть в мое ведение входили школы, курсы усовершенствования для канди-

датов в офицеры, подготовка штабных офицеров, также и офицеров для штабов соединений и т.д. Дела фронта меня не касались.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Об этом Вас и спрашивали. Задан Вам был вопрос, были ли Вы инспектором боевой подготовки. Вы ответили утвердительно, не так ли?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Заявляете ли Вы Трибуналу, что, будучи инспектором боевой подготовки, Вы не располагали полными данными о вооружении, которое было предоставлено Вам в целях проведения этой подготовки?

РЕДЕР: Нет, нет, здесь как раз речь шла не о доступных всеобщему обозрению огневых средствах, а, как я недавно сказал, об установке орудийных платформ, о переброске орудий с Северного Моря в Балтику. Это делала специальная команда, работавшая под непосредственным руководством начальника штаба военно-морского флота. В ее составе был также эксперт, капитан-лейтенант Ренкель, который и ведал всеми этими вопросами, связанными с переброской орудий. Я был в Киле, а в Киле вообще не было орудий и там не проводилось таких мероприятий.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Обратимся к следующему периоду: 1923-1927 год. С 1925 до 1928 года Вы были начальником военно-морской базы в Балтийском море, не так ли?

РЕДЕР: Да:

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Итак, Вы заявляете Трибуналу, что Вы ничего не знали о тех мерах по вооружению, которые проводились по собственной инициативе флота за спиной имперского правительства?

РЕДЕР: Нет, я не имел никакого отношения к этим вопросам. Как я уже сказал, это делал начальник штаба ВМФ.

11330

H1203 – 0009

H1203 – 0010

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я не спрашиваю Вас о том, имели ли Вы какое-либо отношение к этим мерам. Я спрашиваю Вас, заявляете ли Вы о том, что Вы о них ничего не знали? Вы ведь были осведомлены об этих мерах, не так ли?

РЕДЕР: Вообще мне было известно о таких мероприятиях.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Обратитесь теперь к следующему, 3-му пункту: "Мероприятия по вооружению, проводившиеся по плану с ведома имперского кабинета, но в тайне от законодательных органов". Под законодательными органами имелись в виду рейхстаг и имперский совет, не правда ли?

РЕДЕР: Так точно. Однако, я недавно уже говорил, что главнокомандующий не должен был вести переговоры с рейхстагом. Это было делом самого правительства. Это также подтвердит г-н Зеверинг.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Мы заслушаем показания Зеверинга, когда он сюда прибудет. В настоящее время я хочу, чтобы Вы сообщили Трибуналу следующее...

Подождите минуту. Вы еще не слышали моего вопроса. Что Вы сказали капитану Пустлеру? Говорили ли Вы ему что-нибудь о том, что он дает совершенно неправильную картину обстановки, утверждая, что военно-морской флот имеет какое-либо отношение к действиям, совершаемым за спиной рейхстага. Предпринимали ли вы какие-нибудь попытки внести поправки в изложение фактов, сделанное Пустлером?

РЕДЕР: Нет, я не исправлял его книги. У меня для этого не было времени.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Прежде чем перейти к 4-му пункту, обратитесь, пожалуйста, к странице...

Милорд, это 32 страница британской книги документов, 186-я страница Вашей книги документов. Старший сержант поможет Вам найти это место. Это часть описания 2-го раздела, связанного с экономическим вооружением, составленная капитаном Шустлером. Этот раздел озаглавлен "Тяжелые условия для работы". Он начинается словами: "Часто создавались тяжелые условия для работы". Вы нашли это место? "Тяжелые условия для работы". Вы видите эту цитату? Она озаглавлена: "Тяжелые условия для работы".

РЕДЕР: Да, я вижу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Посмотрите, пожалуйста, на последнюю часть этого отрывка. Подсудимый, я хочу выяснить этот вопрос совершенно точно: это относится к периоду с 1923 по 1927 г., т.е. до того, как Вы стали главой военно-морского флота. Поэтому я хотел бы спросить Вас об этом.

"У нас всегда было много трудностей внешнего характера, помимо трудностей, связанных с Тебегом, трудности, связанные с маскировкой нашей задачи и работы, отдаленность отдельных помещений, где производилась работа, невозможность разрешения даже незначительных вопросов по телефону и необходимость избегать, по мере возможности, письменной корреспонденции или, во всяком случае, проводить ее под видом переписки личного характера, употребляя вымышленные имена и коды."

Разве вы не знали о применении этих методов при осуществлении вышеупомянутой программы?

РЕДЕР: Нет. Собственно говоря, я вообще почти ничего не знал о Тебеге, Нарисе и тому подобных вещах. Однако, я

11332

H1203 – 0011

H1203 - 0012

считаю правильным, что люди работали таким образом, так как в тот период настроение большей части немецкого народа было ненадежным и разглашение таких тайн представляло бы собой большую опасность. Впрочем, когда я туда прибыл, Тебег был уже распущен.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Прошу вас, далее, обратиться вновь к 126-й странице, 28 страница английской книги документов, и просмотреть резюме капитана Шустлера, относящееся к четвертому периоду. "Вооружение проводилось под руководством имперского кабинета в замаскированной форме". /Это период, начиная с 1933 года и кончая 1935г., когда вновь была введена всеобщая воинская повинность/." Согласны ли вы с тем, что капитан Шустлер дает правильное описание методов, применявшихся Вами с 1933 по 1935 г.г.

РЕДЕР: Как он их называет, где это?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это четвертый пункт.

РЕДЕР: "Тайное вооружение под руководством имперского правительства?"

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы соглашаетесь с тем, что это правильная характеристика Вашей деятельности в период с 1933 по 1935 г.г.

РЕДЕР: Безусловно. Я делал это так, как мне приказывал глава государства, а глава государства был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы не допускать никаких перегибов, так как он не хотел, чтобы это помешало его намерениям достичь соглашения с Англией. И в отношении военно-морского флота он разрешал и предпринимал чрезвычайно незначительные мероприятия. Ведь он мог немедленно построить 8 броненосцев, несколько эсминцев, несколько торпедных катеров, но они не были построены. Он этого не делал, так

как он считал, что не следует производить впечатление, будто бы мы осуществляем вооружение в больших масштабах.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы уже раз"яснили это. Обратите внимание на следующее, подсудимый. Речь идет о той "форме маскировки", которую Вы применяли во время переговоров о военно-морском соглашении. Вы хотели, чтобы никто не знал о тех шагах, которые Вы предпринимали в нарушение соглашения, и насколько далеко Вы в этом зашли. Нет никакого сомнения в том, что Вы хотели добиться морского соглашения, не разглашая того, что Вы делали, не так ли?

РЕДЕР: Нет, это искажение моих слов. Мы не хотели путем разглашения этих мероприятий без всякой нужды нарушать хорошие отношения с Англией. Во всяком случае, эти мероприятия были вполне обоснованными и чрезвычайно маловажными.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Сейчас я перейду к этому вопросу. Я лишь хочу, прежде чем мы покончим с этими трудами по военно-морским вопросам, задать вам вопрос относительно другой книги. Вы знаете, что полковник Мерф предполагал написать книгу по истории германского военно - морского флота. Я хочу избежать какого-либо недоразумения в этой связи. Насколько я понимаю, Вы разрешили полковнику Мерфу иметь доступ к архивам военно-морского флота. Но, помимо этого, Вам ничего не известно о его работе, не так ли?

РЕДЕР: Я вообще не видел книги этого полковника. Оглавление ее я увидел здесь впервые, во время первого допроса. Я не отдавал никаких приказов в этом направлении. Он получил приказ от фюрера и поэтому я разрешил начальнику архивов морского флота помогать этому полковнику.

H1203 – 0013

H1203 – 0014

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это как раз то, что я Вам сказал. Я хочу, чтобы Вы обратились к книге документов IO-А. Этот документ начинается на I-й странице в английском переводе и на I-й же странице в немецком тексте. Если Вы посмотрите на третью страницу, то увидите и оглавление намечавшейся к изданию книги полковника Шерфа. Это страницы 3 английского перевода. Мне кажется, что в немецком тексте это также должно быть, примерно, на 3-й странице. Проверьте это, старший сержант /обращаясь к своему ассистенту/. Посмотрите, пожалуйста, на заголовок второго раздела. Он гласит: "Включение имперского военно-морского флота в национал-социалистское государство". Дальше следует описание: "а/ национал-социализм в военно-морском флоте до 1933 г."...

РЕДЕР: Где это? Я еще не нашел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Второй раздел оглавления.

РЕДЕР: Нет, это что-то другое, здесь этого нет... Вот теперь нашел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Посмотрите, пожалуйста, на второй раздел, который озаглавлен: "Включение военно-морского флота в национал-социалистское государство". Вы видите заголовки, которые должны были охватить, примерно, 30 стр.: "Национал-социализм в военно-морском флоте до 1933 года"; затем "Принятие имперским военно-морским флотом присяги фюреру", "Введение партийного символа", "Первое изменение флага и новый флаг военно-морского флота". Соглашаетесь ли Вы с тем, что формулировка правильно передает имевшие место события - "Включение военно-морского флота в национал-социалистское государство"?

РЕДЕР: Я уже говорил здесь о том, что, конечно, военно-морской флот, вооруженные силы должны были быть связанными с национал-социалистким государством. Нельзя же в монархическом государстве иметь демократический военно-морской флот; основные, принципиальные моменты должны быть одними и теми же. Но вопрос о том, в какой степени следует принимать эти принципиальные установки, - определял я, причем я добивался правильных взаимоотношений с тем, чтобы внутренне военно-морской флот оставался самостоятельным, но в то же время был правильно настроен по отношению к национал-социалистскому государству. Кроме того, я не вижу здесь текста, здесь только заголовки.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Таким образом, Вы заявляете, что подобное описание не является преувеличенным. Это - все что я хотел выяснить. Я не хочу тратить слишком много времени на раз"яснение этого вопроса.

РЕДЕР: Но заголовки ничего не говорят. Например, в тексте может быть сказано, что военно-морской флот не сумел занять в национал-социалистском государстве нужного места. Этого я не знав. То же самое касается и вопросов, связанных с флотом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я не собираюсь тратить на это время. Я хочу, подсудимый, чтобы Вы перешли...
Во время Вашего основного допроса Вы останавливались на трех вопросах. Я не хочу детально заниматься ими, но мне хотелось бы напомнить Вам о них и задать один общий вопрос. Вы можете отложить этот документ, я более не буду на него ссылаться. /Короткая пауза/. Будьте добры отложить этот документ и уделить внимание моему следующему вопросу.

11336

H1203 – 0015

H1203 - 0016

Вам был задан вопрос об эсминцах, о Вашем обзоре за сентябрь 1933 года. Это был длинный документ - по вопросу о максировке вспомогательных крейсеров под транспортные суда типа "О". Правильно ли я резюмирую Ваш ответ? Вы признали, что эти нарушения договоров действительно имели место, но в каждом случае Вы заявляли, что эти нарушения были незначительными. Это правильно передает содержание Вашего ответа, не так ли?

РЕДЕР. Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо, тогда давайте рассмотрим этот вопрос по частям. Оспариваете ли Вы то, что факты, относящиеся к эсминцам, факты, приведенные в обзоре, или связанные с транспортными судами типа "О", что все эти факты не имели места? Насколько я понял, Вы признали, что они действительно имели место...

РЕДЕР: Нет, эти мероприятия проводились так, как я говорил. Например, мы не построили эти вспомогательные крейсеры. Мы не имели на это право. Но мы могли строить планы и отыскивать такие корабли, которые в случае войны - если бы война началась вследствие нападения на Германию другого государства - могли бы быть использованы в качестве вспомогательных крейсеров. Это не было нарушением договоров. Если бы это было нарушением, то я спокойно согласился бы с этим. Наличие конструкторского бюро по строительству подводных лодок в Голландии также не было нарушением Версальского договора. Это носило совсем иной характер.

Я уже забыл третий пункт, о котором Вы говорили.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы помните, что в составленном Вами документе был большой список?

РЕДЕР: Да, конечно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Быть может, я ошибаюсь, но, насколько я понял, Вы признали, что все это имело место, однако, вы сказали, что это были лишь "незначительные нарушения".

РЕДЕР: Да, конечно, это были маловажные действия, но они были необходимы в интересах обороны Германии.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу спросить вас об одном Вашем офицере вице-адмирале Асмане. Вы доверяли этому офицеру?

РЕДЕР: Он был очень способным историографом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Может быть, Вы ответите на мой вопрос. Являлся ли он офицером, к которому вы питали доверие?.

РЕДЕР: Я доверял ему в том отношении, что полагал, что он будет правильно описывать исторические факты.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это все, что я хотел узнать. Теперь взгляните на другой документ, Д-854. Милорд, этот документ получает номер ВБ-460. Это - отрывок из целой серии заметок, касающихся оперативных и тактических планов германского военно-морского флота и последующих мер, предпринятых для его роста между 1919 и 1939 г.г. Эти отрывки содержатся в архивах вице-адмирала Асмана и Гладиша, которые работали в историческом отделе германского адмиралтейства. Подсудимый, будьте добры пока не смотреть на этот документ. Я хочу задать Вам несколько вопросов, после чего Вы в свое удовольствие сможете ознакомиться с этим докумен-

11338

H1203-0017

H1203 - 0018

том. Соглашаетесь ли Вы с тем, что почти по всем отраслям вооружения, которые были связаны с военно-морским флотом, Версальский договор был нарушен как по букве, так и в еще большей степени по своему духу. Вы согласны с этим?

РЕДЕР: Нет, ни в коем случае не по всем пунктам, так как ведь по главному вопросу мы далеко отстали от положений Версальского договора, как я здесь уже довольно ясно рассказал. Следовательно, мы их нарушили, так сказать, с обратной стороны, т.е. мы делали то, что мы имели право делать.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Обратитесь, пожалуйста, к этому документу. В начале первой цитаты Ваши офицеры говорят: "Как уже указывалось, почти по всем отраслям вооружения, которые были связаны с военно-морским флотом, Версальский договор нарушался как по букве, так и в еще большей степени по своему духу, еще задолго до 16 марта 1935г., по крайней мере, в смысле подготовки к его нарушениям."

Таким образом, ваши адмиралы говорят неправду, делая подобные заявления? Вы это хотите сказать Трибуналу?

РЕДЕР: Разрешите посмотреть, на какой это странице? Я еще не нашел этого места. /Пауза/. Да, он говорит о том, что ... "... почти по всем отраслям вооружения, которые были связаны с военно-морским флотом"... Нет, это не так...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Именно об этом я Вас и спрашивал. Это правильно?

РЕДЕР: Нет, неправильно. Мы совсем не строили столько кораблей, сколько мы могли бы построить. Мы, я повторяю, должны были...

Сэр Дэвид Максуэлл Файф: Вы уже раз ясно это.

Редер: Нарушения были...

11330

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Мы действительно знаем, какое положение было у вас на судостроительных верфях. Вы уже давали нам раз"яснения по этому поводу, и сейчас встает вопрос о том, имеют ли эти раз"яснения какую - нибудь цену. Я не собираюсь спорить с Вами. Я спрашиваю Вас следующее: утверждаете ли вы, что адмиралы, работавшие в Вашем историческом отделе, говорили неправду, делая заявление, содержащееся в том предложении, которое я только что Вам зачитал?

РЕДЕР: Да, я утверждаю это. В такой редакции это неверно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Этот вопрос будет рассмотрен Трибуналом. Перейдем теперь к заявлению адмирала Асмана. Оно гласит.

"Быть может, ни в одной сфере это не началось, с одной стороны, так рано, а с другой, - при таких особых обстоятельствах, как при строительстве нового подводного вооружения. Версальский договор находился в силе лишь в течение нескольких месяцев /начиная с 10 января 1920 г./ когда в этом пункте он был уже нарушен".

Вы согласны с адмиралом Асманом в этом вопросе?

РЕДЕР: Нет, он не прав, так как Версальский договор в этом отношении вообще не был нарушен. И то, что это началось так рано, об"ясняется тем, что прежние командиры, офицеры и технический персонал подводного флота, оказавшись безработными, предложили свои услуги иностранным государствам, поэтому это произошло так рано. Однако, это меня нисколько не касается, так как в тот период я не имел никакого отношения к этим вещам. В то время я работал в архивах военно-морского флота.

11340

H1203 - 0019

H1203 – 0020

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Как же вы можете сейчас быть настолько уверены в том, что адмирал Асман ошибался? Насколько я понял, Вы назвали его способным историографом. Ему не приходилось обращаться к очень далекому прошлому. Он описывает период всего в 20 лет.

РЕДЕР: Я считаю, что и хороший историограф может ошибаться, если у него неверные данные. Я только сказал, что доверял ему.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы очень подробно говорили... ..... Первый абзац касается Японии.

РЕДЕР: Но вопрос о подводных лодках неправильно освещен.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо, давайте посмотрим, в какой мере он был неправ. Нам нет смысла останавливаться на первом абзаце, который касается строительства кораблей для Японии, и мы перейдем ко 2-му абзацу.

"В 1922 г...."

Вы видите абзац, который начинается: "В 1922 году три германских судостроительных верфи основали германское бюро по строительству подводных лодок в Голландии, прикрывшись голландским названием, со штатом около 30 инженеров и строителей. В 1925 году голландские верфи построили две подводных лодки для Турции водоизмещением по 500 тонн, в соответствии с проектами этого бюро, которое пользовалось финансовой и личной поддержкой военно-морского командования. Капитан Ломан также имел отношение к разрешению этого вопроса, причем он имел решающий голос". Это правильно?

РЕДЕР: Это мы признавали. Но все, что было сделано,- не нарушало Версальского договора.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Мы не будем об этом спорить, но так или иначе, это правильно. Адмирал Асман прав в этом вопросе. Затем он переходит к Финляндии и Испании. Посмотрите на конец абзаца, где он, после обсуждения вопросов, связанных с Испанией, говорит:

"Осенью 1927 года конструкторский отдел военно - морского флота был уполномочен начальником штаба военно-морского флота адмиралом Зенкером провести строительство кораблей в Испании. Адмирал Зенкер принял на себя ответственность, несмотря на все затруднения внутри-политического характера. Разработка проектов и составление конструкторских чертежей производились в голландском бюро. После того, как в 1931 году эти работы были закончены, подводная лодка прошла несколько испытательных рейсов под руководством немцев на участке от Кадикса до Картагены..."

РЕДЕР: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: "... с немецкой командой, состоявшей из офицеров, инженеров, студентов судостроительных институтов и мастеров." Это все правильно, не так ли?

РЕДЕР: Правильно. Но, в частности, наш конструктор по судостроению из нашего конструкторского бюро и другие вышеперечисленные лица, работавшие по строительству подводного флота, были уволены со службы в военно-морском флоте.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Обратитесь теперь к последнему предложению: "Это судно, которое теперь является турецкой подводной лодкой "Гуэр", стало прототипом подводных лодок "У-25" и "У-26".

11342

H1203 – 0021

H1203 – 0022

РЕДЕР: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Обратимся теперь к подводным лодкам водоизмещением в 200 тонн, которые выпускались в Финляндии. Посмотрите на последнюю фразу в следующем абзаце.

"Строительство подводных лодок в Финляндии являлось частью первого плана строительства подводных лодок, который должен был разрабатываться в Германии и который был успешно проведен в жизнь. Голландское бюро было привлечено к этой работе исключительно для разработки деталей. "Финская лодка водоизмещением в 250 тонн послужила прототипом для "У-I", "У-24".

РЕДЕР: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Далее идет следующий абзац: "Строительство и испытания опытных экземпляров этого судна сделали возможным получить части для подводных лодок, начиная с "У-I" и кончая "У-24", в I933-I935 г.г., задолго до приказа о монтаже этих судов; этот приказ был подготовлен заранее, насколько это возможно было сделать, не нарушая секретности этого вопроса.

РЕДЕР: Так точно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Обратитесь теперь к I56-й странице. Вы видите, откуда взята следующая цитата.

"В начале I935 года", то-есть за 6 месяцев до заключения англо-германского соглашения, " возможно имелось шесть лодок водоизмещением в 250 тонн, готовых для монтажа, шесть 275-тонных и две 750-тонных лодки, работа по строительству которых была закончена. Потребовалось около 4 месяцев для монтажа небольших судов и около I0-ти - для мон-

тажа крупных судов, начиная с I февраля I934 года. В отношении остальных вопросов положение было неопределенным."

Посмотрите теперь на следующие слова:

"Быть может, именно в этой области строительства подводных лодок Германия меньше всего придерживается ограничений англо-германского соглашения.

Принимая во внимание количество подводных лодок, приказ о строительстве которых был уже издан, до I938 года могло быть построено около 55 подводных лодок. Фактически II8 лодок были уже готовы или должны были быть выпущены в соответствии с имеющимися приказами.

"Подготовка новоготподводного вооружения начала производиться так рано, так тщательно и так секретно, что уже через II дней после заключения англо-германского морского соглашения, которое допускало строительство подводных лодок, 29 июня I935 года была сдана в эксплоатацию первая немецкая подводная лодка".

Возьмем теперь эту фразу, которая была написана адмиралом Асманом. На основании рассмотрения около I00 документов мы уже видели, каково было Ваше отношение к Асману.

Он писал:

"Очевидно именно в этой области строительства подводных лодок Германия менее всего придерживалась ограничений англо-германского соглашения."

Итак, в течение нескольких часов вашего допроса Вы говорили настоящему Трибуналу, что это соглашение являлось результатом свободных переговоров, что Вы им очень гордились и готовы были его поддерживать. Вы заявляете

11344

H1203 – 0023

H1203 – 0024

Трибуналу, что Ваши адмиралы были неправы, утверждая, что в области строительства подводных лодок Германия менее всего придерживалась ограничений этого соглашения, заключенного в результате свободных переговоров.

РЕДЕР: Это совершенно неверное заключение. Я здесь говорил, что мы длительное время, пока не было переговоров с Англией о будущем соглашении, делали все...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, Вы дадите Ваши об"яснения...

РЕДЕР: Не прерывайте меня, пожалуйста.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Мы будем рассматривать эти вопросы по порядку. Вам не следует раздражаться по этому поводу. Отвечайте на мой вопрос, а затем Вы сможете привести свои об"яснения. Прежде всего, ответьте на мой вопрос. Утверждаете ли Вы, что адмирал Асман неправ, когда он говорит в этой первой фразе: "Именно в области строительства подводных лодок Германия менее всего придерживалась ограничений англо-германского соглашения"? Вы хотите заявить Трибуналу, что адмирал Асман неправ, делая подобное заявление? Вот о чем я Вас спрашиваю.

ЗИММЕРС: /защитник подсудимого Редера/: Господин председатель, у меня сложилось впечатление, что эти вопросы не относятся к фактам, а являются вопросами, затрагивающими юридическую сторону дела. Как следует толковать статью 191 Версальского соглашения, - это вопрос спорный.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал полагает, что этот вопрос вполне может быть задан. Когда подсудимый будет давать свои об"яснения, он сможет, конечно, сказать, что с его точки зрения это не являлось нарушением договора, и он

уже заявлял об этом. Он может высказать нам свое мнение по данному вопросу. Он являлся главой германского военно-морского флота.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Обратитесь теперь, пожалуйста ко второму предложению...

РЕДЕР: Я хотел бы докончить свою мысль. Я могу дать об"яснение по этому поводу. Итак, здесь речь шла только о той подготовке, которая велась за пределами Германии. Речь идет о помощи германских конструкторов, которую они оказывали Финляндии по строительству подводного флота. Действительно, такая форма помощи, когда германские конструкторы помогали финским конструкторам составлять проекты подводных лодок, не запрещалась. Правильно и то, что позже такая подводная лодка...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я весьма сожалею, что мне приходиться прервать Вас. Но ведь Вы знаете, что это предложение не относится к раннему периоду. Здесь говорится о периоде после заключения англо-германского соглашения в 1935 году, и я хочу, чтобы Вы мне ответили на один вопрос в этой связи. Финляндская проблема относится к гораздо более раннему периоду.

РЕДЕР: Да, я говорю о времени до заключения соглашения; ведь меня обвиняют в том, что мы производили части подводных лодок заграницей.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, правильно, но разве вы не видите, что...

РЕДЕР: Подождите, я еще не ответил.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я не спрашивал Вас об этом. Я хочу, чтобы Вы мне ответили на поставленный Вам вопрос. Я более не спрашиваю Вас о Версальском ~~вопросе~~. Я

11346

H1203 – 0025

H1203 – 0026

спрашиваю Вас сейчас о заявлении адмирала Асмана по поводу того, что Вы в 1935 году не придерживались ограничений англо-германского соглашения. То, что Вы делали в Финляндии в 20-х годах, не имеет к этому никакого отношения. Теперь я закончил. Вы можете привести свои об"яснения.

РЕДЕР: Это совершенно неверно. В отношении строительства подводных лодок мы были особенно умерены. И в 1938 году мы не имели еще тех 45 процентов, которые мы могли бы иметь по этому соглашению. Поэтому-то мы тогда и поставили вопрос о разрешении выполнить программу строительства на 100%, и это было согласовано и выполнено в соответствии с соглашением после дружественных переговоров с английским адмиралтейством в конце 1938 года. К началу войны мы и не располагали этими 100%. Мы всегда отставали по строительству подводных лодок.

Следовательно, это совершенно неверное представление адмирала Асмана, который, видимо, недостаточно внимательно изучил этот вопрос.

Я могу подтвердить это под присягой.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Обратитесь теперь к следующему предложению. В нем рассматривается...

РЕДЕР: Какая это страница?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Страница 156. Я очень медленно зачитаю это еще раз. "Принимая во внимание водоизмещение подводных лодок, приказ о строительстве которых был уже издан, до 1938 года могло быть построено около 55 подводных лодок. Фактически 118 лодок уже готово или находится в процессе производства".

РЕДЕР: Извините, я еще не нашел этого места, где Вы читаете, какая это строчка? /Свидетелю указывают стра-

H1203 – 0027

ницу/. Это на странице 156?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы нашли эту фразу, подсудимый?

РЕДЕР: Да, теперь я нашел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы видите, что адмирал Асман говорит:

"Принимая во внимание водоизмещение подводных лодок, приказ о строительстве которых был уже издан, до 1938 года могло быть построено около 55 подводных лодок".

Это было сказано до того, как был поднят вопрос о переходе от 45% к 100%.

"Фактически 118 подводных лодок было уже готово или находилось в процессе производства".

Вы утверждаете, что адмирал Асман неправильно приводит эти цифры?

РЕДЕР: Совершенно определенно, он неправ, так как, к началу войны в 1939 году, мы имели - я не знаю точно, - ну, примерно, лишь 40 подводных лодок. Но это ведь либо опечатка, либо совершенно невероятная цифра. Как Вам известно, мы начали войну с 26 подводными лодками, которые могли оперировать в Атлантике, и с некоторым количеством лодок меньшего водоизмещения. Я не могу точно сказать, сколько лодок еще находилось в строительстве к началу войны, но у нас совершенно определенно не было таких планов, так как меня всегда упрекали в том, что я обращал слишком мало внимания на строительство подводных лодок. Это утверждение я совершенно отрицаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: В таком случае, подсудимый, Вы согласны с тем, что цифры, приведенные адмиралом Асманом, совершенно несовместимы с тем, что вы сообщили Трибуналу

H1203-0027

H1203-0028

в отношении количества подводных лодок, с которыми Вы начали войну.

РЕДЕР: Да.

ЗИММЕРС: Я был бы признателен сэру Дэвиду, если бы он зачитал все предложение, то-есть примечание 6-е, которое следует за цифрой 118 и словами: "находится в строительстве". Примечания 6-го, как я вижу, нет в английском переводе, а оно гласит: "Начальник бюджетного отдела ВМФ. № 311/42 сов.секретно, от 19 ноября 1942 г."

Г-н председатель, эта цифра относится к более позднему периоду, а не к 1938 году. Я был бы чрезвычайно признателен, если бы мог в дальнейшем получать не только немецкий экземпляр, но и английский перевод представляемых сэром Дэвидом документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Можно было бы перевести интересующий Вас отрывок с немецкого языка на английский к тому времени, когда вы будете производить повторный допрос. Насколько я понял, вы ссылались на какое-то примечание, являвшееся дополнением к тому, что уже имеется в английском переводе. Будьте добры снова зачитать это. Прочтите этот отрывок еще раз.

ЗИММЕРС: Сэр Дэвид прочитал: "В действительности было построено и находилось в строительстве 118 подводных лодок" Далее следует цифра "6", примечание шестое. Это примечание "6" озаглавлено: "Бюджетный отдел ВМФ... № 311/42, сов.секретно, от 19 ноября 1942 года /страница 19/". Это показывает, что на странице 19 этого письма начальника бюджетного отдела ВМФ от 1942 года говорится об этих 118 лодках. Следовательно, эта цифра 118 относится не к 1938 году, а к более позднему периоду.

РЕДЕР: Я могу сделать еще следующее замечание...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, я ознакомлюсь с этим примечанием, но в тексте говорится - и в данном случае нет никакого расхождения с немецким текстом-буквально следующее: "До 1938 года намечалось к строительству около 55 подводных лодок; фактически построено и строится 118 лодок". Это текст, составленный адмиралом Асманом.

ЗИМЕРС: Но это не относится к 1938 году.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я думаю, милорд, что мы должны иметь ... мы... мы... что мой друг, доктор Зимерс, будет иметь полнейшую возможность... Если в этой связи возникнет какой-либо вопрос, я его рассмотрю. Однако, перед нами имеется текст и все это входит в этот текст. То, что говорится в примечании, д-р Зимерс, может быть подвергнуто обсуждению во время повторного допроса.

ТРИБУНАЛ /г-н БИДДЛ/: Обратитесь, пожалуйста, к примечанию, сэр Дэвид, и посмотрите, действительно ли дата 1942 года относится к отчету, а не определяет время строительства подводных лодок? Я прошу вас спросить подсудимого, может ли это примечание означать, что дата 1942 г. относится скорее к отчету, чем определяет время строительства подводных лодок. Здесь некоторое несоответствие... каково же...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: В находящемся у меня переводе сказано: "Начальник бюджетного отдела военно-морского флота". Далее приводится ссылка на это примечание, датированная 19 ноября 1942 года. По всей вероятности, это полностью подтверждает предположение, высказанное американским судьей по поводу того, что это примечание относится только к отчету и ни к чему более. На основании этой

H1203 – 0029

H1203 – 0030

пометки можно лишь предположить, что датой строительства был 1942 год. Я полагаю, что будет гораздо удобнее в том случае, если у доктора Зимерса нет замечаний к этому тексту, который я представляю, оставить эти спорные вопросы для рассмотрения во время повторного допроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зимерс, Вы можете затронуть все эти вопросы во время повторного допроса. К тому времени вы сумеете передать нам перевод этого примечания.

ЗИМЕРС: Господин председатель, я вполне согласен с этим, но я просил бы предоставить мне один экземпляр английского перевода вновь представляемых здесь документов.

Г-н председатель, Вы, конечно, согласитесь с тем, что мне во время перекрестного допроса крайне сложно установить, точен ли английский перевод или нет, тем более, что мне очень трудно переводить самому пропущенные места, в то время как английская делегация имеет у себя английский перевод. Я считаю, что было бы целесообразнее, если бы сэр Дэвид предоставлял мне английский перевод.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, вы сможете передать доктору Зимерсу английский перевод всех новых документов?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Безусловно, Трибунал издал распоряжение по этому поводу. Перевод уже готов. Разве Вы не получили английский перевод? Это, безусловно, будет сделано, милорд. По мере того, как я буду представлять новые документы, доктор Зимерс будет получать их переводы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Быть может, произошла какая-нибудь ошибка.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы, несомненно, получите эти переводы.

Перейдем сейчас к другому офицеру Вашего штаба. Вы довольно много говорили нам о бюджете военно-морского флота. Помните ли вы интенданта флота в вашем отделе, интенданта флота Тиле из отдела "Е" ОКМ, бюджетного отдела германского адмиралтейства? Вы помните его?

РЕДЕР: Так точно. Г-н представитель Обвинения, разрешите мне сказать несколько слов по вопросу об этой цифре 118? Я припомнил кое-что в связи с упоминанием об этом № 6, о начальнике бюджетного отдела военно-морского флота. Итак, вполне вероятно, что адмирал Асман об"единил здесь две разные вещи. Как правило, строительство каждой подводной лодки и каждого корабля утверждалось, а следовательно и санкционировалось в бюджетном отделе. Бюджет вырабатывался в конце каждого года на новый год. Вполне возможно, что здесь эта огромная цифра 118 появилась в результате соглашения с Англией, заключенного 30 или 31 декабря, на основании которого мы включили в бюджетный план строительство всех остальных подводных лодок, которые надлежало построить, чтобы довести их количество до 100%. Однако, это ни в коем случае не означает, что строительство этих подводных лодок мы начали в 1938 году. Впрочем, мне кажется, что мы могли бы приступить к их строительству ранее, так как речь идет о том, что в таком-то и таком-то году мы должны иметь столько-то и столько-то готовых подводных лодок. Это об"яснение, пришедшее мне в голову в связи с упоминанием о "Бюджетном отделе военно-морского флота", я считаю совершенно правильным.

11352

H1203 – 0031

H1203 – 0032

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: У Трибунала имеется эта формулировка: "до 1938 года", я не буду спорить с Вами по этому вопросу, слова говорят сами за себя.

Я хотел бы, чтобы Вы обратились к документу Д/855, который пред"является под номером ВБ-461. Это выдержка из лекции, прочитанной тем человеком, о котором я только что говорил, господином Тиле, на курсах усовершенствования офицеров административной службы ВМФ, в Праге, 12 июля 1944 года.

Выдержка, которую я хочу сейчас огласить, находится на 22-й странице; она озаглавлена "План строительства судов". Вы нашли это место? Это страница 22, заголовок "План строительства судов". Вы видите абзац, который начинается словами: "Эра мощного развития военно-морского флота наступила поэтому с момента захвата власти. Уже в первый же год после этого, в марте 1935 года, началось строительство линкоров водоизмещением в 27 тысяч тонн. Одно из таких судов было начато строительством. Таким образом, один из пунктов Версальского договора, которые были особенно важны для нас, был тотчас же нарушен в области военно-морского флота, причем в такой форме, что через некоторое время стало невозможно скрывать это нарушение".

Был ли прав интендант флота Тиле, говоря это в своей лекции?

РЕДЕР: Конечно, это было нарушением, но я уже говорил здесь довольно подробно о том, что здесь имеется ввиду не строительство новых линейных кораблей, а ввод в действие обоих „карманных" линкоров, на которые мы получили соответствующее разрешение, и что Гитлер в 1934 году дал мне

разрешение несколько увеличить мощность этих кораблей , несколько усилить их броню. Из этого я делаю вывод, что только в марте 1935 года, когда заключение соглашения стало совершенно очевидным, т.е. была полная уверенность в том, что несколько месяцев спустя Англия разрешит нам строить такие корабли в соответствии с договором, фюрер утвердил планы строительства 26.500-тонных кораблей, и мы приступили к постройке судов, которые по новой программе должны были стать первыми линейными кораблями. Только в этот период мы начали снаряжение кораблей орудиями 3,28 мм калибра, т.е. орудиями наступательного характера, на что он не давал своего согласия в 1934 году.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Очевидно, этот человек в большей степени согласен с Вами, чем другие. Посмотрите на то, что он говорит через два предложения по поводу подводных лодок. Он заявляет: "Подводные лодки строились по частям, поскольку факт их строительства ни в коем случае не должен был стать известным внешнему миру. Эти части до поры до времени хранились и их оставалось лишь собрать после того, когда будет об"явлена отмена военных условий Версальского договора".

Разве интендант флота Тиле неправ, говоря об этом?

РЕДЕР: Да, он был прав, мы это тоже признавали.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Тогда рассмотрим следующий затронутый им вопрос.

РЕДЕР: Быть может, я мог бы дополнить свое об"яснение.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Постарайтесь сделать это как только можно короче. Я не хочу ограничивать вас во времени, но будьте как можно более кратким.

11354

H1203 – 0033

H1203 – 0034

РЕДЕР: Я буду краток, но я должен защитить себя. Итак, мы строили части для подводных лодок заграницей и получили их лишь в начале 1935 года. Мы приступили к строительству подводных лодок только в тот момент, когда мы с уверенностью знали, что добьемся морского соглашения с Англией.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Вы говорите, что Вы с уверенностью ожидали заключения договора. Посмотрите, пожалуйста, на то, что он говорит дальше: "Третий пункт Версальского договора, из числа тех, которые были для нас наиболее неблагоприятны, касающийся ограничения личного состава 15.000 человек, был нарушен нами немедленно после захвата власти. Весь личный состав военно-морского флота уже в 1934 году равнялся 25.000 человек, а в 1935 - в год заключения Лондонского соглашения - достигал 34.000 человек".

РЕДЕР: Так точно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Разве интендант флота Тиле неправ в этом вопросе? Это правильно?

РЕДЕР: Так точно. Конечно, мы должны были своевременно подготовить необходимое нам количество персонала для того, чтобы можно было увеличить военно-морской флот.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу, чтобы вы сейчас на несколько минут обратились к документу, который находится на странице 3-й 10-й книги документов. Вы сослались на него во время Вашего прямого допроса. Это - документ С-23, о тоннаже "Шарнхорста", "Гнейзенау", "Тирпица", "Бисмарка" и других судов.

Вы знакомы с этим документом? Мы его уже рассматривали.

11355

РЕДЕР: Так точно. Я знаком с этим документом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Этот документ датирован 18 февраля 1938 года. Германия не денонсировала англо-германского военно-морского договора до тех пор, пока Британия не дала Польше гарантий в апреле 1939 года, т.ф. на 14 месяцев позже. Почему Вы просто не послали уведомления Великобритании о том, что водоизмещение судов на 20 процентов превысило норму, установленную договором, в связи с оборонительным характером строительства? Почему Вы не сделали этого?

РЕДЕР: Я теперь уже не могу этого сказать. Недавно мы говорили о том, как путем небольших изменений постепенно увеличился тоннаж, что принесло нам только вред.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, подсудимый, я действительно хорошо помню об этом. Мы знаем, почему водоизмещение судов оказалось больше установленной нормы, и я не думаю, что вы повредите себе, если не будете повторять этого. Посмотрите на конец этой страницы, где, как мне кажется, вы найдете причину увеличения вдоизмещения, которую Вы не можете вспомнить, не так ли? "По мнению IУ управления было бы совершенно неправильным представить сведения о тоннаже, который будет превышать те данные о состоянии тоннажа, которые вскоре могут быть опубликованы Англией, Россией или Японией, с тем, чтобы нас не упрекали в том, что мы проводим лихорадочное вооружение". Разве не в этом заключается причина?.

РЕДЕР: Так точно. Это было предусмотрено для будущего. Мы ни в коем случае не должны были создавать впечатления, что мы увеличиваем наступательную мощь наших судов.

11356

H1203 – 0035

H1203 - 0036

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, сейчас я перейду к другой теме, и я хочу очень кратко и прямо, Вы сами увидите, что так будет лучше, изложить здесь то, что Обвинение вменяет Вам в вину, а именно, что в течение 20 лет, с 1918 до 1938 года, вы и германский военно-морской флот были заняты всеоб"емлющим хладнокровным и преднамеренным нарушением ваших обязательств, включенных в договоры. Вот на что я Вам сейчас указывав. Вы понимаете меня? После пред"явления Вам этих документов, Вы отрицаете, что дело обстояло именно так?

РЕДЕР: Да, конечно. Однако, это не было каким-то хладнокровным мероприятием. Обходя положения Версальского договора, мы стремились увеличить обороноспособность своей страны в большей степени, чем это предусматривалось Версальским договором. Я уже указывал здесь, что Версальский договор предусматривал как раз такие ограничения, которые неблагоприятно отражались на обороноспособности нашей страны и были выгодны для подготовки агрессии извне. Что касается кораблей, то мне хотелось бы добавить, что речь шла о разрешении строительства относительно малого количества судов, и мы поэтому по возможности стремились усилить нашу способность оказывать сопротивление, следовательно, усилить безопасность морских границ и боевые качества кораблей. Мы никогда чрезмерно не увеличивали свою наступательную мощь, а придерживались рамок допущенного.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, я хочу, чтобы Вы поняли, на что направлена следующая серия моих вопросов. Я не хочу, чтобы здесь было что-либо неправильно понято.

Я сейчас хочу указать вам на то, что эти нарушения договора и Ваши военно-морские планы предусматривали сначала возможность, а впоследствии—вероятность войны. Я хотел бы, чтобы вы взяли тот же документ, который я сейчас рассматривал, С-23. Мы начнем с него, а потом перейдем к следующему документу. Посмотрите, пожалуйста, на 5 страницу IO-й книги документов. Вы найдете там меморандум, как мне кажется, комитета по планированию, направленный командующему флотом адмиралу Карлсу. Вы заявили, что считаете его очень хорошим офицером и фактически при выборе своего преемника вы прежде всего останавливались на нем. Этот меморандум датирован сентябрем 1938 года и является совершенно секретной рецензией на труд, посвященный вопросам морской стратегии в войне против Англии. Как Вы видите, в пункте "а" сказано:

"Я полностью согласен с основными соображениями этого труда".

Обратитесь теперь к первому абзацу.

"Если, согласно решению фюрера, Германия должна достичь положения мировой державы, она нуждается не только в достаточном количестве колониальных владений, но также и в безопасности военно-морских коммуникаций и в безопасном доступе к океану".

Вы согласны с этим, подсудимый?

РЕДЕР: Да, это так, я знаю весь этот документ.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Обратитесь теперь к пункту "2".

11358

H1203 – 0037

H1203 – 0038

"Оба эти требования идут в разрез с интересами Англии и Франции и в случае их удовлетворения ограничат положение этих стран как мировых держав. Мало вероятно, что это может быть достигнуто мирным путем. Поэтому решение превратить Германию в мировую державу накладывает на нас необходимость вести соответствующие приготовления к войне".

Вы согласны с этим?

РЕДЕР: Да, это все верно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Давайте обратимся теперь к пункту "3".

"Война против Англии означает в тоже время войну против империи, против Франции и, возможно, против России, так же, как и против большого количества стран за океаном, т.е. фактически против половины или даже двух третей всего мира".

Мне нет необходимости спрашивать Вас по этому поводу, так как факты подтвердили это.

ПОСМОТРИМ дальше:

"Это может быть оправдано только ..."

РЕДЕР: Да, но я должен высказаться по поводу этого документа.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, конечно, простите. Мы так быстро продвигались вперед, что я думал, что никаких об"яснений по этому поводу дано не будет.

РЕДЕР: Как здесь неоднократно упоминалось, в 1938 г. отношение фюрера к Англии несколько ухудшилось, несмотря на все усилия генерала Бломберга и мои попытки внушить ему обратное и убедить его в том, что с Англией мы можем продолжать жить в мире. Несмотря на это, фюрер приказал провести подготовку на тот случай, если Англия в один прекрасный день выступит против осуществления его планов.

Сам он никогда не думал инсценировать агрессивную войну против Англии по своей собственной инициативе; тем менее думали об этом мы, представители военно-морского флота, так как я уже указал, что я не предпринимал ничего, кроме попыток отговорить его от этого. В 1938 г. он приказал нам составить план операций против Англии и представить ему сведения о том, в чем мы нуждаемся для этих операций. Было принято, что руководство вооруженными силами детально разрабатывало планы оборонительных действий на случай войны с той или другой державой, так что и этот план был обычным теоретическим рассуждением. Проект был составлен, и я доложил фюреру, что мы никогда не сможем поднять мощь наших вооруженных сил на такую высоту, чтобы с расчетом на успех выступить против Англии. Было бы безумием утверждать обратное. Я сказал ему, что до 1944/45 г.г. мы можем создать небольшую отдельную ударную группу, при помощи которой мы могли бы начать торговую войну с Англией, например, напасть на ее океанские торговые пути, но мы никогда не будем в состоянии действительно победить Англию. Этот проект, составленный под моим руководством в главном штабе военно-морского флота, я направил генерал-адмиралу Карлсу, очень компетентному в этих вопросах. Он счел себя обязанным остановиться во введении к своему ответу, в котором он полностью соглашался с нами, на последствиях такой войны против Англии, а именно на том, что вследствие этого вспыхнет вторая мировая война, нежелательная как для него, так и для нас, представителей военно-морского флота, а также и для любого представителя вооруженных сил. По моему, для Гитлера она была также нежелательна. Отсюда и это

11360

H1203 – 0039

H1203 – 0040

высказывание. Он сказал, что если мы вынуждены вести войну с Англией, тогда, в первую очередь, мы должны иметь доступ к Атлантическому океану и, во-вторых, должны повести морскую войну против торгового флота Англии в Атлантике. Он не говорил о том, что мы должны предпринять такую опе" рацию по собственной инициативе, но он высказал свои соображения на тот случай, если такая война разразится против нашей воли. Мы были обязаны продумать эту возможность.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Он говорит, что "Война против нее", т.е. война против Англии, "... может быть оправдана и может иметь успех только в том случае, если она будет подготовлена экономически так же, как в политическом и военном отношении". Затем Вы говорите: "И будет вестись с целью завоевания для Германии выхода к океану".

Я хочу узнать, каким образом Вы к этому готовились.

РЕДЕР: Да, это совершенно ясно и правильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Давайте посмотрим, как Вы начали вести экономическую подготовку. Начнем с этого, поскольку Вы выдвигаете это как первый пункт.

Обратитесь, пожалуйста, к документу С-29, который находится на странице 8.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, быть может, нам сейчас лучше об"явить перерыв, прежде чем переходить к этому вопросу.

/Перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я сказал Вам, подсудимый, что я, далее, хочу Вам задать вопрос по поводу документа С-29, находящегося на странице 8 книги документов № IO и на страницах I3-I4 немецкой книги документов. Как Вы помните, этот документ содержит общие указания по поводу экспорта, данные военно-морским флотом военной промышленности Германии...

РЕДЕР: Так точно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Когда мы говорили об этом документе, Вы сказали нам, что Вы не хотели, чтобы Ваш аппарат разменивался на мелочи, занимаясь вопросами, не имеющими особой секретности. Однако Вы добавили, что Ваша общая политика заключалась в том, чтобы германские фирмы, производившие вооружение, расширяли свою внешнюю торговлю с тем, чтобы они имели возможность выполнять повышенные требования германского военно-морского флота в как можно более сжатые сроки. Это правильно? Я верно передал сущность Вашей политики или Вы хотите, чтобы я повторил то, что сказал?

РЕДЕР: Да, но по этому поводу необходимо сказать, - и это я говорил в двух местах, - что в тот период мы надеялись на ослабление условий Версальского договора, так как во время переговоров о разоружении для этого был самый благоприятный момент. Кроме того, у нас уже были тогда кабинеты Папена и Шлейхера, которые, хорошо понимая потребности вооруженных сил, боролись за наши интересы на конференции по разоружению. Ожидавшийся поворот в политике носил совершенно законный характер и, с другой стороны, вся наша промышленность очень мало занималась производст-

11362

H1203-0041

H1203 – 0042

вом вооружения. Поэтому ее нужно было развить. Подчеркиваю еще раз, что это не имело никакого отношения к гитлеровскому режиму и что этот закон случайно вышел в свет 31 января.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я не думаю, что Вы в действительности не согласны со мной, что целью Вашей политики, Вашей широкой экономической политики в области германской промышленности вооружения было развивать экспорт, таким образом, чтобы иметь возможность справиться в ближайшие годы с увеличивающимися внутренними потребностями. Именно эту точку зрения Вы защищали, не правда ли? Вы утверждали, что германская промышленность вооружения должна немедленно расширить свои операции по экспорту для того, чтобы иметь возможность удовлетворять увеличивающиеся требования внутри страны, когда эти требования возникнут. Разве это неправильно?

РЕДЕР: Да, это правильно. Однако, я Вас не понял: Вы говорите о собственно торговле или о торговле железом? Не понимаю этого слова.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: О внешней торговле.

РЕДЕР: О внешней торговле... Да. Мы хотели добиться, чтобы наша промышленность могла конкурировать с промышленностью других стран, чтобы она имела тоже преимущества и могла укрепиться. Это совершенно очевидно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Так, теперь я попрошу Вас обратиться к документу С-135, который находится на стр.21, простите, милорд, на 20 странице английской книги документов и на 73 странице немецкой книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это книга 10-я.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, это книга IO, милорд. Итак, Вы помните этот документ? Вы на него ссылались? Вы сказали...

РЕДЕР: Да, об этом документе говорится в афидевите Ломана.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, это тот самый документ, из... Мне кажется, что, судя по датам, которые я представил Вам несколько минут тому назад, он относится к апрелю I933 г. Давая Ваши показания, Вы заявили Трибуналу, что, по всей вероятности, имелся в виду I938 год и что имеется в виду тот самый период, который мы рассматривали ранее.

РЕДЕР: Здесь упоминается I938 год, причем упоминается неоднократно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Было ли это упомянуто в каком-нибудь из документов Веймарской республики? Я попрошу Вас обратиться к предпоследнему абзацу. Это на 74 странице, 2I странице английского документа. Это середина 3 параграфа.

"Рейхсканцлер Адольф Гитлер пред"явил совершенно ясные политические требования о необходимости построить в течение 5 лет, т.е. к I апреля I938 г., вооруженные силы, которые он "сможет бросать на весы как орудие своей политической власти". Правильно ли, что Гитлер пред"явил совершенно ясные политические требования?

РЕДЕР: Да, я припоминаю, что в I938 г. он потребовал составления какого-то пятилетнего плана и здесь имело место просто случайное совпадение, так как в I938 г. также был составлен план строительства кораблей. Эту директиву он, очевидно, составил для всех вооруженных сил, так как

H1203-0043

H1203-0044

в 1935 г. уже вступило в действие морское соглашение, согласно которому в отношении военно-морского флота мы должны были проводить вооружение по соотношению I:3, а не по каким-то особым планам.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вопрос, который я хочу у Вас выяснить, заключается в следующем: говорил ли Вам Гитлер, что он хочет бросить эти силы на весы, как орудие своей политической власти? Говорил он Вам об этом?

РЕДЕР: Сейчас я уже не могу припомнить, но мне кажется, что это чрезвычайно употребительное выражение. Обычно принято говорить, что вооруженные силы - это оружие, которое бросается на чашу весов во время политических переговоров, и мы нуждались в этом оружии, чтобы не быть больше мячом в руках других наций, каким мы были до сих пор. По-моему, - это выражение, не вызывающее никаких подозрений.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Т.е., если говорить прямо, Гитлер заявил Вам: "В 1938 г. я хочу располагать такими вооруженными силами, которые я сумею использовать во время войны в случае, если последняя станет необходимостью". Вот что это означало, не правда ли? И именно таким образом Вы это тогда понимали, не так ли?

РЕДЕР: Нет, о войне вообще не было речи. Говорилось о том, что в окружении других наций мы должны быть такими сильными, чтобы нас не могло смести неожиданное нападение противников.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Если бы кто-нибудь попытался столкнуть Вас с пути, Вы вступили бы с ним в борьбу, не правда ли?

РЕДЕР: Совершенно верно и совершенно ясно, что в том случае, если бы на нас напали, мы должны были уметь обороняться.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Давайте в качестве первого примера рассмотрим вопрос о том, когда, по Вашему предположению, должна была начаться борьба. Попрошу Вас обратиться к книге документов IO-а, документ С-I40, на I04 странице английского перевода и на I57 странице немецкого текста. Как Вы помните,-это директива фельдмаршала фон Бломберга относительно ухода Германии с конференции по разоружению и выходе из Лиги Наций. И тут содержатся весьма полные общие директивы о том, какие военные меры Вы должны были предпринять, если бы члены Лиги Наций применили против Вас санкции. Другими словами, Вы были полностью готовы...

РЕДЕР: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: ... к ведению войны, которая могла ~~могущей~~ возникнуть в результате этой мирной политики. Ведь это так, не правда ли? Именно об этом говорится в директиве. Она содержит указание на все подготовительные меры для ведения борьбы?

РЕДЕР: Насколько мне помнится, эта подготовка была проведена одиннадцать дней спустя после нашего ухода из Лиги Наций, и поэтому совершенно ясно, что фюрер считал, что если в ответ на этот выход из Лиги Наций, являвшийся совершенно мирным актом, последуют мероприятия или санкции военного характера, то мы должны будем обороняться, а так как это нападение было возможно, мы должны были провести соответствующую подготовку.

11366

H1203 – 0045

H1203 – 0046

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Таким образом, подсудимый, Вы сознавали, что уже в октябре 1933 г. внешняя политика Гитлера могла немедленно привести к войне, не так ли ?

РЕДЕР: Нет, я совершенно не считал возможным, что уход из Лиги Наций, где с нами всегда обращались очень несправедливо, потому что у нас не было силы для защиты своих интересов, может повлечь за собой об"явление войны со стороны какой-либо державы. Несмотря на это, было правильно, что мы считались с возможностью начала такой войны.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Этого для меня совершенно достаточно. Теперь давайте снова обратися к той-же книге документов, к документу С-153, на странице 107 английского текста, на странице 164-167 немецкого текста. Это, как Вы припомните, Ваш план по вооружению на период третьей стадии вооружения. Я хотел бы, чтобы Вы прежде всего обратились к параграфу 3.

В пунктах "а" и "б" параграфа 3 Вы излагаете общие основы Ваших мероприятий. Пункт "а" содержит основные положения для командующих по руководству операциями. Пункт "б" содержит ясную картину того, что может быть достигнуто военными средствами, которыми в данный момент располагает Германия. Он предназначен для политических руководителей.

РЕДЕР: Совершенно ясно, что такой план должен преследовать эту цель.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Там также говорится, что политические руководители должны планировать свою деятельность в соответствии с тем, какими вооруженными силами будет располагать Германия на случай войны. Вы тогда предусматривали именно это, не правда ли?

РЕДЕР: Это же само собой разумеется. Я доложил фюреру, что в этом году я могу привести в боевую готовность определенное количество боевых единиц, и это необходимо было знать главе государства, так как он должен знать, на что он может расчитывать. Однако, это не имеет никакого отношения к планам агрессивной войны. Это происходит во всех государствах. С другой стороны, я не могу говорить политическому руководителю о том, сколько мы должны иметь; я ему могу докладывать лишь о том, сколько я могу обеспечить. Я делаю только то, что необходимо и что делается в каждом государстве.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Прошу Вас посмотреть на параграф 7.

Я не собираюсь спорить с Вами по вопросу о том, строит ли государство свою внешнюю политику на каких-либо других основах, кроме войны, и не собираюсь подвергать это обсуждению. Попрошу Вас обратиться к параграфу 7.

"Все теоретические и практические подготовительные мероприятия варианта "Б" должны проводиться таким образом, чтобы, прежде всего, имелась в виду готовность к войне без установления предварительного срока нападения". Это означало, что Вы в той степени, в какой это касалось военно-морского флота, должны были быть готовы к немедленному переходу на военное положение, т.е. суметь немедленно перевести военно-морской флот на военное положение. Разве это неправильно?

РЕДЕР: Нет. Здесь речь идет о той последовательности, в которой должны были проводиться эти дозволенные мероприятия. Этот план вооружения предусматривал все то, что

11348

H1203 – 0047

H1203 - 0048

было крайне необходимо для военно-морского флота, и надо было создать такое вооружение, которое можно было бы сейчас же применить, то-есть нужно было создать такой флот, который был бы спущен на воду и все время находился бы в боевой готовности. Этот флот, эти боевые единицы должны были обеспечиваться в первую очередь, а затем уже можно было обсуждать вопрос о размещении и т.д., о том, что не имело непосредственного отношения к боевым операциям.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Мне казалось, что именно это я Вам говорил, т.е. что флот должен был быть готов, должен был находиться в состоянии готовности к войне. Однако, Вы изложили Вашу точку зрения на этот вопрос.

Будьте любезны теперь обратиться к 68-й странице книги документов № IO. Это страница 285 немецкой книги документов. Это документ С-189, милорд.

Нет, милорд, мне кажется, что это страница 66 IO-й книги документов, т.е. другая страница. Да, это страница 66. Простите, я назвал 68 страницу, но в немецкой книге документов это 285 страница.

/К подсудимому/

Теперь я хочу поднять вопрос, которого Вы касались во время Вашего прямого допроса и постановку которого я должен оспаривать. Вы говорите во втором абзаце:

"Главнокомандующий английским военно-морским флотом выражает мнение, что впоследствии" - я прошу Вас обратить внимание на слово "впоследствии", - "флот так или иначе должен будет использоваться против Англии и что поэтому, начиная с 1936 г., и впредь необходимо вооружать крупные суда 350 мм. пушками".

Теперь Вы заявляете Трибуналу, что слова "геген Энгланд" /против Англии/ не употребляются в смысле "с враждебными намерениями", или в смысле "направлены против", или "в борьбе против", а означают лишь "в сравнении с чем-то". Вы серьезно заявляете об этом, не так ли?

РЕДЕР: Я уже говорил здесь, что в отношении вооружения нашего флота мы должны были по кому-то равняться; до сих пор мы равнялись по французскому военно-морскому флоту, который был вооружен 330 мм орудиями. Позднее Англия увеличила калибр своих орудий до 356 мм. Затем Франция вооружила свой флот орудиями калибром 380 мм. Тогда я сказал фюреру, что нашими 280 мм. орудиями, с которыми мы думали противостоять Франции, противостоять кораблям типа "Дюнбек", мы не можем обойтись, мы должны взять на вооружение орудия следующего калибра, т.е. 356 мм. орудия, так как французы увеличили калибр своих орудий до 380 мм, и мы со своими кораблями типа "Бисмарк" едва успевали за Францией. Такие сравнения калибров и типов кораблей были обычным явлением в повседневной работе.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы все это говорили нам прежде, мой вопрос чрезвычайно прост. Этот документ является немецким подлинником и слова "против Англии" означают совершенно то же, что они означают в Вашей песне "Вир фарен геген Энгланд" /Мы уходим в плавание против Англии/. Это значит "против" - "с враждебными намерениями", "направлено против", а не "по сравнению с ". Вот что я хочу Вам сказать. Это очень короткая и ясная мысль.

Вы заявляете Трибуналу, что "геген Энгланд" /против Англии/ значит "по сравнению с Англией"?

H1203-0049

H1203 – 0050

РЕДЕР: Об этом я скажу, ведь там говорится: "планировать операции против Англии", но ведь в тот момент мы еще не заключали морского соглашения, и я, конечно, не намеревался вести враждебную по отношению к Англии политику.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Обратитесь к следующей странице, документ С-190, 67-я страница английской книги документов, 284 страница немецкой книги документов. Здесь помещена Ваша беседа с Гитлером 2 ноября 1934 г., во время которой Вы обсуждали вопросы об увеличении сметы военно-морского флота и о необходимости ~~в~~ крупных денежных средствах. Я хочу, чтобы Вы посмотрели на конец первого абзаца, в котором приводятся соображения, которыми руководствовался Гитлер.

"Он считал жизненно необходимым, чтобы военно - морской флот был увеличен, согласно предусмотренному плану" - теперь внимательно смотрите, - "поскольку никакая война не будет возможна, если военно-морской флот не будет в состоянии обеспечить наши коммуникации для безопасности транспортировки импортной руды из Скандинавии".

Вы все еще заявляете Трибуналу, что, начиная с 1934 г., Вы не замышляли войны? Если это так, то почему Гитлер говорил таким образом? Ведь это являлось одним из самых важных моментов германской военно-морской стратегии.

"Никакая война не будет возможна, если военно-морской флот не будет в состоянии обеспечить наши коммуникации для безопасности транспортировки импортной руды из Скандинавии".

Разве Вы не замышляли войны уже в ноябре? Разве это не так?

РЕДЕР: Гитлер сказал: „Военно-морской флот строится для того, чтобы в случае, если война будет необходима, если надо будет защищать родину, этот военно-морской флот мог ~~он~~ выступить со своим оружием в защиту своей родины". Он только для этого и строился, и эта идея была одним из общих оснований, которые оправдывали существование военно-морского флота в Германии. Ведь многие считали, что военно-морской флот вообще не нужен.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Видите ли, я говорю Вам о следующем: Вы заявили Трибуналу, что военно-морской флот имел перед собой исключительно оборонительные задачи, что Ваши подготовительные мероприятия носили исключительно оборонительный характер. Я утверждаю, что Гитлер в данном высказывании замышлял войну и намечал задачи военно-морского флота во время этой войны за несколько месяцев до того, как он собирался денонсировать военные пункты Версальского договора.

Вы все были готовы к войне, если бы она явилась необходимостью, и Вы это знали. Разве не таково было положение вещей?

РЕДЕР: Это - полное искажение моих слов, господин обвинитель. Безусловно, в мирное время необходимо обдумывать всевозможные случаи, когда придется прибегать к вооруженным силам для того, чтобы обороняться, так как в то время никто не думал об агрессивных войнах, а следовало уяснить себе отдельные задачи. Несомненно, задачей военно-морского флота во время войны было обеспечение подвоза железной руды из Швеции и Норвегии. В соответствии с этим и следовало строить наш флот.

11372

H1203-0051

H1203 – 0052

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Прошу Вас посмотреть на следующую фразу во втором абзаце: "Затем я указал, что желательно будет закончить сборку 6 подводных лодок к тому времени, когда возникнет критическая политическая ситуация в первом квартале 1935 г."

Таким образом, Вы готовились к критической политической ситуации?

РЕДЕР: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Давайте посмотрим, что Вы делали в 1936 г. Передайте, пожалуйста, подсудимому и доктору Зимерсу документ Д-806.

Это Ваш отчет, датированный 11 ноября 1936 г., в котором рассматриваются вопросы, связанные с программой строительства подводных лодок. После первого абзаца, во втором абзаце Вы говорите следующее:

"Военная и политическая ситуация настоятельно требуют, чтобы мы немедленно приступили к увеличению нашего подводного флота и закончили это мероприятие как можно скорее, затратив на его выполнение всю энергию, поскольку подводный флот является особенно ценной частью нашего вооружения на море и обладает специфическими возможностями, как ударная сила".

Заявляете ли Вы, что то, к чему Вы тогда призывали, имело исключительно оборонительный характер и что у Вас даже и в мыслях не было использовать специфические возможности той ударной силы, которая могла потребоваться во время войны?

РЕДЕР: Насколько мне помнится, в то время из общей политической ситуации я делал вывод о необходимости поставить строительство подводного флота на первый план. Но я никогда не считался с возможностью того, что мы начнем войну по своей инициативе. Мне всегда об этом говорил Гитлер; но он проводил свои политические мероприятия и, конечно, эти политические мероприятия могли привести к войне, если бы другие державы не выступили против них. Между прочим, меня упрекали тогда в том, что я слишком медленно производил строительство подводных лодок и не ускорял его.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы достаточно ясно подчеркиваете это здесь, не правда ли? "В связи с военной и политической ситуацией". Вас полностью информировали о политической ситуации и Вы соответствующим образом приспосабливали свое военно-морское вооружение. Разве не так?

РЕДЕР: Я в то время не только ничего не знал о том, что случится позднее, но я узнал о том, что мы заняли Рейнскую область только в год ее занятия; тогда же я узнал также и о том, что Гитлер ввиду этого занятия Рейнской области видел на горизонте скопления черных туч, которые угрожали нам, и поэтому приказал нам проявлять чрезвычайную осторожность. Он заявил, что надо быть готовым к осложнениям. Поэтому-то в 1936 г. и был издан специальный указ. Этими соображениями обуславливалась моя осторожность. Я считал своим долгом вести самое детальное наблюдение и соответственно этому наблюдению и своим выводам я укреплял свой флот. Под этим углом зрения следует рассматривать данный документ, по которому Вы мне не задали ни одного вопроса.

11274

H1203 – 0053

H1203 - 0054

Если я запрашивал разрешение на постройку 6 подводных лодок на случай политических осложнений в начале 1935 г., когда еще не было заключено морское соглашение /оно было подписано в июне/, то это тоже относилось к возможным осложнениям, а я уже знал тогда о готовящемся об"явлении восстановления военного суверенитета в 1935 г.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы заявили нам о том, что Вам было известно в 1936 г. Давайте теперь перейдем к 1937 г. Я хочу точно знать, что Вы говорите по этому поводу. Это, конечно, как Вы помните, вернет нас к документу Госбаха № 386-ПС, который находится на 81 странице 10 книги документов, страница 314 немецкой книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, Вы не назвали номер этого последнего документа.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Очень Вам благодарен, милорд. Это документ ЕЕ-462.

Так, теперь я попрошу Вас... Вы нашли это место на странице 314 немецкой книги документов?

РЕДЕР: Назовите, пожалуйста, раздел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Прежде всего, я хочу спросить Вас по поводу последнего предложения в третьем абзаце. Здесь приводится следующее заявление Гитлера:

"Будущее Германии зависит поэтому исключительно от разрешения вопроса о необходимости жизненного пространства". Будьте добры теперь перевернуть 2 страницы и остановиться на странице 316. Милорд, это страница 83 английской книги документов. Здесь эта мысль повторяется. Милорд, это, примерно, на семь строк ниже. Гитлер здесь заявляет:

"Единственным выходом из создавшегося положения, и даже этот выход может показаться мнимым, является обеспечение большего жизненного пространства".

Далее он говорит: "История всех времен показала, что всякая территориальная экспансия возможна лишь путем преодоления сопротивления".

Затем в отдельном параграфе он говорит:

"Вопрос для Германии заключается в том, где можно захватить наибольшие пространства при наименьших затратах".

Вы нашли это на странице 316?

РЕДЕР: Разрешите мне начать с последнего? Здесь неправильный перевод...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да. Я как раз хотел просить Вас об этом. Я хочу, чтобы Вы сказали нам, слышали ли Вы, как Гитлер говорил, что это являлось общей проблемой - "захватить наибольшие пространства при наименьших затратах".

РЕДЕР: Нет, в английской книге документов сказано: "захватить", а в немецком документе этого нет. В немецком документе говорится:

"Нужно добиться наибольших результатов с наименьшей затратой сил". Здесь вообще нет речи о каких-либо захватах.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я готов согласиться с тем, что это следует за выдержкой, которую я только что привел Вам весьма подробно, потому что я не хочу ничего вырывать из контекста. Оценили ли Вы должным образом следующее заявление Гитлера: "Единственной возможностью для Германии является добыть для себя дополнительные жизненные прост-

H1203 - 0055

H1203 – 0056

ранства" и что этого необходимо было добиться за счет других наций. Он говорил это, не правда ли?

РЕДЕР: Да, он сказал так, и я уже недавно говорил здесь, как это следует понимать. Он говорил вообще об Австрии, Чехословакии и Судетской области. Мы считали, что он не намеревается менять свою политику, и действительно эта политика не была изменена, то-есть мы не выступили с войной ни против Чехословакии, ни против Австрии. Мы были убеждены, что он сумеет разрешить эти вопросы, так же как и все другие сложные политические проблемы, мирным путем. Я подробно говорил об этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Именно об этом я и собирался Вас спросить. Вы сами перешли к рассмотрению второго вопроса, на котором я хотел остановиться. В остальной своей части этот документ касается операций против Австрии и Чехословакии. Попрошу Вас обратиться к странице 86.

Я полагаю, Вы согласитесь со мной, что фельдмаршал фон Бломберг и генерал фон Фрич несколько охладили пыл Гитлера в отношении этих его планов. Разве я неправильно освещаю эти факты?

РЕДЕР: Да, правильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Этим они, скорее, показали свое отрицательное отношение к этим планам?

РЕДЕР: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Таким образом это имело место в ноябре 1937 г.?

РЕДЕР: Мы всегда говорили ему, что он ни в коем случае не должен доводить дело до войны с Англией и Францией, причем он всегда соглашался с нами. Однако я уже гово-

рил, что, произнося эту речь, он преследовал определенные цели, и поэтому во многих случаях допускал большие преувеличения; затем он сразу отказался от таких преувеличений, когда ему было указано на опасность войны с Францией и Англией.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Именно об этом я и хотел спросить Вас. Это было в ноябре. К январю фельдмаршал фон Бломберг уже вступил в свой неудачный брак, не так ли?

РЕДЕР: Пожалуй, это было в январе, однако, я не могу этого утверждать точно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И Вы придерживались той точки зрения, не так ли, что подсудимый Геринг побуждал его поступить таким образом?

РЕДЕР: Нет, этого я никогда не говорил.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Разве Вы этого не говорили?

РЕДЕР: Нет, я не говорил, что знаю об этом; да я и не был в этом убежден.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы помните, что Вы по этому поводу сделали заявление в Москве? Разрешите, я зачитаю Вам его.

РЕДЕР: Кому я сделал заявление? Простите...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Русским, в Москве.

"В 1938 году, в самом его начале, у меня были переживания личного характера, которые, несмотря на то, что они не касались военно-морского флота, непосредственно вызвали у меня потерю доверия не только к Герингу, но и к искренности фюрера. Положение, в котором оказался фельдмаршал фон Бломберг в результате своего несчастного

H1203 – 0057

H1203 – 0058

брака, сделало невозможным его дальнейшее пребывание на посту главнокомандующего вооруженными силами. Слишком поздно я пришел к заключению, что Геринг всеми силами стремился добиться поста главнокомандующего вооруженными силами вместо Бломберга.

Он поощрял этот брак, поскольку он делал Бломберга неподходящим человеком для занятия этой должности, в то время, как Бломберг полагал и даже неоднократно высказывался в том смысле, что подобный брак возможен при существовавшей системе. Геринг еще ранее установил за ним слежку, о чем я узнал из более поздних высказываний".

Разве Вы этого не говорили?

РЕДЕР: В Москве, непосредственно после поражения, я записал свои соображения о причинах этого поражения. Этот документ я писал в таких условиях, - со мной обходились истинно по-рыцарски,-что я без всяких колебаний сообщил об этом высшему генералу комиссариата внутренних дел, когда меня об этом попросили.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу только знать, правильно ли, что Вы это заявили?

РЕДЕР: Да. Я сделал эту запись. И совершенно верно, что впоследствии мне пришла в голову мысль, что Геринг способствовал этой женитьбе. Мне кажется, что он сказал мне здесь об этом сам. Он помог Бломбергу, так как он, очевидно, не знал, насколько все это усложнит общую обстановку.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Видите ли, в то время Вы придерживались той точки зрения, что Геринг поощрял этот брак потому, что он знал, что в результате его фон Бломберг

будет вынужден, как главнокомандующий, сойти со сцены, и что он это делал потому, что он, Геринг, хотел занять этот пост. Этой ли точки зрения Вы придерживались прошлым летом?

РЕДЕР: Да, прошлым летом я думал таким образом, и несомненно Геринг очень хотел стать главнокомандующим вооруженными силами, но фюрер сам расстроил его планы.

СЭР.ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо, все это касалось фон Бломберга. Нам известно, что с ним случилось. Вашим вторым кандидатом на этот пост после фон Бломберга был фон Фрич, не так ли? Вы полагали, что в случае ухода фон Бломберга лучшим его преемником на посту главнокомандующего явится фон Фрич, не так ли?

РЕДЕР: Так точно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы говорили об этом Гитлеру? И...

РЕДЕР: Да, он спросил меня, и я сказал ему, что я предложил бы барона фон Фрича, но фюрер сказал, что эта кандидатура неприемлема.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, но некоторые из них выдвигали против фон Фриче обвинение в том, что он педераст. Разве это не так? Именно по этой причине он не мог быть назначен на этот пост.

РЕДЕР: Да, он сказал, что он нарушил законы морали.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы входили в состав суда, разбиравшего это обвинение, не правда ли? Геринг был председателем суда, а Вы и фон Браухич его членами?

РЕДЕР: Так точно.

113 80

H1203 – 0059

H1203-0060

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И Вы пришли к выводу, что обвинение в гомосексуализме, выдвинутое против фон Фриче, является ложным и подстроено гестапо, не так ли? Вы понимаете, что я хочу сказать? Я боюсь, что слово "фрейм ап" /подстроить/ довольно трудно перевести точно.

РЕДЕР: Да, такое впечатление у меня создалось.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это об"яснялось тем, что донос исходил от какой-то темной личности, которая, как Вы считали, являлась одним из "прихвостней" гестапо. На суде были выявлены факты сотрудничества гестапо с обвинителем, не так ли? Это ведь правильно? Вы пришли к этому выводу в ходе судебного процесса?

РЕДЕР: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И Вы согласны с тем, что не произошло ~~не~~ никакой путаницы, а что виновным оказался капитан кавалерии ротмистр фон Фрич, а совсем не этот генерал. Это ведь правильно, не так ли?

РЕДЕР: Да, я с этим согласен. Мы доказали невиновность фон Фрича и оправдали его, так что не осталось никаких подозрений в его честности.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы оправдали его, однако, он не был восстановлен в должности? За его оправданием не последовало его восстановления на занимаемом им военном посту?

РЕДЕР: Нет. Я пошел к нему, так как я был с ним в дружественных отношениях, и спросил его, согласится ли он на то, чтобы я пошел к Гитлеру и попросил его восстановить барона Фрича в должности. Однако, Фрич ответил, что он считает это совершенно невозможным, так как авторитет его настолько поколеблен, что ему не хотелось бы снова брать

на себя должность и обязанности главнокомандующего. После этого, к сожалению, я ничего не мог поделать. Я доложил о об этом фюреру, но это осталось без последствий. Фюрер, со своей стороны, на собрании генералов и адмиралов заявил о полной невиновности барона Фрича.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Сделали ли Вы следующее заявление в связи с инцидентом, который произошел с фон Фричем:

"Я был убежден, что Геринг приложил руку к этому хорошо подстроенному делу, поскольку для того, чтобы добиться своей цели, ему необходимо было устранить любого возможного преемника фон Бломберга".

Вы помните, что Вы говорили это?

РЕДЕР: Я не припоминаю этого, но, очевидно, это так. Однако в интересах справедливости я должен сказать, что оправдание г-на Фрича следует в первую очередь приписать Герингу. Свидетель, который выступал на этом процессе, давал настолько ложные показания и был в такой степени непоследовательным, каждые десять минут менял свои показания, что только Геринг мог справиться с ним. После того, что я наблюдал, я был очень рад, что не был назначен председательствующим, как того добивался министр юстиции. Я бы не справился с этими людьми. Только благодаря вмешательству Геринга это оправдание было достигнуто без всяких осложнений.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Мне кажется, что Вы сказали, свидетель, что, независимо от того, был ~~ли~~ он оправдан или нет, авторитет фон Фрича в германской армии, с его же точки зрения, был безусловно подорван в результате того, что против него было выдвинуто подобное обвинение. Таков

H1203 – 0061

H1203 - 0062

был результат этого, не правда ли?

РЕДЕР: Да, так считал барон фон Фрич. Во всяком случае, будь я на его месте, я все же настоял бы на том, чтобы быть снова главнокомандующим, если бы я был полностью оправдан, как он.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Не поразило ли Вас то обстоятельство, что два человека, которые 5 ноября пытались увести Гитлера с того пути, который мог привести к войне, на протяжении двух месяцев были обесчещены? Не показалось ли это Вам странным?

РЕДЕР: Это не показалось мне странным и эти факты, безусловно, не связаны друг с другом. Если бы Гитлер считал, что необходимо удалять людей, занимающих высшие должности, если они возражают ему по такому вопросу, то он должен был бы давно снять меня. Однако, он мне об этом ничего не говорил и я никогда не замечал, чтобы он говорил что либо подобное в тех случаях, когда я ему противоречил. Как раз по вопросу об отношениях с Англией и Францией я неоднократно указывал, что не следует допускать войны, но я никогда не замечал, чтобы он затаил на меня из-за этого злобу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Теперь давайте очень кратко рассмотрим этот вопрос. Через шесть недель после того, как Бломберг был обесчещен и фон Фрич смещен с должности, произошел аншлюсс Австрии.

Заявляете ли Вы Трибуналу, что Вам было неизвестно, что демонстративно производились подготовительные мероприятия военного характера к аншлюссу Австрии, мероприятия, которые описывал в своем дневнике генерал Иодль и о которых также говорил фельдмаршал Кейтель. Было ли Вам известно, что Австрии будут угрожать военным нападением?

РЕДЕР: Мне кажется, что я никогда не участвовал в совещании по вопросу об аншлюссе Австрии, так как я действительно не имел к этому ни малейшего отношения. Но мне хотелось бы раз и навсегда раз"яснить здесь, что о таких мероприятиях, как, например, об аншлюссе Австрии, я узнавал значительно позже, только после того, как фюрер издавал соответствующий приказ, и одна копия этого приказа, независимо от того, участвовал ~~ли~~ военно-морской флот в этих операциях или нет, направлялась мне, как главнокомандующему военно - морским флотом. Видимо, в этом случае я тоже получил копию такого приказа, который я должен был принять к сведению. Я не могу точно указать даты, но я подтверждаю, что такой приказ доводился до моего сведения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Видите ли, я говорю о следующем, и я не хотел бы напрасно тратить на это время. Я говорю, что 5 ноября Гитлер заявил, что он собирается получить Австрию не позже, чем в 1943-1945 г.г., или даже раньше, если представится благоприятная возможность. Через четыре месяца после этого, в марте 1938 г., он захватил Австрию после того, как избавился от людей, которые охлаждали тот пыл, с которым он проводил свои планы. Но если Вам об этом неизвестно, мы не будем тратить на это время и обратимся к Чехословакии потому, что по этому поводу Вами был получен декрет.

Вы найдете это на 163-й странице книги документов IO-A и на странице 276 немецкой книги документов. Здесь приводится список адресатов, которым рассылались директивы по поводу операций против Чехословакии. Эта директива ссылается на другую директиву от 24 июня и Вы увидите, что в

H1203 - 0063

H1203 – 0064

ней говорится о необходимости обеспечить ее проведение не позднее I октября 1938 года. Вам, как главнокомандующему военно-морским флотом, была направлена вторая копия этой директивы. Теперь, если Вы откроете страницу 146 английской книги документов, страницы 277-278 немецкого текста, где приводится сама директива, Вы увидите, что первая фраза первого абзаца, озаглавленного "Политические предпосылки", гласит:

"Моим непреклонным решением является в самом ближайшем будущем разбить Чехословакию путем проведения военных операций. Задачей политических руководителей является выбрать или подготовить для этого подходящий момент как с точки зрения политической, так и с точки зрения военной".

РЕДЕР: Я, к сожалению, не могу найти этой цитаты.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это первое предложение в директиве, первый абзац. Первая фраза после заголовка "Политические предпосылки": "Моим непреклонным решением является в самом ближайшем будущем разбить Чехословакию путем проведения военных операций".

РЕДЕР: Здесь все пронумеровано неверно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я очень сожалею. Это - страницы 277 и 278.

РЕДЕР: Так точно. Теперь я нашел. От какого это числа?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это было 28 мая 1938 года, т.е. примерно через 6 месяцев после совещания, на котором Вы присутствовали и на котором Гитлер заявил, что он нападет на Чехословакию при первой же возможности, которая ему представится. Разве это не заставило Вас думать, что речь

Гитлера в ноябре не была попросту пустословием, а являлась изложением его планов?

РЕДЕР: Нет. Все лето он неоднократно менял свои решения. Каждый месяц было новое решение. Это видно из документа 388-ПС. Мне кажется, что дело обстояло следующим образом: 10 сентября началась концентрация войск, в тот же день начались переговоры. 1 октября началось мирное вступление войск в Судетскую область после того, как другие державы в Мюнхене одобрили этот шаг. После Мюнхенских переговоров...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Все мы знаем об этом. Вопрос совершенно ясен.

РЕДЕР: Разрешите мне закончить.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: В мае уже были составлены планы и фюрер упоминал об этом в своих речах. Он говорил, что принял решение разгромить Чехословакию в конце мая, путем проведения военных мероприятий. Заявляете ли Вы Трибуналу, что, прочтя эту директиву, Вы все еще придерживались той точки зрения, что Гитлер не имеет агрессивных намерений? Вот мой вопрос.

РЕДЕР: Да, в конце мая.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Какие еще доказательства могли быть Вам нужны, помимо высказанного им самим намерения разгромить Чехословакию? Какие еще более явные доказательства были Вам нужны?

РЕДЕР: Но ведь он очень часто грозил кого-то разгромить, а впоследствии никого не громил. Он разрешал вопросы мирным путем, и я должен добавить, что 30 мая в Чехослова-

H1203 – 0065

H1203 – 0066

кии началась большая мобилизация и, мне кажется, что Гитлер был вправе провести эти мероприятия, так как эта мобилизация могла быть направлена только против Германии, и, как уже было сказано, его позиция и его решения изменялись в течение лета три или четыре раза и он говорил, что он оставляет за собой право... или что он хочет сделать это мирным путем, но не военными средствами.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Трибунал помнит документ 388-ПС в целом. Я не буду спорить с Вами по этому вопросу. Вы утверждаете, что это не убедило Вас.

Когда 15 марта 1939 года Гитлер вступил в Прагу, не показалось ли Вам тогда, что был какой-то смысл в том, что он говорил в своем интервью 5 ноября 1937 года, когда он оккупировал славянскую часть Богемии и Моравии и нарушил свое собственное правило "Германия для немцев"? Не пришло ли Вам тогда в голову, что, может быть, в ноябре он не просто шутил и занимался пустословием? Не так ли?

РЕДЕР: Он издал директиву, в которой говорилось, что на текущий год следует предусмотреть:

1/вопрос о готовности Германии к обороне на случай нападения извне;

2/вопрос о ликвидации остальной части Чехословакии в случае, если она поведет враждебную Германии политику.

Я вообще ничего не слышал о переговорах с Гаха и о принятом им решении произвести вторжение в Чехию. Я знал только, что он, согласно этой его директиве, хочет выступить против Чехословакии в том случае, если сама Чехословакия встанет на путь враждебной по отношению к Германии политики; позже из пропаганды мы узнали, что это так и произошло. К вступлению войск в Чехословакию и Судетскую область

я не имел никакого отношения, так как единственное, что мы могли выставить на этот случай, это была Дунайская флотилия, но и она для этой операции была подчинена командованию сухопутными силами, следовательно, я вообще не занимался этим вопросом. Никаких других военных приказов не было.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Таким образом Ваш ответ сводится к тому, что, когда Гитлер вступил в Прагу 15 марта 1939 года, Вы все еще продолжали думать, что у него не было агрессивных намерений? Вы хотите, чтобы Трибунал поверил именно этому заявлению с Вашей стороны? Не так ли?

РЕДЕР: Да, я настаиваю на этом, так как я считаю, что Гитлер не хотел вести войну с Чехословакией. Путем своих политических переговоров с Гаха и проведенных вслед за тем мероприятий он действительно разрешил вопрос таким образом, что никакой войны вообще не было.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Вы слышали, что подсудимый Геринг показал, что он заявил президенту Гаха о том, что его вооруженные силы будут бомбить Прагу, если Гаха не даст своего согласия. Если это не война, то во всяком случае нечто весьма близкое к войне, не так ли?

РЕДЕР: Да, это угроза.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо, давайте рассмотрим следующий период протяжением в два месяца. Если Вы в марте все еще не сознавали этого... 23 мая, когда Вы прибыли в имперскую канцелярию, там собралось 6 офицеров в высоких чинах, включая Вас. Гитлер сказал Вам, что он собирается дать Вам раз"яснение по поводу политической обстановки. Это раз"яснение заключалось в следующем: "Мы приняли решение напасть на Польшу при первой благоприятной возможности".

11388

H1203 – 0067

H1203 – 0068

Когда Вы услышали от него это заявление 25 мая, Вы все еще продолжали думать, что у него не было агрессивных намерений?

РЕДЕР: Я верил в это очень долгое время, точно так же, как генерал-полковник Йодль, который заявил об этом: после того, как он уладил чешский вопрос путем чисто политических мероприятий, следует надеяться, что и вопрос относительно Польши он разрешит без кровопролития. Я верил в это до последнего момента, до 22 августа.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Прошу Вас взглянуть - я не задержу Вас на этом долго - на документ Л-79, который Вы найдете, кажется, на странице 74, IO-й книги документов. Простите, это страница 298 немецкой книги документов. Прошу прощения. Я не собираюсь спрашивать Вас относительно этого документа, потому что Трибунал об этом уже слышал. Я попрошу Вас посмотреть на список присутствовавших там лиц - это страница 298 немецкой книги документов.

РЕДЕР: Да, я помню, кто присутствовал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Давайте посмотрим. Подполковник Шмундт, впоследствии генерал, главный адъютант Гитлера, был убит 20 июля 1944 года. Это так? Затем подсудимый Геринг, главнокомандующий военно-воздушными силами; Вы, в качестве главнокомандующего военно-морского флота; генерал-полковник фон Браухич, главнокомандующий сухопутными силами; генерал Кейтель, начальник ОКВ; генерал Мильх, заместитель Геринга; Гальдер, начальник штаба; Шнивинд, начальник Вашего штаба, и, наконец, Ешонек, который был, как мне кажется, начальником штаба или высшим...

РЕДЕР: Начальником штаба военно-воздушных сил.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да. Затем полковник Варлимонт, который был помощником генерала Иодля.

Как Вы думаете, для чего Гитлер собрал этих генералов, занимавших высшие командные должности, и заявил им: "Мы приняли решение напасть на Польшу при первой благоприятной возможности", если у него не было никаких агрессивных намерений? Зачем там собрались эти люди, если не для того, чтобы развязать войну?

РЕДЕР: Я уже раз"яснил, что они собрались, главным образом, для того, чтобы сделать чисто академические доклады о ведении войны и на основании этих докладов создать штаб для изучения вопросов, связанных с ведением войны, против создания которого всегда возражали командующие составными частями вооруженных сил. Должен отметить, что его первоначальное выступление было самым неясным из всех его речей, какие я когда-либо слышал по этому вопросу, и что он не издавал никаких директив в духе своих выступлений. Последние строки гласят: "Части вооруженных сил определяют все то, что следует еще создать. Программа судостроения не меняется, планы вооружения должны быть расчитаны на 1943 г. и 1944 г." Если он так говорил, то он не мог строить планы разрешения польского вопроса путем войны.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы заявляете Трибуналу, что, когда он сказал: "Мы не можем ожидать, что дело обернется таким же образом, как в Чехословакии; дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без кровопролития", - Вы не обратили на это никакого внимания? Вы серьезно заявляете Трибуналу, что Вы не обратили на это внимания?

H1203 – 0069

H1203-0070

РЕДЕР: Нет, я действительно не обратил на это внимания. Я постепенно все больше узнавал Гитлера, и мне была известна его привычка преувеличивать в речах все события.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: К этому времени Вы уже получили директиву о неожиданном нападении на Данциг в ноябре 1938 года. Вы уже получили директиву от 3 апреля о проведении "Варианта Вейсс" и Вы знали, что весь этот вариант уже готовился. Подсудимый, заявляете ли Вы серьезно Трибуналу, что после 23 мая у Вас оставались какие-либо сомнения в том, что Гитлер намеревался вести войну против Польши и был совершенно готов воевать против Англии и Франции, если они будут выполнять данные ими гарантии? Я говорю совершенно серьезно. Я хочу дать Вам возможность ответить на это до об"явления перерыва. Заявляете ли Вы, что у Вас были какие-либо сомнения в этой связи?

РЕДЕР: Да. Я ведь уже говорил здесь, что даже в августе сомневался в этом. Например, Вашей оценке данной речи, я противопоставляю речь, которую Гитлер произнес за несколько недель до этого по поводу спуска на воду линкора "Бисмарк", в которой он говорил только о мире истинной справедливости. Для меня эти речи были решающими. Именно из этой речи, которая здесь воспроизведена в таком запутанном виде, я не сделал вывода, о котором Вы говорите. И это подтверждается тем, что в течение лета я ни одним словом не намекал военно-морскому флоту о возможности возникновения войны той же осенью. Это было доказано и может быть подтверждено любым человеком. Я очень ценил Гитлера и считал его ловким и хорошим политиком. Когда 22 августа нам было сообщено о заключении договора с Россией, я был

убежден, что и эта проблема может быть решена мирным путем. Возможно, мне следует поставить в вину, что я переоценил Гитлера, но мне казалось, что я правильно оценивал его.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Как я понял, Вы заявляете, что даже 22 августа Вы не думали, что у Гитлера есть какие-нибудь агрессивные намерения. Вы действительно хотите это сказать?

РЕДЕР: Да. Это совершенно обосновано, так как у нас были большие шансы на союз с Россией. Он привел много оснований тому, почему Англия и Франция не выступят с войной против нас, и все мы, собравшиеся на совещание, почерпнули из его слов искреннюю надежду на то, что и на этот раз ему удастся решить вопрос мирным путем.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, не будет ли сейчас удобно об"явить перерыв?

/Об"является перерыв до I4 часов/

АД

11392

H1203 – 0071

H1203 – 0072

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 20 мая 1946 года.

/Вечернее заседание/.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, я стараюсь не отнимать напрасно времени. Что касается совещания от 22 августа, то, Ваша честь, может быть, помнит, что доктор Зимерс поднял вопрос о двух отчетах этого совещания. Первый отчет - это документы 1014-ПС и 789-ПС, второй отчет - адмирала Вэма. Я поручил сравнить английский и немецкий тексты с тем, чтобы обнаружить общие пункты в обоих текстах. Мне кажется, что наилучшим порядком будет, если я представлю эти документы. Пусть доктор Зимерс просмотрит немецкий экземпляр и в соответствующее время сделает свои замечания. Это будет лучше, чем тратить время на то, чтобы подвергать подсудимого перекрестному допросу относительно каких-либо расхождений в отчетах. Милорд, с разрешения Трибунала я представляю этот документ и передаю доктору Зимерсу соответствующий экземпляр, чтобы он имел возможность в соответствующий момент обратить внимание Трибунала на любые места текста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Адмирал Вэм составил отчеты?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, отчет, представленный Обвинением, содержится в обоих документах - 789-ПС и 1014-ПС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Был другой документ, который упоминался моим коллегой, г-ном Ольдерманом, но он не был предъ-

явлен. Этот отчет был написан журналистом, и был первым отчетом, находившимся у Обвинения, но когда получены оба отчета из архивов ОКВ, Обвинение не использовало этого первого отчета. Таким образом, у меня только эти два отчета из архивов ОКВ и отчет адмирала Бэма.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, но разве это не составляет в общем три документа, кроме того, который был оставлен в стороне?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд. И я сравнил каждый из них с отчетом адмирала Бэма.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Итак, я не буду продолжать этой беседы. Я думаю, что это сэкономит время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, я хотел бы, чтобы Вы взглянули на документ 789-ПС, который имеется на странице 261 книги документов 10-А, и на страницах с 438 по 440 этой книги документов на немецком языке.

Это протокол совещания от 23 ноября 1939 года, с Гитлером, на котором было приказано присутствовать всем главнокомандующим. Вы видите, это в начале на страницах 438-440? Тут говорится: "Всем главнокомандующим было приказано явиться". Вы присутствовали?

РЕДЕР: Да, это совещание происходило 23 ноября 1939 года, когда война уже началась.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да. Вы присутствовали на этом совещании.

РЕДЕР: Да, присутствовал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Какие еще главнокомандующие присутствовали на этом совещании?

H1203 – 0073

H1203 – 0074

РЕДЕР: Главнокомандующий сухопутными силами, главнокомандующий ВВС и много генералов сухопутных сил.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Обербефельсхабер ?

РЕДЕР: Да, но в армии...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Теперь я хотел бы, чтобы Вы взглянули на один абзац. Он начинается так:

"Через год началась кампания в Австрии. Этот шаг также считали рискованным".

Вы видите этот абзац?

РЕДЕР: Да, я нашел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Благодарю Вас. Прошу Вас взглянуть несколькими строками ниже. Здесь говорится:

"Это привело к значительному укреплению империи. Следующим шагом были Богемия, Моравия и Польша. Но этот шаг было невозможно совершить за один раз. Прежде всего нужно было закончить западный вал. Это было только частичное разрешение вопроса. Одним прыжком невозможно было достичь цели. Мне с первого момента было ясно, что я не мог удовлетвориться Судетской областью. Это было лишь частичное разрешение вопроса. Было принято решение вступить в Богемию. Затем последовало создание протектората, и тем самым была положена основа для завоевания Польши. Но в то время я еще не был уверен, должен ли я сначала выступить против Востока, а затем против Запада, или наоборот. В свое время Мольтке задумался над тем же самым. В силу необходимости первой, произошла война с Польшей.

Меня обвиняют в желании сражаться и вновь сражаться. В борьбе - я вижу судьбу всего живого. Никто не может избегнуть борьбы, если он не хочет быть посторонним. Для увеличивающегося населения требуется большее жизненное пространство. Моя цель

11325

заключается в том, чтобы создать логическое соотношение между численностью населения и пространством, которое это население занимает".

Что бы Вы до того времени ни думали, Вы тогда отдавали себе отчет в том, что сам Гитлер преследовал логическую и ясную цель, заключавшуюся в агрессии? Это видно из всех материалов, которые я предъявил Вам сегодня утром, не правда ли?

РЕДЕР: Да, но в тот период мы уже вели войну, и он делал своего рода обзор происшедших событий, и, кроме того, он хотел доказать генералам, с которыми он в это время находился в конфликте, что его политические соображения всегда правильны. Поэтому он еще раз остановился на всех этих отдельных моментах.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Теперь перейдем к странице 445-448, что соответствует 264-й странице английской книги документов, 445-448 страницы немецкого текста. Вы нашли это место?

РЕДЕР: Да, я прошу Вас огласить это место.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Абзац начинается следующим образом: "У нас имеется Ахиллесова пята: Рур".

РЕДЕР: Да, я нашел это место.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Посмотрите дальше, примерно в середину этого абзаца, Вы увидите следующее:

"Англия не может жить без своего импорта. А мы можем прокормить себя сами. Систематическое минирование моря у английского побережья поставит Англию на колени".

Вы нашли это место?

РЕДЕР: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Благодарю Вас. Теперь слушайте:

11396

H1203 – 0075

H1203 – 0076

"Однако это /поставить Англию на колени/ может быть достигнуто тогда, когда мы оккупируем Бельгию и Голландию. Это трудное решение для меня. Никто еще не достигал того, чего я достиг. Моя жизнь не играет при этом никакой роли. Я возвел немецкий народ на большую высоту, даже если мир и ненавидит нас теперь. Я ставлю все достигнутое на карту. Я должен избрать между победой и уничтожением. Я избираю победу - великое историческое решение, которое может быть сопоставлено с величайшим решением Фридриха Великого перед первой силезской войной. Пруссия обязана своим подъемом героизму одного человека".

Затем говорится еще многое о Фридрихе Великом и о Бисмарке.

"Мое решение неизменно. Я нападу на Францию и на Англию в самый благоприятный момент, в ближайшее время. Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет значения. Никто не будет нас спрашивать об этом, когда мы победим. Мы не будем обосновывать нарушения этого нейтралитета такими идиотскими причинами, какие были выставлены в 1914 году. Если не мы нарушим нейтралитет, тогда это сделают Англия и Франция. Не начав наступления, нельзя закончить войну победоносно".

Подсудимый, Вы помните, что это было точно через три недели после того, как 10 ноября были изданы планы "Гельб", т.е. планы нападения на Голландию и Бельгию? Вы это помните?

РЕДЕР: Мне известно, что этот вопрос обсуждался. Я знаю также, что мы уже воевали с Англией, поэтому не было необходимости обсуждать вопрос нападения на Англию и Францию...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы ведь были в состоянии войны с Голландией и Бельгией, не правда ли?

РЕДЕР. Разрешите мне докончить?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Простите, я думал, что Вы закончили.

РЕДЕР: Здесь говорится: "...если французская армия вступит в Бельгию, чтобы напасть на нас, то для нас будет слишком поздно. Мы должны ее опередить". В тот период Гитлер заявил, что у него имеются точные сведения о том, что Бельгия не сохранит нейтралитета, что уже предприняты меры к принятию французских и английских войск, и на этом основании он хотел опередить нападение на нас со стороны Бельгии. Впрочем, в речи от 22 августа 1939 года он выразил диаметрально противоположную мысль, сказав, что Бельгия и Нидерланды никогда не нарушат своего нейтралитета.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы были согласны с его заявлением: "Факт нарушения нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет значения. Ни один человек не спросит об этом, когда мы победим". Вы были согласны с этим?

РЕДЕР: Нет, я не совсем разделяю подобное мнение, но в тот момент у меня не было повода заявить о своем протесте против этих притязаний.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Точка зрения командования военно-морского флота по вопросу о подводной войне была изложена ему месяц спустя. Вы помните, что 30 декабря у Вас с Гитлером состоялась беседа, на которой присутствовали генерал-полковник Кейтель и капитан I ранга Путкамер?

РЕДЕР: Да, 30 декабря я был у Гитлера.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Тогда я обращаю Ваше внимание на документ У-100, ВВ-463.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, этот документ следует идентифицировать?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Господин председатель, Вы правы. Мне кажется более целесообразным дать ему два номера...

H1203 – 0077

H1203 – 0078

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Уже имеется номер 1014-ПС. Не правда ли?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд, этот документ уже имеет номер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне кажется, что, пожалуй, сверочный документ тоже должен иметь номер.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Конечно. Не назвать ли нам сравнительный документ, уже имеющий номер 789-ПС, номером ВВ-464, а сверочный документ 1014-ПС - номером ВВ-465.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У меня здесь имеется только один документ, насколько я могу видеть.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, я попрошу сделать еще один экземпляр. К сожалению, я располагаю сейчас лишь ограниченным количеством экземпляров, но я прошу сделать еще.

464 - 789 и ВВ-465 станет документом 1014-ПС. Это будет представлять собой сравнение документа 789-ПС с документом Редера, а 465 будет сравниваться с документом 1014-ПС из книги документов Редера.

Очень Вам обязан, Ваша честь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Теперь Вы переходите к документу У-100?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд, документ У-100. Подсудимый, пожалуйста переверните несколько страниц и найдите отчет, датированный 30 декабря 1939 года. За ним следует приложение к докладу Фюрера от 30 декабря 1939 года.

Помогите, пожалуйста найти это место, старший сержант.

/Офицер суда показывает подсудимому нужное место/.

Взгляните на абзац 4, в котором говорится:

"Что касается формы и времени начала дальнейшего усиления войны, то решение высшего военного командования начать вообще усиление войны наступлением на Западе, имеет решающее значение"

Вы нашли это место, абзац IУ ?

РЕДЕР: Какая страница?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я боюсь, что номера страниц не совпадают.

РЕДЕР: "Что касается формы..." - да?

"Что касается формы и времени начала дальнейшего усиления войны на море, то решение высшего военного командования начать общее усиление войны наступлением на Западе имеет решающее значение".

"Первая возможность:

"Решение фюрера в пользу наступления на Западе, которое должно начаться в очень скором времени в рамках времени путем нарушения нейтралитета других государств.

В данном случае усиление войны на море с политической точки зрения будет представлять лишь небольшую часть общего усиления войны. Постепенный переход к усилению форм ведения войны на море в пределах запрещенной американской зоны, имея в виду в конечном счете беспощадное применение всех средств ведения войны для того, чтобы прервать всякую торговлю с Англией, предполагается поэтому вместе с началом наступления.

"Немедленно предусматривать отдельные меры усиления войны на море не является необходимым, оно может быть отложено до начала общего усиления войны. Благоприятно настроенные нейтральные страны: Италию, Испанию, Японию и Россию, так же как и Америку, следует насколько возможно щадить".

Правильно ли то, что Вы рассчитывали нарушением Гитлером нейтралитета Нидерландов заставить, благодаря своему большому значению то, что Вы примете жесточайшие методы войны на море. Это так?

11400

H1203 - 0079

H1203 – 0080

РЕДЕР: Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Если это не так, то чтоже это значит? Что же это значит, если не то, что я Вам сказал?

РЕДЕР: Гитлер хотел, чтобы с началом наступления на Запад мы проявили известную активность на море. Он потребовал, чтобы я применил более суровые средства ведения морской войны только в этот момент, хотя поведение английских вооруженных сил давало мне право применить эти радикальные средства значительно раньше. Такие более жестокие методы борьбы были подробно изложены в докладной записке, и начали последовательно применяться в ответ на различные мероприятия Англии.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Сейчас я займусь меморандумом. Не бойтесь, что я это пропущу. Но в данный момент я Вам заявляю, что Вы не только одобрили нарушение нейтралитета Голландии и Бельгии, но с своей стороны, т.е. со стороны военно-морского флота, Вы были готовы помогать этому путем усиления подводной войны. Это правильно?

РЕДЕР: Это искажение моих слов. Я вообще не имел ничего общего с нарушением нейтралитета этих стран, так как военно-морской флот даже не входил в эти страны вместе с армией. Я был только заинтересован в том, чтобы постепенно усиливать подводную войну для того, чтобы ответить контрмерами на мероприятия англичан, которые также шли вразрез с нормами международного права.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я перейду к вопросу о подводной войне позже, но сейчас я постараюсь рассмотреть вопрос в последовательном порядке. Имеются еще для только два пункта, касающиеся агрессивной войны. Я перехожу... Вы можете пока оставить этот документ. Я вернусь к нему позднее, подсудимый, не беспо-

коитесь. Я прошу Вас помочь мне в одном или двух пунктах, касающихся Норвегии.

Что касается Норвегии, то Вас удовлетворяло то положение, что Норвегия оставалась нейтральной, неоккупированной до тех пор, пока у Вас существовал защищенный путь вдоль норвежского побережья в нейтральных водах. Правильно это? Для Вас было важно иметь свободный доступ в нейтральные воды, чтобы не только ваши суда, а также ваши подводные лодки могли заходить в нейтральные воды и начинать оттуда свои операции. Правильно это?

РЕДЕР: Нет, вопрос о возникновении и проведении в жизнь плана кампании против Норвегии я подробно изложил в документах. В то время существовала опасность занятия Норвегии англичанами, о чем мы узнали из различных источников. Конечно, будучи вынужденными занять норвежское побережье, мы понесли большие убытки, но одновременно, как я уже говорил, мы добились и некоторых преимуществ, а именно заняли несколько опорных пунктов для наших подводных лодок, действовавших в Атлантическом океане.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Заявляете ли Вы Трибуналу, будто военно-морское командование серьезно думало, что англичане намерены занять Норвегию?

РЕДЕР: Да, совершенно определенно, я думал именно так, ввиду того, что у меня было много сведений и я не мог в этом сомневаться; позже это подтвердилось на деле.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Тогда я попрошу Вас заглянуть на один или два характерных отчета военно-морского флота. Мы больше не будем ссылаться на документ, но мы начнем с данного периода времени.

Вы помните, что 13 марта 1940 года генерал Йодль в своем дневнике сделал запись относительно того, что фюрер все еще

11402

H1203 – 0081

H1203 – 0082

ищет оправдания. Вы это помните? Вы помните это, не правда ли?

РЕДЕР: Я уже говорил, выражение "оправдание" неправильно, оно неверное переведено. Иодль написал "основание". Однако и это неверно... Простите, разрешите мне окончить свою мысль. ...и это неверно, так как фюрер все время имел основания и изложил их в директиве от 1 марта, и они нам всем были известны. Я сказал, что употребляя выражение "основание", он имел в виду, что он еще не составил дипломатической ноты. Ведь в то время он еще ничего не сказал министру иностранных дел. Это положение я недавно подтвердил под присягой, я подтверждаю его и сегодня.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Понимаю. Это смысл, который Вы придали этой записи. Теперь взгляните на Ваш собственный документ № 81, который имеется в книге документов Редера № 5, стр.376.

РЕДЕР: Могу я получить книгу документов № 5?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы еще не получили ее? Простите. Я вам достану один экземпляр.

В этом документе речь идет о первом пункте, о том, что англичане вторглись в норвежские территориальные воды. Здесь говорится:

"В результате расследования вопроса о том, является ли массовое вторжение англичан в норвежские территориальные воды возможным в таком близком будущем, что оно может представить собой угрозу для плавающих германских судов, в настоящее время создало мнение, что этого можно не ожидать. Транспорты руды могут продолжать, ввиду того, что потерь еще не было".

Итак, у Вас имелись сведения о том, что 22 марта не ожидалось массового вторжения в норвежские территориальные воды?

РЕДЕР: Нет, я ни в коем случае так не думал. Это было мнением капитана I-го ранга Фрике, бывшего в то время начальником оперативного отдела и имевшего совершенно иное мнение по данному вопросу, которое не совпадало с моей точкой зрения. Он считал, что сначала необходимо впустить англичан в Норвегию, а затем выбросить их оттуда ударом через Швецию. Это была совершенно нелепая мысль, которую я, конечно, не мог одобрять. Я располагал такими точными сведениями, поступившими как раз в этот период от Квислинга и Хагелина, что не оставалось никаких сомнений в том, что англичане в скором времени поведут массированное наступление в этом районе.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы говорите, что такова была точка зрения адмирала Фрике, а Вы на нее не обратили внимания. Хорошо, тогда взглянем...

РЕДЕР: Я не интересовался этим.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы знаете, что генерал Ассман, про которого Вы сказали, что он здравомыслящий историк, вел краткий дневник, на следующий день он записал о встрече между Вами и Гитлером. Вот что он записал: Это было в тот же день.

Вы это, возможно, читали, так как он коснулся Вашего предложения об использовании подводных лодок близ Галифакса. Это было в тот же день 23 февраля. Он пишет, что Вы сказали в тот день, что для того, чтобы обеспечить доставку руды из Нарвика, было бы предпочтительно сохранять нейтралитет Норвегии.

Затем 26 марта адмирал Ассман в своем отчете о встрече между вами и Гитлером записал Ваши ответы таким образом /это очень кратко/:

11404

H1203 - 0083

H1203 – 0084

"Высадка англичан в Норвегии не рассматривается как возможная в ближайшем будущем. Редер предлагает в следующем месяце, 7-го апреля и Гитлер с этим согласен".

Вы помните это?

РЕДЕР: Нет. Однако совершенно невероятно, чтобы я в тот момент не был полностью убежден в предстоящей десанте, так как документы, представленные под №№ 004-ПС и 007-ПС, с определенностью подтверждали полученные мною сведения. Самих документов я не видел, но мне были известны все сведения, содержащиеся в них.

Как известно, адмирал Ассман использовал для своих записей всевозможные журналы боевых действий и протоколы. Я совершенно определенно не высказывался таким образом, так как в тот период я неоднократно докладывал Гитлеру, что свои приготовления, начатые задолго до этого, мы закончим в последних числах января, и это и был тот момент, когда следовало провести десант по тем причинам, которые я всегда защищал. Совершенно ошибочно предполагать, как это делается здесь, что у меня к этому времени оставалось хоть малейшее сомнение в предстоящей операции. Впоследствии мои предположения подтвердились...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Однако мы должны...

РЕДЕР: Ведь впоследствии все оказалось верным..

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Мы должны перейти к этому вопросу. Вы сказали нам, что адмирал Ассман был надежным офицером и хорошо разбирался в истории военно-морского флота.

РЕДЕР: Он не обманщик, но он составил эти данные на основании всевозможных документов, и я не знаю, как он пришел к такому выводу. Я определенно не делал такого заявления.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо, но вторая часть, второе предложение является правильным, не правда ли? "Редер предлагает, чтобы мы начали действия в следующее новолуние /7 апреля/". Это правильно; Вы действительно тогда начали вторжение. Тогда именно Ваша армада вышла в море и прибыла на место 9-го, не так ли?

РЕДЕР: Конечно, я настаивал на высадке десанта в Норвегии в самое ближайшее время, т.е. как только наступят благоприятные метеорологические условия, так мы раньше решили и так распорядился Гитлер. За это я принимаю на себя полную ответственность, это было вполне обоснованно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Опять таки я не должен с Вами спорить. Но дело сводится к тому, что Вы говорите, что адмирал Ассман, который правильно записал вторую фразу, не только ошибался, но был полностью неправ, - я подразумеваю, что он записал совершенно обратное тому, что действительно произошло, - когда он записал, что высадку англичан в Норвегии не рассматривали как возможную в ближайшем будущем.

Хорошо, мы еще немного продолжим этот вопрос.

РЕДЕР: Я доложил фюреру об этой высадке в Норвегии, имея точные сведения и знал, что в дальнейшем еще поступят более подробные сообщения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что это за документ от 26 марта 1940 года?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это - выдержка из дневника Ассмана, которой я уже пользовался ранее. Я дам снять с нее копию и дам удостоверение ее тождественности. У меня еще нет с нее копии, милорд, я очень прошу извинить меня. Я отдам распоряжение снять копию.

РЕДЕР: Я был бы очень благодарен, если бы Вы мне пока-

H1203-0085

H1203 – 0086

зали этот документ. До сих пор мне показывали все документы, а этот, против которого я протестую, Вы не показываете.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я прошу прощения. Это такая короткая выдержка, что я думал, что Вы возьмете ее у меня. Но я вовсе не имею намерения утаивать от Вас документы.

Вы видите запись от 26 марта, где говорится:

"Высадка англичан в Норвегии не рассматривается как возможная в ближайшем будущем. Редер предложил начать наши действия в следующем месяце /7 апреля/ и Гитлер с этим согласен. Затем следует обсуждение установления мин у Скапа перед вторжением немцев в Норвегию. Гитлер согласен с Редером и издает соответствующие инструкции?

РЕДЕР: Да, разрешите возвратиться к этому. Здесь говорится: 26 марта 1940 г.

"Угроза оккупации Норвегии англичанами стала непосредственной, когда был заключен русско-финский мир".

Именно эта русско-финская война заставила нас подумать о срочной высадке десанта, так как имелись опасения, что под предлогом оказания помощи финнам англичане предпримут оккупацию Норвегии.

Теперь я перехожу к вопросу фюрера о том, являлась ли в тот момент высадка англичан в Норвегии актуальной опасностью. Следует учесть, что Ассман собрал эти сведения из всевозможных журналов боевых действий, и этот вопрос об"ясняется желанием фюрера узнать, изменилось ли положение в связи с заключением мира. Однако, ситуация нисколько не изменилась, так как в действительности мы знали, что англичане

предпримут эту высадку не в целях оказания поддержки финнам, а по другим причинам. Следовательно, на вопрос о том, являлась ли в тот момент, т.е. после заключения мира, высадка англичан актуальной проблемой, я ответил отрицательно. "Главнокомандующий военно-морского флота предложил провести свою операцию в следующем месяце... 17-го числа. Фюрер согласился. Все осталось по-старому, только на вопрос о немедленном выступлении ввиду заключения мира я ответил отрицательно. Это совсем другое дело, чем то, в котором Вы меня обвиняете.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Прочтите запись от 26 марта. Прочтите ее по-немецки, мы переведем.

РЕДЕР: "Угроза оккупации Норвегии англичанами стала непосредственной, когда был заключен русско-финский мир. Ввиду заключения мира они, видимо, отложили эту операцию. На вопрос фюрера о том, является ли в настоящий момент английский десант актуальной проблемой, главнокомандующий военно-морскими силами дает отрицательный ответ, - да, ситуация не изменилась настолько, чтобы мы были вынуждены немедленно выступать". "Главнокомандующий военно-морскими силами предлагает провести свою операцию в следующем месяце. Основания для нашей высадки остались прежними, только эта история с Финляндией не могла быть больше использована англичанами".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Мирный договор и окончание войны с Финляндией имели место в середине марта. Это тогда не входило в планы?

РЕДЕР: Да, это не играло больше для нас никакой роли, но другие наши причины оставались теми же.

11408

H1203 – 0087

H1203 – 0088

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Взгляните на документ Д-843, я его представляю за № Великобритания ВВ-466. Это - отчет Вашего дипломатического представителя в Норвегии от 29 марта, где в конце первого параграфа Вы увидите следующее:

"Англичане, очевидно, не хотели взять на себя ответственность за открытое нарушение неприкосновенности норвежской территории и норвежских территориальных вод без причин и за проведение там операций военного характера". Это цитата министра иностранных дел Норвегии. Затем Ваш дипломатический представитель высказывается следующим образом.

"Будущее покажет, правильно ли министр иностранных дел Кот рассматривает создавшееся положение вещей. Однако, совершенно определенно явствует, как я,/т.е. представитель германского министерства иностранных дел/ неоднократно указывал, что англичане не намереваются произвести высадку, но что они намереваются нарушить судоходство в норвежских территориальных водах, вероятно - как думает Котт, - для того, чтобы спровоцировать Германию. Конечно, возможно, также, что поведение англичан такое, каким оно было на прошлой неделе, я также указывал - станет более или менее обычным и все более резко нарушен нейтралитет территориальных вод приведет к нападению на наши транспорты с рудой близ норвежского побережья. И затем абзац третий:

"Твердое намерение Норвегии сохранить свой нейтралитет и обеспечить соблюдение правил норвежского нейтралитета можно принять как факт".

Вам сообщили, что Ваш дипломатический представитель в Осло докладывал, что англичане не намеревались произвести высадку?

РЕДЕР: Да, д-р Бройер, посланник в Норвегии, стоял

на совершенно неверной позиции, так как он верил этим заверениям министра иностранных дел Кота, о которых наш военный атташе неоднократно сообщал, что Кот пляшет под дудку англичан и что поэтому нельзя принимать эти заверения, как достоверные. Одновременно мы получили известие от Хагелина, что хотя норвежцы и дают гарантии на бумаге, но сами сказали, что они делают это для видимости и будут продолжать сотрудничать с англичанами. Это имеется в представленных нами документах.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Взглянем на другой документ, на документ Д-444. Это - то, что сообщал в то же время ваш дипломатический представитель в Швеции. Я представляю этот документ за № ВБ-467, а не Д-444. Я сказал неправильный номер. Это от Вашего представителя в Швеции и вы заметите, что он цитирует слова министра иностранных дел Швеции Гюнтера, это, примерно, десятью строками ниже. Как раз после фамилии "Ваензекер" Вы увидите следующее:

"Шведское правительство не имеет никаких оснований для того, чтобы поверить в то, что западные державы намереваются проводить в ближайшее время какие-то угрожающие меры против Скандинавии. Наоборот, на основании всех официальных отчетов и прочих сведений оно считает ситуацию за последнее время, гораздо более спокойной. Затем он говорит, что нападение на шведскую руду не предполагается. Далее он касается Норвегии. Не будучи англофилом, Гюнтер также не думал, что Великобритания начнет военные действия против Норвегии, но

11410

H1203 – 0089

H1203-0090

он, конечно, не мог об этом говорить с такой же уверенностью, как в отношении Швеции. Во всяком случае, норвежское правительство, с которым он был тесно связан, придерживалось того же мнения.

Затем, если Вы взглянете двумя абзацами ниже, Вы увидите, что здесь говорится следующее:

"В заключение Гюнтер попросил меня сообщить его заявления моему правительству и повторил, что шведское правительство придает большое значение тому, чтобы у германского правительства не сложилось ложного впечатления о существовании обстоятельств, которые могли бы создать возможность, он совсем не употреблял слова необходимость, - применения особых мероприятий со стороны Германии в отношении Скандинавии".

Затем он говорит в последнем абзаце, что шведский министр иностранных дел, возможно, слышал о подготовке Германии

Взгляните теперь на документ Д-845, который я представляю за № Великобритания-468. Это сообщение от Вашего дипломатического представителя из Стокгольма на следующий день.

11411

"В шведских военных и правительственных кругах существует опасение касательно возможных германских военных превентивных мер в Скандинавии против об"явленного усиления военных мероприятий западных держав. Шведские и норвежские военные и правительственные власти считают мало вероятным, чтобы западные державы предприняли против Скандинавии меры военного характера. Сообщение печати западных держав на эту тему направлены к тому, чтобы спровоцировать Германию" - и это сообщает Ваш морской атташе из Стокгольма. Вы были информированы об этих сообщениях из Стокгольма, да?

РЕДЕР: Допускаю, что фюрер сказал мне это. Но у нас не было повода полагаться на эти заверения, так как совершенно очевидно, что Швеция была сильно заинтересована в том, чтобы мы не выступили против Норвегии, потому что благодаря этому мы были бы в состоянии оказывать на Швецию некоторое давление. По полученным нами впоследствии сведениям, это было то, к чему так стремились англичане. Наш посланник был осведомлен совершенно неверно. Он сам получал неверные сведения, так как по имевшимся у нас данным он полностью находился под влиянием министра иностранных дел Кота. Получаемые нами сведения были так недвусмысленны, так многочисленны и так ясны, что после таких известий мы могли со спокойной совестью осуществлять наш десант, и позднее выяснилось, что английский приказ о высадке в Норвегии в Тронхейме, Ставангере и, кажется, в Христиансанде, был отдан 5 апреля. Следовательно, не имеет смысла спорить по этому вопросу. 7-го, в ночь с 7 на 8-е, как сообщили англичане в ноте, переданной по радио, они произвели закладку мин в Норвегии, и 7-го войска были погружены на крейсера, названий которых я не могу припомнить. Итак, этот факт действительно имел место, и моя точка зрения была самой правиль-

11412

H1203 – 0091

H1203 – 0092

ной, в то время, как генерал Бройер в корне ошибался и был снят со своего поста, так как он не справился со своей задачей. После этого мы произвели десант, на основании совершенно положительных сведений, которые мы можем подтвердить документами. Позиция Швеции совершенно об"яснима.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я не намереваюсь с Вами спорить, хотя Вы должны знать, и я думаю, что Вы это знаете, что в Англии не существовало никакого приказа о вторжении. Был приказ о том, чтобы установить мины. Однако, как я говорил, вы пошли по этой линии, а нам ведь было хорошо известно, что никакого вторжения со стороны Англии не угрожало; Вы пошли по этой линии наперекор Вашему собственному начальнику оперативного штаба капитану Фрике и вопреки всем сведениям Ваших дипломатических представителей в Норвегии. Теперь перейдем к другому пункту, касающемуся Норвегии, и я на этом закончу. Вы сказали Трибуналу, что, по Вашему мнению использование флага противника являлось разрешаемой "военной хитростью", если она заканчивается до начала операции. Вы помните, что Вы это сказали?

РЕДЕР: Я не понял последнего предложения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы помните, что Вы сказали Трибуналу сегодня утром, что использование неприятельского флага на своих военных судах является разрешаемой "военной хитростью", если она прекращается до начала операции Вы помните, что Вы это говорили?

РЕДЕР: Конечно, я это помню. Одним из принципов веде-

ния морской войны является правило поднятия своего флага в момент открытия огня.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы заявляете Трибуналу, что в морской войне является признанным метод использования флага другой страны при нападении на нейтральную страну, при нападении на нейстральную страну без предупреждения? Между Вами и Норвегией войны не было и поэтому не было причин прибегнуть к какой-либо хитрости. Вы были с Норвегией в состоянии мира. Что Вы скажете?

РЕДЕР: Тогда было важно при встречах с англичанами спускать флаг, который был на судне и вывешивать немецкий. Мы не хотели вести войны с новерцами. Где-то говорится, что в первую очередь мы должны стремиться к мирной оккупации.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Можете ли Вы указать мне хотя бы один прецедент до этой операции, когда бы германский флот напал на нейтральную страну, с которой Британия находилась в состоянии мира, используя флаг противника? Скажите, разве Вы это когда-нибудь применяли ранее?

РЕДЕР: Я не знаю, случалось ли это во время действий военно-морского флота других стран, я не хочу этого утверждать.

СЭР ДЭФИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я даже спрашивал о флоте других стран. Ну, а Вы когда-либо поступали так?

РЕДЕР: Нет. Мы этого не делали. 8 апреля мы отдали приказ по радио, чтобы этого не делали. Вам это известно из нашего журнала боевых сил. Таким образом здесь совершенно бесполезно говорить о том, что должно было произойти, поскольку этого не произошло.

11414

H1203 - 0093

H1203 – 0094

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хотел бы выяснить, что Вы считали допустимым при ведении морской войны. Я хочу теперь перейти к другому пункту и тогда я закончу с этой частью дела. Что касается нападения на Советский Союз, я не намерваюсь расспрашивать о всех ваших собственных взглядах и о том, что вы говорили Гитлеру, так как Вы нам говорили уже об этом подробно; но я хотел бы, чтобы Вы взглянули в книгу документов IO-A, страница 252 английской книги документов и стр. 424 немецкой книги.

РЕДЕР: Какой документ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это длинный документ.

РЕДЕР: Я не нашел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это документ 447-ПС.

Простите, милорд, это целиком моя вина, я прошу извинения у Трибунала. Я назвал не ту ссылку. Я хотел, чтобы он взглянул на страницу 59 в книге документов № IO, документ С-I70. Я очень прошу извинить меня, милорд.

Это выдержка из дневника боевых действий; эта выдержка, на которую я хочу обратить Ваше внимание, находится на странице 59; запись от I5 июня:

"По предложению командования военно-морского флота /СКЛ/, использование оружия против русских подводных лодок к югу от северной границы предупредительной Эландской зоны..

Вы нашли это место?

РЕДЕР: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: "... разрешается немедленно с целью беспощадного уничтожения".

Теперь я попрошу Вас, прежде чем я задам Вам вопрос,

чтобы Вы заглянули на документ С-38, который имеется на странице II. Это страница I9 Вашей книги документов. Это немецкая книга документов С-38; страница II в английском экземпляре, и стр. I9 в немецком тексте. Это приказ, датированный тем же числом, подписанный подсудимым Кейтелем и адресованный главнокомандующему военно-морского флота.

"Наступательные действия против подводных лодок к югу от линии Мемель до южного пункта Эланда разрешаются, если по приближении германских военных судов подводные лодки не могут быть точно опознаны, как шведские: Причиной, которую следует указать по поводу дня "Б" - т.е. "Барбаросса" - является то, что, как предполагается, наши военно-морские силы имеют дело с проникающими английскими подводными лодками".

Почему Вы предложили нападать на советские подводные лодки за шесть дней до Вашего вторжения, когда они не ожидали такого нападения и не было и речи о войне?

РЕДЕР: Как здесь уже говорилось, случилось так, что незадолго до I5 июня - одна подводная лодка прорвалась в этот район - близ Бронхольма, довольно на большое расстояние в западном направлении, и при встрече с судами сторожевого охранения у Борнхольма эта лодка подала ложные опознавательные сигналы. Если подается ложный опознавательный знак, то это значит, что это не германская, а какая-то чужая подводная лодка. В данном случае из курса этой лодки и места ее нахождения можно было сделать вывод, что это была русская лодка. Кроме того, уже в это время мы неоднократно

11416

H1203 – 0095

H1203 – 0096

обнаруживали русские подводные лодки вблизи германских портов, например, у Мемеля. Вследствие этого у нас создалось впечатление, что русские подводные лодки уже занимают позиции перед германскими портами либо для того, чтобы закладывать там мины, либо для того, чтобы подготовиться к атаке на торговые или военные корабли. Следовательно, я должен был сообщить об этом, и ради предосторожности предложить проводить атаки неенемецких подводных лодок в этой районе, т.е. перед германскими портами. В тот же день мое предложение было одобрено и было сделано это добавление, которое, по-моему, не было необходимым, но которое предотвращало возможные конфликты.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это все еще не является ответом на мой вопрос. Я задам его таким образом. Считали ли Вы правильным нападение и призыв к безжалостному уничтожению советских подводных лодок за шесть дней до Вашего нападения на Советский Союз? Вы считаете это правильным? А затем завалить вину на проникавшие английские подводные лодки - это предложение Кейтеля. Таковы Ваши взгляды на правильное ведение войны?

РЕДЕР: Итак, первое положение я считаю верным, так как главное - это опередить противника, и этого мы могли добиться при известных условиях. Второе же приказал фюрер. Ни того, ни другого мы не привели в исполнение, вследствие этого дискуссия по этому вопросу мне кажется пустой тратой времени.

11417

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Оставим это обсуждение Трибуналу, а я решу, что следует обсудить.

Таким образом, следует ли считать, что Вы полностью одобряли нападение и безжалостное уничтожение советских подводных лодок за шесть дней до начала войны? Так Трибунал должен Вас понять, не правда ли?

РЕДЕР: Если эти подводные лодки появились в наших территориальных водах для того, чтобы вести разведку или для других военных действий, то я считаю, что это было правильным, более правильным, чем если бы наши лодки наскочили на русские мины.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Ну, хорошо, давайте коротко остановимся на Ваших взглядах на ведение подводной войны.

ПОМНИТЕ Ли Вы документ, который я пред"явил подсудимому Деницу касательно меморандума министерства иностранных дел, документ Д-851, "Великобритания" 451"?

РЕДЕР: Да, этот документ у меня есть.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Я спрошу о нем через несколько минут. Вот что Вы сказали касательно этого, когда Вы отвечали доктору Кранцбюллеру; кажется, это было в субботу. Вы сказали: "Так как война против Англии явилась для нас совершенной неожиданностью, то мы до сих пор подробно занимались вопросами ведения подводной войны лишь в небольшом об"еме. Кроме того, мы совсем не обсуждали вопросов о так называемой неограниченной подводной войне, которая во время предыдущей войны играла такую важную роль". Поэтому 3 сентября офицер, о котором здесь недавно упоминалось, был направлен в министерство иностранных дел для обсуждения некоторых

11418

H1203 - 0097

H1203-0098

пунктов, касающихся этого вопроса о ведении неограниченной подводной войны для того, чтобы мы могли выяснить в министерстве иностранных дел, в каких границах мы можем действовать".

Итак, вы думаете, что это ....

РЕДЕР: Насколько я помню, это было так, тогда еще план неограниченной подводной войны не обсуждался.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Имеется ли перед вами этот документ?

РЕДЕР: Документ министерства иностранных дел, Д-851?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, документ Д-851.

/Обращается к председателю/: Мне кажется, что его нет ни в одном экземпляре, милорд. Есть ли у Вас, милорд, копия этого документа?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, думаю, что нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, я представил его при перекрестном допросе подсудимого Деница.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Возможно, он находится в документах Деница.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Разрешите мне тогда, милорд, медленно огласить этот документ. В документе говорится следующее:

"Вопрос о неограниченной подводной войне против Англии рассматривается в материалах, представленных внешним военно-морским командованием.

"Командование военно-морским флотом пришло к тому заключению, что максимальный ущерб Англии может быть достигнут при тех силах, которые имеются в нашем распоряжении, лишь в том случае, если подводным лодкам разрешат неограниченное использование оружия, без всякого предупреждения, против неприятельских и нейтральных кораблей в запрещенных зонах,

указанных на прилагаемой карте. Командование военно-морским флотом отдает себе полный отчет в том, что:

а/тем самым Германия открыто нарушит соглашение от 1936 года касательно экономической войны;

б/военные операции такого рода не могут быть оправданы на основании общепринятых до сих пор принципов международного права".

Затем, милорд, я также должен прочесть или указать на следующее. Я уже затрагивал это место ранее. Это предпоследний абзац:

"Точка зрения, основанная на внешней политике, дает нам преимущество в использовании метода неограниченной подводной войны только в том случае, если мы сможем, в свое оправдание, сослаться на то, что метод ведения войны Англии вынудил нас отдать приказание о таком ведении войны в качестве репрессии".

Я хочу, чтобы Вы разобрали это место по частям. Вы видите абзац, в котором говорится:

"Командование военно-морским флотом пришло к заключению, что максимальный ущерб Англии может быть достигнут при тех силах, которые имеются в нашем распоряжении лишь в том случае, если подводным лодкам разрешат неограниченное использование оружия и без предупреждения в запрещенных зонах".

Таково Ваше мнение? Таково было Ваше мнение 3 сентября?

РЕДЕР: Нет, это не было моей точкой зрения, это было условной точкой зрения. Мы отдали подводным лодкам приказ вести войну против торгового флота в соответствии с правилами призовых судов, и в своем журнале боевых действий мы уже предусмотрели, что в том случае, если англичане начнут

11420

H1203 – 0099

H1203 – 0100

вооружать свои торговые корабли, мы должны будем принять более решительные меры...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос. Это очень простой вопрос.

РЕДЕР: Да, это было моей точкой зрения, поскольку чисто теоретически, при наличии небольших сил, которыми мы располагали, надо было нанести Англии наибольший ущерб, если... Итак, вопрос о том, как далеко мы могли итти в проведении более радикальных мер, следовало предварительно обсудить с министерством иностранных дел. Поэтому туда и был послан этот офицер. Из переговоров с министерством иностранных дел впоследствии возник этот меморандум, с начала до конца свидетельствующий о том, что мы стремились по возможности придерживаться действующего права. Весь меморандум представляет собой такие положения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Отвечайте на мой вопрос. Если в документе сказано, что "командование военно-морского флота пришло к такому заключению", правильно ли, что командование военно-морского флота пришло к такому заключению?

РЕДЕР: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это правда или нет?

РЕДЕР: Да, конечно, но...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Гораздо легче сказать "да", чем давать длинное об"яснение.

Перейдем теперь к другому вопросу. Правда ли, что Вы пришли к этому заключению, не посоветовавшись с главнокомандующим подводными лодками военно-морского флота, как это утверждал подсудимый Дениц, когда он давал свои показания?

РЕДЕР: По этому вопросу? Перед выходом в море подводных лодок мы договорились, что они должны вести войну только в соответствии с правилами призовых судов. Позже я осведомился

у него, намеревается ли он вести неограниченную подводную войну, так как сам я этого совершенно не хотел. Однако, предварительно я должен был обсудить с министерством иностранных дел, насколько мы могли применять эти радикальные меры, в этом и состояла цель данного шага. А цель всего этого было издавать отдельные приказы, на что мы имели право в соответствии с поведением англичан. Этот вопрос был вопросом международного права, и я должен был его обсудить с референтом министерства иностранных дел по вопросам международного права.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Разве не будет правильно сказать, что Вы настаивали на этой точке зрения, к которой Вы в заключение, пришли, в министерстве иностранных дел в течение последующих трех месяцев? Разве неправильно, что в течение трех последующих месяцев Вы продолжали настаивать на неограниченной подводной войне в данной зоне?

РЕДЕР: Мне кажется, что это не так, иначе я не издал бы меморандума от 3 сентября. Возможно, что тогда мы заняли резкую позицию по сравнению с позицией министерства иностранных дел. Однако, ее следует об"яснять действиями англичан.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Следующим вашим мероприятием в министерстве иностранных дел было совещание с бароном Вейцзакером 25 сентября, которое излагается в документе Д-852, Великобритания 469. Видите ли Вы абзац третий этого документа, где говорится:

"Командование военно-морским флотом предоставит министерству иностранных дел предложения, которые должны послужить основанием для сообщения нейтральным державам. В этих предложениях будет сообщено об усилении войны на море, приказ о котором уже отдан или будет отдан в ближайшем буду-

11422

H1203 – 0101

H1203 – 0102

щем. Это, в особенности, включает предупреждение о том, чтобы не пользоваться радио, когда судно задерживают, не плавать караванам судов и не проводить затемнения. В этом заключалось Ваше первое мероприятие, не правда ли? Оно было предоставлено в министерство иностранных дел с некоторыми другими предложениями?

РЕДЕР: Да, конечно. Первое мероприятие заключалось в том, что по вооруженным торговым судам мог открываться огонь, так как уже 6-го или 8-го сентября одна подводная лодка, задержала торговый корабль "Манар", дала предварительный выстрел и была немедленно обстреляна английским пароходом, после чего она открыла огонь по этому торговому судну. Таким образом, подобные случаи уже имели место. Тогда нельзя было установить, был ли торговый корабль вооружен или нет. Мы предполагали, что постепенно мы будем вынужден открывать огонь по всем кораблям. Однако, тогда вышел приказ открывать огонь только по вооруженным торговым кораблям.

Второе. Разрешалось открывать огонь по кораблям, которые при задержании давали радиограммы, так как эти радиосигналы, дававшиеся по указанию адмиралтейства, приводили к тому, что в этот район немедленно высылались самолеты, которые бомбили подводные лодки.

Итак, первой мерой усиления подводной войны было разрешение открывать огонь по вооруженным торговым кораблям /тогда еще не было санкции открывать огонь по пассажирским судам/. Вторым шагом в этом направлении был приказ открывать огонь по судам с затемненными огнями и по тем, которые ведут радиопередачи.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Взгляните на документ Д-853.

И я хочу, чтобы Вы взглянули на следующий документ, а именно ВВ-407. Я хочу, чтобы Вы возможно скорее коснулись этого меморандума, о котором Вы говорили. Взгляните на раздел второй документа Д-853. Это - доклад помощника статс-секретаря министерства иностранных дел от 27 сентября, в котором обсуждаются вопросы, о которых Вы только что упоминали, а именно - потопление без предупреждения английских и французских кораблей на основании того предположения, что они вооружены.

Во втором параграфе говорится:

"Штаб военно-морских операций указал вновь, что фюрер в самом ближайшем будущем, вероятно, даст приказ о ведении беспощадной подводной войны в зонах ограниченного действия. Предварительное участие министерства иностранных дел остается обеспеченным."

Настаивали ли Вы все еще на ведении неограниченной подводной войны в большой зоне к западу от Великобритании и в районе Великобритании?

РЕДЕР: Да, после получения сведений относительно действий кораблей противника мы интенсифицировали нашу подводную войну. Это было оправдано и доказано с точки зрения международного права.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Взгляните на записи барона Вейцзекера от 14 октября. Это документ Д-857, который представляется за номером Великобритания - 471.

Видите ли, это произошло после того, как были приняты те меры, о которых Вы только что говорили Трибуналу. Барон фон Вейцзекер доложил подсудимому Риббентропу следующее:

11424

H1203 - 0103

H1203 - 0104

"Согласно имеющимся у меня сведениям, решение о проведении неограниченной подводной войны против Англии должно быть принято в ближайшем будущем. Это в такой же степени политическое решение, как и один из технических вопросов ведения войны.

Недавно я в письменной форме представил свое личное мнение относительно того, что неограниченная подводная война вызовет выступление против нас новых противников, в то время, как у нас еще нет необходимого количества подводных лодок для того, чтобы победить Англию. С другой стороны, точка зрения командования военно-морского флота о начале неограниченной подводной войны опирается на убедительные причины".

Затем он просит о получении необходимых сведений.

Затем Вы представили Ваш меморандум от 15 октября.

Это, милорд, документ С-157, который предоставляется как документ Великобритания - 224.

РЕДЕР: Разрешите кое-что сказать по поводу предыдущего документа. Это выражение - "неограниченная подводная война"...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы это сделаете позднее, так как мы должны рассмотреть еще много материалов в связи с этим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, Трибунал считает, что подсудимому следует разрешить сказать то, что он хочет по поводу этого документа.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Простите, милорд, как Вам угодно. Продолжайте, пожалуйста, подсудимый.

РЕДЕР: Да, но сейчас у меня забрали оба документа. /Документы возвращаются подсудимому/. Таким образом, я хотел сказать, что это выражение "неограниченная подводная война" было употреблено министерством иностранных дел еще в первую мировую войну. В продолжение всей войны мы не вели неограниченной подводной войны и такой, какая велась в первую мировую войну. Наоборот, даже тогда, когда он говорил о "предстоящей неограниченной подводной войне", мы проводили чрезвычайно ограниченные мероприятия, всегда являвшиеся следствием мер, предпринятых англичанами. Англичане организовывали, главным образом, все свое торговое судоходство по военному образцу, так как торговые корабли были вооружены и получили приказ использовать это оружие.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я совершенно не вижу связи всего этого с последним документом. Если Трибунал не желает продолжать заниматься этим вопросом, я думаю, мы могли бы его оставить.

РЕДЕР: Это следует из обоих документов, а не только из одного.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: По-моему, Вы сегодня уже семь раз, по крайней мере, говорили по этому вопросу. Я Вам скажу, что Ваше действительное мнение о ведении подводной войны изложено в первом абзаце меморандума. Взгляните на него. Вы видите: "Берлин, 15 октября..."

РЕДЕР: Нет, я вынужден продолжить свое заявление: речь идет не о неограниченной подводной войне, а о постепенной интенсификации подводной войны, как я это подчеркивал, и эта интенсификация производилась соответственно мерами,

11426

H1203 – 0105

H1203 – 0106

которые принимали в этом направлении англичане.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Ваши показания совершенно неверны. Я вам докажу это этим документом. Взгляните на свой собственный документ, на этот меморандум. В первом абзаце говорится следующее...

"Предложение фюрера о восстановлении..."

РЕДЕР: Я не говорю здесь неправды, я далек от этого. Я запрещаю обвинять меня в этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это то, что я сейчас утверждаю и докажу сейчас на основании этого документа. "Предложение фюрера о том, что следует восстановить справедливый и достойный мир и новый политический порядок в Центральной Европе отвергнуто. Враждебные державы хотят войны, стремясь уничтожить Германию... В этой борьбе, которую сейчас Германия вынуждена вести за свое существование и за свои права, она должна использовать свое оружие с крайней жестокостью, в то же время всемерно соблюдая законы военной этики".

Посмотрим, что Вы предлагали.

"Основным врагом Германии в этой войне является Великобритания. Ее самое уязвимое место -это морская торговля. Поэтому морская война против нее должна проводиться как экономическая война, с целью уничтожения боевого духа Великобритании в кратчайший срок и с целью вынуждения у"Великобритании согласия на мир".

Теперь пропустите один параграф и взгляните дальше, на следующий:

"Основной мишенью военно-морской стратегии являются торговые корабли ... - теперь смотрите... -не только вражеские, но также вообще все торговые суда, плавающие с целью снабжения вражеской военной промышленности как путем импорта, так и путем экспорта. Одновременно с этим неприятельские корабли также остаются военными об"ектами".

17427

Следовательно, такова была цель, которую морское командование излагало фюреру и министерству иностранных дел,- использовать крайнюю жестокость для того, чтобы уничтожить боевой дух Великобритании и нападать на все торговые суда, идущие в Великобританию и обратно? Такова была ваша цель?

РЕДЕР. Конечно. Однако нападение на нейтральные корабли было нашей целью постольку, поскольку они об этом предупреждались и поскольку им давался совет не ходить в определенных районах.

Во все века во время торговых войн вражеские и нейтральные торговые суда являлись об"ектом нападения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Неужели вы утверждаете перед Трибуналом, что вы предлагали прибегать к предупреждению? Вы серьезно утверждаете перед Трибуналом, будто вы подразумевали в этом абзаце, что на нейтральные суда следует нападать только после предупреждения?

РЕДЕР. Да, безусловно. После того, как мы по американскому примеру создали зоны блокады, мы предупредили, что нейтральные суда не должны входить в эти зоны, иначе они подвергнутся большой опасности. Я могу подтвердить это документами.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я утверждаю, что это неправда и я докажу это с помощью документа. Откройте на странице...

РЕДЕР. Это предупреждение было выпущено 24 ноября.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Передайте к разделу: "С" этого же документа, где излагаются "необходимые военные положения для решающей борьбы против Великобритании":

"Наша военно-морская стратегия должна использовать в полной мере все военные средства, которые имеются в нашем

11428

H1203 - 0107

H1203 – 0108

распоряжении. Военный успех можно ожидать вероятнее всего в том случае, если мы будем нападать на британские морские коммуникации с крайней жестокостью везде, где они только доступны. Конечная цель таких нападений заключается в том, чтобы прекратить не только всякий импорт, но также и экспорт из Великобритании. Мы должны стараться по мере возможности уважать интересы нейтральных государств, если это не будет в ущерб нашим потребностям в военном отношении. Желательно все принимаемые меры военного характера основывать на существующих нормах международного права; однако, меры, необходимые с военной точки зрения и обеспечивающие решающий успех, должны проводиться, даже если они не предусмотрены международным правом".

Таково было Ваше мнение, которое вы излагали министерству иностранных дел и фюреру: "использовать международное право, поскольку это можно, а если международное право стоит на вашем пути к военным успехам, отказаться от международного права". Таковы были ваши взгляды?

РЕДЕР. Нет, это совершенно неверно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Ну, хорошо. Тогда об"ясните эти слова: "Мы должны стараться по мере возможности уважать интересы нейтральных государств, если это не будет в ущерб нашим потребностям в военном отношении. Желательно все принимаемые меры военного характера основывать на существующих нормах международного права; однако, меры, необходимые с военной точки зрения и обеспечивающие решающий успех, должны проводиться, даже если они не предусмотрены международным правом".

Что Вы хотели сказать этим, если Вы не хотели пренебречь международным правом?

РЕДЕР. Да, там говорится: "Если к ним применимо существующее военное право".

Однако всем известно, что в то время в международном праве еще не было выработано норм подводной войны так же, как и норм использования авиации.

Далее сказано:

"Поэтому, принципиально, военные средства борьбы, направленные на разгром сопротивления противника, должны опираться на правовые нормы даже в том случае, если вследствие этого было бы создано новое военно-морское право, причем новое военно-морское право на основе развития фактов".

И вот в продолжении всей войны беспрестанно развивалось новое военно-морское право, исходившее именно от нейтральных государств. Например, пан-американская конференция по вопросам безопасности установила вдоль американского побережья зону безопасности в 300 морских миль, вследствие чего она исключила для торгового судоходства огромное морское пространство. Подобным же образом США создали зону боевых действий вдоль берегов Англии /в данном случае для нас это было чрезвычайно неприятным шагом/, о которой они сами 4 ноября 1939 года говорили, что нейтральным судам там ходить очень опасно, и они запретили своим кораблям и гражданам переступать границы этой зоны. Мы, в свою очередь, также обратились к нейтральным странам с просьбой поступать по примеру США, так как в подобных случаях они не понесли бы никакого ущерба. Но затем в Англию стали приезжать только такие представители нейтральных стран, которые провозили контрабанду и зарабатывали на этом колоссальные деньги. В других случаях это были нейтральные суда, вынужденные заходить в английские контрольные порты под давлением англичан, причем они также подвергались всем этим опасностям.

11430

H1203 – 0109

H1203 – 0110

Естественно мы предоставляемся полная свобода не делать таких заходов.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Теперь скажите мне, каковы были изменения в положении с самолетами или с подводными лодками с того момента, как Германия подписала соглашение о подводном флоте в 1936 г. и до начала войны? Вы говорите, что международное право следовало применять соответственно происшедшим изменениям в оружии. Какие же изменения произошли с 1936 года по 1939 год?

РЕДЕР. Произошли следующие изменения в вооружении: мы подписали протокол о подводной войне в 1936 году, так как мы предполагали, что речь идет о миролюбивых действиях...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это не ответ на мой вопрос. Вопрос мой очень ясен. Он заключается в следующем: каковы были изменения в оружии военно-воздушных или военно-морских сил в период между 1936 и 1939 годами? Вот мой вопрос. Вы – офицер флота с пятидесятилетним опытом. Скажите, какие это были изменения?

РЕДЕР. Выяснилось, что в результате появления самолетов подводная лодка потеряла возможность всплывать на поверхность и обнаруживать вражеские или какие-либо торговые суда, в особенности вблизи вражеского берега, где действовали подводные лодки. В отношении авиации не существовало никаких норм международного права.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, это не ответ на вопрос. Вопрос, который вам задали, был следующий: какие изменения произошли в оружии, в области авиации или подводных лодок?

РЕДЕР. Г-н председатель, эти изменения произошли в области авиации. Они состояли в том, что увеличилась дальность полета самолетов, а это привело к тому, что в открытом

море вообще стало невозможно контролировать нейтральные корабли, так как в этом случае немедленно вызывался самолет и подводная лодка оказывалась в опасности. Позднее положение еще более ухудшилось, так что подводные лодки из-за опасности с воздуха не могли даже осуществлять спасение утопающих. Таким образом, вся подводная война приняла совершенно другой характер.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Является ли это единственным изменением, которое Вы можете привести в оправдание вашего заявления о том, что международным правом следовало пренебречь в тех случаях, когда оно не соответствовало вашим военным нуждам? Это единственное изменение - увеличение мощности авиации с 1936 по 1939 год?

РЕДЕР. Я уже однажды сказал, что международное право не должно было нарушаться, но оно должно было быть ограничениям и изменениям, и это ведь также проводилось и другой стороной.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, подсудимый, взгляните на следующий абзац. Вы говорили о соблюдении вами правил в отношении нейтральных стран. Взгляните, это начало 5-й страницы английского текста; это параграф, следующий за тем, который я только что огласил. Вы сказали:

"Поэтому и принципе всякие средства ведения войны, которые эффективны для того, чтобы сломить сопротивление противника, должны быть основаны на каком-либо правовом понятии, даже если это повлечь за собой соединение нового кодекса ведения морской войны.

Высший военный совет после того, как он рассмотрит политические, военные и экономические последствия в рамках общего ведения войны, должен будет решить, какие мероприятия военного характера должны быть приняты и какова должна быть наше отношение к войне. Если будет решено вести экономическую

H1203-0111

H1203 – 0112

войну самым беспощадным образом в соответствии с военными потребностями, то это решение должно выполняться при всех обстоятельствах. Если же оно будет принято, - то это решение о самом беспощадном ведении экономической войны не должно быть оставлено или не ослаблено под действием политического давления со стороны нейтральных государств, как это произошло в первую мировую войну, с ущербом для нас. Все протесты со стороны нейтральных государств должны быть отвергнуты. Даже угрозы со стороны других стран, например, Соединенных Штатов, вступить в войну, - а это можно определенно ожидать, если война будет продолжаться долго, не должны приводить к ослаблению характера экономической войны, раз уже она начата. Чем безжалостнее ведется экономическая война, тем скорее это приведет к необходимым результатам и тем скорее закончится война".

РЕДЕР. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Согласны ли Вы теперь с таким утверждением и с мнением, выраженным в абзаце, который я Вам только что огласил?

РЕДЕР. Однако его следует понимать совершенно иначе, а не так, как Вы его интерпретируете.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это очень отличается от того, что здесь говорится....

РЕДЕР. Нет, не то, что там написано. Здесь говорится о том, что из опыта первой мировой войны мы сделали вывод, что как только после выхода в свет и об"явления приказа о проведении радикальных мер нейтральные страны проявляли малейшее недовольство и заявляли свой протест против этого, такие мероприятия немедленно отменялись, и в особенности, если в протесте участвовали США. Здесь же я говорю, что при

любых обстоятельствах необходимо избегать немедленной отмены наших мероприятий и я делаю предупреждение в том смысле, что до принятия мер нами наши решения тщательно обдумывать и согласовывать с министерством иностранных дел и т.д. во избежание их последней отмены и, вследствие этого, потери престижа и эффективности наших мероприятий. Вот в чем причина. Англия также предъявляла ряд протестов и в большинстве случаев на них не поступало никакого ответа. Например, я могу привести выдержки из документа С-170, США-136. Так, в пункте 14-м говорится: "Категорическая нота протеста русских от 20 октября 1939 г. против применения Англией блокады во время войны". В пункте № 17 от 31 октября сказано: "Политическая речь Молотова".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ (прерывает). Все, что я спрашивал, сводится к следующему: правильно ли было поступать таким образом?

РЬЮЭР. Я только сделать заявление по этому вопросу, я как раз говорю о резких выступлениях против английской блокады, которая нарушала нормы международного права - этот протест был выражен г-ном Молотовым. Следовательно протесты заявлялись и в то время и были отклонены. Я не как раз хотел предотвратить такие протесты, и весь этот документ свидетельствует о том, что мы постоянно стремились так проводить наши мероприятия, чтобы они впоследствии не отменялись, а всегда покоились на нормах международного права.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Теперь скажите мне, пожалуйста. Как же это можно было предотвратить протесты, если Вы предлагаете в этом абзаце принимать самые беспощадные меры и не обращать внимания ни на какие протесты нейтральных стран? Как же это можно было предотвратить протесты?

11434

H1203-0113

H1203 – 0114

РЕДЕР. Мероприятия должны были проводиться так, чтобы они не вызывали никаких протестов. Если я заявляю нейтральным государствам: "Этот район опасен для судоходства", а они все-таки посылают туда свои корабли, так как хотят выручить из этого прибыль или вынуждены поступать так под нажимом Англии, то тогда нам незачем принимать протеста. Они поступают так из эгоистических побуждений и пусть пеняют на себя, если их корабли гибнут. Мне хотелось бы добавить ...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это правда. Пусть пеняют на себя, если они гибнут. Вот это к чему сводилось, не правда ли?

РЕДЕР. Они получали громадные премии за этот риск и это было их делом рисковать на него.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид, мы могли бы сейчас сделать перерыв на десять минут?

/Объявляется перерыв на 10 минут /

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид, Вы еще займете много времени?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я думаю, что еще около полу - часа, милорд.

Подсудимый, в этом документе военно-морское командование предлагало то, что оно называло осадой Англии, т.е. потопление без предупреждения всех кораблей, входящих в зону вокруг Англии. Вы не слышали? Простите. В этом документе военно-морское командование предлагало то, что оно называло осадой Англии - это на стр. 10-13, а именно потопление всех торговых кораблей, включая нейтральные суда и танкеры, которые входили в зону вокруг Англии. Так это было?

РЕДЕР. Нет, это неправильно. Этого не предлагало командование военно-морского флота. После обсуждения и отклонения

вопроса о блокаде оно разобрало вопрос об осадном положении. Наконец, оно пришло к выводу о причинах, говорящих против об"явления осады, которая до сих пор не была известна международному праву. В результате всех этих обсуждений на предпоследней странице указывается, что решение этого вопроса следует считать окончательным. Там говорится, что необходимо проводить только те мероприятия, которые оправдываются действиями англичан. И на первом плане всей этой дискуссии о блокаде и осаде стоял вопрос о том, не будет ли этим нанесен слишком большой ущерб нейтральным государствам. В основе всего этого вопроса об осаде лежит заявление премьер-министра Чемберлена от 6 октября о том, что между блокадой на море и осадой на суше нет никакой разницы и что командующий осаждающими войсками на суше будет всеми силами препятствовать проникновению в крепость кого-либо извне. Во французской прессе также указывалось, что Германия находится на положении осажденной крепости.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я утверждал, что Вы выступали за осаду, но без об"явления какой-либо точной зоны осады. Взгляните на 2-й абзац заключения, затем я оставлю этот документ Трибуналу. Вот что я утверждал. Во втором абзаце, в заключении Вы говорите:

"Для дальнейшего ведения экономической войны основные военные нужды требуют крайней бесповадности. Использование осады с моря в качестве самой интенсивной формы экономической войны отвечает этому требованию. Даже без открытого об"явления об осадном положении после того, как оно будет в принципе ясно определенно (это об"явление имело бы свои недостатки с военной точки зрения и с точки зрения международного права) и даже без об"явления запрещенной зоны, в

данный момент вполне возможно как это изложено в

11436

H1203-0115

H1203 – 0116

данном меморандуме, принять такие временные мероприятия, которые будут способствовать ведению экономической войны самого интенсивного характера, и добиться того, что является в настоящее время наилучшими результатами - прекращения торговли противника (теперь обратите внимание на последние слова), - причем военно-морское командование не должно быть связано каким-нибудь особыми определенными зонами или характером действий".

Вот каким было Ваше заключение. Вы должны были вести наиболее эффективную осаду, не устанавливая какой-либо зоны. Разве это не так?

РЕДЕР. Нет, вывод неправилен. Вывод сводится к тому, что мы не можем проводить этой осады и что политическое руководство государством должно принимать решения по этому вопросу. Однако политическое руководство государством никогда не предлагало об"являть осаду. Здесь совершенно точно указано, что было предложено на основании этого меморандума в первую очередь, и как затем постепенно проводилось усиление методов борьбы.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Мы не должны тратить времени на споры по этому поводу; я хотел бы, чтобы Вы раз"яснили...

РЕДЕР. Но...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Дайте мне кончить. Я утверждаю следующее: Вы отказались от официальной осады, но потребовали для себя права потопления без предупреждения всех кораблей нейтральных государств в зонах по выбору высшего командования.

11437

Теперь я хочу перейти к другой теме, чтобы не тратить напрасно времени.

РЕДЕР: Но ведь это - не осада, а указание, которое было отдано после того, как нейтральные корабли пренебрегали нашим предупреждением и все время появлялись в английских водах для того, чтобы поддерживать экономическую войну, которую Англия вела против нас с максимальной безжалостностью. Это было самооборонной.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я утверждаю, что документ говорит сам за себя. Теперь я обратил на него внимание Трибунала и хочу перейти к другому вопросу:

Отвечая доктору Хорну сегодня утром, Вы упомянули некоторые вопросы о действиях по отношению к американским судам летом 1941 года. В апреле 1941 года Вы настаивали на том, чтобы германские военно-морские силы имели свободу действий в пределах трех миль от американского побережья вместо зоны безопасности в триста миль, как это предлагали американцы, не так ли? Итак, для того, чтобы сэкономить время, я дам свидетелю документ 894, ВВ-472. В нем говорится, что Вы не могли связаться с подсудимым Риббентропом и поэтому Вы просили барона фон Вейзекера получить решение по следующим вопросам:

I. О разрешении германскому военно-морскому флоту свободно действовать в Западной части Атлантического океана в пределах трех миль, установленных международными обычаями.

2. Об отказе от преимуществ, которыми пользовались американские торговые суда до настоящего времени в течение морской войны".

Теперь я пред"являю Вам документ № 850, ВВ-473.

11438

H1203 – 0117

H1203 – 0118

Ваше предложение, которое было сделано в апреле, было в июне отклонено Гитлером. Это меморандум Ритера в министерстве внутренних дел. В нем говорится:

"Генерал Йодль сообщил мне, что во время недавней беседы гросс-адмирала Редера с Гитлером важнейшие приказы военно-морских сил по их обсуждении на данной беседе были отложены до дальнейших указаний.

Разрешение нападать на американские торговые суда в пределах, указанных в законе о трофеях, также не было дано".

Ваше предложение заключалось в том, чтобы отказаться от существовавшего тогда порядка и совершать нападения в пределах трех миль. Теперь я хочу, чтобы Вы перешли к другому вопросу.

РЕДЕР: Нет, позвольте мне высказаться по этому поводу. Я хотел бы высказаться даже, если Вы не ставите никаких вопросов. Это же не верно.

Таким образом, в марте 1941 года и I апреля и в последующие дни 1941 года США провели ряд мер, усиливавших методы ведения войны. Я перечислил их сегодня утром по документу, который у меня имелся. Следовательно, было ясно, что я выступал от имени командования военно-морского флота, так как командование хотело вести наиболее эффективную войну, и настаивал на том, чтобы по отношению к США также были предприняты шаги, которые были возможны с точки зрения международного права, и к ним относилось, в первую очередь, то, чтобы далее не учитывалась эта 300-мильная граница, и чтобы атаки производились в пределах до 3 миль от американского побережья, что было вполне

допустимо по существовавшим нормам международного права.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это именно то, что я Вам говорю. Мы здесь с Вами не спорим. Я только хотел уточнить этот вопрос.

РЕДЕР: Да... Нет...

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Итак, я хочу, чтобы Вы перешли к...

РЕДЕР: Нет, я хотел бы здесь сказать, что при рассмотрении дела гросс-адмирала Деница обвинение указывало на то, что мы не имели никакого права давать льготы какому-то одному нейтральному государству и что мы должны были одинаково относиться ко всем нейтральным странам, то-есть, по-немецки, мы должны были топить корабли всех нейтральных государств, совершенно независимо от того, хотели ли мы сами делать это, но мы ведь не несли в этом отношении никаких обязательств. Во-вторых, естественно, что мое совершенно оправданное предложение от имени командования военно-морского флота было отклонено фюрером, так как он в связи с военно-политической обстановкой придерживался того мнения, что в настоящий момент нельзя обострять наших отношений с США.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хотел бы перейти сейчас к совершенно другому вопросу. Утверждаете ли Вы, что Вам ничего не было известно об истреблении евреев на восточных территориях?

/Редер не отвечает/.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Утверждаете ли Вы, что Вы не знали об истреблении евреев на восточных территориях?

РЕДЕР: Да, я под присягой и сейчас заявляю, что я об этом

11440

H1203-0119

H1203 – 0120

абсолютно ничего не знал. Разрешите для раз"яснения заявить, что Гитлер, зная мою позицию, ни в коем случае не мог говорить об этих делах со мной, так как он опасался, что с моей стороны будет оказано резкое сопротивление. Я недавно уже сказал, почему я употребил термин "евреи" в моей речи. Мне казалось, что это было моим долгом, однако, в этом нет ничего общего с истреблением евреев. Я узнал о мероприятиях против евреев...

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но...

РЕДЕР: Простите. О еврейских делах я узнал кое-что только тогда, когда знакомые мне евреи, друзья моих старых родителей, обратились ко мне и заявили, что им отдан приказ эвакуироваться из Берлина, и они просили, чтобы я вступился за них. На мой вопрос тогда мне ответили, что их эвакуируют в города, где имеется гетто. В моем представлении гетто было городским кварталом, где проживали евреи, для того, чтобы они не сталкивались с остальным населением.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Слушайте, мой вопрос заключается только в следующем: знали ли Вы или нет, и Вы могли бы ответить - да или нет. Я хочу, чтобы Вы ответили на этот вопрос.

РЕДЕР: Я считаю своим долгом высказаться, поскольку этот вопрос здесь неоднократно ставился и поскольку любой человек с моими взглядами и моей ориентацией сказал бы то же самое, то-есть, что он ничего об этом не знал. Важно уточнить, что вообще не было возможным узнать чего-либо в этом отношении, так как гражданские лица никогда не говорили об этих делах, ибо они всегда опасались, что наговорят на свою голову, если затронут эту тему. Фюрер не говорил со мной об этом. С Гиммлером

у меня не было никаких связей, также и с другими органами гестапо. Я ничего не знал об этом.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хотел бы, чтобы Вы только рассказали Трибуналу о Вашей системе командования в отношении Балтийского побережья.

Правильно ли, что у Вас был командующий военно-морскими силами, а также флагманский офицер восточного побережья Балтийского моря, находившийся в Таллине, и в его подчинении у Вас имелся командный пункт в Либаве; это правильно? Такова была Ваша система командования?

РЕДЕР. Я не понял вопроса.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Существовал ли флагманский офицер в Таллине и подчинявшийся ему командный пункт в Либаве, в Вашей системе командования Восточно-Балтийского побережия? У Вас имелся ...

РЕДЕР. Я предполагаю, что ... смотря по тому, о чем шла речь. Если дело касалось оперативных вопросов, то они решались командующим Балтийским или Северным военно-морским флотом, если же речь шла об организационных мероприятиях, то, возможно, вопрос разрешался командующим отдельного военно-морского округа Балтийского моря.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Во всяком случае в 1941 г. у Вас был командный пункт в Либаве, не так ли?

РЕДЕР. Да, конечно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Теперь я бы хотел, чтобы Вы взглянули на документ Д-841, который представляет собой показания под присягой одного из военно-морских сотрудников в Либаве.

11442

H1203-0121

H1203 – 0122

Милорд, это документ Великобритания - 474. Свидетель сообщает: "Показания под присягой Бальтера Курта Дитман". Далее он говорит: "Я был инспектором военно-морских властей и заведывал складами одежды военно-морских сил в Латвии. Я занимал эту должность с начала августа 1941 г. до конца марта 1942 г. Еврейское население Либавы в то время составляло примерно 7000 человек. До конца марта 1942 г. много тысяч было уже "эвакуировано" гестапо и латвийской полиции - ей. "Эвакуирован" - это было местное выражение, означавшее истребление этих людей. Все евреи были зарегистрированы. Эвакуация новой партии происходила следующим образом:

Латвийская полиция вытаскивала евреев из домов, сажала их на грузовики и везла в морской порт, находившийся в 6-7 километрах от города. Позднее эти люди должны были ходить пешком. Их больше не возили на грузовиках. В морском порту этих людей расстреливали из пулеметов. Это производилось гестапо и латвийской полицией. Полиция, конечно, получала приказы от германского гестапо. Я лично не был свидетелем этих эпизодов, но мне о них рассказывали товарищи.

Некоторые из этих евреев вплоть до своего расстрела работали для военно-морского флота. Примерно 80-100 человек ежедневно работало на складах. Примерно 100-150 человек работало в конторе гарнизона. Около 50 человек ежедневно работало в строительной /морской/ конторе гарнизона.

Благодаря этому контакту и личным посещениям домов евреев я узнал об ужасах, происходивших в Либаве, в течение этих месяцев.

Я лично направился к моему начальнику фестунго-интенданту доктору Ланцелле, а до этого я также ходил к другому

моему начальнику, офицеру, возглавлявшему администрацию госпиталя, по фамилии Мюллер. Оба были сотрудниками военно-морской администрации. Я указал им на все эти вышеупомянутые злоупотребления и перегибк. Ответ, которий я получил, заключался в том, что они не могут ничего сделать и что на такие вещи лучше не обращать внимания.

Помощник начальника военно-морской администрации Курт Траунекер прибыл в Либаву из Киля, сопровождая транспорт с обмундированием. Он пробыл в Либаве несколько недель и выразил свое неудовольствие в связи с истреблением евреев.

Затем он вернулся в Киль, в местную контору складов обмундирования. Он вновь выразил здесь свое неудовольствие и ему было приказано явиться в штаб военно-морской администрации. Кого он там видел - я не знаю, но ему дали ясно понять, что все это ложь и что ему об этом больше не следует болтать, если он не хочет иметь серьезних неприятностей.

Мое личное мнение таково, что высшее командование военно-морских сил в Киле и в других местах Германии должно было знать об этих ужасающих событиях".

Подсудимий, утверждаете ли Вы, что принимая во внимание Ваши военно-морские отряды, находившиеся на Восточном побережье Балтики, и принимая во внимание эти ужасные события, никто Вам не докладывал о том, что евреев истребляли тысячами на восточних территориях? Вы все еще продолжаете утверждать это?

РЕДЕР. Да, я ничего не знал об этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разве Ваши подчиненные Вам не докладывали об этом? У вас был хороший штат? Скажите, был ли у Вас хороший штат?

11444

H1203 – 0123

H1203 – 0124

РЕДЕР. Этот вопрос сюда совершенно не относится. Естественно, меня окружали только дельные офицеры. Здесь речь идет о вещах, в которых военно-морской флот не принимал никакого участия. Здесь везде говорится об участии полиции. Один раз я был в Либаве, и там мне сказали, что весьма странно, что в Либаве евреи, вопреки своим обычным занятиям, являются в основном ремесленниками и что благодаря этому они там ведут весьма полезную деятельность. Это единственное, что я слышал по этому поводу. Относительно уничтожения евреев в Либаве ...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Когда Вы были в Либаве?

РЕДЕР. Я не могу сказать точно, это было в год ее занятия, вероятно, вскоре после занятия.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Были ли Вы там в 1941-42 году?

РЕДЕР. Я только что сказал, что не помню точно. Я должен просмотреть свои заметки. Здесь не говорится, что было что-то доложено, это, видимо, обсуждалось в управлении военно-морскими силами, а интендантское управление не докладывало мне. Безусловно, если бы я знал, я принял бы соответствующие меры.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы думаете, что Вы бы это сделали? Ну, хорошо. Сейчас расскажите мне о приказе относительно командос от 18 октября 1942 г. Вы получили этот приказ Гитлера о командос и направили его в различные подразделения военно-морского флота, не правда ли?

РЕДЕР. Да, я это передал через командование военно-морского флота.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы одобряли этот приказ?

РЕДЕР. Я не санкционировал его, я просто передал его по инстанции. Я должен в этой связи сделать разъяснение, если Вы хотите.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это не то, что я прошу Вас сделать. Я вначале прошу ответить на мой вопрос - одобряли ли Вы приказ о расстреле командос или же о том, что их следовало передать СД для расстрела? Одобряли Вы этот приказ?

РЕДЕР. Я не санкционировал этого приказа. Я его передал в том виде, в каком его составил фюрер и в каком он попал в мои руки, в соответствии с этим приказом, на котором была помятка о передаче его по инстанции и о пути его возвращения. В этом отношении все указания дал сам Гитлер. Для меня было важно, что в одном из первых абзацев этого документа были описаны случаи, на которых основан этот приказ и вследствие которых Гитлер счел себя вправе отклониться от норм международного права.

Далее следует указать, что я незадолго до этого был в Дьеппе, во Франции и узнал там, что во время операции командос англичан во Франции военнопленные, - мне кажется, что это были члены организации трудовой повинности, которые работали на побережье, - были закованы таким образом, что на шее у них находилась петля, а другой конец был закреплен у колена. Таким образом, если нога отнималась от усталости, петля стягивалась и человек погибал от удушья.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но все же ответьте на мой вопрос - одобряли ли Вы этот приказ? Вы еще на него не ответили. Одобряли ли Вы этот приказ?

РЕДЕР. Я все время говорю Вам ... да, я .... нет, я и не говорю ... я уже два раза сказал, я его лишь передавал,

11446

H1203 – 0125

H1203 - 0126

так как об этом имелся приказ верховного главнокомандующего.

Далее, в одном из последних абзацев было указано,что этот приказ не распространяется на обращение с военнопленными, захваченными во время боев на море и во время крупных десантных операций. Поэтому я, как и многие другие представители военно-морского флота, обратил основное внимание именно на эту оговорку, так как это относилось к главной сфере нашей деятельности. Однако, я не видел повода для того, чтобы опротестовывать этот приказ, который я считал вполне обоснованным, перед фюрером. Я хочу указать на то, что я, как солдат, не был в состоянии пойти к моему верховному главнокомандующему и главе государства и сказать ему: "Теперь представьте документы, которые обосновывают этот приказ". Это было бы бунтом и не могло иметь места ни при каких обстоятельствах.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разве Вы не помните один случай, который мы пространно обсуждали во время процесса, о котором Вы, вероятно, слыхали,- а именно случай с военными моряками, экипажем двухместной торпеды, пытавшимся потопить "Тирпиц"? Вы помните об этом случае? Вы наверняка можете ответить "да" или "нет", помните Вы об этом или нет? Мы обсуждали это раз шесть.

РЕДЕР. Да, я вспоминаю этот случай. Когда я помню, я всегда говорю "да". Совершенно излишне предполагать противоположное.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Знаете ли Вы, что в то время, когда Вы были генеральным инспектором или адмиралом-инспектором германского военно-морского флота, были основаны

11443

"командо дер Клайнкампффербэнде" /малые соединения/ под руководством вице-адмирала Гельмута Хеера, включавшие в свою систему торпеды и подводные лодки с экипажем из одного человека, моторные катеры с взрывчатыми веществами; кажется, численный состав этих соединений составлял от 5.000 до 16.000 человек? Вы знали, что были такие соединения в военно-морском флоте, "командо дер Клайнкампффербенде"? Вам это было известно?

РЕДЕР. Я знал об этом, а также и о том, что такие соединения совершенно открыто действовали в районе побережья Франции, а затем в районе северного побережья.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. И Вы отнеслись бы одобрительно, если бы союзники расстреляли кого-либо из нескольких тысяч членов этих соединений, которые составляли экипаж в 1-2 человека торпед или моторных лодок с взрывчатыми веществами? Вы одобрили бы, если бы мы просто расстреляли их?

РЕДЕР. Во-первых, я не могу сказать, что бы я сделал в определенном случае, когда мне вообще не оставалось ничего делать.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Ну, хорошо, если Вы не желаете отвечать, с меня этого достаточно. Я своевременно обращу внимание Трибунала с ....

РЕДЕР. Вы снова прервали меня. Я ведь хотел остановиться на двух моментах. Во-вторых, эти соединения действовали совершенно открыто в районе побережья. На борту у них не было никаких гражданских лиц и никаких средств для

11948

H1203 – 0127

H1203 – 0128

актов диверсий. Следовательно, это были совершенно такие же бойцы, как бойцы подводной лодки. Я знаю ...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вот именно это я и утверждаю о наших командо. По-этому я не буду обсуждать этого вопроса.

Перехожу к другому. По Вашему ли приказу был подделан судовой журнал на "Атении"? Было ли это сделано по Вашему непосредственному приказанию?

РЕДЕР. Нет, дело обстояло совершенно иначе. Я уже говорил, что мой приказ состоял в том, чтобы, во-первых, по приказу фюрера держать все это дело в тайне. Во-вторых, политическое рассмотрение этого вопроса и в дальнейшем остается за командованием военно-морского флота. В-третьих, я зачитаю этот пункт: "Я не подвергаю командира дисциплинарному взысканию, так как он действовал по заблуждению". Вот все, что я приказал. Другого приказа я не отдавал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Тогда знаете ли Вы, по чьему приказу был подделан судовой журнал? Мне необходимо это узнать. Судовой журнал был подделан. Я спрашивал подсудимого Деница, но он не смог мне ответить. В одном письменном показании под присягой он написал, что этот вопрос должен был быть оставлен для Вас. Теперь я Вас спрашиваю, можете ли Вы мне рассказать об этом. Мне кажется, что командир умер, насколько я помню, так что он рассказать мне об этом не может. Теперь Вы утверждаете, что Вы не можете сказать мне, по чьему приказу был подделан судовой журнал подводной лодки И-30, которая потопила "Атению".

РЕДЕР. Я уже говорил,что я с этим делом ничего общего не имел,так как я вообще не занимался такими деталями. Я не давал распоряжений по поводу таких мелких событий. И затем, мне кажется, адмирал Вагнер уже подробно показал о том,кто это сделал. Думаю, что это произошло во флотилии.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Скажите мне только следующее

11449

относительно "Атении". Вы показали на днях, что Вы дали эти приказы и затем умыли руки? Почти месяц спустя ....

РЕДЕР. Я уже сказал, что я не имел ничего общего с этим делом ....

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы не имели ничего общего с этим ... Почти месяц спустя, кажется, Вы сказали, что это было по приказу Гитлера, - министерство пропаганды выдвинуло предположение о том, что "Атения" была потоплена Черчиллем. Скажите, разве Вы, как гросс-адмирал и командующий германским военно-морским флотом, не сочли своим долгом выступить с протестом против такого позорного поклепа, что первый лорд британского адмиралтейства умышленно послал на смерть многочисленных британских и американских подданных? Разве Вы не сочли своей обязанностью сделать это?

РЕДЕР. Я говорил об этом с Гитлером, однако, это произошло без нашего ведома. Мне было чрезвычайно неприятно, что таким безответственным образом возводился поклеп на первого лорда английского адмиралтейства. Однако я ничего уже не мог изменить, и Гитлер не позволил мне ...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Насколько я Вас понял, Вы этим не обеспокоились, Вы совершенно не обеспокоились ...

РЕДЕР. Нет, я думал об этом. Я был возмущен. Не искажайте, пожалуйста, моих слов ....

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Скажите, Вы выразили свое возмущение каким-либо действиями? Вот о чем я спрашивал.

РЕДЕР. Действиями какого характера?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Любыми действиями.

РЕДЕР. Разве Гитлер должен был побудить Геббельса взять свои статьи? Гитлер не сделал этого, хотя он сам был инициатором.

11437

H1203-0129

H1203 – 0130

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хотел бы внести в этот вопрос совершенную ясность. Вы ничего не сделали, когда Вы узнали о том, что против фон Бломберга и фон Фрича, которые были Вашими старыми друзьями и товарищами, нацистскими заговорщиками были выдвинуты обвинения. Вы ничего не сделали по этому поводу? Вы ничего не сделали для того, чтобы протестовать против обращения, которому были подвергнуты фон Бломберг и фон Фрич? Вы совершенно ничего не сделали, не правда ли?

РЕДЕР. Нет. Однако, я в то время ничего не знал о тех закулисных причинах, о которых Вы сами сообщили сегодня утром. Я ничего не знал об этих причинах. Позже, когда я узнал о деталях, у меня создалась определенная картина, так как в то время я не мог предположить, что такие методы возможны.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо. Я предъявлю Вам Ваше собственное заявление, сделанное год тому назад. Я хотел бы внести полную ясность в вопрос, что в первый раз в жизни Вы протестовали, кажется, в марте 1945 года, после того, как Вы действительно увидели следы пыток на руках Вашего друга г-на Гесслера. Тогда советские войска были уже за Одером, а союзные войска - за Рейном. И только тогда в первый раз Вы протестовали, сняв с себя золотой значек партии, не правда ли? Это был первый протест, который Вы сделали за время Вашей карьеры в военно-морском флоте и политической деятельности; это правильно?

РЕДЕР. Совершенно неправильно. Я действительно не знал о том, что происходило.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, тогда я снова задам вопрос. В марте 1945 г. Вы сняли золотой партийный значок, когда увидали следы пыток на руках Вашего друга Гесслера. Это правильно?

РЕДЕР. Когда доктор Гесслер, которий, несмотря на мои возражения, несколько месяцев пробил в концлагере, возвратился из него в ужасном состоянии и сообщил мне, что, несмотря на мои просьби в августе, когда его направили в концлагерь и когда я через адмирала Вагнера обратился к фюреру с тем, чтобы он как можно скорее допросил доктора Гесслера, поскольку он, конечно, не был виновен в покушении, с тем, чтобы как можно скорее освободить его ...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я Вас только спросил: тогда-то Вы и сняли с себя партийный значок? Вы можете на это ответить. Можете дать пояснения позже.

РЕДЕР. Да, однако, подождите немного.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но до этого случая Вы никогда не протестовали против того, что делал Гитлер, за исключением действий чисто военного характера, т.-е. вторжения на территорию Советского Союза?

РЕДЕР. Я всегда заявлял самые серьезные протести. Я доказал здесь это. Адъютант, генерал Шмундт, сказал мне: "Вы достигнете больших результатов, если Вы повлияете на фюрера в беседе наедине с ним и откриго выскажете свою точку зрения". Однако, я сказал, что д-р Гесслер возвратился из концлагеря и сообщил мне, что во время первого допроса, когда я еще не мог вмешаться в это дело, он подвергался пыткам. Здесь я в первый раз услышал, что в Германии прибегают к

11452

H1203 – 0131

H1203 – 0132

питкам. Имеется письмо д-ра Гесслера о том, что я немедленно заявил ему, что решил пойти к фюреру и сообщить ему об этом. Я не представлял себе, что ему что-либо известно об этом деле. Гесслер, подтверждая это письмо, просил меня, чтобы я сейчас не ходил к фюреру, так как в таком случае я подвергаю угрозе его жизнь. Я ответил, что я ручаюсь, что с ним ничего не случится и что я все же попытаюсь поговорить об этом с фюрером. Весь последующий период я пытался поговорить с фюрером, но его не было в Берлине. Когда в апреле я узнал, что он возвратился в Берлин, подвергавшийся сильной бомбардировке, я неоднократно пытался говорить с ним; ежедневно звонил адмиралу Фоссу о том, что я хочу попасть на прием к фюреру. Однако это мне не удалось. Когда я получил это известие, первое, что я сделал, - я пошел со своей женой на озеро за моим домом, и бросил в воду свой золотой партийный значок. Я сообщил об этом адмиралу Фоссу, но, к сожалению, я не мог уже сообщить этого фюреру. Это следует из письма г-на д-ра Гесслера, которого мы охотно вызвали бы сюда в качестве свидетеля, но это невозможно из-за состояния его здоровья.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это был Вам первый протест?

РЕДЕР. Нет, это не было моим первым протестом. Это извращение моих слов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто-либо еще хочет подвергнуть подсудимого перекрестному допросу?

/ К микрофону подходит полковник Покровский/.

ПОКРОВСКИЙ. 18 мая, на утреннем заседании суда, Вы показали, что за время своей службы в качестве главнокоман-

дующего военно-морским флотом Вы два раза подавали в от - ставку. В первый раз это было в ноябре 1938 года, когда речь шла о строительстве флота и Гитлер был недоволен этим планом. Второй раз - когда Гитлер без Вашего ведома разре- шил своему адъютанту, являвшемуся морским офицером, женить- ся на какой-то девушке. Не так ли?

РЕДЕР. Да, это так. Однако я подавал еще и другие прошения об отставке, которые были изложены не в такой ка - тегорической форме. Это было в 1937 году и, мне кажется, в 1935 году, когда состояние моего здоровья было не совсем важным. Это были, однако, особенно типичные примеры того, как возникали прошения об отставке.

ПОКРОВСКИЙ. В первом случае из этих двух Гитлер Вас уговаривал не подавать в отставку?

РЕДЕР. Да.

ПОКРОВСКИЙ. Во втором случае он уступил Вам, но за - помнил это навсегда?

РЕДЕР. Да, это так.

ПОКРОВСКИЙ. Фактически в отставку Вы ушли в январе 1943 года? Это правильно?

РЕДЕР. Фактически, да. Но я должен добавить, что во время войны я чувствовал,что не могу уйти из военно-морско- го флота, который находился уже тогда в таком тяжелом поло- жении, и я полагал, что тогда я еще пользовался в известной степени его доверием и мог принести пользу.

ПОКРОВСКИЙ. Утром, 18 мая Вы сказали здесь, в суде, по поводу Вашей отставки, что Вам казалось, что Гитлер в тот момент хотел от Вас отделаться. Это правильно?

11454

H1203 – 0133

H1203 – 0134

РЕДЕР. В тот период у меня сложилось впечатление ... В связи с тяжестью обвинения, которое он предъявлял мне и которое противоречило его прежним суждениям, у меня созда - лось впечатление, что он хочет освободиться от меня, и что поэтому сейчас самый благоприятный момент уйти в отставку:

ПОКРОВСКИЙ. Вопрос о преемниках был разрешен таким образом, что Вы назвали Гитлеру несколько фамилий?

РЕДЕР. Да.

ПОКРОВСКИЙ. И среди них был подсудимый Дениц? Вы назвали его фамилию?

РЕДЕР. Да, я назвал его фамилию, в письменной форме. Я сообщил фюреру: во-первых, Карлс, во-вторых, на тот слу - чай, если он хочет перенести центр тяжести на подводную войну, чтобы он назначил адмирала Деница, который пользовал- ся в этой области наибольшим авторитетом.

ПОКРОВСКИЙ. Не кажется ли Вам после Ваших ответов на мои вопросы, что тот ответ, который Вы дали адвокату Латерн- веру 18 мая об абсолютной невозможности уйти в отставку из генерального штаба, - не является верным? Ведь можно было выходить в отставку?

РЕДЕР. Да, но в данном случае имелись две предпосылки. Первая заключалась в том, что Гитлер больше меня не любил, и я знал об этом, так что, если бы я по какой-либо причине ушел бы со своего поста, это не было бы актом неподчинения. И, во-вторых, как я установил в беседе с ним, это расстава- ние могло бы произойти мирно и, таким образом, военно-мор - ской флот не пострадал бы от такой замены. Если бы я ушел от него со скандалом, то это имело бы весьма неприятные последствия для военно-морского флота, так как таким образом

11455

получился бы известный разрыв между военно-морским флотом и Гитлером. Вследствие этого в тот критический период войны я придавал очень большое значение единству и сплоченности.

ПОКРОВСКИЙ. Я хочу, чтобы Вы правильно поняли мой вопрос.

РЕДЕР. Да, я понимаю его.

ПОКРОВСКИЙ. Я оставляю в стороне вопрос о тех предпосылках, которые могли привести к удовлетворению Вашего ходатайства об отставке. Я ставлю вопрос принципиально: можно или нельзя было уходить в отставку?

РЕДЕР. Как?

ПОКРОВСКИЙ. Можно или нельзя было уйти фактически в отставку. Вы же ушли в отставку с поста главнокомандующего?

РЕДЕР. Да. Я уже 15 лет состоял на службе и я мог ему сказать: "Если Вы сами так оцениваете меня, тогда не имеет смысла продолжать работать со мной". Это было благоприятным моментом, т.-е. моментом, когда я мог просить его об отставке. Однако я не мог просто сложить с себя свои обязанности, так как это произвело бы впечатление, что я не хочу более подчиняться ему. Этого бы я никогда не сделал, так как я - солдат.

ПОКРОВСКИЙ. Что я хотел услышать на мой вопрос, - я услышал. Перейдем к следующему вопросу. Вы утверждали, что все время стремились к нормализации отношений с Советским Союзом? Это - правильно?

РЕДЕР. К сожалению, я не понимаю, что говорит этот господин.

ПОКРОВСКИЙ. Вы утверждали, что все время за время

11456

H1203 - 0135

H1203 – 0136

своей службы стремились к нормализации отношений Германии с Советским Союзом. Это правильно?

РЕДЕР. Да, я всегда выступал за политику Бисмарка, которая заключалась в том, чтобы мы шли в ногу с Россией.

ПОКРОВСКИЙ. Если я правильно понял Ваше показание позавчера и в пятницу, то Вам было известно уже в 1940 году о том, что Гитлер хотел напасть на Советский Союз?

РЕДЕР. В сентябре 1940 года я в первый раз услышал лично от Гитлера несколько высказываний о том, что он при определенных предпосылках предполагает вести войну с Россией. Он еще в своих директивах говорил об условиях для этого. Тогда, таким образом, он не говорил мне о том, что он безусловно хочет вести войну, а указывал, что мы должны считаться с возможностью войны. Это стоит в абзаце 1/ а именно, что мы должны были выступить с оружием в руках против России еще до поражения Англии, и уже в сентябре я начал делать ему представления по этому поводу.

ПОКРОВСКИЙ. Не было ли такого случая, чтобы Вы утверждали, что те объяснения, которые давали официальные германские органы о причинах нападения на Советский Союз, производили на Вас и на других лиц впечатление целеустремленной пропаганды и действовали отталкивающе?

РЕДЕР. Пропаганда Гитлера производила впечатление? Я этого совсем ....

1145

ПОКРОВСКИЙ. Мне кажется, что Вами однажды в письменном виде была высказана такая мысль, что ОКВ и министерство иностранных дел таким образом объясняли германскому народу причины нападения на Советский Союз, что эти объяснения производили впечатление целеустремленной пропаганды и действовали отталкивающе. Вы не помните об этом?

РЕДЕР. Да, Вы, очевидно, имеете в виду то, что в начале войны было сообщено по радио от имени министерства иностранных дел? Да, это была пропаганда Гитлера для того, чтобы объяснить немецкому народу эту войну. Это правильно.

ПОКРОВСКИЙ. Я хочу, чтобы Вы взглянули на один документ. Этот документ написан Вами и я хочу, чтобы Вы сказали, написано ли в этом документе то, о чем я сейчас Вас спрашивал?

/ смотри следующую страницу /

11458

H1203 – 0137

H1203 – 0138

РЕДЕР. Где это? – "В начале войны", – это место? Разрешите прочитать? Изданные в начале войны пропагандистские, политические и военные статьи министерства иностранных дел и командования вооруженных сил, которые должны были оправдать разрыв договора нарушениями со стороны Советского Союза, пользовались как в народе, так и в вооруженных силах очень небольшим доверием. Они носили слишком большой отпечаток определенно направленной пропаганды и производили отталкивающее впечатление".

Мне известно, что в то время сам Гитлер вместе с Геббельсом составлял эти документы.

ПОКРОВСКИЙ. Вместе с этим вопросом у меня к Вам следующий вопрос. Следует ли Вас понять таким образом, что Ваши расхождения с Гитлером по вопросам внешней политики в части агрессивной войны были менее остры, чем в вопросе, ну, скажем, о женитьбе морского офицера на какой-то девушке. Вы поняли меня?

РЕДЕР. Нет. Все это проходило в совершенно другой плоскости. Это были военные вопросы, где, в конце концов, политическое решение принималось фюрером. Я очень резко выступал против его взглядов, когда речь шла о вопросах морали, также резко я выступил и по поводу пакта. Однако я не послал ему письменного ультиматума, так как при этих обстоятельствах это было бы не по военному. В этом вопросе право принятия окончательного решения принадлежало не мне, а ему, в то время, как по вопросу об Альберхте мое решение было основным, я мог дать или не дать разрешения, мог подписать или не подписать.

ПОКРОВСКИЙ. Вы говорите, что эти вопросы морали. Не кажется ли Вам, что неспровоцированное нападение на страну,

11459

с которой Германия имела договор о ненападении, также связано с вопросами морали.

РЕДЕР. Да, само собой разумеется, я сказал, что и здесь главное внимание я обратил на моральную сторону вопросов и, несмотря на это, я, как старейший солдат военно-морского флота, не мог грозить в этот момент своей отставкой. Я был слишком солдатом, чтобы сделать это. Я не мог оставить свой морской флот в такой период времени.

ПОКРОВСКИЙ. Отвечая на вопросы Вашего защитника, Вы заявили здесь, на суде, что Ваша речь, произнесенная Вами 12 марта 1939 года (это 169 страница русского перевода, документальная книга Редера, милорд), где Вы восхваляли Гитлера и гитлеровскую политику, не соответствовала Вашим подлинным взглядам. Это верно или нет?

РЕДЕР. Нет, в таком смысле это неправильно. Я сказал, что у нас есть опыт относительно того, что коммунисты и евреи с 1917 по 1920 год сильно подрывали нашу стойкость и вследствие этого совершенно понятно, что национал-социалистское правительство выступило таким образом против тех и других с тем, чтобы ослабить их влияние, которое было чрезмерно большим. В этом заключался смысл моих высказываний. Относительно возможных далеко идущих шагов я не упоминал ни одним словом.

ПОКРОВСКИЙ. Короче говоря, сейчас Вы заявляете, что то, что было произнесено Вами 12 марта 1939 года, соответствовало Вашим взглядам и Вашим мыслям. Я правильно говорю?

РЕДЕР. Да, в противном случае я этого бы не сказал. Это соответствует истинному положению вещей постольку, поскольку я должен был признать, что правительство, национал-

11460

H1203 – 0139

H1203-0140

социалистское правительство, каким-то образом ослабило это влияние, ставшее, по всеобщему мнению, чрезмерно сильным. Ведь оно же издало нюрнбергские законы, как я уже показал вчера. Правда, вследствие тех перегибов, которые в них имелись, я их полностью не одобрял. Однако, при такой позиции правительства, во время официальной публичной речи, с которой я выступал по поручению правительства, я не мог изложить других взглядов, которые могли иметься лично у меня. Эта позиция была выражена в соответствии с государственным характером этой речи.

ПОКРОВСКИЙ. Я не склонен сейчас...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сможете ли Вы закончить буквально через несколько минут? Сейчас уже пять минут шестого...

ПОКРОВСКИЙ. Мне кажется, милорд, что я могу закончить в течение десяти минут, у меня осталось всего три-четыре вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

ПОКРОВСКИЙ. В целях экономии времени я не думаю дискутировать с Вами о мотивах, по поводу которых Вы произнесли речь. Мне очень важно, чтобы Вы сказали, что эта речь соответствовала Вашим взглядам и настроениям.

Переходим к следующему вопросу. 29 сентября 1941 года Ваш начальник штаба, адмирал Фрике или Фрикс, я, кажется, правильно называю его фамилию...

РЕДЕР. Да, Фрике, он был начальником штаба командования военно-морских сил.

ПОКРОВСКИЙ. Вот этот самый Фрике издал директиву о будущей судьбе Ленинграда. Вы знаете, о каком документе идет речь, или Вам нужно его показать?

11401

РЕДЕР. Нет, я знаю этот документ совершенно точно.

ПОКРОВСКИЙ. Эта директива была издана с Вашего согласия?

РЕДЕР. Я не отдавал об этом приказа, так как не было необходимости передавать ее дальше. Разрешите мне очень коротко изложить все обстоятельства этого дела.

ПОКРОВСКИЙ. Но именно я попрошу Вас коротко изложить.

РЕДЕР. Хорошо. Совершенно кратко. Услыхав о том, что Гитлер намеревается в ходе войны подвергнуть обстрелу Ленинград, я обратился к нему с ходатайством пощадить портовые и судостроительные сооружения, так как позднее мы могли бы их использовать, в виду необходимости все время перемещать наши базы дальше на восток, вследствие налетов английской авиации в Балтийском море. Я не помню, по какому поводу, но совершенно незадолго до того времени, о котором Вы говорили, адмирал Фрике был в главной ставке и беседовал там с фюрером. Я не присутствовал при этой беседе. Фюрер изложил перед ним этот проект обстрела Петербурга с самолетов, причем в тех, весьма преувеличенных, выражениях, которые затем были включены в этот документ. Военно-морской флот не имел ничего общего с обстрелом Ленинграда. Мы не получали никакого приказа по этому поводу. Нас интересовал только единственный момент, на котором я уже останавливался, а именно, чтобы были пощажены верфи и портовые сооружения.

Фюрер сообщил Фрике, что он, к сожалению, не в состоянии осуществить нашего требования, так как обстрелом, в особенности с самолетов, нельзя так точно управлять. Для нас теперь было важно передать генерал-адмиралу Карлсу из всего этого вопроса только одно, а именно, что Ленинград, в случае его захвата, нельзя рассматривать как базу. И генерал-адмирал Карлс вследствие этого должен был прекратить

11462

H1203 – 0141

H1203 – 0142

ту подготовку, которую он начал в отношении перемещения в этот район рабочих, немецких рабочих и, возможно, машин, предназначавшихся для дальнейшего использования в Ленинграде. Об этом должен был знать Карлс, и, так, как это было в письменной форме, - наш отдел тила. Поэтому-то адмирал Фрике и передал эту бумагу дальше и, к несчастью, включил в нее преувеличенные выражения Гитлера, которые не имели ничего общего с нами, поскольку этот обстрел нас совсем не касался. Тем, что он включил эти выражения, он ни в коей мере не взял на себя ответственность в том смысле, будто бы он одобрял их. Он полагал только, что он должен передать текст приказа Гитлера. Таким образом, военно-морской флот ничего не имел общего с этим делом. Было излишним передавать эти слова. К несчастью и по плошности это выражение Гитлера было включено в приказ. Однако, вслед за этим приказом ничего не было предпринято, и эта бумага не была передана дальше генерал-адмиралом Карлсом, хотя бы нашему командующему в Финляндию. Вот, как обстояло дело.

ПОКРОВСКИЙ. Мне кажется, что несколько осложнен вопрос. Я поставил его проще. Ваш начальник штаба, начальник оперативного отдела спускает директиву. Вы знали об этой директиве?

РЕДЕР. Нет, это не директива. Это вытекает также из того, как свидетельствует фотостат, что этот документ мне не был передан для передачи его по инстанции, что этому отношению не придавали большого значения. Это не директива о проведении какой-либо операции или важнейших мероприятий, это было лишь распоряжением о том, чтобы то, что предполагалось предпринять для оборудования баз, должно быть отменено. Следо-

11463

вательно, ничего не предпринималось. Таким образом, вслед за тем, как адмирал Фрике передал дальше этот документ, вообще ничего не произошло. Следовательно, эта передача была излишней.

ПОКРОВСКИЙ. Речь идет об уничтожении одного из крупнейших городов Советского Союза. Речь идет о том, что нужно сравнять этот город с землей. А Вы говорите, что этот вопрос сравнительно мелкий, этот вопрос мог пройти мимо Вас, как начальника Фрике. И Вы хотите, чтобы Трибунал и обвинение Вам поверили?

РЕДЕР. Да, само собой разумеется. Речь идет не об обстреле Ленинграда, с которым мы ничего общего не имели, а о небольшом вопросе, который касался нас. Это был вопрос о том, могли ли мы в дальнейшем оборудовать там базу и для этого перевезти туда рабочих, машины и материалы. Это было мелочью. Обстрел Петербурга, конечно, большое дело.

ПОКРОВСКИЙ. Я думаю, что Трибунал сумеет разобраться и сделать необходимые выводы и из этого документа и из Ваших показаний.

У меня остается к Вам последний вопрос. Не было ли сделано Вами 28 августа 1945 г. в Москве письменного заявления о причинах поражения Германии?

Редер. Да, это так. После поражения я очень детально занимался этим вопросом.

ПОКРОВСКИЙ. Мы передаем, милорд, этот документ Трибуналу в выдержках под № СССР-460. Я хочу, чтобы для сокращения времени Вы выслушали несколько кратких отрывков из этого заявления.

(Обращаясь к Редеру). Вам покажут, где они находятся в подлиннике, и затем Вы ответите суду, правильно ли все

11464

H1203-0143

H1203 – 0144

это было оглашено и подтверждаете ли Вы это заявление.

"Мое отношение к Адольфу Гитлеру и партии. Роковое влияние на судьбу немецкого государства оказала личность Геринга". Вы нашли это место?

РЕДЕР. Да, я нашел это место.

ПОКРОВСКИЙ. "Невообразимое тщеславие..."

ЗИММЕРС. Разрешите мне попросить у Вас один экземпляр с тем, чтобы я мог следить за ходом процесса.

ПОКРОВСКИЙ. "Невообразимое тщеславие и непомерное честолюбие были его главными особенностями. Погоня за популярностью и эффектом, неискренность, безответственность и эгоизм, которых не останавливали интересы государства и народов, жажда к наживе и расточительность, нисколько не солдатское поведение – характеризуют его".

Затем несколько дальше. "Я убежден, что Гитлер раскусил его еще раньше, продолжая, однако, его использовать, где это казалось целесообразным, нагружая его все новыми и новыми задачами для того, чтобы не делать его опасным для себя лично".

На странице 24 Вашего документа Вы даете другую характеристику:

"Фюрер старался показать, что его отношение ко мне является хорошим. Он знал, что я пользуюсь почетом и доверием в действительно важных кругах немецкого народа так же, как, например, барон фон Нейрат, граф Шверин Крозиг, Шахт, Дортмюллер и другие, чего нельзя было сказать о Геринге, фон Риббентропе, докторе Геббельсе, Гиммлере, докторе «Лей".

Теперь я попрошу Вас найти 37-ю страницу.

РЕДЕР. Однако здесь кое-что выпущено: "В такой же

степени, как, например, в отношении барона фон Нейрата, графа Шверин фон Крозиг, Шахта, Дорпмюллера и других". Это было написано на другой странице.

ПОКРОВСКИЙ. Очевидно, Вам не перевели, я зачитывал это место.

Теперь страница 27. Это место отчеркнуто у Вас красным карандашом. "Сильное подчеркивание Деницем партийной стороны также затрудняло его руководство морским флотом..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (прерывая). Мне кажется, что Трибунал сам сможет прочесть это, если подсудимый утверждает, что он действительно написал этот документ. Доктор Зиммерс, вероятно, сможет проверить это впоследствии и проследит за тем, чтобы не было никаких неточностей.

ПОКРОВСКИЙ. Очень хорошо, милорд. Тогда я буду иметь возможность ставить вопросы короче (Обращается к подсудимому).

Я попрошу Вас посмотреть отмеченное место на странице 29, где речь идет о фельдмаршале Кейтеле и Кольце. Вы подтверждаете все это? Я просил бы Вас посмотреть документ и в отношении всего, что Вы прочтете и что я огласил, я хочу услышать ответ - подтверждаете ли Вы все это?

(К микрофону подходит защитник Зиммерс).

ЗИММЕРС. Господин председатель, я согласен с предложением суда. Я только прошу, чтобы этот документ был пред"явлен полностью. Полагаю, что полковник Покровский согласен с этим.

11466

H1203-0145

H1203 – 0146

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Конечно, д-р Зимерс, если представляется в качестве доказательства какая-либо одна часть документа, Вы можете сослаться на остальную часть документа. Вы можете представить эту остальную часть документа в качестве доказательства, если Вы желаете.

РЕДЕР. Я сказал, что тогда я пытался уяснить себе причины нашей катастрофы.

ПОКРОВСКИЙ. Я попрошу Вас сначала дать ответ: "да" или "нет".

РЕДЕР. Да, в общем и целом я вполне согласен с этой оценкой. Однако мне хотелось бы добавить в этой связи, что я сделал эту запись при совершенно иных условиях. Я не хотел бы здесь упоминать деталей и я никогда не рассчитывал на то, что эти мои показания станут известны общественности. Эти записи предназначались лишь для меня и для моей позднейшей оценки этих событий.

Я хотел бы здесь особенно попросить о том, чтобы то, что я сказал относительно г-на генерал-полковника Йодля, также было включено в протокол заседания или тула, куда это положено. Это следует за характеристикой фельдмаршала Кейтеля. В частности, я хотел бы подчеркнуть, что я хотел бы сказать, что поведение генерал-фельдмаршала Кейтеля по отношению к фюреру привело к тому, что он долгое время мог поддерживать с ним терпимые отношения, в то время как если бы кто-либо другой находился на этой должности, то ежедневно или через день происходили бы столкновения с фюрером, и тогда была бы невозможна работа всех вооруженных сил.

Вот основание и об"яснение тому, что я этим хотел сказать.

11417

ПОКРОВСКИЙ. У советского обвинения больше нет вопросов к подсудимому Рекеру.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, имеется ли перед Вами весь документ? То, что у Вас было, являлось подлинным документом?

РЕДЕР. Так точно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Написано Вами от руки?

РЕДЕР. Нет. Он написан на пишущей машинке, однако, подписан мной.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тогда документ может быть передан доктору Зимерсу. Доктор Зимерс, хотите ли Вы поставить дополнительные вопросы, кроме представления этого документа в качестве доказательства? Имеются ли у Вас еще какие-нибудь вопросы, кроме представления документа в качестве доказательства?

ЗИМЕРС. Да, я хотел бы произвести вторичный перекрестный допрос в связи с допросом, проведенным сэром Дэвидом, и прошу суд разрешения на это, так как я пока ознакомлюсь с документом, а завтра поставлю вопросы также и по этому документу.

(К микрофону подходит представитель американского обвинения господин Додд).

Г-н ДОДД. Господин председатель, в отношении этого документа я понял, что Трибунал распорядился о том, чтобы копии этого документа были переданы всем защитникам? Имеются вопросы, касающиеся подсудимых, в отношении которых защитники могли бы изъявить желание произвести допрос. Иначе они будут застигнуты врасплох.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думал, что справедливо, чтобы доктор Зимерс ознакомился с документом.

Г-н ДОДД. Хорошо. Я не возражаю против этого. Однако я указываю на то, что здесь имеются ссылки и на других подсудимых

11468

H1203 – 0147

- не только на подсудимого, которого защищает доктор Зимерс. И если не дать другим ознакомиться с этим документом, дав им его прочесть или передав им его в виде перевода, - то, позже, они могут заявить, что они застигнуты врасплох и не имели возможности произвести допрос в связи с данным документом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думаю, что должны быть сняты фотокопии с этого документа с тем, чтобы можно было ознакомить с этим документом всех подсудимых, на которых имеются ссылки.

Г-н ДОДД. Я как раз хотел это предложить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

(Об"является перерыв до 10 часов 21 мая).

ЖК-МС-
ВД-ВВ.

11469

H1203 - 0148

H1203 – 0149

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА от 21 мая 1946 года.

(Утреннее заседание).

Встать! Суд идет!

ЗИМЕРС. Г-н гроссадмирал, в дополнение ко вчерашнему допросу я хочу в форме повторного допроса задать некоторые дополнительные вопросы.

Сэр Дэвид говорил о том, что Вы в 1933 г. начали осуществлять перевооружение за спиной законодательных органов. Я думаю, что этот вопрос сам по себе был выяснен. Разрешите дополнительно задать только один вопрос:

От кого зависело то, что представлялось Рейхстагу?

РЕДЕР. От имперского министра обороны.

ЗИМЕРС. Имперский министр обороны был в то время?

РЕДЕР. Он был членом правительства и моим непосредственным начальником. Я должен был представлять ему все, что я хотел провести.

ЗИМЕРС. И его фамилия была Гренер? Это верно?

РЕДЕР. Гренер.

ЗИМЕРС. Разрешите напомнить Высокому Трибуналу выдержку из конституции, которую я недавно представил под № Редер - 3, согласно которой 50-я статья определяет, что все постановления и распоряжения, также и относящиеся к вооруженным силам, издаются президентом. Для того, чтобы распоряжение вступило в силу, оно должно было быть скреплено подписью рейхсканцлера или соответствующего имперского министра. Тем самым подписывающий брал на себя ответственность. В дан-

ном случае соответствующим министром является имперский министр обороны. То, что затем делается правительством по отношению к законодательным органам, является делом правительства.

Сэр Дэвид пред"явил Вам документ С-117, оглавление книги полковника Герф под заглавием "История германского военно-морского флота с 1919 по 1939 год". Была ли эта книга вообще когда-нибудь написана?

РЕДЕР. Насколько я знаю, было составлено только оглавление. Я полагаю, что если бы что-нибудь было написано, то это было бы представлено мне. Но я ничего никогда об этом не слышал.

ЗИММЕРО. Разрешите напомнить Трибуналу о том, что американское обвинение в свое время при представлении этого документа указало на то, что, насколько это известно обвинению, эта книга не была написана.

Я думаю, что очень трудно пред"являть обвинение на основании оглавления, но я прошу Вас сказать мне, когда Вы ознакомились с этим оглавлением?

РЕДЕР. Я ознакомился с ним здесь при моем первом допросе американским представителем обвинения.

ЗИММЕРО. Затем, вчера утром вам был представлен документ Д-854, ВВ-460. Разрешите вернуться к одному вопросу сэра Дэвида. Он прочел на первой странице:

"Но, чтобы там ни говорили, почти во всех областях вооружения военно-морского флота еще задолго до 16 марта 1935 г. буква и уже во всяком случае дух Версальского договора были нарушены, по крайней мере, было подготовлено это нарушение".

11471

H1203 - 0150

H1203 – 0151

Сэр Дэвид спросил Вас: "Станете ли Вы утверждать, что это неверно?". Вы ответили, но не закончили свой ответ. Во всяком случае, ни на немецком, ни на английском языке Ваш ответ не был совершенно ясен.

Я прошу Вас сказать, почему Вы считаете, что Асманн в этом утверждении был не совсем прав?

РЕДЕР. Это большое преувеличение, потому что, во-первых, эти нарушения, как доказано здесь, были очень незначительными в отдельных... большей частью, и лишь большое количество мелких отклонений, возможно, создало впечатление, что договор неоднократно нарушался.

Во-вторых, мы в существенных частях далеко не выполнили того, что было разрешено по Версальскому договору. Кроме того, речь шла только о вопросах обороны и притом весьма важной обороны, так что это сильно преувеличенное изложение.

ЗИММЕРС. Следовательно, Вы хотите сказать, что выражение Асманна "почти во всех областях вооружения" неверно?

РЕДЕР. Да, к такому заключению он пришел наверно на основании документа С-32, так как там перечислены очень многие пункты, которые при ближайшем рассмотрении оказываются, однако, очень мелкими.

ЗИММЕРС. В самом существенном вопросе вооружения, в вопросе строительства крупных кораблей, военно-морской флот не нарушил Версальского договора?

РЕДЕР. Нет, нет.

ЗИММЕРС. Сэр Дэвид придавал особенно большое значение, подчеркнув это три раза, тому что Вы оказывали Асманну особое доверие. Я ничего не могу возразить против этого, я хочу только поставить дополнительный вопрос:

Настолько ли велико было Ваше доверие к нему, что Вы считали заключения Асманна юридически правильными? Вы ли Асманн юристом?

РЕДЕР. Нет. Асманн был флотским офицером, которого больше не использовали на фронте, но который очень хорошо писал и который написал несколько томов о первой мировой войне. Он писал очень искусно, однако, и эти тома о первой морской войне были в очень значительной степени исправлены другими соавторами. Но о нем самом и о его описании истории нельзя сказать ничего плохого.

ЗИМЕРС. Гросс-адмирал, шла ли в отношении этой работы речь. Я думаю, Вы еще помните вчерашнее - вообще об окончательном историческом исследовании, об окончательно отредактированном произведении?

РЕДЕР. Нет. Насколько мне известно, работа не зашла еще так далеко. Он делал сопоставления и брал выдержки из дневников военных действий и протоколов.

ЗИМЕРС. В книге Асманна написано: если при таком положении вещей на 1935 год была предусмотрена подготовка к строительству 12 подводных лодок водоизмещением в 275 тонн, 6 подлодок по 550 тонн и 4 - по 900 тонн водоизмещения, а на 1936 г. - шести или восьми подводных лодок водоизмещением по 550 тонн, то при этом необходимо учитывать существовавшие в то время стратегические условия.

Если я подведу итог, то получается, что было намечено 22, а на будущий год еще 14 подлодок. Они были предусмотрены, но еще не были построены. Считаете ли Вы эти цифры правильными?

РЕДЕР. По моему мнению, эти цифры правильны; только мне не вполне ясно упоминание об этих лодках по 900 тонн водоизмещением. Я не припоминаю, чтобы мы в то время строили подводные лодки по 900 тонн, потому что в то время первыми типами, кроме 250 тн: были подлодки по 550 тонн и лишь позднее стали строиться подлодки по 740 тн. Может быть, они и имеются в виду. Подлодок, водоизмещением в 900 тонн,

11473

H1203 – 0152

H1203 – 0153

мы не строили.

Зиммерс. Сэр Дэвид огласил Вам на странице 158, следующее предложение, которое я хочу повторить, так как оно нуждается в об"яснении.

"Возможно, что именно в области строительства подводных лодок Германия меньше всего придерживалась границ германо-английского договора. С учетом количества тех подлодок, строительство которых уже началось, на 1938 год можно было запланировать строительство примерно 55 подводных лодок. В действительности было построено и начато строительством 118 подлодок".

Конец цитаты.

Я напоминаю Вам о том, что в подлиннике это примечание 6, хотя записка начальника бюджетного отдела штаба военно-морского флота...

РЕДЕР. Да.

ЗИММЕРС... относящаяся к 1942 г., в которой, предположительно начальник бюджетного отдела ВМФ сообщал, насколько в течение года был увеличен подводный флот. Я думаю, что эти цифры требуют раз"яснения.

По моим сведениям эти 55 подводных лодок соответствуют условиям Лондонского соглашения, а именно соответствуют тем 45 процентам, которые были установлены по договору 1935 года.

Вы не можете по памяти назвать точные цифры, но приблизительно это правильно?

Редер: Да, это может быть правильным.

ЗИММЕРС. Число 118, по моим данным, также хорошо

обосновано. Это число, соответствующее 100-процентному по тоннажу соотношению подводных флотов. Если бы у нас было 118 подводных лодок, то наш подводный флот бы бн таким же, каким располагала в то время Англия. Это правильно?

РЕДЕР. Да, это верно. И верно также то, что эти остальные подводные лодки мы включили в бюджет и начали постройкой после того, как 30 декабря в Берлине мы с адмиралом Кэннинхэмом и сопровождавшими его лицами достигли дружественного соглашения о том, что в соответствии с договором мы можем строить все 100 процентов. А то замечание, которое было прочитано вначале, что мы в этой области больше всего нарушали условия договора - абсолютная ложь. До начала войны мы строили лишь столько подводных лодок, сколько мы имели право строить, а именно - сначала 45, а потом 100 процентов.

То, что мы так поступали, было, конечно, большой ошибкой.

ЗИММЕРС. Гросс-адмирал, Вы сейчас только что сказали, "абсолютная ложь"?

Я думаю, что хотя сэр Дэвид и употребил это выражение в применении к Вам, все же не следует в ысказываться так резко в отношении Асманна. Не думаете ли Вы, господин гросс-адмирал, что Асманном здесь скорее допущена юридическая ошибка...?

РЕДЕР. Да, это может быть.

ЗИММЕРС. ... который, делая эту запись, не думал что это было сделано, а именно, что в 1938 году - как Вы только что сказали - между Англией и Германией было заключено соглашение о том, что Германия в дальнейшем может

11475

H1203 - 0154

H1203 – 0155

строить все 100%.

РЕДЕР. Да, это могло быть. Я хотел сказать "совершенно неправильно".

ЗИМЕРН. Я хочу напомнить Высокому Трибуналу о том, что в морском соглашении от 1935 года с самого начала было предусмотрено 100 процентов и что Германия добровольно отказалась от этого, но получила право в любое время перейти к 100 процентам с обязательством известить об этом Англию.

Таким извещением явилось то, что Вы нам сейчас описали - переговоры с адмиралом Кунинингамом. Правильно ли я Вас понимаю?

РЕДЕР. Да, это было 30 декабря 1938 года, 30 или 31 декабря.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Утверждает ли подсудимый, что было уведомление адмиралу Кунинингаму 30 декабря 1938 г.? Вы это сказали? Утверждаете ли он, что такое извещение было послано адмиралу Кунингаму 30 декабря?

РЕДЕР. Г-н адмирал Кунингам приехал в Берлин для этих дружественных переговоров, предусмотренных по договору, и 30 декабря мы с ним достигли соглашения о том, что отныне вместо 45 процентов можно будет строить 100%

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это была устная или письменная договоренность?

РЕДЕР: Это были переговоры между начальником штаба военно-морского флота и адмиралом Кунингамом и отдельными лицами, я сейчас не могу их назвать. Я считаю, что, вероятно, был составлен протокол.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте.

ЗИМЕРС: К сожалению, господин председатель, я до сих пор не смог найти письменного документа. Я знаю лишь из документа "Редер № II", это соглашение от 1935 г. о том, что Германия имела право увеличить тоннаж, из соглашения от 1937 г. о том, что Германия была обязана поставить об этом в известность Англию. Обычно в дипломатических отношениях такого рода всегда избирается путь составления письменных документов, хотя это, насколько я знаю, это не является обязательным. Переговоры по этим вопросам велись, как это сейчас подтвердил свидетель.

РЕДЕР: Я могу добавить, что, помимо этого вопроса о подводных лодках, был также урегулирован вопрос о двух тяжелых крейсерах, от которых мы также временно отказались. Мы хотели в тот период построить только 3 и просили согласия на то, чтобы мы могли теперь построить и полагающиеся нам еще два крейсера. Об этом также было достигнуто соглашение в соответствии с договором.

ЗИМЕРС: Вчера Вам был представлен документ С-140, США - 51 из книги документов британского обвинения 10-а, стр. 104. Я хочу прочитать Вам из него одно предложение, которое не цитировалось Обвинением ни в ноябре, ни вчера, а именно пункт 2-С. Там в § 2-с написано следующее - я должен заметить, что речь идет о возможности применения санкций и возможной подготовке к защите против этих санкций в 1935 г. Я цитирую § 2с: "Прежде всего запрещаю всякую практическую подготовку".

Я спрашиваю Вас, г-н свидетель...

11477

H1203 – 0156

H1203-0157

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не нахожу этого в книге IO-а на стр. IO4.

ЗИМЕРС: Господин Эльвин Джонс был настолько любезен, что он показал мне сейчас английский перевод. Из этого следует, что т.к. у меня тоже имеется английский перевод - что имеется два документа под номером С-I40. Один документ в одну страницу, другой документ в две страницы. Один документ не имеет никакого заголовка, на нем имеется пометка: Берлин, 25 октября I933 года. И, по моему, это документ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это на IO4-й странице?

ЗИМЕР: Нет, на IO4 странице находится, как мне сейчас сказал сэр Эльвин Джонс, другой документ С-I40, имеющий заголовок "Указания вооруженным силам на случай применения санкций"...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, и стоит дата: 25 января I933 года?

ЗИМЕРС: Там написано 25 октября I935 г. Это опечатка, должно быть: I933 г.

Г"н ЭЛВИН ДЖОНС: Повидимому это другой документ, который не включен в книгу документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не включен в книгу документов?

Г-н ЭЛВИН ДЖОНСК: Нет, не включен в книгу документов.

ЗИМЕРС: Но разрешите напомнить Вам, господин председатель о том, что представленный обвинением документ С-I40 США-5I, должен быть моим вариантом, потому что это подтверждается протоколом. В протоколе судебного заседания от 27 ноября можно найти документ, на который я сейчас сослался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите, это документ С-140 или С-141?

ЗИММЕРС: Нет, № С-140, тот же самый номер, США-51. Может быть, господин председатель, для того, чтобы упростить весь вопрос, я могу сегодня после окончания заседания или завтра утром представить документ С-140 в имеющемся у меня варианте на английском и немецком языках?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Огласите сейчас документ, а затем сможете выяснить с г-ном Элвином Джонсом как следует пометить этот документ, должен ли он быть помечен С-140 или как либо еще.

ЗИММЕРС: Хорошо.

В тексте, который был зачитан обвинением, говорится о подготовке к защите против санкций. А я согласил Вам сейчас следующую по порядку фразу. Цитирую: "Во-первых, я воспрещаю всякую практическую подготовку". Подготовлялось ли в 1933 году вообще что-либо Вами в военно-морском флоте?

РЕДЕР: Нет. Согласно этому приказу, помимо мер поддержания обычного состояния военной готовности, ничего не должно было предприниматься. Это было лишь предосторожностью фюрера на тот случай, если противник со своей стороны сделает что-либо для того, чтобы применить санкции.

ЗИММЕРС: Видите ли, я спрашиваю об этом потому, что вчера, на перекрестном допросе, в связи с этим было обращено внимание на Ваши подготовительные мероприятия.

Теперь я перехожу к документу С-189, США-44. Прошу извинить меня, если я затрудню Высокий Трибунал и прошу еще раз взять в руки этот документ. Он находится в книге документов Редера № 10 на стр.14. Правда, вчера этот документ был представлен сэром Дэвидом еще раз. Сэр Дэвид

H1203-0158

H1203 - 0159

делал особый упор на два слова "против Англии". В п. 2 говорится: "Верховный главнокомандующий военно-морским флотом выражает мнение, что впоследствии флот все же должен увеличиваться против Англии и что поэтому, начиная с 1936 г., на вооружение крупных военных судов должны ставиться пушки калибром 350 мм., как на кораблях типа "Король Георг".

Должно ли это означать, что Вы, давая такое указание, пользовались планами англичан относительно строительства кораблей типа "Король Георг"?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зимерс, мне кажется, что я услышал неправильное упоминание о ссылке. Я слышал: документ IO-й, страница I4. А это не документ IO-й на стр.I4.

ЗИМЕРС: Мне сейчас говорят, что это страница 66-я. Прошу извинения. Верно ли была указана страница, в моей английской книге документов это была I4-я страница, но...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это стр. 66-я или 68 в моем экземпляре, Но ...

ЗИМЕРС: Я огласил оттуда пункт второй.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

ЗИМЕРС: Таким образом, эта ссылка была Вами сделана исключительно с учетом использования английским адмиралтейством 350 миллитровых орудий на кораблях типа "Король Георг"?

РЕДЕР: Да. В то время всякий военно-морской флот стремился как можно раньше узнать о том, какой наибольший калибр орудий используют другие военно-морские флоты. Как я уже сказал вчера, мы сначала взяли за образец

французский тип "Дюнкерк", но потом очень скоро узнали, что Англия перешла к 356мм орудиям, а когда начинается война то корабли приходится использовать в том виде, как они построены, на них уже нельзя установить орудия более крупного калибра.

ЗИМЕРС: Буду ли я прав, прошу извинить меня, утверждая что выражение "против Англии" в грамматическом отношении неправильно согласно немецкому словоупотреблению; не следовало ли сказать: "по отношению к Англии"?

РЕДЕР: Да, следовало сказать "по образцу Англии". Я вчера уже говорил, что было бы совершенно нелепо, если бы я до заключения морского соглашения с англичанами уже предпринимал бы что-то против Англии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зимерс, этот вопрос подробно обсуждался во время перекрестного допроса, и подсудимый дал свое об"яснение по поводу использованных здесь слов.

ЗИМЕРС: Сэр Дэвид зачитал Вам выдержки из документа С-190. Это запись беседы от 2 ноября 1934 г. на борту "Эмдена" между Гитлером и Вами, в которых говорится, что Гитлер в разговоре с Вами и Герингом развивал мысль о том, что он считает увеличение военно-морского флота в рамках плана жизненной необходимостью, потому что войну вообще нельзя вести, если военно-морской флот не сможет обеспечить доставку железной руды из Скандинавии. Говорилось о том, что это должно было быть понято в том смысле, что флот предназначается для войны, для обеспечения доставки руды, и что это свидетельствует об агрессивных намерениях.

Считаете ли Вы, что английский военно-морской флот был вооружен не для того, чтобы обеспечить подвоз в Англию и не на случай войны?

11481

H1203 – 0160

H1203-0161

РЕДЕР: Нет, в этом не может быть никакого сомнения.

ЗИММЕРС: В этом документе говорится о 6 подводных лодках. В связи с этим числом я хочу спросить Вас, какое количество подводных лодок должна была бы иметь Германия, чтобы действительно вести агрессивную войну?

РЕДЕР: Во всяком случае намного больше, того, что мы имели в октябре 1939 года, в несколько раз, во много раз больше.

ЗИММЕРС: Из документа, который вчера был представлен, господин председатель, под № Д-806, я хочу для выяснения вопроса, кроме второго абзаца, который оглашался, огласить свидетелю также и первый абзац. Это документ Д-806, ВВ-462, представленный вчера в полдень. В нем говорится:

"Относительно программы строительства подводных лодок я 27 октября 1936 г. принял решение использовать тот тоннаж подводных лодок, который оставался в нашем распоряжении, согласно лондонскому морскому соглашению 1935 г., и немедленно начать постройкой новые подводные лодки от У-41 до У-51". Являются ли эти, намеченные к постройке подводные лодки остатком того количества, которое мы могли построить на основании 45% ограничения, установленного морским договором 1935 г.

РЕДЕР: Да, если говорить о количестве, то это верно.

ЗИММЕРС: Затем, господин гросс-адмирал, Вас очень подробно допрашивали относительно Австрии и Чехии. Поскольку мы уже очень подробно рассмотрели эту тему, я хочу ограничиться лишь несколькими вопросами. Получали-ли Вы когда-нибудь от Гитлера какие-либо задания или поручения в области внешней политики и спрашивал ли он когда-либо Вашего совета по вопросам международной политики?

РЕДЕР: У меня никогда не спрашивали совета по таким вопросам и я никогда не получал таких внешнеполитических заданий, если не считать оба поручения, которые я выполнял после своей отставки в Болгарии и Венгрии, внешнеполитическими заданиями.

ЗИММЕРС: Относительно Чехии, а именно так называемого документа об "остатке Чехии", Вам был задан вопрос о том, имел ли Гитлер в то время агрессивные намерения в отношении Праги. Правильнее этот вопрос следовало бы сформулировать так: - было ли намерение начать агрессивную войну. В связи с этим Вам напомнили о заявлении Геринга относительно бомбардировки Праги и Вы правильно признали, сказав сэру Дэвиду, что такая бомбардировка являлась угрозой. Сэр Дэвид считает, что она близка к агрессивной войне. Для того, чтобы окончательно выяснить это, я прошу Вас сказать суду, когда Вы узнали об этой запланированной бомбардировке Праги?

РЕДЕР: При всех обстоятельствах только из разговоров после окончания всего этого дела. Но я не слышал никакого сообщения и вообще ничего не знал заранее.

ЗИММЕРС: До занятия Праги Вы ничего об этом не знали?

РЕДЕР: Нет, к тому же я вообще ничего не знал о военных мероприятиях против Праги.

ЗИММЕРС: Затем документ С-I00. Г-н председатель, он был предоставлен вчера под номером ВБ-464.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: № 463, я его нашел.

ЗИММЕРС: Прошу прощения, номер 463. Я хотел бы из этого документа со страницы I0-й, в приложении страница 3-я, пункт 6-й, огласить следующее. Я цитирую:

11483

H1203 – 0162

H1203-0163

"Фюрер спросил главнокомандующего военно-морским флотом о том, имеются ли у военно-морского флота какие-либо особые пожелания относительно опорных баз на голландско-бельгийском побережье. Главнокомандующий военно-морским флотом ответил отрицательно, так как эти пункты расположены в предполье английского побережья и поэтому не могут быть использованы в качестве баз для подводных лодок.

Было ли это Вашим мнением по вопросу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите точно, где Вы читаете. Ваши страницы не совпадают с нашими. Например, в отношении римских цифр. Сэр Дэвид оглашал выдержку из параграфа IУ, обозначенного римской цифрой четыре.

ЗИМЕРС: Я очень прошу извинить меня, господин председатель. Фотокопия чрезвычайно неразборчива. У меня первая часть состоит из семи страниц, а потом идет приложение "Доклад Фюреру от 10 ноября 1939 года".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У вас там есть римские цифры, не правда ли? У вас есть отрывок, оглашенный сэром Дэвидом, из параграфа IУ, обозначенного римской четверкой?

ЗИМЕРС: Я не вижу здесь никаких римских цифр. Сейчас я посмотрю английский текст.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В английском тексте римская цифра IУ находится на странице 5-й.

Здесь имеется следующее: "Фюрер вынес решение о том, что наступление на Западе должно начаться очень скоро..." в рамках инструкций, ~~данных~~ предусмотренных при нарушении нейтралитета других государств...

ЗИМЕРС: Господин председатель, повидимому, г-н Эльвин Джонс прав, говоря, что та часть, которую я только что оглашал, - совсем не содержится в английском переводе, но имеется в фотокопии подлинника. В английском переводе имеет-

ся только первая часть документа, но нет доклада фюреру от 10 ноября 1939 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Лучше будет, если Вы его огласите сейчас.

ЗИММЕРС: Пожалуйста. С 6 этого приложения: "Фюрер спросил главнокомандующего военно-морским флотом, имеет ли военно-морской флот особые пожелания относительно опорных пунктов на голландском-бельгийском побережье. Главнокомандующий военно-морским флотом ответил отрицательно, потому что эти опорные пункты расположены в предполье английского побережья и не могут быть использованы в качестве баз подводных лодок".

Господин свидетель, поэтому Вы не выступали за оккупацию Бельгии и Голландии и вообще не занимались в каком-либо отношении этим вопросом?

РЕДЕР: Я всегда придерживался того мнения, что опыт первой мировой войны показал, что Бельгия и Голландия не мо" гут быть использованы для устройства удобных опорных пунктов для военно-морского флота, потому что расположенные там вооруженные силы находятся полностью под контролем английского военно-воздушного флота, и как раз во время первой мировой войны там постоянно происходили тяжелые бои между выходящими в море подводными лодками и базирующимися там эсминцами. Поэтому я заявил, что я не заинтересован в Бельгии и Голландии.

ЗИММЕРС: Я пропускаю различные документы и перехожу к документу Д-843 - ВЕ-466. Это - документ, в котором Брейер из посольства в Осло, выражает то мнение, что опасность оккупации Норвегии Англией не особенно велика и что некоторые действия предпринимались лишь с той целью, чтобы спровоцировать Германию. Относительно этого еще один вопрос: знало ли

11485

H1203 – 0164

H1203 – 0165

посольство в Осло и, таким образом, знал ли Брейер о тех сведениях, которые Вы получали от адмирала Канариса?

РЕДЕР: Этого я не могу сказать, потому что я никогда не имел прямого контакта с д-ром Брейером, а имел его лишь с военно-морским атташе, но я хочу добавить, что доктор Брейер был в Осло сравнительно короткое время и что он, повдимиому, был не очень хорошо информирован и, кроме того, неправильно расценил высказывания норвежских министров.

ЗИММЕРС: Не имелось ли распоряжение Гитлера не информировать министерство иностранных дел о возможных планах относительно Норвегии?

РЕДЕР: Он приказал это в категорической форме и, повидимому, по этой причине сам министр иностранных дел был информирован лишь значительно позднее.

ЗИММЕРС: Тогда, очевидно, посланник не получал от военных кругов информацию Канариса, насколько Вы могли наблюдать?

РЕДЕР: Да, этого нельзя предположить.

ЗИММЕРС: Далее были представлены документы Д-844 и Д-845, из которых Вам также зачитали выдержки о том, что Скандинавии опасность не угрожала. Были ли Ваши сведения, которые Вы тогда получали в этом отношении, иными?

РЕДЕР: Да, мои сведения постоянно...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это все обсуждалось вчера и свидетель дал тот же ответ.

ЗИММЕРС: Было ли Вам известно, - я думаю, что это вчера не обсуждалось, - что уже 5 апреля 1940 г. были минированы территориальные воды Норвегии?

РЕДЕР: Сотрудники сообщили об этом мне, кажется, 7 апреля, но сама операция должна была начаться на несколько дней раньше.

ЗИМЕРС: Гросс-адмирал, Вы вчера на вопрос о том,...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /прерывая/ Доктор Зимерс, единственная цель повторного допроса заключается в том, чтобы осветить те вопросы, которые не были затронуты при перекрестном допросе, т.е. чтобы раз"яснить, что либо не раз"ясненное при перекрестном допросе. То что он раз"яснял на перекрестном допросе, не следует у него спрашивать при повторном допросе, мы это уже слышали.

ЗИМЕРС: Я считаю, что этот вопрос был недостаточно выяснен. Вчера Вам несколько неожиданно был задан вопрос о том, что изменилось в чисто техническом отношении с 1936 года, что могло бы повлиять на правовые положения в отношении подводной войны.

РЕДЕР: Да.

ЗИМЕРС: Довольно трудный вопрос, на который надо осветить в 2 секунды. Вы указали на самолеты. Не можете ли Вы дать дополнительные сведения по этому пункту?

РЕДЕР: Да, я, собственно говоря, забыл основной пункт, потому что вчера мне сильно мешали говорить, а именно, что обнаружение судов на поверхности с самолетов в это время было поставлено на новую основу и достигло большого совершенства. В течение войны это развитие продолжалось очень быстро. Поэтому подводные лодки на поверхности ~~в море~~ очень быстро обнаруживались и подвергались преследованию.

ЗИМЕРС: Относительно документа Д-841, письменного показания Дитмана, я, с разрешения Трибунала, представляю

11487

H1203-0166

H1203 - 0167

официальное ходатайство. В этом письменном показании под присягой.имеется следующее предложение:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду Дитмана?

ЗИММЕРС: ВБ-474.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, это письменное показание Дитмана.

ЗИММЕРС: Да, это письменное показание, данное под присягой Дитманом. Там имеется оглашенное вчера последнее приложение: "Я лично считаю, что высшие военно-морские инстанции в Киле и других местах Германии должны были знать об этих ужасных фактах".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не "знали", а "должны были знать". Мне кажется, что в переводе сказано: "Они должны были знать".

ЗИММЕРС: Да. У меня нет немецкого подлинника и я не знаю, что в нем сказано, я получил только английский перевод. Мне не совсем ясно, как это сказано в немецкой редакции. Я прошу уважаемый суд...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Был ли представлен документ в подлиннике на немецком языке или он был пред"явлен на английском языке? Я полагаю, что показания на немецком языке?

ЗИММЕРС: Я полагаю, что показание было первоначально дано на немецком языке, т.к. в моем экземпляре написано, что это перевод, а этот текст на английском языке, но немецкого подлинника я не видел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, вчера, должна была быть для свидетеля копия на немецком языке. Я не знаю оригинал ли это. Я ее не видел, но я полагаю, что это был оригинал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ведь не было так, что показания были даны на немецком языке, затем переведены на английский

язык, а затем снова переведены на немецкий язык, не правда ли?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, поэтому то я и думав, что это был оригинал. У меня сейчас нет оригинала передо мной, но я полагав, что это был оригинал. Я это сейчас для Вас выясню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Доктор Зиммерс, в чем здесь дело?

ЗИММЕРС: Я не думав, что это предложение является подтверждением факта, поэтому я ходатайствую о том, чтобы это предложение было вычеркнуто из документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы просите исключить это из протокола?

~~ЗИММЕРС: Да.~~

~~ПРЕДСЕДАТЕЛЬ~~: Что Вы на это скажете, сэр Дэвид?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Свидетель подробно изложил факты в предыдущих абзацах письменного показания под присягой, но правда, что он вставил фразу "По моему личному мнению"..., однако, суть заявления заключается в том, что, согласно изложенным мной фактам "... более высокие инстанции военно-морского флота, находящиеся в Киле и других местах Германии должны были знать об этих ужасных условиях". Лицо, работавшее в этом отряде германского военно-морского флота и знавшее о тех сведениях, которыми обменивались этот отряд и штаб командования, может сказать был ли штаб командования осведомлен, согласно изложенным им фактам. Его выводы имеют гораздо большую доказательную силу, чем те выводы, к которым может придти Трибунал. В отношении высказанного мнения можно возражать лишь в том смысле, что свидетель выражает свое мнение по вопросу, по которому Трибунал

H1203-0168

H1203-0169

также может выразить свое мнение на основании тех же самых фактов, но значение выраженного свидетелем мнения заключается в том, что говорят, что он "работал как раз в таком месте, где он смог хорошо ознакомиться с системой командования и коммуникаций". Я бы сказал, что любое лицо в Киле должно было иметь возможность узнать на основании этих фактов о том, что происходило в этих местах. Таким образом, его специальные знания в этой узкой области дают ему право высказать то мнение, к которому Трибунал, не обладающий этими специальными знаниями, не может придти.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но, в теории, он должен бы изложить все факты, и если он изложит все эти факты, тогда Трибунал, также как и он будет иметь возможность, сделать заключение. Ведь именно Трибунал должен делать заключение.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, это как раз тот смысл, который я вкладывал в мои доводы; что здесь имеется дополнительный факт, заключающийся в том, что свидетель работал там, участвовал в системе передачи приказов морского командования и говорит, что знает систему передачи приказов командования с точки зрения лица, работавшего в этой системе; поэтому, его мнение по этому вопросу основывается на сведениях из первых источников; а необходимость в сведениях о конструкции является дополнительным фактом. Милорд, как лорд Во[illegible]ен однажды заявил, состояние осведомленности человека и высказывание им своих знаний может, при некоторых обстоятельствах, являться фактом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, если известные ему сведения имеют отношение к данному вопросу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд, в данном случае это как раз имеет место.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это получается как бы мнение эксперта.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, в некотором смысле, это не "как бы", как Вы говорите, Ваша честь, а это является показаниями человека, специалиста в данной области. Милорд, существует очень хорошо известная разница, например в праве Либель, между лицами, обладающими специальными знаниями и людьми - не специалистами; милорд, мнение человека, особо хорошо осведомленного о каких-либо фактах должно, согласно 19-й статье устава, иметь доказательную силу. Если положение о том, что настоящий Трибунал не связан техническими правилами дачи показаний имеет какое-то значение, то оно должно, как я считаю, распространяться на выражение мнения такого характера, т.е. на те случаи, когда мнение выражается человеком, приобретшем это мнение благодаря особому занимаемому им положению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это небольшой вопрос, сэр Дэвид; мы должны решить этот вопрос и выработать свое собственное мнение; кроме того, этот человек не находится здесь с тем, чтобы его подвергали перекрестному допросу по вопросам такого рода.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Нет, это так, милорд, но, конечно, этот вопрос можно считать важным как с той, так и с другой стороны. Я хочу сказать, что он дал письменные показания под присягой, и часть этих показаний приводят к этому заключению. Я хотел бы почтительно заявить, что это заключение является изложением факта; однако если Вы, Ваша честь, говорите так, то придет время, когда мы сами попросим

H1203 – 0170

H1203-0171

Вас, милорд, сделать это заключение в результате обсуждения доводов, но, милорд, собственно говоря, единственная причина, почему я отнял у Трибунала даже сравнительно немного времени заключается в том, что по мнению Обвинения 19-я статья имеет большое значение, а поэтому мы должны ее отстаивать, чтобы ею не пренебрегали. Вот единственная причина, из-за которой я отнял время у Трибунала.

ЭЙМЕРС: Господин председатель, разрешите мне указать еще только на один пункт? Сэр Дэвид говорил только что о хорошо известном юридическом различии. Именно на этом я и хочу опереться на разницу между фактом и мнением. Здесь речь идет о мнении, и я прошу учесть то, что в следующем предложении он идет еще дальше. Здесь свидетель высказывает юридическое мнение и говорит даже о том, кто является ответственным. То есть практически он выносит нечто вроде приговора суда. Далее я прошу учесть, что речь идет о мелком, подчиненном чиновнике, который в конце концов не может говорить применительно к столь широким масштабам, говоря, что высшие инстанции в Киле и других местах Германии очень обще Германии, были осведомлены об этих вещах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал сейчас прервет заседание.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, до перерыва я хотел бы внести одну поправку и извиниться. Я думал, что свидетелю был вчера пред"явлен экземпляр на немецком языке этого письменного показания под присягой, но очевидно, ему был пред"явлен экземпляр на английском языке. Оригинал письменного показания был выслан 6 мая; это было проверено по телефону полковником Филимором, но он еще не прибыл. Был послан экземпляр на английском языке, и он же был использован на процессе;

оригинал будет представлен в качестве доказательства, как только он будет получен. Милорд, я думал, что у нас имеется оригинал, но, очевидно, он еще не получен, а подсудимому был передан документ на английском языке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Дайте, пожалуйста доктору Зимерсу ознакомиться с подлинником, как только он будет получен.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо.

/Об"является перерыв на 15 минут/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал рассмотрел ходатайство доктора Зиммерса и решил, что тот отрывок из письменного показания Вальтера Курта, Дитмана, против которого возражал доктор Зимерс и который он просил вычеркнуть из протокола заседания не будет вычеркнут из протокола судебного заседания, согласно статье 19 Устава. Этот отрывок содержит только высказанное мнение; Трибунал рассмотрит это мнение в соответствии со всеми показаниями в целом, когда они будут предоставлены Трибуналу и тогда вынесет решение о доказательной силе этого мнения, также как и о доказательной силе остальных показаний.

ЗИМЕРС: Затем у меня...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зимерс, разрешите мне напомнить Вам, что Вы заявили, что Ваш повторный допрос займет не более получаса.

ЗИМЕРС: Да, г-н председатель, простите, я сейчас окончу.

Господин гроссадмирал, сэр Девид вчера в связи с много раз обсуждавшимся приказом командос, указал Вам на один случай относительно нападения на "Тирпиц". Разрешите в этой связи задать Вам вопрос: Вспоминаете ли Вы, что здесь речь

11493

H1203 – 0172

H1203 – 0173

шла,об этом говорили во время допроса Вагнера о британском матросе Эвансе.

РЕДЕР: Да.

ЗИММЕРС: И помните ли Вы, что согласно аффидевиту Флеша, это документ Д-864, ГБ-57, Флеш заявил: "Мне неизвестно, что Эванс был в военной форме".

РЕДЕР: Да.

ЗИММЕРС: Таким образом, Вам не нужно показывать этот документ?

РЕДЕР: Нет, я помню и так.

ЗИММЕРС: Вспоминаете ли вы далее, что в документе УК-57, который был предоставлен в тот же день при допросе Вагнера, написано: "Что британский матрос Эванс был задержан в гражданской одежде".

РЕДЕР: Да, это написано в документе, имеющемся у меня.

ЗИММЕРС: Это был один случай когда СД на основании приказа о командос предприняла убийства без ведома военно-морского флота?

РЕДЕР: Да, и этот человек был арестован полицией или СД, а не военно-морским флотом. Он лишь был допрошен одним адмиралом.

ЗИММЕРС: Второй случай, инкриминируемый Вам, это диверсионный акт на германских судах в Бордо; это я тоже вынес нынях при допросе Вагнера.

Помните ли Вы, что в этом документе также написано, что люди, совершившие этот диверсионный акт, пытались скрыться в Испании в гражданской одежде?

РЕДЕР: Да.

11484

ЗИМЕРС: Господин гросс-адмирал были ли в боях "москитных" соединений, о которых упоминалось вчера, находившихся под руководством вице-адмирала Хейе, наши солдаты когда-либо одеты в гражданское?

РЕДЕР: Нет, этого не бывало.

ЗИМЕРС: Только были в военной форме?

РЕДЕР: Да, только в форме. Это были такие же соединения, как и соединения подводного флота, торпедных катеров и т.д.

ЗИМЕРС: Затем в заключение, господин председатель, я хотел бы указать на документ, который вчера представил полковник Покровский - СССР-460. Относительно московских записей...

ПОКРОВСКИЙ: Милорд, в связи с тем, что вчера Трибунал принял решение о вручении остальным защитникам выдержек из документа "СССР-460" обвинители сегодня обменялись между собой мнениями и обвинение Соединенных Штатов Америки в лице г-на Додда, обвинение от Великобритании в лице сэра Дэвида и советское обвинение пришли к выводу о необходимости просить Вас разрешить нам огласить здесь в суде с тем, чтобы это попало в стенограмму суда те три коротких выдержки, относящихся к Деницу, Кейтелю и Иодлю, которые вчера трибунал счел возможным не оглашать, принимая наш документ, как доказательство. Мы поняли Трибунал таким образом, что его решение было вызвано недостатком времени вчера, так как затянулось судебное заседание. Благодаря этому три очень важных с нашей точки зрения отрывка, правильность которых подтвердил вчера подсудимый Дениц, не попали в стенограмму судебного заседания. Мы просим Вас поэтому разрешить нам в течение пяти минут огласить эти

11495

H1203-0174

H1203-0175

выдержки, чтобы они попали в стенограмму.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как будет удобнее всего, д-р Зимерс? Желаете ли Вы чтобы эти выдержки были оглашены сейчас с тем, чтобы Вы смогли по ним задавать вопросы?

ЗИМЕРС: Г-н председатель, разрешите мне высказаться как раз по поводу этого документа?

Советская делегация была настолько любезна, что предоставила в мое распоряжение подлинник. Я ознакомился вчера с подлинником и с этими выдержками. Советская делегация далее настолько любезна, что она хочет предетавить суду вместо подлинника, который советская делегация хочет оставить у себя, фотокопию этой интересующей нас части. Я вполне согласен с такой процедурой и я лично не намерен ставить каких-либо вопросов по поводу этого документа, так как он вполне ясен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

ЗИМЕРС: Поэтому, я хотел бы просить, чтобы было сохранено вчерашнее решение суда о том, что не следует оглашать этих выдержек, а также не зачитывать еще раз другие документы, которые всем известны и уже зачитывались в зале суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Покровский, оригинал документа на немецком языке. Он, очевидно, был переведен на русский язык; он совершенно определенно был переведен на английский язык. Если французы-представители Обвинения не желают, что бы его огласили - если документ не был переведен на французский язык - мне кажется, нецелесообразным отнимать время Трибунала зачитыванием этого документа для включения его в протокол. У нас есть этот документ на английском языке и мы все его прочли.

Г-н ДОДД: Г-н председатель, мне кажется, что есть причина зачитать этот документ. Даже если его огласить для включения в протокол, только завтра можно будет стенограмму вручить подсудимым, на которых имеется ссылка, а этого свидетеля - или подсудимого уже больше не будет у свидетельского пульта. Если они захотят подвергнуть его перекрестному допросу по поводу того, что он говорил о них, тогда нам вероятно придется снова вызвать этого подсудимого к свидетельскому пульту. Мне кажется, что мы, делая это, потеряем гораздо больше времени, чем если полковник Покровский зачтет этот документ в течение пяти минут. Его все услышат и если кто-либо захочет задать по поводу его вопроса, то это смогут сделать очень быстро.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо: Д-р Зимерс, если Вы не хотите задавать вопросов, Вы тогда можете закончить Ваш перекрестный допрос сейчас и полковник Покровский сможет зачитать сейчас этот документ. Затем кто-либо из других подсудимых может задать свидетелю вопросы, если пожелает.

ЗИМЕРС: Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не будет ли такой порядок наилучшим, полковник Покровский?

ПОКРОВСКИЙ: Вполне.

ЗИМЕРС: Я согласен с этим, г-н председатель, но мне кажется, что не нужно зачитывать этот документ, г-н Додд, допускает небольшую ошибку, если считает, что подсудимые еще не знают этого документа. Все подсудимые знают этот документ, также, как и все защитники и я считаю, что необходимости зачитывать нет. Но в конце концов мне безразлично.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если защита не хочет, чтобы этот документ зачитывался, тогда Трибунал не желает, чтобы он огла-

H1203 - 0176

H1203-0177

шался; но, возможно, что защита хочет задать вопросы по этому поводу?

КРАНЦБЮЛЕР: Г-н председатель, я, как защитник гросс - адмирала Денница, не говорю ни слова в пользу оглашения. Мне документ известен.

ЗИММЕРС: Мне только что сказали, что защитники знают этот документ и не придают значения его зачтению и не собираются задавать вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае, г-н Додд и полковник Покровский, мне кажется, что совершенно нецелесообразно зачитывать этот документ.

Г-н ДОДД: Нет, я не удовлетворен, Ваша честь. Адвокат Кейтеля мне ничего не сообщал; я полагаю, что он удовлетворен. Это, конечно, очень интересный для нас документ, и я считаю, что какой-либо вопрос может быть задан в связи с ним; я также понимаю желание подсудимых, чтобы его не оглашали публично.

Защитник подсудимого Шахта также ничего не сообщал. Мне кажется, что было бы желательно заслушать подробное заявление защитников этих подсудимых о том, что они не желают задавать вопросов, или, если это так, то мы должны быть полностью уверены в том, что этот вопрос не будет вновь затронут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне кажется, что раз здесь находятся все члены защиты, которые представляют всех подсудимых, они должны ясно понимать то, что я говорю. Из их молчания я заключаю, что они согласны с тем, что сказал д-р Зимерс, т.е. что они не хотят чтобы документ зачитывался и не хотят задавать каких-либо вопросов.

ПОКРОВСКИЙ: Как я должен понимать Ваше решение, милорд. Могу ли я огласить эти три выдержки?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, полковник Покровский, я говорю, что так как защита не хочет, чтобы этот документ зачитывался, зачитывать его нет необходимости.

ПОКРОВСКИЙ: Мы придаем ему очень большое значение, милорд. Тут должны учитываться не только интересы защиты, но и интересы обвинения. Документ Трибуналом был вчера принят, но в стенограмму попала только часть характеристик, данных Редером. Я не вижу оснований в силу которых не следует оглашать того, что близко знавший подсудимого Деница, Кейтеля, Иодля, свидетель Редер не должен был бы слышать здесь.

/Члены суда совещаются, пауза/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Покровский и доктор Зимерс, Трибунал вчера постановил, что нет необходимости оглашать этот документ и Трибунал придерживается этого решения, ввиду того, что защита не желает, чтобы он зачитывался и что у нее нет вопросов по этому документу.

ЗИМЕРС: Господин председатель, этим я заканчиваю свой перекрестный допрос гроссадмирала Редера. Я не знаю, желает ли еще кто-нибудь задать вопросы гросс-адмиралу Редеру.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Есть ли какие-либо вопросы, возникшие в результате перекрестного допроса, которые хочет задать защита?

КРАНЦБЮЛЕР: Я хотел бы задать еще два вопроса.

Гросс-адмирал, во время перекрестного допроса Вам пред"являлись приказы и меморандумы относительно подводной войны. Считаете ли Вы себя ответственным за те приказы о подводной войне, которые Вы издали находясь на посту главнокомандующего?

11799

H1203 – 0178

H1203 – 0179

РЕДЕР: Я считаю себя полностью ответственным за все приказы о подводной войне, так же как и за все иные военно-морские операции, приказы по поводу которых я отдавал. Я совместно с офицерами штаба ВМФ вырабатывал в штабе директивы, утверждал меморандумы и, согласно им, отдавал приказы в то время как командующий подводным флотом был лишь тактическим руководителем подводного флота. Он передавал мои приказы и руководил отдельными операциями.

КРАНЦБЮЛЕР: Господин гроссадмирал, сэр Дэвид вчера указал Вам на то, что он не мог установить, кто, собственно отдал приказ о том, чтобы изменить запись в судовом журнале подводной лодки, потопившей "Атению".

Адмирал Гот здесь в ответ на мой вопрос заявил, что он отдал этот приказ по поручению адмирала Деница. Известны ли Вам какие-либо факты, которые говорят о том, что эти показания адмирала Гота являются неправильными?

РЕДЕР: Я право, совсем не занимался этим, я отдал приказы лишь в трех случаях, которые здесь неоднократно были упомянуты.

КРАНЦБЮЛЕР: Таким образом, Вы считаете показания адмирала Гота правильными?

РЕДЕР: Я полагаю, что они правильны, так как во всех остальных вопросах он дал весьма достоверные показания.

КРАНЦБЮЛЕР: У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый может вернуться на свое место.

17500

ЗИММЕРС: С разрешения суда я прошу вызвать моего первого свидетеля, бывшего имперского министра Зеверинга.

/В зал суда вводят свидетеля/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите Ваше полное имя.

СВИДЕТЕЛЬ: Меня зовут Карл Зеверинг, мне 70 лет и я живу в Билефельде.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подождите минутку. Повторяйте за мной слова присяги:

"Я клянусь Богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги/.

Вы можете сесть.

ЗИММЕРС: Господин министр, я прошу Вас указать суду какую роль Вы играли до 1933 года в социал-демократической партии и какие министерские посты Вы занимали в основном в период до 1933 года?

ЗЕВЕРИНГ: В возрасте шестнадцати с половиной лет я вступил в профсоюз. В возрасте восемнадцати лет я вступил в социал-демократическую партию и поэтому сравнительно рано занимал почетные должности в социал-демократической партии. В 1905 году я стал членом городского магистрата Виленфельда, с 1907 по 1912 год был членом рейхстага и вновь стал членом рейхстага и одновременно прусского ландстага в 1919 году. Я имел мандат в рейхстаге и в прусском ландстаге до 1933 года. Министром я был с 1920 до 1921 годи в Пруссии, затем снова с 1921 до 1926 и с 1930 до 1933 г., а также в промежуточный период - с 1928 по 1930 г. был имперским министром внутренних дел.

115-01

H1203 – 0180

H1203 - 0181

ЗИМЕРС: Когда и почему Вы отошли от общественной жизни?

ЗЕВЕРИНГ: От официальной общественной жизни я отошел в июле 1932 года, от политической — в тот период, когда был издан декрет о запрещении социал-демократической партии.

ЗИМЕРС: Были ли Вы в связи с Вашим отходом от общественной жизни арестованы в 1933 г. или позже, и если да, то по чьему приказу?

ЗЕВЕРИНГ: Я был арестован в тот день, когда в рейхстаге обсуждался закон о чрезвычайных полномочиях нового правительства и я должен был уйти в отставку.

Приказ об аресте отдал министр внутренних дел в то время, г-н Геринг, который одновременно был также президентом рейхстага и, если мне будет разрешено высказать свое мнение, он должен был, как президент рейхстага, защищать иммунитет депутатов. Я был в нарушение иммунитета арестован в тот момент, когда я вошел в здание рейхстага.

ЗИМЕРС: Господин министр, однако, Вы принимали участие в голосовании закона о чрезвычайных полномочиях?

ЗЕВЕРИНГ: Руководство социал-демократической фракции рейхстага заявило президенту рейхстага Герингу протест против обращения со мною, в результате которого я был освобожден на время голосования. Однако голосование было уже закончено, но президент рейхстага Геринг разрешил мне подать голос против закона о полномочиях.

ЗИМЕРС: Но затем Вас ведь очень недолго держали под стражей?

11502

ЗЕВЕРИНГ: На следующий день мне было приказано явиться на следующий допрос, и на второй день я мог покинуть Берлин с предупреждением, что я должен быть на своей родине в Билефельде и быть готовым к дальнейшим допросам.

ЗИМЕРС: Несмотря на Ваши известные антинационалсоциалистские убеждения, Вы не были позже арестованы и не были, например, направлены в концлагерь, насколько мне известно?

ЗЕВЕРИНГ: Я не был в концентрационном лагере, но этим я обязан тому уважению и почету, - это я могу сказать без всякого бахвальства, - которым я пользовался у прусских чиновников, т.е. бывших моих подчиненных. В октябре 1943 года я узнал от полицей-президента Билефельда о том, что против меня чего-то хотят предпринять. Полицейское управление известило меня о том, что оно не в состоянии гарантировать мне необходимую защиту. Мне посоветовали оставить Билефельд на долгие месяцы. Я последовал этому совету и с октября 1933 года до конца марта 1934 года я проживал в Берлине под чужой фамилией, вначале у разных друзей, а позже в небольшом еврейском санатории у Ванзее. После этого мне опять-таки угрожал арест в августе 1944 года. В списке лиц, подлежавших аресту, т.е. тех мужчин и женщин, которых подозревали в участии в заговоре против Гитлера, находилось и мое имя, как сказал мне один из моих знакомых в полиции.

ЗИМЕРС: Вы сказали в 1944 или в 1934 году?

ЗЕВЕРИНГ: В 1944 году после покушения на Гитлера 20 июля.

Разрешите продолжать?

11503

H1203 – 0182

H1203 – 0183

ЗИММЕРС: Прошу Вас.

ЗЕВЕРИНГ: После покушения на Гитлера управлению полиции было дано распоряжение арестовать определенных лиц. В билефельском списке этих лиц значилась и моя фамилия. Один из полицейских чиновников, которого я знал по своей прежней официальной деятельности, указал на то, что мне скоро исполнится 70 лет и что я потерял своего сына на войне. Благодаря этому указанию ему удалось добиться того, что моя фамилия была вычеркнута из этого списка.

ЗИММЕРС: Кроме тех обстоятельств, которые Вы только что описали, причинили ли национал-социалисты Вам еще какие-либо неудобства?

ЗЕВЕРИНГ: Другие неудобства состояли в том, что моя свобода передвижения была значительно ограничена. Меня не особенно удивляло то, что мои телефоны и корреспонденция были подвергнуты цензуре, я считал это само собой разумеющимся. Однако, кроме того, я не мог предпринимать никаких поездок, не подвергаясь наблюдению и шпионажу со стороны полицейских чиновников. Простите, господин адвокат, я хотел бы обратить Ваше внимание на следующее: Кроме материального ущерба существует еще моральный ущерб, и этот моральный ущерб был в значительной степени нанесен мне национал-социалистской партией после ее прихода к власти. Одно политическое мероприятие, которое было проведено в связи с выборами в 1932 году, было использовано против меня, я могу сказать - в уголовном смысле. Обо мне и о моем друге Брауне говорили, как о ворах, укравших миллионы и это оскорбление было распространено на членов моей семьи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зимерс, этот свидетель будет давать показания, которые относятся к делу подсудимого?

ЗИМЕРС: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, тогда подведите его возможно скорее к этой теме.

ЗИМЕРС: Хорошо, я сделаю это, г-н председатель.

Господин министр, я просил бы Вас кратко ~~мне~~ остановиться на этом моменте. Без сомнения правильно то, что Вам был нанесен ущерб в моральном отношении. Однако, я хотел лишь в качестве основы для допроса установить, вызвало ли все это отрицательные действия в отношении Вас и я хотел бы просить Вас кратко высказаться о том...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зимерс, какое это имеет отношение к делу Редера?

ЗИМЕРС: Господин председатель, я хотел бы, чтобы с помощью краткого описания жизни министра Зеверинга в условиях нацизма было выяснено, что он на вопросы, относящиеся к Редеру, может дать ответы без всякой предвзятости, т.е. совершенно об"ективно, т.к. хотя с одной стороны он не имел никаких преимуществ и даже потерпел некоторый ущерб, с другой стороны...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне кажется, Вы достаточным образом осветили вопрос об ущербе. Теперь перейдите к вопросам, касающимся дела Редера. Свидетель дал нам довольно хороший отчет о своей жизни с 1933 по 1944 г.г. Этого должно быть достаточно.

ЗИМЕРС: Обвинение инкриминирует подсудимому Редеру то, что он, являясь командующим военно-морским флотом, нарушал Версальский договор и притом с намерением вести агрессив-

H1203 – 0184

H1203 – 0185

ные войны и, во-вторых, делал это за спиной имперского правительства. Для того, чтобы сократить допрос, разрешите коротко сообщить господину министру, что установлено - и это не оспаривается и является историческим фактом, - что Германия, создавая военно-морской флот, в рамках Версальского договора, нарушала положение договора. Все это известно суду. Как раз перед этим правительство того времени распорядилось начать в рамках Версальского договора строительство линкора "А". В связи со строительством этого линкора возник острый внутриполитический спор. В рамках дебатов об этом линкоре Вы произнесли речь в рейхстаге. У меня есть небольшая выдержка из этой речи, которую я охотно передам Вам и оглашу.

Господин председатель, это документ Редер-№ 5 в первой книге документов на странице 13-й. Выдержка из речи рейхсминистра в отставке Карла Зеверинга, с которой он выступил в германском рейхстаге 20 января 1928 года. Господин министр, в то время Вы не были министром и Вы произнесли эту речь как депутат социал-демократической партии?

ЗЕВЕРИНГ: Да, верно.

ЗИМЕРС: Выдержка гласит:

"Теперь о линкоре. По крайней мере очень странно, что правительство, которое хорошо знает, какие колоссальные суммы мы должны собрать в будущем году, выдвигает такие требования. Оно заявляет, что мирный договор разрешает это. Это так. Но мирный договор вместе с тем приказывает платить репарации. Затребованные в этом году, 9,3 миллионов марок сыграют свою решающую роль лишь в последствии. И эти последствия требуют многих сот миллионов марок, собрать которые в ближайшие годы

кажется мне совершенно невозможным. Я не могу также признать военные ценности линкора, учитывая развитие военно-морского оружия. Может быть действительно линкоры образуют спинной хребет при обороне на море, как это утверждает правительство. Но для того, чтобы создать живой боеспособный организм, к спинному хребту нужно прибавить еще и другие члены, подводные лодки и самолеты, а пока мы не имеем права их строить - линкоры и при обороне имеют очень небольшую ценность".

Правильно ли передана эта выдержка из речи, которую Вы тогда произнесли.

ЗЕВЕРИНГ: Да. Выдержка передана правильно.

ЗИМЕРС: Можно ли сделать на основании этого вывод, что социал-демократическая партия и Вы лично в то время придерживались того мнения, что та армия, которая была разрешена Версальским договором, не была бы достаточной для оборонительной войны?

ЗЕВЕРИНГ: Да, это правильно.

ЗИМЕРС: Я попросил бы Вас несколько подробнее изложить свою позицию.

ЗЕВЕРИНГ: То, что 100-тысячная армия, которая была разрешена для Германии, была недостаточной даже и для оборонительной войны, знал и знает пожалуй и сегодня всякий в Германии, кто занимался политическими вопросами. Это было плохим положением, в которое Германия попала по отношению к своему восточному соседу вследствие создания Коридора. Островное положение Восточной Пруссии тогда уже вынуждало принять меры, которые я очень неохотно проводил, однако, население Восточной Пруссии имело право на то, чтобы его за-

11507

H1203 – 0186

H1203 – 0187

щищали от нападений, которые угрожали с Востока. Я не говорю об агрессивной войне. Я не говорю о планах польского правительства, однако, я указываю на то, что в 1919, 1920 и 1921 г.г. агрессивные польские группы вступали на немецкую землю, очевидно, намеревалсь поставить мир перед совершившимся фактом...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зимерс, все эти показания являются спорными. Они не только являются спорными, но мы их уже слышали почти от всех подсудимых и многих из их свидетелей и без сомнения Трибуналу совершенно не принесет никакой пользы узнать что этот свидетель говорил в 1928 г. или какие были его взгляды в 1928 г.

ЗИМЕРС: Высокий суд, я полагаю, что суд из дальнейшего хода допроса увидит, почему я считаю эти вопросы необходимыми. Министр Зеверинг являлся членом того правительства, которое провело уже упомянутое подсудимым Редером заседание кабинета от 18 октября 1928 г. Я совершенно согласен с мнением суда о том, что предыдущее Вы неоднократно уже слышали, но эти детали обсуждаются здесь в первый раз. Однако разрешите напомнить о том, что сэр Дэвид еще вчера во время перекрестного допроса указывал подсудимому несмотря на показания Редера на то, что он, вопреки воле имперского правительства и против воли законодательных органов нарушал Версальский договор. Таким образом, если после допроса Редера обвинение придерживается этой точки зрения, то у меня нет другой возможности для доказательства неправильности мнения обвинения, кроме как с помощью свидетеля, который...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вопрос о том, что Версальский договор был нарушен, является фактом,и конечно, по этому вопросу Вы можете представить показания, что Вы и сделали через посредство подсудимого Редера, но этот свидетель не говорит о фактах. Свидетель пытается утверждать, что Германия имела право защищаться в нарушение Версальского договора. Вот, насколько я понял, в чем заключаются его показания; а это является спорным вопросом, а не фактом.

ЗИММЕРС: Г-н председатель, насколько с юридической точки зрения...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зиммерс, Трибунал не будет слушать показания такого характера, которые дает свидетель. Если Вы хотите доказать факты при помощи этого свидетеля - Вы можете это сделать, но Вы не можете доказывать спорные вопросы, или его взгляды на спорные вопросы.

ЗИММЕРС: Могла ли Германия обороняться с помощью своей армии от нападения на Силезию со стороны Польши?

ЗЕВЕРИНГ: С помощью своей армии Германия в Восточной Пруссии в 1920 году во всяком случае не могла бы обороняться. Поэтому было необходимо защитить население Восточной Пруссии, и это было осуществлено с помощью того, что я дал свое согласие на то, чтобы оружие, найденное в Восточной Пруссии, было передано населению. Обстоятельства тогда были таковы, что даже при инспекционной поездке в Восточную Пруссию очень трудно было проехать через коридор, так что я в 1920 году предпринял эту инспекционную поездку морским путем из Штольпмюнде в Кёнигсберг. Я привел этот факт для того, чтобы вообще показать трудности транспортировки через коридор. В 1920 и 1921 гг., кроме того, германская армия

11509

H1203 – 0188

H1203 – 0189

не имела возможности обороняться от нападения польских инсургентов в Верхней Силезии, так что к сожалению, я подчеркивал: ~~к сожалению~~ к сожалению, также и в Верхней Силезии необходимо было организовать известную самооборону, чтобы защищать немецкую территорию и жизнь немцев.

ЗИМЕРС: Г-н министр, основывались ли те мероприятия, которых желал и которые проводил имперский военный министр Гренер в области вооружения в 1928 г., насколько Вы знаете Гренера, на оборонительных или наступательных тенденциях?

ЗЕВЕРИНГ: Насколько я знав Гренера и его личную установку в руководстве делами, все то, что он задумывал и осуществлял основывалось на мысли об обороне.

ЗИМЕРС: Но тогда это относится и к линкору "А". Для меня было бы интересно услышать, почему социал-демократическая партия, которая также желала надежной обороны, выступала против строительства линкоров?

ЗЕВЕРИНГ: Социал-демократическая партия в 1926 году была против строительства линкоров, так как экономическое положение рекомендовало не делать никаких расходов, которые не были абсолютно необходимы. И, кроме того, социал-демократическая партия хотела доказать, что она делает все, что находится в ее силах для того, чтобы добиться осуществления много раз обсуждавшейся тогда проблемы разоружения. Она не считала, что строительство линкора является подходящим жестом для начала соответствующих переговоров.

ЗИМЕРС: Г-н министр, 28 июня 1928 г. было создано новое имперское правительство, а именно, под руководством Мюллера в качестве рейхсканцлера, Штреземана - в качестве министра иностранных дел и Вас - в качестве министра внутренних дел. Как относилось Ваше правительство к актуальной

тогда проблеме разоружения всех стран, которое было предусмотрено Версальским договором, а также ка актуальному вопросу о перевооружении Германии?

ЗЕВЕРИНГ: Я уже слегка упомянул об этом. Мы в социал-демократической партии, но также и после вступления в правительство Мюллера, считали, что необходимо сделать все для того, чтобы разрешить именно эту проблему. В сентябре 1928 года рейхсканцлер Мюллер в качестве заместителя заболевшего министра иностранных дел Штреземана, направился в Женеву для того, чтобы обсудить эту проблему на заседании Лиги Наций. Мюллер произнес весьма решительную речь, которая, однако, была весьма холодно принята государственными деятелями союзников, так что на ближайшее время нельзя было ожидать практических предложений для осуществления идеи разоружения.

ЗИММЕРС: Господин министр, в июле 1928 года Вы говорили с имперским военным министром Гренером о вопросах бюджета, в частности о том, что секретный бюджет армии стал общеизвестным, бюджет на линкор и т.п. Какую позицию Вы при этом занимали и какие результаты были достигнуты Вами в результате соглашения с Гренером?

ЗЕВЕРИНГ: При ответе на этот вопрос я хотел бы еще раз коснуться выдержки из моей речи, г-н адвокат, которую Вы только что довели до сведения Высокого Суда. На том же заседании рейхстага, на котором я произнес эту речь, в первый раз присутствовал военный министр Гренер, который являлся преемником Гесслера. Я посвятил несколько прощальных слов выходившему в отставку военному министру Гесслеру и приветствовал нового военного министра Гренера заявлением,

11511

H1203-0190

H1203 – 0191

что мои политические друзья испытывают к нему уважение, но что доверие он должен еще завоевать. На это замечание министр Гренер намекал, очевидно, когда он на первом заседании правительства Мюллера, подошел ко мне и сказал, что он очень рад сотрудничать со мной. В ответ на это я процитировал ему одно место из "Эфигении": "Между нами должна быть только правда", и только на основании этой абсолютной правды можно достичь плодотворного сотрудничества".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зимерс, Трибунал считает, что это просто потеря времени. Все эти показания свидетеля совершенно не относятся к делу. Почему Вы не задаете ему вопросов, имеющих какое-нибудь отношение к делу Редера?

ЗИМЕРС: Господин председатель, разрешите мне напомнить, что обвинение утверждает, что строительство проводилось на основе секретного бюджета и что в секрете было осуществлено строительство с целью вести в дальнейшем агрессивные войны. Вследствие этого я не знаю, как я должен иначе спрашивать свидетеля , вместо того, чтобы спросить его, как рассматривался в его правительстве секретный бюджет, который практически частично, идентичен нарушениям Версальского договора, а это именно тот вопрос, который я сейчас задал свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Та речь, на которую Вы обратили наше внимание, является просто речью, в которой он сказал, что он не думал, что крейсеры можно использовать. В этом единственный смысл этой речи, кроме того что в ней была сделана ссылка на то, что еще не были уплачены репорации. Что касается остального, в ней просто говорится, что по его мнению, крейсеры не могут быть использованы.

ЗИМЕРС: Господин председатель, я не хочу и не имею права произносить сейчас защитительную речь. В той речи, которую я зачитал, сказано нечто другое. Там говорится, что социал-демократы из экономических соображений были против строительства линкоров, а не из стратегических соображений, и что, если...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но какое это имеет отношение к обвинению в ведении агрессивной войны в 1939 году?

ЗИМЕРС: Г-н председатель не я выдвинул обвинение в агрессивных войнах, а Обвинение. Я должен защищать своего клиента от того обвинения, что он в 1928 имел планы агрессивной войны, и я утверждаю, что у него не было таких планов, и что имперское правительство знало об этих нарушениях и взяло на себя ответственность. И допрос министра покажет, что это действительно было так, а до вчерашнего дня этот пункт еще оспаривался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Задавайте ему непосредственные вопросы об определенных фактах. Тогда Трибунал будет заслушивать его показания, если они имеют отношение к делу, но Трибунал считает, что показания, содержащиеся в его речи, о которой Вы только что говорили являются просто пустой тратой времени.

ЗИМЕРС: Я сокращу допрос. Соответственно этому я буду задавать министру вопросы, на которые он должен будет отвечать конкретно.

Вы только что сказали, что Вы требовали от Гренера доверия и абсолютной правды. В этой связи Вы не спросили у него раз"яснения по поводу секретного бюджета и по поводу уже имевших место нарушений Версальского договора?

ЗЕВЕРИНГ: Я спрашивал у него раз"яснений, в особенности уже потому, что в январе 1928 года тогдашний рейхсканцлер Маркс открыто признал, что под руководством капитана

11513

H1203 – 0192

H1203 – 0193

Ломана в имперском морском управлении или бюджетном отделе флота имели место дополнительные секретные расходы, которые нельзя привести в соответствие с добропорядочным руководством бюджетом и политической честностью.

ЗИММЕРС: Что Вам заявил в ответ на это Гренер?

ЗЕВЕРИНГ: Гренер заявил мне, что он намерен на заседании кабинета внести все эти обстоятельства.

ЗИММЕРС: Должны ли были на этом заседании кабинета присутствовать командующие обеими составными частями вооруженных сил?

ЗЕВЕРИНГ: Да, они должны были присутствовать и они присутствовали 18 октября 1928 г.

ЗИММЕРС: Господин министр, когда Вы познакомились с гроссадмиралом Редером?

ЗЕВЕРИНГ: Впервые по официальной линии я познакомился с ним насколько я помню в первые дни октября 1928 года, очевидно, в тот день, когда он нанес мне визит в связи со своим вступлением на должность.

ЗИММЕРС: Я предоставил Высокому Суду, Суд вспомнит об этом в качестве документа "Редер № 6" доклад Редера от 23 января 1928 года, с сопроводительным письмом, которое я сейчас передаю свидетелю. Согласно этому документу, Ваша беседа с Редером имела место 5 октября 1928 года, т.е. через пять дней после назначения Редера главнокомандующим военно-морским флотом?

ЗЕВЕРИНГ: Беседа, очевидно, имела место в этот день. Разрешите мне сделать замечание относительно этого документа...

ЗИММЕРС: Одну минуту, господин министр, я думаю, будет удобнее, если Вы сперва познакомились бы с этим документом.

Там сказано: "В связи с нашей беседой 5 октября..."

ЗЕВЕРИНГ: Да.

ЗИММЕРС: Разрешите просить Вас подтвердить Суду, что этот доклад Редера хранился Вами и, таким образом, он излагается правильно.

ЗЕВЕРИНГ: Письмо, которое я предоставил в Ваше распоряжение, г-н адвокат, является подлинным письмом Редера и оно соответствует тем событиям, которые Вы только что изложили в своих записях или своих замечаниях.

ЗИММЕРС: 5 октября имела место эта беседа с Редером? Соответствовала ли эта беседа между Вами и Редером в принципе идеям, изложенным в этой речи?

ЗЕВЕРИНГ: Да.

ЗИММЕРС: Помните ли Вы, что в этой речи Редер ясно заявил, что агрессивная война является преступлением?

ЗЕВЕРИНГ: Да, я вспоминаю это.

ЗИММЕРС: Сказали ли Вы Редеру во время этой беседы, что Вы договорились с Гренером о том, что действительно имевшие место нарушения Версальского договора должны быть выяснены и должно было состояться заседание кабинета?

ЗЕВЕРИНГ: Таких деталей я не помню. Но это очень вероятно.

ЗИММЕРС: Потребовали ли Вы от Редера, чтобы между ним и Вами господствовала атмосфера полной правды и откровенности.

ЗЕВЕРИНГ: Также и от Редера, но в еще большей степени от командующего сухопутными силами.

ЗИММЕРС: Создалось ли у Вас на основании этой беседы с Редером такое впечатление, что Вы сможете корректно сотрудничать с ним и что он сказал Вам правду?

11545

H1203 – 0194

H1203 – 0195

ЗЕВЕРИНГ: Да, такое впечатление у меня было.

ЗИМЕРС: Затем 18 октября 1928 года произошло уже упомянутое заседание кабинета. Разрешите мне попросить Вас коротко описать это заседание, в том случае, если суд согласен с тем, чтобы свидетель сделал такое описание. Мне кажется, это такое описание в большей степени с"экономит время, чем если я буду допрашивать по поводу всяких деталей. Но я прошу Вас кратко рассказать о том, что тогда произошло.

ЗЕВЕРИНГ: На этом заседании членам кабинета в деталях было рассказано обо всем, что-либо можно было назвать маскировкой бюджета, либо являлось нарушениями Версальского договора. Раз"яснения давались, насколько я помню, обеими господами, командующим сухопутными силами и командующим военно-морским флотом.

ЗИМЕРС: Присутствовали все члены кабинета?

ЗЕВЕРИНГ: Может быть за исключением того или иного заболевшего члена кабинета. Но это было заседание, которое обычно называют заседанием кабинета в полном составе.

ЗИМЕРС: А самые важные члены?

ЗЕВЕРИНГ: Да, конечно.

ЗИМЕРС: Штреземан и Мюллер присутствовали?

ЗЕВЕРИНГ: Я не могу сказать, присутствовал ли Штреземан. В сентябре он еще был болен, я не могу сказать, выздоровел ли он к 8 октября. Но разрешите заметить, господин адвокат, что если не присутствовал г-н Штреземан, то без сомнения, присутствовал другой авторитетный представитель министерства иностранных дел.

ЗИМЕРС: Дали ли гросс-адмирал Редер и генерал Хейе на этом закрытом заседании кабинета заверение, если я правильно

помню, даже под присягой, в том, что имели место только те нарушения, о которых они доложили?

ЗЕВЕРИНГ: Произошло ли это в торжественной форме заверения под присягой или было сказано под честное слово - я не помню. Во всяком случае они, по просьбе рейхсканцлера и в частности по моей просьбе заявили, что другие нарушения Версальского договора больше не будут иметь места.

ЗИММЕРС: Итак, они категорически заявили, что в дальнейшем не будут иметь места нарушения Версальского договора без ведома имперского правительства?

ЗЕВЕРИНГ: Да,В принципе это было так.

ЗИММЕРС: И кроме того они заявили кабинету, что теперь кабинет информирован обо всем?

ЗЕВЕРИНГ: Да.

ЗИММЕРС: Это заявление было сделано?

ЗЕВЕРИНГ: Да, такое заявление было сделано.

ЗИММЕРС: Шла ли речь в отношении этого секретного бюджета и этих нарушений Версальского договора, о значительных вещах?

ЗЕВЕРИНГ: Так как я привык к тому, что Версальский договор нарушался, разрешите мне это сказать, я даже должен это сказать - я особенно интересовался общим масштабом этих нарушений. Я хотел знать, какие меры придется мне на своем новом посту принимать против лиц, тайно владеющих оружием против связи с нелегальными организациями и я спросил, какая в общем была израсходована сумма. На это мне ответили, и, насколько я помню, позже представили письменное подтверждение, что нарушения или утаивание произошли в общем на сумму в 5,5-6 милл.марок.

ЗИММЕРС: Господин министр, Вы лучше, чем я помните эти цифры и бюджетные суммы того времени, что следует

H1203 – 0196

H1203 – 0197

заключить на основании этих цифр? Вытекает ли из них, что это были крупные нарушения с агрессивными намерениями ил из них вытекает, что в конце концов эти нарушения были незначительными, т.е. мелочами?

ЗЕВЕРИНГ: У меня нет сейчас цифр бюджетных расходов на армию и флот, а по памяти я не могу точно указать, но общее впечатление от описаний, данных обоими командующими частями вооруженных сил было таково, что речь шла о мелочах, и именно это создавшееся впечатление побудило меня также взять на себя известную политическую ответственность за эти нарушения, особенно учитывая то, что нас заверяли, что в будущем другие нарушения и искажения бюджета иметь места не будут.

ЗИММЕРС: Вспоминаете ли Вы, что Гренер на этом заседа"нии кабинета заявил, что в отношении этих небольших нарушений, кроме того речь в основном идет об оборонительных мероприятия, например, о строительстве береговых и зенитных батарей и т.д.?

ЗЕВЕРИНГ: О деталях я сейчас не могу ничего сказать, однако, я хотел бы напомнить о том, что все речи Гренера в то время, т.е. тогда, когда он был военным министром, были выдержаны в таком духе. Во всех своих речах в рейхстаге господин Гренер также категорически заявлял, что он является сторонником здорового пацифизма. Я уже ответил на Ваш вопрос, господин адвокат, что его раз"яснения, я имел в виду также, что он в своих указаниях исходил из целей обороны.

ЗИММЕРС: В конце этого заседания, таким образом правительство ясно взяло на себя ответственности за эти нарушения и за секретные бюджеты в этом небольшом об"еме?

ЗЕВЕРИНГ: В том об"еме, как об этом было доложено.

ЗИММЕРС: В дальнейшем Редер всегда действовал в соответствии с этими ясными указаниями имперского правительства?

ЗЕВЕРИНГ: Я не могу абсолютно уверено ответить на этот вопрос, однако, я могу сказать, что нарушения этого соглашения со стороны командования военно-морского флота во время моего пребывания на посту министра внутренних дел места не имели.

ЗИММЕРС: Убеждены ли Вы лично, т.к. Вы хорошо знали Редера, в том, что он сдержал обязательство, ясно данное всем, не предпринимать никаких тайных нарушений?

ЗАВЕРИНГ: У меня было впечатление, что Редер является порядочным человеком и я полагал, что он сдержит свое слово.

ЗИММЕРС: Еще один вопрос, господин министр. Вы не можете, естественно, вспомнить о деталях, однако, может быть Вы помните, что на этом заседании кабинета 18-го октября говорилось об одной голландской фирме, которая занималась конструированием подлодок?

ЗЕВЕРИНГ: Нет. Деталей о заседании я не могу сообщить. Однако, я знаю, что в то время много говорилось о том, - на другом ли заседании кабинета или на заседании подкомитетах рейхстага или в другом парламентском органе - что были созданы экспериментальные армейские и флотские мастерские в России, Швеции и Голландии.

ЗИММЕРС: Вы помните что-либо об экспериментальных мастерских, т.е. о мастерских для испытывания новых моделей?

11519

H1203 – 0198

H1203 - 0199

ЗЕВЕРИНГ: Я могу лишь сказать, что разговоры велись в этом смысле. Существовали ли экспериментальные мастерские, я не могу сказать, по моим сведениям.

ЗИМЕРС: Господин министр, могла ли и имела ли Германия право, на основании правительственных переговоров в то время надеяться на то, что несмотря на Версальский договор ей когда-либо разрешат строить подводные лодки?

ЗЕВЕРИНГ: Руководящие государственные деятели, в частности министр....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зимерс, как же он может ответить, что была надежда на то, что им разрешат строить подводные лодки?

ЗИМЕРС: Насколько я знаю, господин председатель, этот вопрос обсуждался по внешне-политической линии уже правительствами 1928-1932 г., предположительно Штреземаном, но так как Штреземан умер, то я спрашивал Зеверинга.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибуналу кажется, что это просто политические сплетни.

ЗИМЕРС: Господин министр, от кого зависело то, что представлялось на обсуждение рейхстага? Редеру инкриминируется то, что он действовал за спиной рейхстага. Кто представлял проекты рейхстагу, делал ли это Редер?

ЗЕВЕРИНГ: Проекты, я не понимаю Вас, проекты бюджета?

ЗИМЕРС: Да.

ЗЕВЕРИНГ: Проекты бюджета разрабатывались референтами отдельных ведомственных министерств, а весь кабинет представлял их рейхстагу.

ЗИМЕРС: Вопрос о рассмотрении бюджета в рейхстаге, таким образом, являлся делом имперского правительства, а не командующего военно-морским флотом?

ЗЕВЕРИНГ: Когда какой-либо проект представлялся рейхстагу, то ведомственные министры сами должны были защищать его в главном комитете и на пленарном заседании рейхстага, однако, политическую ответственность за них несет кабинет в целом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Никогда не утверждалось, что подсудимый представлял в рейхстаг на рассмотрение вопрос о бюджете.

ЗИМЕРС: Господин председатель, вчера здесь утверждалось..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не спорьте, пожалуйста. Продолжайте задавать следующие вопросы.

ЗИМЕРС: Вспоминаете ли Вы о том, что в конце 1929 года Вы беседовали с одним из членов правительства о различных руководящих лицах в вооруженных силах и что Вы тогда сделали некоторые высказывания, которые позже стали известны, относительно некоторых определенных лиц?

ЗЕВЕРИНГ: Да, это правильно, что меня однажды спросили, мне кажется, можно сказать о моей оценке некоторых военных деятелей. Я назвал тогда Гренера и Редера, как наиболее выдающихся деятелей.

ЗИМЕРС: Господин министр, о скольких концентрационных лагерях Вы знаете?

ЗЕВЕРИНГ: О скольких я знаю сейчас или Вы хотите спросить меня...

ЗИМЕРС: Простите, не сейчас, а о скольких концентрационных лагерях знали Вы до поражения Германии?

11521

H1203 – 0200

H1203 – 0201

ЗЕВЕРИНГ: Может быть, о шести-восьми.

ЗИМЕРС: Господин министр, знали ли Вы перед поражением или знали ли Вы уже в 1944 г. о массовых убийствах, которые столь часто обсуждаются здесь, на этом процессе?

ЗЕВЕРИНГ: Я узнал о концлагерях тогда, когда убийства, если так можно сказать, стали производиться профессионально и при том в связи с несколькими случаями, которые очень сильно тронули лично меня. Во-первых, как мне сообщили, в лагере Папенбург был убит полицай-президент Альдон, депутат рейхстага, социал-демократ, который принадлежал к правому крылу социал-демократической партии.

Другой мой друг - председатель союза горно-рабочих Фриц Хуземан, как мне сказали, был убит в том же лагере, вскоре после его заключения туда.

В лагере Ораниенбург, по сведениям, которые мне передали его родственники, был замучен еще один мой друг Эрист Хайман.

Дахау был тогда известен и на севере Германии как концлагерь.

Из Бухенвальда в начале 1939 г. возвратилось несколько евреев - заключенных, которые рассказывали мне об этом лагере.

Колумбихауз в Берлине я также считал концлагерем.

Таковы были мои сведения о лагерях и ужасах, творившихся в них до того, как лондонское радио сообщило о концлагерях.

В 1944 г., разрешите рассказать и об этом случае, после отбытия трехлетнего заключения в тюрьме еще один мой друг, депутат рейхстага Стефан Майер был отправлен в конц-

лагерь в Линц или в районе Линца и был там убит после короткого пребывания в нем, согласно сведениям, которые я получил от его семьи.

ЗИММЕРС: Господин министр, таким образом Вы знали только об этих ~~исключительных~~ и аналогичных отдельных случаях.

ЗЕВЕРИНГ: Да.

ЗИММЕРС: Вы не знали о том, что на востоке ежедневно тысячи людей умерщвлялись в газовых камерах или другими методами?

ЗЕВЕРИНГ: Я считал, что я должен сообщать суду только о тех случаях, о которых я получил, так сказать, достоверные сведения. Обо всем, что я узнал позже, а именно по рассказам - но и здесь лишь косвенно - моего друга Зегер, и или из книги генерал-интенданта Лангхоф, обо всем этом мне сообщалось, однако, я не мог проверить правильность этих сообщений.

ЗИММЕРС: Господин министр, имели ли Вы и Ваши партийные друзья возможность...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зиммерс, Вы намереваетесь закончить этот допрос или Вы будете его продолжать?

ЗИММЕРС: Я, конечно, предоставляю на решение уважаемого Суда - следует ли сейчас сделать перерыв. Так как, как я слышал, будет еще и перекрестный допрос, то, пожалуй, практично устроить сейчас перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, но Вы, очевидно, знаете, какие вопросы Вы намереваетесь задавать. Я же этого не знаю.

14523

H1203-0202

H1203 – 0203

ЗИММЕРС: Я не могу судить о том, как долго будет отвечать свидетель, возможно, допрос займет еще минут 10.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Мы сейчас об"явим перерыв до четверти третьего.

/Об"является перерыв до 14.15/

мс
ад

11524

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

21 мая 1946 года

/Вечернее заседание/

Встать ! Суд идет !

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не будет заседать в субботу утром.

/ К микрофону подходит г-н Додд /

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Г-н Додд, не можете ли вы нам сказать, каково положение в отношении документов подсудимого фон Шираха, Заукеля и Йодля ?

Г-н ДОДД: Что касается фон Шираха, то мы ждем решения Трибунала относительно тех документов, которые заслушивались в субботу. Простите, я ошибся, это были документы Зейсс-Инкварта, я не был уверен в том, что эти документы готовы ; они все готовы; они переведены и приведены в соответствующий порядок.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нужно ли дальнейшее обсуждение по поводу этих документов ?

Г-н ДОДД: Я полагаю, что нет, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, в таком случае мы можем считать, что у нас не будет никаких обсуждений по поводу этих документов.

Г-н ДОДД: Да, г-н председатель. Я полагаю, что нет никакой необходимости в дальнейших обсуждениях документов фон Шираха.

Что касается Заукеля, то я спрашивал своих французских коллег о том, как обстоит дело с его документами, так как они несут главную ответственность в данном вопросе. Что же касается обвинения, я слышал, что г-н Эрзог, представитель французского обвинения, уже направляется сюда и он сможет

11525

H1203 – 0204

H1203 – 0205

сообщить об этом гораздо точнее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, мы можем это заслушать несколько позже. Но во всяком случае, что касается документов фон Шираха, то все готово.

Г-н ДОДД: Да, все документы по Шираху готовы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, г-н Додд.

Г-н ДОДД: Сэр Дэвид может сказать о подсудимом Ирдле.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Об этом скажет г-н Робертс.

РОБЕРТС: Милорд, положение с документами Ирдля таково: д-р Яррейс представил мне как раз перед пасхой книгу, содержавшую несколько документов, которые, за исключением четырех, уже пред"являлись и поэтому против них не может быть никаких возражений.

Две из них

Милорд, все эти 4 документа, ~~два из них~~ коротки, я думаю, вызвают возражения на том основании, что в них ссылаются на предполагаемые военные преступления, совершенные одним из союзников. Но, милорд, они настолько коротки, что я думаю, самое лучшее было бы их перевести. Каждый из этих документов занимает около страницы, а когда вся книга будет переведена, то можно будет представить возражения, и тогда Трибунал сможет быстро решить этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, но поскольку из четырех документов имеются только два, против которых можно возражать, мы сможем заняться ими, когда будем заслушивать дело.

РОБЕРТС: Да, милорд, только два.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Тогда нет необходимости их специально заслушивать.

РОБЕРТС: Да, милорд, конечно такой необходимости нет. Это можно будет обсудить в самое ближайшее время.

/ К микрофону подходит д-р Экснер/.

ЭКСНЕР: / защитник подсудимого Иодля/: Господин председатель, у меня еще есть одно замечание об этих документах Иодля. С одним документом у нас имеются трудности. Это - аффидевит Лемана, который мы представили на немецком языке, но он не был переведен для нас на английский язык с тем обоснованием, что переводить можно только те документы, которые допущены Обвинением, а Обвинение со своей стороны считает, что оно не может высказать свое мнение по поводу этого документа, так как он еще не переведен на английский язык. Я в кратком меморандуме сообщил об этом Трибуналу и надеюсь, что Трибунал разрешит этот вопрос.

Г-н РОБЕРТС: Милорд, письменное показание Лемана, данное под присягой, очень коротко. Оно главным образом касается личной характеристики и действительно не вызывает возражений. Но я должен указать, что этот документ фактически не был допущен Трибуналом. Трибунал потребовал его в отношении ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но если он был принят в переводе, то это все, что требуется.

Г-н РОБЕРТС: Милорд, я полностью согласен, и весь этот документ занимает лишь одну страницу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Пусть его переведут.

/ К микрофону подходит г-н Альвин Джонс /

Г-н АЛЬВИН ДЖОНС: Господа судьи, может быть было бы удобно указать Трибуналу на данной стадии дела Редера относительно свидетеля Лемана, Обвинение не желает сейчас подвергнуть его перекрестному допросу, имея в виду те до-

H1203 – 0206

H1203 – 0207

кументы, которые находятся у суда, и тот факт, что вопросы, изложенные в письменном показании, данном под присягой, вчера обсуждались и рассматривались моим коллегой сэром Дэвидом Максуэлл Файфом во время перекрестного допроса Редера, и таким образом не нужно затрачивать лишнее время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотят ли другие члены обвинения задать какие-либо вопросы Леману ?

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Нет, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть защитники желают задать какие-либо вопросы свидетелю ?/ Защитники не выражают желания допрашивать свидетеля/. Очень хорошо. В таком случае, я считаю, что следует передать коменданту суда, что свидетель может здесь больше не оставаться.

/ К микрофону подходит представитель французского обвинения /

Г-н ЭРЗОГ: Я хочу от имени французского обвинения дать согласие на то, чтобы были пред"явлены документы, представленные защитником Заукеля. Мы протестовали против представления суду этих документов. Теперь мы не возражаем против того, чтобы эти документы были переведены и представлены суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы полагаете, что необходимо или желательно, чтобы был особо обсужден вопрос о приемлемости этих документов или же это может быть сделано в процессе заслушивания дела подсудимого Заукеля? Я в данный момент предполагаю, что эти документы просматривались для передачи их для перевода; сейчас они уже переведены. Если вы полагаете, что необходимо иметь особое обсуждение, прежде чем начнется дело подсудимого Заукеля, вопроса о приемле-

мости документов, мы хотели бы знать об этом. В противном случае, их можно рассмотреть в течение процесса, в ходе разбирательства дела подсудимого Заукеля.

Г-н ЭРЗОГ: Думаю, что будет достаточно, если суд ознакомится с этими документами во время слушания дела Заукеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

ЗИММЕРС: Г-н министр Зеверинг, насколько я могу установить, вы не ответили достаточно ясно на один из моих вопросов. Относительно концлагерей вы сказали, что вы слышали об отдельных случаях и назвали эти отдельные случаи. Чтобы не создалось здесь недоразумения, я хотел бы, заканчивая, задать вам вопрос относительно того, слышали ли вы что-либо о массовых убийствах, о которых говорилось на этом процессе, о том, что в Освенциме, например, каждый день в газовых камерах сжигалось около 2 тысяч человек. Узнали ли вы об этом до окончания войны или вообще ничего не знали об этом?

ЗЕВЕРИНГ: Об этих массовых убийствах, которые после падения гитлеровского режима стали известны отчасти в результате публикаций в прессе, а отчасти в результате процесса, я ничего не знал.

ЗИММЕРС: Г-н министр, что во время национал-социалистского режима могли предпринять вы и ваши партийные товарищи против национал-социалистского террора, о котором вы уже упоминали, поддерживала ли заграница вас в этом ?

ЗЕВЕРИНГ: Если вы ограничиваете вопрос тем, что спрашиваете меня, что мог сделать или сделал я и мои политические друзья после 30 января для устранения гитлеровско-

11529

H1203 – 0208

H1203 – 0209

го террора, то я должен ответить, что мы сделали очень мало. Если оказывалось некоторое сопротивление гитлеровскому режиму, то это сопротивление не было централизованным и организованным. Оно ограничивалось тем, что в отдельных городах об"единялись противники нацистов для того, чтобы обдумать, каким образом можно было по крайней мере с помощью пропаганды оказать сопротивление террору в области духовной жизни...Открытый мятеж был невозможен. В этой связи я хотел бы обратить внимание еще на следующее: 30 января я лично предпринял попытку, которая, по моему мнению, могла оказаться эффективной в решающей борьбе против гитлеровского режима. Осенью 1931 года у меня была беседа с начальником управления сухопутных сил фон Хаммерштейном, в которой фон Хаммерштейн мне заявил, что рейхсвер не допустит, чтобы Гитлер занял пост президента империи. Я припомнил эту беседу и спросил Хаммерштейна 30 января 1933 года, желает ли он встретиться для беседы со мной. Во время этой беседы я хотел спросить его, придерживается ли он все еще того мнения, что рейхсвер не только выскажется против режима Гитлера, но и окажет сопротивление такому режиму. Господин Хаммерштейн ответить мне, что он готов вести такие переговоры, но момент не является подходящим. Беседа вообще не состоялась.

Если вы, г-н адвокат, спрашиваете меня, находили ли поддержку со стороны лиц, находившихся за границей, которых можно было бы назвать антифашистами, мои политические друзья, делавшие попытки бороться против гитлеровского режима хотя бы помощью пропаганды, то я должен

ответить на ваш вопрос отрицательно. Мы, напротив, с большой болью часто отмечали, что представители английской рабочей партии не как должностные, а как частные лица были в гостях у Гитлера и вернувшись обратно в Англию, восхваляли тогдашнего рейхсканцлера Гитлера, как блюстителя мира. Я называю здесь таких людей, как Филиппса Ньютона и старшего лидера рабочей партии Гленсберга. Я хочу в этой связи обратить еще внимание на следующее: в году ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Отношение политических партий других стран не имеет никакой связи с вопросами, которые мы должны решать, абсолютно никакой.

ЗИМРС: Я думаю, что этого будет достаточно. У меня больше нет вопросов к свидетелю.

/ К микрофону подходит Латернзер, защитник генерального штаба и ОКВ /.

ЛАТЕРНЗЕР: Г-н министр, во время вашей служебной деятельности была ли увеличена допущенная Версальским договором численность войск, составлявшая 100.000 человек в мирное время ?

ЗЕВЕРИНГ: Я официальных сведений об этом не имею, но предполагаю, что это не имело места.

ЛАТЕРНЗЕР: Известно ли вам что-либо о том, что в 1932 году Лига наций согласилась или пообещала разрешить, чтобы стотысячная армия была увеличена до 300 тысяч человек?

ЗЕВЕРИНГ: Я также не могу официально на это ответить точно. Но я могу заявить в этой связи следующее: в 1932 г. я получил письмо от моего партийного товарища д-ра Рудоль-

H1203 – 0210

H1203 – 0211

фа Брейтшейда, который был членом делегации при Лиге наций. Он сообщил мне в этом письме о слухах такого рода, но это сообщение, которое ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Латернзер, мы полагаем, что слухи не могут иметь какого-либо отношения к процессу. Свидетель говорит, что он не может дать никаких официальных сведений, и начинает передавать какие-то слухи. Но нам не нужны никакие слухи.

ЛАТЕРНЗЕР: Г-н председатель, то, что свидетель здесь рассказывает, не является передачей слухов, и я думаю, что вы сможете сами судить об этом, когда свидетель полностью ответит на вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он сейчас говорит о слухах. Если вы хотите задать еще какие-нибудь вопросы, вы можете их задать.

ЛАТЕРНЗЕР: Приняло ли увеличение численности войск со 100 тысяч до 300 тысяч человек такие угрожающие формы, что это стало обсуждаться в иностранных кругах ?

ЗЕВЕРИНГ: Я только что сказал, что доктор Рудольф Брейтшейд был членом делегации при Лиге наций, и что он, конечно, не взял свои данные с потолка. В этих сообщениях говорилось, что предполагается увеличение численности войск; это увеличение произойдет, видимо, за счет полиции. Об этом осведомлен доктор Рудольф Брейтшейд.

ЛАТЕРНЗЕР: Благодарю вас, у меня больше нет вопросов.

/ К микрофону подходит д-р Хензель, защитник СС /.

ХЕНЗЕЛЬ: /защитник СС/ - Г-н министр, вы только что сказали нам, что вы ничего не знали об убийствах евреев в Освенциме до окончания войны. Знали ли вы что-либо о

других мероприятиях или действиях против евреев, которые можно было бы назвать преступными ?

ЗЕВЕРИНГ: Да, я лично был свидетелем такого случая. В 1944 году один мой знакомый из Билефельда Карл Хензель был арестован, направлен в трудовой лагерь под Эмденом и на третий день расстрелян.

ХЕНЗЕЛЬ: Знаете ли вы, кто его арестовал ? Какие органы подвергли его аресту ?

ЗЕВЕРИНГ: Его арестовало гестапо в Билефельде.

ХЕНЗЕЛЬ: Рассказывали ли вы об этом, как об одиночном случае или это произошло в связи с массовым мероприятием?

ЗЕВЕРИНГ: Мне казалось, что это был отдельный случай.

ХЕНЗЕЛЬ: Слышали ли вы тогда, в 1944 году о многих отдельных случаях такого рода?

ЗЕВЕРИНГ: В 1944 году я ничего не слышал об отдельных случаях, связанных с убийством. Правда, я слышал о каких-то транспортах из вестфальских городов, отправлявшихся в неизвестном направлении.

ХЕНЗЕЛЬ: Какое учреждение занималось этими транспортами ?

ЗЕВЕРИНГ: Я не могу точно сказать, я предполагаю, что гестапо.

ХЕНЗЕЛЬ: Считаете ли вы, что широкие круги населения знали о таких случаях ?

ЗЕВЕРИНГ: О транспортах ?

ХЕНЗЕЛЬ: Да.

ЗЕВЕРИНГ: Да, отправка людей обычно совершалась на глазах у всех.

ХЕНЗЕЛЬ: Придерживаетесь ли вы того мнения, что насе-

H1203 – 0212

H1203 – 0213

ление было также осведомлено, как и члены организаций, например, рядовой член СС, или вы считаете, что рядовой член СС знал больше, чем любой другой человек.

ЗЕВЕРИНГ: Да, конечно, член СС знал, какая цель преследовалась этими транспортами.

ХЕНЗЕЛЬ: Однако, я понял вас таким образом, что эти транспорты не сопровождались эсэсовцами, вы говорили о гестапо.

ЗЕВЕРИНГ: Да, я сказал, что я предполагаю, что гестапо распоряжалось, чтобы производились аресты и грабежи, но я не уверен в том, что в этом участвовало только гестапо.

ХЕНЗЕЛЬ: А о других мероприятиях, кроме упомянутых мероприятий по отправке людей, о так называемых местных погромах, как я понимаю , вы не часто слышали.

ЗЕВЕРИНГ: Местные погромы имели место в 1938 году.

ХЕНЗЕЛЬ: Эти мероприятия, о которых мы много слышали, вы сами наблюдали или вы были дома ?

ЗЕВЕРИНГ: Я сидел дома. Я только потом был свидетелем последствий этого погрома в виде разрушенных еврейских магазинов и руин синагог.

ХЕНЗЕЛЬ: Каким организациям или группам вы приписываете вину за события в ноябре 1938 года ?

ЗЕВЕРИНГ: Мое суждение, конечно, не должно считаться компетентным, но я говорю совершенно откровенно: СА или СС.

ХЕНЗЕЛЬ: Почему же вы думаете, что именно эти две группы были участниками ?

ЗЕВЕРИНГ: Потому что у меня на родине в Билефельде членов этих двух групп называли поджигателями синагог.

ХЕНЗЕЛЬ: Кто их так называл ?

ЗЕВЕРИНГ: Население в общем называло их именно так.

ХЕНЗЕЛЬ: Вы узнали о концентрационных лагерях. Можете ли вы вспомнить, когда впервые - важно установить по крайней мере, год.

ЗЕВЕРИНГ: Нет, сейчас я этого не могу вам сказать точно. Я смогу это сделать, если мне назовут целый ряд дат. Первый случай с убийством в концентрационном лагере стал мне известен, когда я узнал, что в концлагере Папенбурге был расстрелян бывший депутат рейхстага и полицейпрезидент фон Альтенаар. Это, видимо, было в 1935 или 1936 году, точно я не знаю.

ХЕНЗЕЛЬ: А позднее вы слышали о многих таких случаях или вы сами разузнавали о них?

ЗЕВЕРИНГ: Я сам разузнал лишь только о тех случаях, которые я здесь сегодня утром указал; это те случаи, о которых я знаю настолько точно, что я могу предложить их Трибуналу в качестве материала доказательства.

ХЕНЗЕЛЬ: Говорили ли вам, что концентрационные лагери являются местом, куда должны помещаться политические враги режима и что с ними там ничего не случится, кроме того, что их лишат свободы ?

ЗЕВЕРИНГ: Говорили ли мне это ?

ХЕНЗЕЛЬ: Говорили ли вам это. Слышали ли вы это ?

ЗЕВЕРИНГ: Нет, я напротив слышал, что население считало эти концентрационные лагери олицетворением всего

11535

H1203 – 0214

H1203 – 0215

ужасного.

ХЕНЗЕЛЬ: Что вы понимаете под словом "население", были ли это те слои населения, которые имели официальное отношение к партии, являлись незаметными членами партии, СА, или СС ?

ЗЕВЕРИНГ: Об этом я ничего не могу сказать, потому что я разговаривал лишь только с врагами этого режима.

ХЕНЗЕЛЬ: Думаете ли вы, что эти противники, с которыми вы беседовали, составляли единый фронт против всех, кто носил партийный значек или значек члена какой-нибудь организации ?

ЗЕВЕРИНГ: Нет, господин адвокат, вопрос, который вы задаете, затрагивает широкие слои населения и общечеловеческие чувства, чувство возмущения теми моментами, которые стали известны из жизни лагерей.

ХЕНЗЕЛЬ: Моим вопросом я хочу выяснить, не наблюдалось ли это возмущение также и у тех людей, которые носили партийный значек ?

ЗЕВЕРИНГ: Я могу лишь только предполагать, я не могу сообщить об этом суду, как о факте.

ХЕНЗЕЛЬ: Находились ли эти люди под колоссальным давлением, на которое вы указывали ?

ЗЕВЕРИНГ: Они чувствовали себя наверное отчасти запятненными в результате своего членства в партии.

ХЕНЗЕЛЬ: Думаете ли вы, что многие люди стали членами партии для того, чтобы оказаться в выгодном положении неприкосновенных лиц ?

ЗЕВЕРИНГ: Мне кажется, что да.

ХЕНЗЕЛЬ: Я слышал, что вы сами принадлежали к НСФ? Правильно ли это ?

ЗЕВЕРИНГ: Нет.

ХЕНЗЕЛЬ: Правильно ли, что вы после 20 июля 1944 года были арестованы ?

ЗЕВЕРИНГ: Я сегодня утром ответил уже на этот вопрос, я не был под арестом.

ХЕНЗЕЛЬ: Вы вообще не были арестованы ?

ЗЕВЕРИНГ: За исключением того случая, о котором сегодня утром я уже говорил.

ХЕНЗЕЛЬ: Высказывались ли вы однажды таким образом, что все, что было достигнуто в Германии после 1933 года в социальной области, было в некотором отношении также и идеалом старых режимов ?

ЗЕВЕРИНГ: Да, я выразился таким образом. "Все то, что было новым, не было хорошим, а все, что было хорошим, не было новым".

ХЕНЗЕЛЬ: Думаете ли вы, что каждый немец, независимо от того, являлся ли он членом партии, членом СС или не являлся, должен был знать об эксцессах в Освенциме, о которых вы не знали ?

ЗЕВЕРИНГ: Нет, я не утверждаю, что они должны были знать, но может быть, они могли знать.

ХЕНЗЕЛЬ: А каким образом вы считаете, они могли знать это ?

ЗЕВЕРИНГ: Они могли это знать от конвоиров транспортных эшелонов, которые ведь не всегда оставались в тех местностях, где находились концлагери, а уезжали оттуда.

11534

H1203 – 0216

H1203 – 0217

ХЕНЗЕЛЬ: А если эти люди обязаны были хранить молчание?

ЗЕВЕРИНГ: Тогда они не могли ничего рассказать.

ХЕНЗЕЛЬ: Знаете ли вы такие случаи, когда арестовывались люди, которые рассказывали о таких вещах?

ЗЕВЕРИНГ: Нет.

ХЕНЗЕЛЬ: Вы ничего не слышали о деятельности особых судов ?

ЗЕВЕРИНГ: Во всяком случае о специальной деятельности особых судов я не слышал.

ХЕНЗЕЛЬ: Но в газетах часто печатались приговоры над людьми, которые слушали иностранные радиопередачи и над теми, кто распространял такие слухи. Разве вы не читали таких приговоров ?

ЗЕВЕРИНГ: Нет.

ШТЕЙНБАУЭР /защитник подсудимого Зейсс-Инкварта/: господин свидетель, я должен задать вам только один вопрос. Вы сказали нам сегодня утром, что вы в 1919 г. были членом Веймарского национального собрания. Разрешите спросить вас, какова была позиция национального собрания и, в частности, руководимой вами фракции социал-демократов в отношении проблемы, связанной с присоединением Австрии ?

ЗЕВЕРИНГ: Я во время заседаний Веймарского национального собрания был имперским государственным комиссаром в Рейнской области и в Вестфалии и я мог лишь редко участвовать в заседаниях Веймарского национального собрания. Я поэтому не знаю точно, как формулировались эти вопросы. Но мне известно, что почти все депутаты национального собрания выразили единодушно желание включить в конституту-

цию параграф или статью, которая бы провозгласила бы присоединение Австрии к Германии.

ШТЕЙНБАУЭР: Благодарю, у меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хочет ли обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу ?

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Господин министр, вы сказали Трибуналу, что в 1928 г. подсудимый Редер торжественно вас заверил в том, что не будет дальнейших нарушений Версальского договора без ведома имперского кабинета. Выполнил ли подсудимый Редер это заверение ?

ЗЕВЕРИНГ: Я сегодня утром уже сказал, что я не могу ответить на этот вопрос в такой положительной форме. Я могу лишь сказать, что мне не стали известными нарушения договоров от 18 октября 1928 года со стороны командования военно-морских сил.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Знали ли вы, например, о строительстве в Кадиксе, в Испании, подводных лодок в 750 тонн под руководством Германии между 1927 и 1931 г.г.?

ЗЕВЕРИНГ: Нет, нет.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Милорд, то, что это соответствует фактам, изложено в документе Д-854.

Знаете ли вы, г-н министр, что в 1931 г., когда эти подводные лодки были построены, они проходили испытание под германским руководством и с использованием германского персонала ?

ЗЕВЕРИНГ: Нет, об этом я также ничего не знаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю, что он ответил, что он вообще ничего не знал о каких-либо нарушениях.

H1203 – 0218

H1203 – 0219

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Я хочу поставить вам несколько вопросов. Я полагаю, что быть может, вы были обмануты в то время. Вы согласны со мной в этом отношении ?

ЗЕВЕРИНГ: Да, то, что меня вводили в заблуждение, я не отрицаю, но я должен определенно заявить, что о строительстве какой-либо подводной лодки я ничего не знал.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Я хочу, чтобы вы посмотрели на документ Ц-156, это - новый отрывок из книги капитана Шюлера "Борьба флота с Версальским договором", стр. 43-44 этой книги. Вы увидите на странице 43-44 следующее: "В 1930 г. Бартенбах принял все необходимые меры, также и в финляндии для строительства подводных лодок, в соответствии с военными требованиями германского военно-морского флота. Главнокомандующий флотом адмирал Редер решил, в результате отчетов генерала военно-морского отдела, контр-адмиралов Хаузингера и Вальдетта, а также капитана Бартенбаха, послать все необходимое для строительства подводных лодок в финляндии. Был разработан план постройки 250-тонной лодки, причем для осуществления этого проекта было достаточно 1 1/2 миллиона рейхсмарок. Основная цель заключалась в том, чтобы создать такого типа лодки, который дал бы возможность незаметно подготовить наибольшее количество соединений лодок, которые могли бы быть собраны в указанный кратчайший срок".

Г-н министр, вам было известно, что в 1930 г. было израсходовано 1 1/2 миллиона рейхсмарок на строительство подводных лодок?

ЗЕВЕРИНГ: Я сегодня утром заявил, что с 1928 по 1930 г.г. был министром внутренних дел. Я думаю, что следует

уточнить эти даты. Я 30 марта 1930 г. ушел со своего поста. Когда здесь вообще говорится о 1930 годе, то не исключена возможность, что все, о чем тут упоминалось, относится к периоду после 30 марта 1930 года.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Вы сказали, что перевооружение, которое проводилось тогда, когда вы были связаны с правительством Германии, было чисто оборонительного характера ? Когда вам стало понятно, что вооружение, проводимое нацистским правительством было не оборонительного, а агрессивного характера? Когда вы пришли к этому выводу ?

ЗЕВЕРИНГ: 30 января 1933 г., потому что я и мои политические товарищи были убеждены, что выборы и назначение Гитлера на пост рейхсканцлера означало войну.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Следовательно, вы поняли с первого дня прихода нацистов к власти, что нацистское правительство намерено было применять силу или угрозы насилия для достижения своих политических целей, это верно ?

ЗЕВЕРИНГ: Я не знаю, является ли одним и тем же: знать и быть уверенным. Я был убежден в этом, точно так, как и мои политические товарищи.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Я хочу задать один или два вопроса о подсудимом фон Папене. Прибегал ли подсудимый Папен к силе во время путча, который привел его к власти в июле 1932 г?

ЗЕВЕРИНГ: Лично фон Папен не применял этой силы, но он распорядился о том, чтобы ее применили после того, как я утром 20 июля 1932 года отказался добровольно передать свои полномочия прусского министра внутренних дел моему преемнику, назначенному фон Папеном; я заявил Папену, что я не

H1203 – 0220

H1203 – 0221

намереваюсь уступить, и для того, чтобы подкрепить свой протест, я заявил, что я отступлю лишь только перед силой. Это насилие было применено в моем рабочем кабинете, 20 июля. Ко мне явился вновь назначенный полицей-президент Берлина в сопровождении двух полицейских офицеров. Я спросил их, имеют ли они полномочия от имперского президента и рейхсканцлера для того, чтобы совершить этот акт, и когда они мне ответили утвердительно, я заявил, что я сам покину учреждение, чтобы не подать знака для кровопролития.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Когда подсудимый Папен достиг власти, он провел чистку полиции и правительства от антинацистских элементов ?

ЗЕВЕРИНГ: Да, многое свидетельствовало о том, что имелось намерение очистить полицию от республиканских элементов и вместо этого привлечь в нее элементы, которые затем были верны Папену и национал-социалистам.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Я хочу задать вам один или два вопроса о подсудимом Геринге.

Подсудимый Геринг сказал / это записано в стенограмме на 5837 странице/, что превентивное заключение было введено в Германии до того, как нацисты пришли к власти. Это правильно ?

ЗЕВЕРИНГ: Это превентивное заключение , я хотел бы сказать, существовало теоретически и было окончательно сформулировано в статье 15 прусского полицейско-административного закона. Во время моей деятельности превентивное заключение в обычной гражданской сфере ни разу не применялось, но положения статьи 15-й этого полицейско-административного закона конкретно предусматривали, что если кто-либо под-

вергался превентивному аресту, он должен был в 24 часа предстать перед судом. Это ни в коей мере не идентично с тем превентивным заключением, которому в течение десятилетий подвергались мирные граждане.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Но, конечно, в донацистское время не было концлагерей ?

ЗЕВЕРИНГ: Да, никогда.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Сколько из ваших политических сотрудников и коллег в социал-демократической партии были убиты в концлагерях, когда Геринг бы еще начальником гестапо ?

ЗЕВЕРИНГ: Очень сложно подсчитать. Можно назвать цифру 500 и можно назвать 2.000. Сейчас собираются точные данные. По моим подсчетам, было уничтожено 1.500 ~~членов~~ социал-демократов, профсоюзных работников и редакторов.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: А как вы думаете, сколько руководящих работников коммунистических партий было убито в концлагерях в течение того периода, когда Геринг был во главе гестапо ?

ЗЕВЕРИНГ: Я предполагаю, что, если к коммунистическим руководителям причислить также профсоюзных работников, которые считали себя членами коммунистической партии, то цифра будет приблизительно такая же.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Лично Герингу было известно об этих убийствах ?

ЗЕВЕРИНГ: Этого я не могу сказать. Если я должен буду ответить на этот вопрос, я должен сначала спросить самого себя, что я сделал бы сам в том случае, если бы в мои функ-

H1203 – 0222

H1203 – 0223

ции исходило бы управление лагерями, в которых решалась судьба десятков тысяч людей. Я не знаю, представляет ли интерес для суда, если я расскажу один или два примера из моего личного опыта. В 1925 году я должен был основать лагерь для беженцев из Польши...

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Не беспокойтесь, господин министр, нет нужды входить в такие детали.

ЗЕВЕРИНГ: Не нужно ? Во всяком случае я считал бы, что моя главная основная задача заключается в том, чтобы расследовать, действительно ли в этих лагерях соблюдаются принципы человечности. У меня не было такого впечатления, что эти принципы соблюдались. Я всегда говорил моим чиновникам полиции, что полиция является слугой народа и что с каждым в указанных лагерях следует обращаться по-человечески. Я говорил им, что в Германии не должно больше раздаваться восклицания: "Берегитесь шуцманов". Я сам добивался того, что чиновники охранной полиции и другие чиновники подвергались наказанию, если у меня создавалось впечатление, что охранная полиция издевалась над беззащитными заключенными.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Вам, как министру внутренних дел, стало известно об организованном терроре СА в отношении нацистского населения Германии в период после 1921 г.?

ЗЕВЕРИНГ: О, да ! В годы моей деятельности в Пруссии одной из моих важнейших задач был контроль над так называемыми "оборонными организациями" /веерорганизационен/. Организация СА проявила себя, как самая грубая из всех "оборонных организаций". Ее члены пели такие песни, как " Дорогу коричневым батальонам", и с той же настойчивостью, с какой они пели эти песни, они на улицах расчищали себе дорогу повсюду, где они не встрели достойного сопротивления. Другая грубая песня, видимо, являлась их программной

песней: "Повесьте евреев, поставьте к стенке бюрократов!". И везде, где организация СА могла беспрепятственно проводить свой террор, она бесчинствовала. Она устраивала сражения в залах, где происходили собрания, против инакомыслящих. Это не были обычные споры между политическими партиями во время предвыборной борьбы, это был организованный террор. Во время первого бойкота евреев в 1933 году организация СА устанавливала посты, для того чтобы отпугивать те слои населения, которые обычно привыкли покупать товары в определенных магазинах. Члены СА также организовали, как уже известно суду, террор против евреев 8 ноября 1938 года, но и в 1930 г. они разорили множество еврейских магазинов в Берлине, что, видимо, явилось своего рода прелюдией перед тем, как собрался рейхстаг, в который, как известно, тогда вошло 107 национал-социалистов.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Я хочу задать вам один-два вопроса относительно подсудимого Шахта.

Когда вы впервые услыхали о взаимоотношениях Шахта с нацистскими лидерами ?

ЗЕВЕРИНГ: Я в 1931 году получил сообщение от полицейского управления Берлина о том, что состоялись совещания между господином Шахтом и лидерами НСДАП.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Имели ли вы какую-нибудь связь с Шахтом в 1944 году ?

ЗЕВЕРИНГ: Нет. Если это вас интересует, то я могу сказать, что я даже отклонил эту связь с Шахтом. Господин Шахт был для меня ненадежным человеком в области

H1203 – 0224

H1203 – 0225

политических вопросов, несмотря на то, что я ценил его, как специалиста. Господин Шахт предал демократов, примкнув к гарцбургскому кругу. Это был не только акт, свидетельствующий о неблагодарности, так как Шахт стал президентом рейхсбанка с помощью демократов, но и большой ошибкой, потому что он и другие, занимая такую же позицию в обществе, участвуя в гарцбургском фронте, ввели, так сказать, национал-социалистов в салоны. Я не мог поэтому установить контакт с Шахтом 20 июля 1944 года, и когда мне в марте 1943 года предложили вступить в правительство, которое должна было свергнуть Гитлера, я решительно отклонил это, сославшись на эти махинации Шахта, а также и на другие обстоятельства.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС: Какая у вас была причина для этого?

ЗЕВЕРИНГ: Я только что указал на эти причины. С моим другом Лейхтнером, который был повешен вместе с другими молодыми социал-демократами фон Харнаком, Вебером, Маасом, я обсуждал состав такого нового правительства. Лейхтнер сообщил мне, что, очевидно, какой-либо генерал станет президентом империи, а другой военным министром. Я указал на то, что, вероятно, Шахту будет тогда предоставлена роль финансового или экономического диктатора, потому что уже раньше было доказано, что Шахт подходит для этого поста вследствие своих действительных или мнимых связей с американскими деловыми кругами. Эта связь между Шахтом, и, выражаясь на национал-социалистском жаргоне, плутократией и милитаризмом была

настолько компрометирующей для дела демократии и, в частности, социал-демократов, что я ни при каких обстоятельствах не хотел бы быть членом кабинета, в котором Шахт должен был стать финансовым диктатором.

Г-н Альвин ДЖОНС: Благодарю вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотите ли вы задать дополнительно вопросы?

ЗИМЕРС: Господин министр Зеверинг, обвинитель только что говорил о строительстве подводных лодок в Финляндии, и о строительстве подводных лодок в Кадиксе. Относительно строительства подводных лодок в Кадиксе, он сослался на документ Д-854. Я предполагаю, что этот документ вам незнаком.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зимерс, свидетель сказал, что он ничего не знал ни об одном из этих случаев.

ЗИМЕРС: Хорошо. Не припоминаете ли вы, что во время беседы между гроссадмиралом Редером и министром рейхсвера Гренером говорилось о строительстве подводных лодок в Финляндии ?

ЗЕВЕРИНГ: Я не припоминаю.

ЗИМЕРС: этого вы не знаете. Теперь принципиальный вопрос. Правильно ли, что соглашение, которое было заключено 18 октября 1928 года, предусматривало, что командующий военно-морским флотом был обязан информировать министра рейхсвера, и что министр рейхсвера в свою очередь должен был ставить в известность всех других министров кабинета.

ЗЕВЕРИНГ: Насколько я припоминаю, соглашение или данное обещание обоих начальников управления сухопутных сил сводилось к тому, чтобы постоянно информировать меня по всем вопросам всех министров кабинета.

11547

H1203 – 0226

H1203 – 0227

Технически это можно было выполнить только так, как вы только что указали, господин председатель, т.е. что сначала министр рейхсвера получал информацию, передавая ее затем кабинету министров.

ЗИМЕРС: Значит Редер не давал обещания постоянно делать вам доклады или выступать перед кабинетом министров ?

ЗЕВЕРИНГ: Это было бы совершенно необычным мероприятием, как и необычным было само заседание кабинета министров 18 октября. Члены кабинета состояли из министров и из их официальных заместителей.

ЗИМЕРС: Следовательно, дальнейшей разработкой вопроса опять-таки занимался министр рейхсвера?

ЗЕВЕРИНГ: да, технической стороной занимался министр рейхсвера; политической - сам кабинет.

ЗИМЕРС: Благодарю вас, у меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может уйти.

/ К микрофону подходит защитник подсудимого фон Папена Кубушек /.

КУБУШЕК: Скажите, свидетель, на основании какого закона с вас сняли функции министра внутренних дел в Пруссии 20-го июля 1932 года ?

ЗЕВЕРИНГ: Лишили функций ?

КУБУШЕК: Да, лишили функций.

ЗЕВЕРИНГ: На основании статьи 48-ой.

КУБУШЕК: Кто издавал на основании статьи 48 чрезвычайные постановления ?

ЗЕВЕРИНГ: Эти чрезвычайные постановления издавались рейхсканцлером, который лишь только один имел на это право.

КУБУШЕК: Об"ясняется ли тот факт, что вы были 20 июля

при описанных обстоятельствах удалены из вашего учреждения тем, что уполномоченные Папена и Гинденбурга придерживались той точки зрения, что чрезвычайное постановление было законным, в то время, как вы были того мнения, что не было никаких законных оснований для издания чрезвычайного постановления и что вы поэтому должны были оставаться в учреждении ?

ЗЕВЕРИНГ: Я придерживался такого мнения, с которым позже согласился также и имперский суд, что президент империи, конечно, был вправе издавать на основании ст.48 постановление для поддержания порядка и спокойствия и если он не видел в деятельности прусских министров и, в частности, в моей деятельности на посту министра полиции достаточно гарантии того, что в Пруссии будут обеспечены спокойствие и порядок, то он имел право лишить нас полицейских функций и, в частности, исполнительной власти, но у него не было права смещать нас, как министров.

КУБУШЕК: Известно ли вам, что верховный государственный суд 25 октября 1932 года вынес решение относительно того, что постановление президента империи от 20 июля 1932 года находится в соответствии с имперской конституцией, назначая рейхсканцлера имперским комиссаром федеральной земли Пруссии, давая ему право временами лишать прусских министров их полномочий с тем, чтобы взять их на себя ?

ЗЕВЕРИНГ: Я уже цитировал содержание этого решения имперского суда.

КУБУШЕК: Еще один вопрос. Привлекал ли господин фон Папен, будучи имперским комиссаром, национал-социалистов

11549

H1203 – 0228

H1203 – 0229

в полицию в то время, когда он в области кадров произвел некоторые новые назначения.

ЗЕВЕРИНГ: Это мне неизвестно, потому что внешне нельзя было определить политический характер полицейских чиновников. Политическое лицо, конечно, выявлялось у обер-президентов, регирунгс-президентов и полицей-президентов, но не у простых чиновников охранной полиции. /Примеч. переводчика: обер-президент - глава провинции в Пруссии, подчиняется непосредственно министру внутренних дел; регирунгс-президент - глава прусского административного округа; полицей-президент - начальник полиции/.

КУБУШЕК: Правильно ли, что г-н фон Папен назначил на пост берлинского президента полиции / полицей-президент/ некоего Мельхера, бывшего президента полиции в Эссене, следовательно, человека, который был и при вас в большом городе президентом полиции / полицей-президент/? Я повторяю, правильно ли, что господин фон Папен призвал на пост полицей-президента в Берлине бывшего полицей-президента в Эссене Мельхера, который и в ваше время был полицей - президентом в большом городе ?

ЗЕВЕРИНГ: Да, это правильно.

КУБУШЕК: Благодарю вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться, а Трибунал об"явит перерыв. Сколько еще у вас свидетелей ?

ЗИМЕРС: У меня остались свидетели: барон фон Вейцзеккер, и еще начальник штаба вице-адмирал Шульте-Ментинг. Допрос Шульте-Ментинга продлится дольше, допрос барона фон Вейцзеккера с моей стороны займет немного времени.

11550

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

/ Перерыв на 10 минут /

Встать ! Суд идет !

ЗИМЕРС: Я прошу высокий Суд вызвать в зал свидетеля барона фон Вейцзеккера.

/ Вводят в зал свидетеля /.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите, пожалуйста, ваше полное имя.

ВЕЙЦЗЕККЕР: Эрнст Вейцзеккер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги. Клянусь богом всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю.

ВЕЙЦЗЕККЕР: /Повторяет слова присяги/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сесть.

ЗИМЕРС: Барон фон Вейцзеккер, вы в начале войны были статс-секретарем в министерстве иностранных дел. Это правильно ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: Да.

ЗИМЕРС: Вы припоминаете, что 3 сентября 1939 года ,т.е. в первый день войны между Англией и Германией северо-западнее Шотландии было торпедировано английское пассажирское судно "Атения". На этом судне находились американские пассажиры. Это потопление, естественно, получило большую огласку. Я прошу вас сообщить Трибуналу, как в политическом отношении рассматривался этот вопрос и именно вами ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: Я припоминаю этот случай, но я не уверен, было ли это американское или английское судно. Во всяком случае, это происшествие меня очень встревожило. Я запросил командование военно-морских сил о том, виновно ли какое-

H1203 – 0230

H1203 – 0231

либо немецкое военное судно в этом потоплении. После того, как я получил отрицательный ответ, я пригласил к себе г-на Александра Кирка, поверенного в делах Америки для того, чтобы сообщить ему, что немецкий корабль не мог принимать участия в потоплении "Атении". Я попросил поверенного в делах Америки принять это сообщение к сведению и телеграфировать по кабелю в Вашингтон, отметив, что такое сообщение является очень важным в общих интересах, как в интересах немцев, так и американцев.

ЗИМЕРС: Г-н Вейцзеккер, вы до этого установили связь с военно-морским флотом ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: Да.

ЗИМЕРС: Во время этого первого разговора с гроссадмиралом Редером вы лично говорили с гроссадмиралом Редером или с каким-либо другим офицером ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: Я уже не помню этого. Во всяком случае, я получил официальное сообщение; этой детали я не могу указать, но я получил официальное сообщение, что немецкое военное судно не участвовало в этом потоплении и этого мне было достаточно.

ЗИМЕРС: Посетили ли вы в тот же день или вскоре после этого гроссадмирала Редера и обсуждали ли вы с ним еще раз этот вопрос ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: Да, мне кажется, что я припоминаю, что это было так.

ЗИМЕРС: Сказал ли вам Редер тогда, что это не могла сделать немецкая подводная лодка, так как в донесениях подводных лодок говорилось, что расстояние, отделявшее ближайшую подводную лодку, было слишком большим, составляя 75 морских миль ?

ВЕЙЗЕККЕР: Редер сообщил мне, что немецкая подводная лодка не могла потопить это судно. Может быть, он указал детали относительно расстояния, отделявшего место потопления судна от места нахождения подводной лодки, но я теперь не могу вспомнить этого.

ЗИМЕРС: Беседуя с Редером, говорили ли вы также о том, что следует сделать все для того, чтобы избежать войны с США и даже таких инцидентов, как например, инцидент с "Лузитанией" в прошлую войну ?

ВЕЙЗЕККЕР: Да, я горячо ратовал за это, так как я в это время ярко представлял себе случаи, имевшие место в первую мировую войну. Я помню точно, что я указал ему на то, что совершенно необходимо избежать всяких военных действий на море, которые могли бы увеличить масштабы войны и, как я тогда обычно выражался, уменьшить нейтральную субстанцию.

ЗИМЕРС: Был ли Редер такого же мнения, что и вы ?

ВЕЙЗЕККЕР: Как я отчетливо припоминаю, да.

ЗИМЕРС: Убеждены ли вы, господин Вейзеккер, что Редер дал вам правдивые сведения об "Атении"?

ВЕЙЗЕККЕР: Да, само собой разумеется.

ЗИМЕРС: 27 сентября 1939 г. подводная лодка № -30 вернулась из своего плавания в воды противника, т.е. по истечении трех недель после потопления "Атении", и командир подводной лодки доложил, что он по нечаянности потопил судно "Атения", но что он не сразу это заметил, а лишь впоследствии на основании различных радиодонесений. Итак, Редер в конце сентября узнал об этом факте и обсудил этот

11553

H1203 – 0232

H1203 – 0233

вопрос с Гитлером для того, чтобы установить, как же нужно вести себя дальше. Гитлер отдал приказ - молчать. Обо всем этом здесь уже говорилось. Я прошу вас сказать мне, осведомили ли вас потом об этом факте потопления "Атении" немецкой подводной лодкой, установленном задним числом ?

ВЕЙЗЕККЕР: Нет, вовсе нет.

ЭММЕРС: Узнали ли вы о приказе Гитлера молчать?

ВЕЙЗЕККЕР: Конечно, и этого я не знал.

ЭММЕРС: Итак, я передаю вам документ ПС-3260 и прошу вас рассмотреть его. Это - статья, из "Фелькишер Беобахтер" озаглавленная: "Черчилль топит "Атению" от 23 октября 1939 года. Припоминаете ли вы эту статью ? Пожалуйста, прочтите ее сначала.

/ Свидетелю передают статью /

ВЕЙЗЕККЕР: Да, разрешите мне ее сначала просмотреть.

ЭММЕРС: Господин председатель, для того, чтобы ориентировать Трибунал, я хотел бы указать, что это документ ГБ-218, в британской книге документов № 10, на странице 97, нет правильнее сказать, на стр.55. /Обращаясь к свидетелю/: Вы прочли эту статью, господин фон Вейцзеккер, и теперь я прошу вас сказать мне, помните ли вы, что вы читали в свое время эту статью ?

ВЕЙЗЕККЕР: Да, я припоминаю, что эта статья тогда была опубликована.

ЭММЕРС: Итак, я спрашиваю вас, каково было ваше мнение, когда вы в свое время прочли эту статью?

ВЕЙЗЕККЕР: Я рассматривал это, как изощренную фантазию.

ЭММЕРС: Значит, вы осуждали эту статью ?

ВЕЙЗЕККЕР: Само собой разумеется.

ЗИМЕРС: Хотя вы в свое время еще не знали, что это была немецкая подводная лодка ?

ВЕЙЗЕККЕР: Вопрос о том, была ли это немецкая подводная лодка или нет с моей точки зрения не мог оказать влияния на эту статью.

ЗИМЕРС: Таким образом, вы считаете эту статью недостойной даже в том случае, если бы это не была немецкая подводная лодка ?

ВЕЙЗЕККЕР: Само собой разумеется.

ЗИМЕРС: Обвинение говорит, что Редер был инициатором этой статьи, делая ему на основании этого моральный упрек, который является особенно тяжким, потому что как мы видели, Редер, в противоположность вам, в то время уже был осведомлен о том, что это была именно немецкая подводная лодка, которая потопила судно. Считаете ли вы, что Редер мог сделать такой шаг, т.е. быть инициатором этой статьи?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. Доктор Зимерс, вы можете спрашивать свидетеля только о том, что он знал или что он делал; но вы не можете просить его строить предположения о том, что делал Редер.

ЗИМЕРС: Извините, господин председатель, я думал, что после того аффидевита, который сегодня утром обсуждался, такие высказывания допустимы; если это не так, то я отказываюсь от вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: О каком письменном показании под присягой вы говорите сейчас?

ЗИМЕРС: Об аффидевите, в связи с которым я ходатайствовал, чтобы были вычеркнуты из протокола места, содержащие

11533

H1203 – 0234

H1203 – 0235

умозрительные выводы; это - аффидевит фон Дитмана.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: это совершенно другое дело.

ЗИМЕРС: Господин Вейцзеккер, слышали ли вы в свое время, что Редер был инициатором этой статьи ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: Я никогда ничего подобного не слышал об этом и не поверил бы этому. Я считаю, что совершенно исключается, что он был инициатором этой статьи или что он мог ее написать.

ЗИМЕРС: Считаете ли вы, что эта статья исходит исключительно от министерства пропаганды ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: Я могу дать только отрицательный ответ, т.е. не от Редера и не от министерства иностранных дел.

ЗИМЕРС: Господин фон Вейцзеккер, можете ли вы судить о том, шла ли речь о тяжелых преступлениях в исторических случаях нарушения Версальского договора военно-морским флотом ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: Я могу ответить на этот вопрос только косвенно. Я едва могу себе представить, что это могли быть какие-либо важные или серьезные нарушения договора, так как особенно легко поддается контролю - соблюдает ли военно-морской флот заключенные соглашения. Нельзя строить корабли, без того, что этого не заметят. Я предполагаю, что это были незначительные нарушения.

ЗИММЕРС: Господин Вейцзеккер, считаете ли вы, что подсудимый Редер подготавливал агрессивную войну или вам известен какой-либо случай, из которого можно было установить позицию Редера...?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зимерс это и есть обвинение, выдвинутое против подсудимого Редера, по которому Трибунал будет

выносить решение.

ЗИМЕРС: Г-н фон Вейзеккер, беседовали ли вы в феврале 1939 года в поезде, следовавшем из Гамбурга в Берлин, с гроссадмиралом Редером, как это произошло, о чем вы говорили?

ВЕЙЗЕККЕР: Верно, что я встретился с адмиралом Редером в поезде, следовавшем из Гамбурга в Берлин после того, как в Гамбурге было спущено на воду судно. При этих обстоятельствах адмирал рассказал мне, что он сделал доклад Гитлеру. В этом докладе он сказал, что состояние вооружения военно-морского флота не позволяет в течение нескольких лет вести войну с Англией. Я предполагаю, что это является ответом на то, что вы хотели услышать от меня.

ЗИМЕРС: Было ли это в феврале 1939 года ?

ВЕЙЗЕККЕР: Да, это был спуск судна "Бисмарк" на воду.

ЗИМЕРС: Это, видимо, было весной, в феврале или марте. Были ли вы успокоены этим заявлением Редера ?

ВЕЙЗЕККЕР: Я с удовольствием услышал это заявление Редера, так как оно ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нас не интересует, имело ли это на него успокаивающее влияние или нет.

ЗИМЕРС: Оказывал ли Редер, по вашему мнению, влияние на Гитлера, как специалист в области военно-морских сил, или как политический деятель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зимерс, свидетель может сказать нам, что Редер говорил, но он не может сказать нам, в качестве кого Редер говорил с Гитлером - в качестве политика или адмирала; если вы хотите знать, был ли он одет в свою морскую форму, то ...

11557

H1203 – 0236

H1203 – 0237

ЗИМЕРС: Г-н фон Вейцзеккер, вы говорили когда-либо об этом с Редером или другими людьми ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: О чем ?

ЗИМЕРС: О влиянии Редера на Гитлера.

ВЕЙЦЗЕККЕР: Было известно, что политические аргументы, выдвигаемые солдатами, едва-ли могли повлиять на Гитлера, обратное действие, однако, оказывали военно-технические аргументы. И в этом отношении может быть оказывалось влияние.

ЗИМЕРС: Г-н фон Вейцзеккер, в 1938-1939 году состоялся традиционный большой обед дипломатов в Берлине, на котором, насколько мне известно, присутствовали вы. Редер говорил с Гендерсоном о возможностях возвращения колоний ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зимерс, почему вы не спрашиваете его, а сами говорите свидетелю о том, что произошло. Ведь вы ему говорите, что произошло.

ЗИМЕРС: Нет, я этого не делаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, делаете.

ЗИМЕРС: Извините, этот разговор имел место между Редером и сэром Невиллем Гендерсоном, а не между господином Вейцзеккером и Гендерсоном. А теперь я спрашиваю, господин Вейцзеккер, вы сами вели такие беседы с сэром Невиллем Гендерсоном или с какими-нибудь другими британскими дипломатами. Известно ли вам что-нибудь об их позиции ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: Я не могу припомнить, чтобы я в свое время говорил с британскими дипломатами о колониях; но я, конечно, помню, что в период с 1934 по 1939 год колониальный вопрос неоднократно рассматривался официально или полу-

официально английским правительством в благожелательном духе. Например, я припоминаю, что в одном протоколе я читал о визите двух английских министров в Берлин, в связи с чем опять-таки рассматривался вопрос о колониях в благожелательном духе.

ЗИМЕРС: Г-н фон Вейцзекер, можете ли вы что-либо рассказать о позиции военно-морского флота и о его престиже во время оккупации Норвегии ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: Оккупационным властям всегда трудно быть популярными, но, насколько я слышал, несмотря на это, в Норвегии военно-морской флот пользовался хорошей славой. Это во время войны мне неоднократно подтверждали мои норвежские друзья.

ЗИМЕРС: Вы приобрели этих друзей еще, когда вы были послом в Осло ? Когда это было ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: С 1931 до 1933 года я был послом в Осло.

ЗИМЕРС: Последний вопрос. Вчера Обвинение представило документ Д-843. Он подписан Брейером, который в марте 1940 года был при посольстве в Осло. Я покажу вам этот документ.

/ Защитник передает документ свидетелю/.

ВЕЙЦЗЕККЕР: Должен ли я прочесть весь документ ?

ЗИМЕРС: Мне кажется, если вы пробежите глазами документ, то будет достаточно; особое внимание обратите на среднюю часть документа. Господин председатель, это - документ ГБ-466. Этот документ был пред"явлен вчера.

Брейер говорит в этом документе, что опасность высад-

H1203 – 0238

H1203 – 0239

ки английского десанта в Норвегии не столь велика, как предполагают и он говорит здесь о мероприятиях, которые должны спровоцировать Германию. Что вы можете заметить в отношении этих высказываний Брейера ?Являются ли правильными эти высказывания Брейера ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: Брейер не был при посольстве, он сам был послом в Осло. Я считаю само собою разумеющимся, что он об"ективно или лучше сказать субъективно, сделал правильный отчет. Соответствовала ли эта информация об"ективно фактам, это другой вопрос, т.е. говоря по-немецки, другим вопросом является вопрос о том, насколько правильно был осведомлен Брейер о намерениях вооруженных сил противника.

ЗИМЕРС: Г-н фон Вейцзеккер, а что выяснилось затем, что вы узнали в министерстве иностранных дел ? Были ли оправданными опасения Редера или информация Брейера ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: Я должен теперь признать, что мое личное мнение соответствовало точке зрения Брейера, но что впоследствии выяснилось, что это мнение было ошибочным, что предположения военно-морского флота оказались оправданными или более оправданными, чем точка зрения, высказанная послом !

ЗИМЕРС: Благодарю вас. Господин председатель, у меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотят ли другие защитники допросить свидетеля ?

/ К микрофону подходит защитник Зайдль/.

ЗАЙДЛЬ / защитник подсудимого Гесса/: Господин свидетель, 23 августа 1939 года был подписан пакт о ненападении между Советским Союзом и Германией. Были ли в этот день

заключены какие-либо другие соглашения между этими правительствами, помимо этого пакта о ненападении =

/ К микрофону подходит представитель советского Обвинения генерал Руденко /.

Генерал РУДЕНКО: Господин председатель, свидетель вызван по определенным вопросам, которые изложены в ходатайстве защитника Зимерса. Я считаю, что данный вопрос, который сейчас ставится со стороны защитника Зайдля, никакого отношения к рассматриваемому делу не имеет и я полагаю, он должен быть отведен. /Пауза/.

/ Члены Трибунала совещаются /.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зайдль, вы можете задать тот вопрос, какой вы хотели.

ЗАЙДЛЬ: Я еще раз спрашиваю вас, г-н фон Вейцзеккер, были ли 23 августа 1939 года заключены между этими двумя правительствами другие соглашения, которые не содержатся в пакте о ненападении ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: Да.

ЗАЙДЛЬ: В каком документе были об"единены эти соглашения ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: Эти соглашения были об"единены в тайном протоколе.

ЗАЙДЛЬ: Читали ли вы сами, будучи статс-секретарем министерства иностранных дел, этот тайный протокол ?

ВЕЙЦЗЕККЕР: Да.

ЗАЙДЛЬ: У меня в руках находится текст, относительно которого посол Гаусс почти-что не сомневается, что он правильно передает содержание этих соглашений. Я покажу вам этот текст.

12561

H1203 – 0240

H1203 – 0241

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. Какой документ вы сейчас ему представляете ?

ЗАЙДЛЬ: Речь идет о дополнительном тайном протоколе от 23 августа 1939 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это не тот ли самый документ ?Что это за документ, который вы сейчас показываете свидетелю ? Это тот документ, который вы уже представляли Трибуналу, и который Трибунал отклонил ? Это тот самый документ ?

Зайдль: Это - документ, который я представил Трибуналу вместе с другими документальными доказательствами, который был отклонен Трибуналом, как документ, и я предполагаю, что он был отклонен потому, что я отказался указать происхождение этого документа. Но Трибунал разрешил мне представить новое письменное показание Гаусса по этому поводу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но ведь вы этого не сделали ? Вы этого не сделали ?

ЗАЙДЛЬ: Нет, но я теперь для освежения памяти свидетеля хочу в рамках допроса свидетеля зачитать этот текст и затем спросить его, помнит ли он, правильно ли переданы в этом документе эти тайные соглашения.

Генерал РУДЕНКО: Я хотел бы, господа судьи, заявить протест против этих вопросов по двум основаниям: прежде всего, мы рассматриваем дело о преступлениях главных немецких преступников, а не исследуем внешнеполитические вопросы государств. Во-вторых, документ, который пытается защитник Зайдль пред"явить свидетелю, отклонен Трибуналом, так как он является по существу документом-фальшивкой и не может быть документом, имеющим силу доказательства.

ЗАЙДЛЬ: Разрешите мне сказать по этому поводу следующее, г-н председатель. Этот документ является существенной частью пакта о ненападении, который уже был пред"явлен Обвинением как доказательство под номером ГБ-145 и если я пред"явлю свидетелю текст ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зайдль, единственный вопрос, который возникает - является ли этот документ тем документом, который был отклонен Трибуналом ? Это тот документ, который был отклонен Трибуналом ?

ЗАЙДЛЬ: Да. Как доказательство во время представления документальных доказательств он не был допущен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае, вы отвечаете утвердительно.

ЗАЙДЛЬ: Но мне кажется, дело обстоит иначе, когда я во время перекрестного допроса 12-19-10 ~~предъявляю~~ этот документ свидетелю ... Мне хочется потому настоять на этом вопросе, что ведь Обвинение со своей стороны имеет возможность представлять свидетелю документ, имеющийся в его руках; после этого, на основании показания свидетеля выяснится, что один текст является правильным или что оба текста совпадают.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Откуда происходит тот документ, который вы сейчас представляете ?

ЗАЙДЛЬ: Я этот документ получил несколько недель тому назад от одного человека, который кажется мне надежным и который принадлежит к кругу союзников, но я получил этот документ при условии, что я не укажу на более точное происхождение его и это мне кажется вполне понятным.

12783

H1203 – 0242

H1203 – 0243

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы говорите, что вы получили этот документ несколько минут тому назад ?

ЗАЙДЛЬ: Несколько недель тому назад.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это тот же самый документ, который, как вы только что сказали, вы представили Трибуналу и который Трибунал отклонил ?

ЗАЙДЛЬ: Да. Но Трибунал также решил, что я могу представить новое письменное показание посла Гаусса на эту же тему, а это решение имеет смысл только в том случае ...

Председатель: Да, я знаю, но вы этого не сделали. Мы не знаем, какое письменное показание дал доктор Гаусс под присягой.

ЗАЙДЛЬ: У меня есть уже новые письменные показания посла Гаусса, но они еще не переведены.

Г-н ДОДД: Господин председатель, конечно, я присоединяюсь к возражению генерала Руденко в отношении использования этого документа. Мы знаем, что он появился из какого-то анонимного источника. Нам совершенно неизвестен этот источник, и кроме того, не установлено, что этот свидетель помнит сам, к чему сводилось это соглашение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зайдль, вы можете спросить свидетеля, что он вообще помнит о договоре, не представляя ему этого документа. Спросите его, что он помнит о договоре или о преливинарных условиях договора.

ЗАЙДЛЬ: Г-н свидетель, передайте содержание этого соглашения так, так оно сохранилось у вас в памяти.

ВЕЙЗЕККЕР: Речь шла об очень важном и очень далеко идущем дополнительном секретном соглашении к заключенному

тогда пакту о ненападении. Значение этого документа было велико потому, что он содержал разграничение сфер влияния, устанавливавшее границу между теми областями, которые при данных обстоятельствах должны были отойти к советской сфере влияния, и теми областями, которые при данных обстоятельствах должны были подпадать под германское влияние. К советской сфере влияния должны были принадлежать: Финляндия, Эстония, Литва, восточная часть Польши и, насколько я припоминаю, было принято решение и о некоторых областях Румынии. Та территория, которая находилась западнее только-что названных областей, должна была отойти к немецкой сфере влияния.

Правда, это секретное соглашение не было проведено в жизнь в такой форме. В сентябре или октябре того же года было внесено изменение в уже существовавшее тогда тайное соглашение, причем разница в этих двух документах, насколько мне помнится, заключалась в том, что Литва или, по крайней мере, большая часть Литвы, должна была отойти к сфере советских интересов в то время, как в Польше граница, разделявшая сферы интересов, должна была быть значительно отодвинута на запад.

Мне кажется, что я передал, таким образом, главное содержание тайного соглашения и более позднего, дополнительного соглашения.

ЗАЙДЛЬ: Правильно ли, что на случай территориальных изменений было договорено, какая демаркационная линия будет принята на территории польского государства.

ВЕЙЗЕККЕР: Я не могу теперь точно указать имелось ли в этих протоколах выражение "демаркационная линия" или там

11585

H1203 – 0244

H1203 – 0245

говорилось о линии, разграничивающей сферы влияния.

ЗАЙДЛЬ: Но линия была указана ?

ВЕЙЗЕКЕР: Да, это та линия, о которой я только что говорил. Мне кажется, я припоминаю, что эта линия позже, когда соглашение стало выполняться, в общих чертах соблюдалась, может быть в деталях были отклонения.

ЗАЙДЛЬ: Это мой последний вопрос. Известно ли вам, что в этом тайном дополнительном протоколе от 23 августа 1939 года была договоренность о судьбе Польши в будущем ?

ВЕЙЗЕКЕР: Это тайное соглашение заключало в себе полную перемену в судьбе Польши и, очевидно, что "имплицит" или "эксплицит"; такие изменения предусматривались этим соглашением. Дословно я не решаюсь передавать это.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель, вы видели подлинник этого секретного соглашения ?

ВЕЙЗЕКЕР: Да, я видел фотокопию этого соглашения, может быть я видел даже и подлинник, но во всяком случае, фотокопию я держал в руках. Один экземпляр фотокопии был заперт у меня в сейфе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Узнали ли бы вы копию этого договора, если бы вам ее показали ?

ВЕЙЗЕКЕР: Да, я думаю, что я узнал бы ее, Высокий Суд. Там были также их собственноручные подписи. Ее можно было бы узнать по этим подписям.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал прерывает заседание.

/ П е р е р ы в /

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал рассмотрел, следует ли представить свидетелю тот документ, который находится у доктора Зайдля; принимая во внимание тот факт, что содержание подлинника было рассказано данным свидетелям и другими свидетелями, и что неясно, каков источник, из которого получен документ, находящийся в распоряжении доктора Зайдля, Трибунал решил не представлять этого документа свидетелю. Трибунал сейчас прерывает заседание.

/ Перерыв до 22 мая 10.00 /

11564

H1203 – 0246

H1203 – 0247

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 22 мая 1946 года

(УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зимерс, я полагаю, что мы вчера остановились на том, что я спросил, желают ли другие защитники задать вопросы свидетелю.

ЗИМЕРС (защитник подсудимого Редера). Да, конечно. Я думаю, что мой коллега д-р фон Людингхаузен хочет поставить вопросы свидетелю.

ЛЮДИНГХАУЗЕН (защитник Нейрата). Господин свидетель, я хочу поставить несколько вопросов относительно деятельности г-на фон Нейрата в качестве министра иностранных дел. В свое время Вы были начальником политического отдела министерства иностранных дел. С какого времени по какое ?

ВЕЙЦЗЕКЕР. С поздней осени 1936 года я был заместителем, а с начала 1937 г. до начала 1938 года начальником.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Вы и ранее имели случай работать вместе с господином фон Нейратом ? Вы были осенью 1932 года вместе с ним на конференции по разоружению ?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Да.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Какова была тенденция г-на фон Нейрата, какой позиции он придерживался на этой конференции по разоружению ?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Позиция г-на фон Нейрата определялась пактом Лиги Наций. Он руководствовался принципами этого пакта.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Он проводил ту же политику, как и его предшественники на конференции по разоружению.

ВЕЙЦЗЕКЕР. Ту же самую.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Все правительства до этого времени проводили политику мира и взаимопонимания с другими государствами и г-н фон Нейрат продолжал эту политику ?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я никогда не наблюдал чего-нибудь другого с его стороны.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Вы заметили у него в 1932 году какие-нибудь национал-социалистские тенденции или симпатию к национал-социализму ?

ВЕЙЦЗЕКЕР. У меня создалось впечатление,что у него не было ничего общего с национал-социализмом.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Могли бы Вы коротко описать,какие политические принципы были у фон Нейрата в то время?Был ли он тогда сторонником военного разрешения вопросов или ярко выраженным представителем политики мира и соглашения ?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я бы сказал,что господин фон Нейрат подобно своим предшественникам придерживался политики мирного ревизионизма.Он стремился к хорошим добрососедским отношениям со всеми,не связывая себя с каким-либо определенным политическим направлением.Какой-либо военной тенденции в его политическом направлении я никогда не чувствовал.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите,когда Вы в 1936 году были его ближайшим сотрудником,что-либо изменилось в его установках или все оставалось попрежнему ?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Все оставалось попрежнему.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите фон Нейрат считал необходимым установление взаимопонимания с Англией,а также с Францией ?

ВЕЙЦЗЕКЕР. У меня создалось впечатление,что г-н фон Нейрат стремился к взаимопониманию со всеми государствами.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я хотел бы поставить несколько вопросов о его отношении к Гитлеру.Можете ли Вы,как его сотрудник,

11569

H1203-0248

H1203 – 0249

сказать, что фон Нейрат, будучи министром иностранных дел, всегда пользовался доверием Гитлера и что Гитлер выслушивал его советы и руководствовался этими советами?

ВЕЙЦЗЕКЕР: Насколько я мог судить, он был советником Гитлера, но не был его доверенным лицом.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Но все же существовал определенный контакт между этими двумя людьми?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я почти никогда не был свидетелем такого контакта.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Замечали ли вы, чтобы при встречах с Гитлером г-н фон Нейрат часто говорил с ним о политическом положении и о том, что должно было произойти?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я могу только сказать, что мы в министерстве иностранных дел очень сожалели о том, что контакт с Гитлером был недостаточно тесен, тем более, что Гитлер часто не был в Берлине. Мы считали связь с ним слишком слабой.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Так что нельзя говорить о какой-то тесной связи господина фон Нейрата с Гитлером о том, что он был ближайшим сотрудником Гитлера?

ВЕЙЦЗЕКЕР. По моему мнению, нет.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Каково было, по вашим наблюдениям, влияние г-на фон Нейрата в области внешней политики? Был ли он руководящим или тормозящим элементом в тех делах, которые противоречили его убеждениям?

ВЕЙЦЗЕКЕР. У меня нет никаких доказательств того, чтобы какие-нибудь важные внешне-политические акты были в тот период руководимы г-ном фон Нейратом. Я думаю также, что некоторые внешнеполитические акции были приостановлены...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подождите минуту, я не думаю, чтобы нам следовало выслушивать все то, что "может себе представить"

свидетель. Мы не можем выслушивать здесь то, что может "себе пред ставить" свидетель. Я думаю, что этот вопрос слишком расплывчат и не следует его задавать.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, в то время, когда фон Нейрат был министром иностранных дел, какой-нибудь партийный орган имел влияние на внешнюю политику, влияние, противоположное или, по крайней мере, не совпадавшее с тенденциями г-на фон Нейрата?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я думаю, что не один, а много различных органов оказывали такое влияние, т.к. имели связи с Гитлером разумеется. Это не поддавалось учету, но можно было сделать такой вывод, исходя из результатов.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Вам известно, почему антикоминтерновский пакт с Японией в ноябре 1935 г. был подписан не г-ном фон Нейратом, а тогдашним чрезвычайным послом в Лондоне г-ном фон Риббентропом?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Разве это было не в 1936 г.?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Да, возможно, что в 1936 г.

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я думаю, потому что Гитлер любил, чтобы в некоторых делах принимало участие сразу несколько лиц, так чтобы можно было в зависимости от целесообразности считать участником того или другого.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Был ли г-н фон Нейрат согласен с антикоминтерновским пактом?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я этого не знаю.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Какова была политика г-на фон Нейрата по отношению к личному составу министерства? Сохранял ли он по возможности старых чиновников или принимал национал-социалистских чиновников?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Г-н фон Нейрат всегда старался сохранить ста-

H1203 – 0250

H1203 – 0251

рые кадры, которым он доверял, как в министерстве иностранных дел, так и на работе заграницей.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Когда он ушел, положение в этом смысле изменилось?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Не сразу, но постепенно.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Еще два вопроса. Какова была позиция фон Нейрата, когда он уже не был министром иностранных дел и когда осенью 1938 г. так остро стоял судетский вопрос, а также что он делал во время Мюнхенской конференции?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я припоминаю одну сцену в имперской канцелярии накануне Мюнхенской конференции, причем там фон Нейрат решительно советовал придерживаться примирительной линии и поддержать инициативу Муссолини о созыве конференции 4-х.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Известно ли вам что-либо о том, что после ухода г-на фон Нейрата из министерства иностранных дел было запрещено давать ему внешнеполитическую информацию из министерства?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Мне помнится, что преемник г-на фон Нейрата стал получать всю политическую информацию, которая доставлялась ранее его предшественнику.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. У меня больше нет вопросов, г-н председатель.

ЛАТЕРНЗЕР /защитник генерального штаба и ОКВ/: Господин Вейцзекер, вы с лета 1943 года были немецким посланником в Ватикане?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Да.

ЛАТЕРНЗЕР: Кессельринг был в то время главнокомандующим на итальянском театре военных действий?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Да, т.е. я хочу сказать, что он стал главнокомандующим на этом театре 25 сентября 1943 года, до этого

времени командовал итальянский генерал.

ЛАТЕРНЗЕР. Поддерживал фельдмаршал фон Кессельринг с Вами связь для устранения трений между немецкими вооруженными силами и местными властями?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Да, существовала тесная связь между фельдмаршалом Кессельрингом и моей миссией не только с целью устранения трений, но прежде всего с целью предотвращения их.

ЛАТЕРНЗЕР. Какое впечатление создалось у Вас?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Латернзер, мы судим не Кессельринга. Какое отношение имеет этот вопрос к делу?

ЛАТЕРНЗЕР. Вопрос этот важен потому, что во время перекрестного допроса фельдмаршала Кессельринга Обвинение представило материал, который должен был показать, что военное руководство в Италии не придерживалось обычаев ведения войны и законов человечности. Я очень хорошо помню, что Вы сами сказали, господин председатель,возражая доктору Штамеру, что речь здесь идет об обвинительном материале против генерального штаба. Это на страницах 5803 и 5805 стенограммы. Я хочу задать свидетелю несколько вопросов об этом материале.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если вы хотите спросить его относительно тех обвинений, которые были выдвинуты Обвинением против Кессельринга, как члена генерального штаба, тогда вы можете это сделать.

ЛАТЕРНЗЕР. Да, господин председатель, я с этого и начал. Это был подготовительный вопрос.

Господин фон Вейцзекер, охранялись ли на итальянском театре военных действий произведения искусства и помещались ли они в безопасные места?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Немецкие вооруженные силы под руководством фельдмаршала фон Кессельринга сделали все возможное для того,чтобы

H1203-0252

H1203 - 0253

сохранить церковные постройки, церковное имущество и произведения искусства; это большая и хорошая глава в деятельности штаба фельдмаршала Кессельринга; эти действия увенчались успехом.

ЛАТЕРНЗЕР. Вы можете привести несколько наиболее показательных примеров?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Есть очень много примеров. Я хочу упомянуть, что год или полгода назад в Ватикане была открыта выставка рукописей инкунабул и т.д. - т.е. предметов в весьма значительной, если не в большей части сохраненных благодаря германским вооруженным силам.

ЛАТЕРНЗЕР. Этого достаточно, г-н фон Вейцзекер. Высшему военному руководству в Италии вменяется в вину то, что оно бесчеловечно обращалось с итальянским населением. Можете ли Вы сказать о том, какие меры принимало высшее командование в Италии по обеспечению населения продовольствием тогда, когда существовали значительные продовольственные затруднения?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Вопрос касается продовольствия?

ЛАТЕРНЗЕР. Да, обеспечения Рима продовольствием.

ВЕЙЦЗЕКЕР. Да, я мог делать наблюдения именно в Риме. Я должен сказать, что фельдмаршал Кессельринг однажды сказал мне, что полдня у него уходит на рассмотрение вопросов о снабжении Рима продовольствием; я знал крупного военного сановника, по имени Зейфарт или что-то в этом роде, который занимался этим делом с большим усердием и весьма успешно.

ЛАТЕРНЗЕР. Последний вопрос, г-н фон Вейцзекер, Вы, наблюдая эту деятельность военных руководителей в Италии, составили себе впечатление об этих руководителях. Не создалось ли у Вас впечатление, что все эти военные руководители стремились следовать законам человечности и правилам ведения войны?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Это само собой разумеется, потому что иначе у нас не было бы некоторых имевшихся у нас успехов. Может быть, здесь неизвестно, что осенью 1943 года Ватикан опубликовал официальное коммюнике о том, что поведение немецких солдат в Риме весьма похвально. Кроме того, самый факт сохранения вечного города был бы невозможен, если бы германские вооруженные силы не заняли такой позиции.

ЛАТЕРНЗЕР. Это была, в частности, заслуга фельдмаршала Кессельринга?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я хотел бы сказать, что когда будут писать историю этого времени, то заслуги в этой области припишут прежде всего папе Пию XП, а непосредственно за ним - германским вооруженным силам под руководством Кессельринга.

ЛАТЕРНЗЕР. Спасибо, у меня нет больше вопросов.

КУБУШОК./защитник подсудимого фон Папена/. Здесь утверждалось, что фон Папен, назначенный летом 1934 года на пост посла в Вене, вел из Вены агрессивную экспансионистскую политику по отношению ко всему Юго-Востоку Европы вплоть до Турции, а также, что он посягал на Чехословакию и предлагал осуществить ее раздел соседним Венгрии и Польше. Верно ли, что такая политика проводилась?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я мог делать наблюдения только с конца лета 1936 года, т.к. до того я все время был заграницей. Я не замечал ни тогда, ни позднее, чтобы г-н фон Папен из Вены проводил такую политику, политику агрессии на юго-восток. Министерство иностранных дел не могло давать ему таких задач, т.к. он вообще не подчинялся министерству иностранных дел.

КУБУШОК. А вообще такая политика проводилась при Вас министерством иностранных дел?

12545

H1203 – 0254

H1203 – 0255

ВЕЙЦЗЕКЕР. Можно Вас попросить повторить вопрос?

КУБУШОК. Я говорю об агрессивной экспансионистской политике Германии по отношению к странам Юго-Восточной Европы вплоть до Турции о разделе Чехословакии и раздаче частей Чехословакии. Польше и Венгрии. Когда это было?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Вы, конечно, имеете в виду 1939 г.?

КУБУШОК. 1936.

ВЕЙЦЗЕКЕР. Нет.

КУБУШОК. Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Обвинение...?

2-н Эльвин ДЖОНС. Свидетель, я хочу задать вам один или два вопроса относительно "Атении". Вы сказали Трибуналу, что Вы сами лично видели американского поверенного в делах в середине сентября и сказали ему, что "Атения" не могла быть потоплена германской подводной лодкой. Ведь это правильно, не так ли?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я видел американского поверенного в делах не в середине сентября, а в тот день, когда я узнал о потоплении "Атении", это было 3, 4 или 5 сентября.

Г-н ДЖОНС. Таким образом, еще тогда вы заверили американских представителей, что германская подводная лодка не могла быть ответственна за это?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Правильно.

Г-н ДЖОНС. Советовали ли Вы или, скорее, советовало ли германское министерство иностранных дел, главнокомандующему германским военно-морским флотом принять американского военно-морского атташе и сказать ему то же самое, а именно, что германская подводная лодка не могла потопить "Атению"?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Этого я не знаю. Я имел дело лишь с поверенным в делах.

Г-н ДЖОНС. Я хочу, чтобы Вы взглянули на новый документ Д-804, который представляется как доказательство "Великобритания 477". Это выдержка из папки главного морского командования по делу об "Атении"./Пред'является документ свидетелю/.

Вы увидите, что это отчет Нейбауэра военно-морскому атташе. Здесь говорится: "Министерство иностранных дел получило отчет о встрече между главнокомандующим германским военно-морским флотом и американским военно-морским атташе 13 сентября 1939 г., переданный по телефону. Он сформулирован следующим образом: "16 сентября около часу дня главнокомандующий военно-морским флотом...

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я еще не нашел этого места.

/Показывают свидетелю место в документе/:

Г-н ДЖОНС. Если хотите, свидетель, вы можете следить по английскому экземпляру. Я прочту второй абзац: "16 сентября около часу дня командующий военно-морским флотом принял по совету имперского министра иностранных дел американского военно-морского атташе и сказал ему, примерно, следующее: он намеревался уже в течение нескольких дней, как известно гостю, просить его посетить его для того, чтобы высказать ему свое мнение о потоплении "Атении" в связи с продолжающимися по этому поводу спорами. Однако, он ждал возвращения тех подводных лодок, которые были заняты в войне против торговых судов в то время,о котором идет речь, поскольку могло случиться, что они имели к этому какое-нибудь отношение,для того чтобы получить от них отчеты об их действиях. Он повторил и подчеркнул, что потопление "Атении" не являлось следствием действий германской подводной лодки. Ближайшая к месту этого происшествия подводная лодка в то время находилась, примерно, на расстоянии 170 морских миль от места потопления. Кроме того, инструкции,

H1203 – 0256

H1203 – 0257

согласно которым командиры должны были вести войну против торговых судов, были уже опубликованы и до настоящего времени эти инструкции ни разу не игнорировались хотя бы в малейшей степени. Наоборот, американский капитан незадолго до этого сообщал об исключительной вежливости и рыцарском поведении командиров подводных лодок".

Из этого ясно, что германское министерство иностранных дел было чрезвычайно заинтересовано в том, чтобы как-либо замаскировать это дело с "Атенией"? Не так ли?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Нет, там нечего было маскировать.

Г-н ДЖОНС. Когда вы узнали в конце сентября, что на самом деле подводная лодка "У-30" потопила "Атению", то, очевидно, пришлось многое скрывать? Не так ли?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Мне кажется, я вчера уже сказал о том, что ничего об этом не знал.

Г-н ДЖОНС. Заявляете ли вы сейчас, что вы не знали в конце сентября, по возвращению подводной лодки "У-30", что в действительности она потопила "Атению".

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я этого не помню.

Г-н ДЖОНС. Когда вы впервые узнали о том, что "У-30" потопила "Атению"?

ВЕЙЦЗЕКЕР: /Молчит/.

Г-н ДЖОНС. Когда вы впервые узнали о том, что "У-30" потопила "Атению"?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Насколько я помню, до конца войны я этого вообще не знал.

Г-н ДЖОНС. Но, насколько я понял вас вчера, вы сказали, что статья в "Фелькишер Беобахтер" о том, что, якобы, Черчилль потопил "Атению" является плодом больного воображения. Это правильно?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Вполне.

Г-н ДЖОНС. И Вы заявляете Трибуналу... Вы ведь занимали ответственный пост - о том, что Вы не узнали подлинных фактов, касавшихся "Атения", до конца войны, в то время как вы непосредственно занимались этим вопросом в министерстве иностранных дел?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я вчера уже говорил о том, что мне неизвестно об этом. Я совершенно не помню, чтобы кто-нибудь сообщал об этом факте мне или министерству иностранных дел.

Г-н ДЖОНС. Во всяком случае, подсудимый Редер не предпринял никаких шагов для того, чтобы исправить ту информацию, которая была передана американским представителям?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я не припоминаю, чтобы адмирал Редер информировал меня или министерство иностранных дел о фактическом положении вещей.

Г-н ДЖОНС. Перейдем к подсудимому фон Нейрату. Господа судьи, я не хочу допрашивать подсудимого о раннем периоде истории дипломатии, поскольку Трибунал указал, что желательно оставить этот вопрос подсудимым, когда они позднее будут вызваны к свидетельскому пульту. Я хочу лишь задать один общий вопрос.

Когда впервые ответственные работники министерства иностранных дел, такие, как Вы, впервые поняли, что Гитлер намеревался вести агрессивную войну?

ВЕЙЦЗЕКЕР. То, что внешне-политический курс правительства Гитлера является опасным, я впервые отчетливо понял в мае 1933 года. О том, что планируется агрессивная война, я узнал, пожалуй, летом 1938 г. Во всяком случае я понял, что этот путь внешней политики может легко привести к войне.

Г-н ДЖОНС. Уже в апреле 1938 г. внешнеполитическое положение было настолько напряженным, что вы направили специальный

H1203 – 0258

H1203 - 0259

меморандум всем германским дипломатическим представителям, в котором рассматривалась критическая обстановка.

ВЕЙЦЗЕКЕР. Это вполне возможно. Я хочу посмотреть на этот документ.

/Свидетелю пред'является документ/.

Г-н ДЖОНС. Я хочу, чтобы вы посмотрели на документ 3572-ПС, который представляет собой меморандум от 25 апреля 1938 г., подписанный вами, копия которого была послана всем германским дипломатическим представителям. Мы его представляем как доказательство Великобритания -478. В этом документе говорится: "Поскольку работа в области подготовки к мобилизации прогрессирует внутри Германии в вооруженных силах и во всей гражданской администрации, включая министерство иностранных дел, сейчас необходимо, чтобы правительственные учреждения заграницей также без промедления приняли соответствующие меры в сфере своей юрисдикции".

И далее следует несколько инструкций касательно действий, которые должны быть предприняты в начале периода кризиса и фактической мобилизации. В предпоследнем абзаце высказывается настоятельное требование:

"Я прошу, чтобы руководители этих учреждений, не дожидаясь последующих инструкций, начали сейчас же обдумывать меры, которые должны быть предприняты в сфере их деятельности в случае осложнения ситуации.

В интересах абсолютной секретности следует твердо придерживаться правил об ограничении количества информированных лиц, насколько это возможно".

Это заставляет предположить, что уже в апреле 1938 года Вы знали о неизбежном приближении фактической мобилизации. Это так?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Позвольте узнать дату документа. Это 1938 г. или 1939 г. Я не могу разглядеть.

Г-н ДЖОНС: Документ датирован 25 апреля 1938 г.

ВЕЙЦЗЕКЕР. Ну, что ж, это возможно.

Г-н ДЖОНС. Вы сами были против агрессивной внешней политики Гитлера, не так ли?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я, может быть, не совсем понял вопрос.

Г-н ДЖОНС. Вы сами были против агрессивной внешней политики Гитлера, не так ли?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я лично? Да, безусловно.

Г-н ДЖОНС. Пытались ли Вы склонить подсудимого фон Нейрата к тому, чтобы и он возражал против агрессивной внешней политики Гитлера?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Господин фон Нейрат не был в то время министром иностранных дел.

Г-н ДЖОНС. Но он продолжал оставаться очень влиятельным чиновником в нацистском государстве, не так ли?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я думаю, что его влияние в этот период было еще менее значительным, чем даже ранее; но я поддерживал с ним контакт и думаю, что наши мнения сходились.

Г-н ДЖОНС. И он все-таки продолжал служить нацистскому государству, в частности на территориях, которые были приобретены в результате этой политики агрессии, не так ли?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я был бы благодарен, если бы этот вопрос был поставлен г-ну фон Нейрату, а не мне.

Г-н ДЖОНС. Хорошо, вы были в Италии, в Риме, в марте 1944 года?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Да.

Г-н ДЖОНС. Вы даже дали некоторые показания о поведении германских вооруженных сил в Италии. Были ли Вы в Риме в то

H1203 – 0260

H1203 - 0261

время, когда происходили кровавые убийства в Адриановых пещерах?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Да.

Г-н ДЖОНС. Где было убито 325 итальянцев и дополнительно еще 57 евреев. Вы были там, когда это случилось, не так ли?

ВЕЙЦЗЕКЕР . По-моему, в названной Вами пещере было убито 320 пленных.

Г-н ДЖОНС. С вами в связи с этим советовались?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Нет.

Г-н ДЖОНС. Это было проделано германскими вооруженными силами, не так ли?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я думаю, немецкой полицией, а не немецкими боевыми частями.

Г-н ДЖОНС. Ведь Вам известно свидетель, что происходило много убийств подобного рода, которые проводились СС в течение германской деятельности в Италии. Не так ли?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Я не знал о массовых убийствах, но предполагал, что немецкая полиция может сделать многое в этой области.

Г-н ДЖОНС. Вы знаете, что они прибегали к террору и творили зверства везде, где ступала их нога в Италии?

Разве это неправильно?

ВЕЙЦЗЕКЕР. Немецкая полиция - да.

Г-н ДЖОНС. У меня нет больше вопросов, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /обращаясь к Зимерсу/. Хотите ли Вы задать дополнительные вопросы?

ЗИМЕРС. У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В таком случае свидетель может удалиться.

ЗИМЕРС. Господин председатель, я прошу пригласить вице-адмирала Шульте-Монтинга в качестве свидетеля.

/В зал суда вводят свидетеля/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите ваше полное имя.

СВИДЕТЕЛЬ. Эрих Шульте-Монтинг.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: Клянусь богом...

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Клянусь богом...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Всемогущим и всеведущим...

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Всемогущим и всеведущим...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что я буду говорить чистую правду...

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Что я буду говорить чистую правду...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ничего не утаю и ничего не прибавлю...

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Ничего не утаю и ничего не прибавлю...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы можете сесть.

ЗИМЕРС. Господин адмирал, я прошу вас коротко перечислить какие должности вы занимали с 1925 по 1945 годы и особенно те должности, когда Вы были непосредственно подчинены гросс-адмиралу Редеру?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. С 1925 по 1928 г.г. я был военно-морским ад"ютантом рейхспрезидента фон Гинденбурга и одновременно вторым ад"ютантом начальника штаба военно-морского флота. С 1928 года я стал сотрудником Редера. С 1929 по 1933 г.г. я был командующим различными флотами. С 1933 по 1937 г.г. я был первым ад"ютантом Редера. С 1937 по 1939 год - командовал флотами. С 1939 по 1943 г. я был начальником штаба у гросс-адмирала Редера, до 1944 г. начальником штаба у гросс-адмирала Деница. С января 1944 года до вторжения я служил в Южной Франции. После поражения я несколько месяцев был уполномоченным английского военно-морского флота по упорядочению дел после войны. Осенью я попал в лагерь для военнопленных генералов в Англии.

ЗИМЕРС. Скажите, если вы помните, в каком месяце 1933 г. Вы начали свою службу у Редера?

11583

H1203 – 0262

H1203 – 0263

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Это было 1 января.

ЗИМЕРС. Можете ли вы коротко рассказать Трибуналу, как оценивали Редера, как специалиста, в частности заграницей. Я имею в виду технические вопросы военно-морского флота.

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да. Я думаю, что за те многие годы, которые я служил под начальством Редера, я создал себе определенное представление об этом на основании разговоров с иностранцами. Редер в течение 15 лет стоял во главе военно-морского флота. Его знали и представляли себе морским офицером на капитанском мостике - его, начальника штаба у последнего командующего кайзеровским военно-морским флотом адмирала Гиппера, который в битве у Скагерака был противником известного британского адмирала Бики.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель, будьте добры следить за сигнальными лампочками. Когда загорается желтый свет, это значит, что вы говорите слишком быстро. Когда зажигается красный свет, вы должны остановиться.

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Он был известен своей литературной деятельностью еще в эпоху Тирпица, когда он издавал "Наутикус", а затем после первой мировой войны он написал две книги о боевых действиях крейсеров во время мировой войны. За эти книги ему была присвоена степень доктора "гонорис кауза" и он стал признанным специалистом по военно-морскому делу.

ЗИМЕРС. Подсудимого Редера обвиняют в том, что он строил военно-морской флот для ведения агрессивной войны, причем, тогда, когда Версальский договор уже вступил в силу.

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Это не соответствует действительности. Во всех разговорах, которые я вел с Редером, никогда не было сказано ни одного слова об агрессивной войне. По-моему, все его действия и указания говорят против такого обвинения.

ЗИМЕРС. Слышали Вы от него о каких-либо стратегических планах ведения агрессивной войны в период господства Версальского мира?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Никогда.

ЗИМЕРС. Каковы были задачи тактических занятий по карте и маневров военно-морского флота, которые проводились с 1932 по 1939 год?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Эти маневры носили исключительно оборонительный характер и имели в виду оборону территориальных вод, берегов и коммуникаций.

ЗИМЕРС. Лежала ли когда-либо в основании маневров 1932-1939 г.г. перспектива возможной войны с Англией?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Никогда. Я думаю, что всякому морскому офицеру это показалось бы невозможным и нетерпимым. Я помню, что еще в начале 1939 г. Редер издал распоряжение о проведении маневров, в котором указывалось, что не следует проводить маневров, исходящих из возможности войны с Англией, т.к. такой возможности не существует. Таким образом, было вообще запрещено проводить подобные маневры.

ЗИМЕРС. Г-н адмирал, как Вы знаете, установлено, что в 20-х г.г. военно-морской флот с ведома тогдашнего парламентского правительства нарушал Версальский договор. Здесь очень много говорилось об этом, поэтому мы можем сейчас говорить кратко. Я хочу задать Вам общий вопрос: можно ли заключить, что эти нарушения были подготовкой к агрессивной войне?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет, совершенно невозможно. Эти нарушения были так незначительны и носили явно оборонительный характер, так что, по-моему, они никак не могли свидетельствовать об агрессивных замыслах.

ЗИМЕРС. Вы можете назвать несколько областей, где были совершены такие нарушения?

11585

H1203 – 0264

H1203-0265

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Они ограничивались установкой береговых батарей, зенитных батарей, созданием запаса мин и проч.; все это имело своей целью оборону.

ЗИМЕРС. Были ли эти нарушения и незначительные отклонения от Версальского договора полностью или частично известны существовавшей в то время межсоюзнической комиссии, и комиссия просто не обратила на это внимания, ввиду того, что речь шла о мелочах?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, я могу сказать, что все это был секрет полишинеля.

ЗИМЕРС. Я просил бы вас, господин адмирал, делать паузы между ответами и вопросами, так как иначе переводчики не успевают за нами. Я хотел бы, чтобы вы еще раз повторили ответ относительно комиссии.

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Я хотел бы сказать, что это был секрет полишинеля. На все это не обращали внимания и переходили к очередным делам.

ЗИМЕРС. Для того, чтобы доказать существование этих нарушений Версальского договора, якобы, имевших своей целью ведение агрессивной войны, Обвинение несколько раз представляло статью капитана Шюсслера "Борьба военно-морского флота против Версаля", это документ Ц-156. Я передам вам этот документ в подлиннике /Свидетелю вручают документ/. Для того, чтобы сэкономить время не утруждать Трибунал деталями, я хотел бы, не вдаваясь в эти детали спросить вас, что вам известно об этом документе и как и когда он был создан и какова Ваша общая оценка этого документа?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Я знаю этот документ. Он был создан в результате нападок со стороны национал-социалистского режима в 1934-1935 г.г., когда прежнее правительство и военно-морской

флот упрекали в том, что в предшествовавший период было мало сделано для укрепления обороноспособности нации и что не были до конца исчерпаны даже те возможности, которые предоставляли Версальский договор. Поэтому решили создать оправдательный документ. Таким образом, эту брошюру следует рассматривать как попытку оправдать все недочеты и промахи. Этот документ позднее не был опубликован, он был из'ят, так как это была , я бы сказал, слабая попытка; в документе не было приведено таких фактов, которые действительно свидетельствовали бы о вооружении.

ЗИМЕРС. Был ли этот документ затем распространен в военно-морском флоте?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет, как я уже сказал, он был из'ят из тех учреждений, которые его получили, и подвергся суровой критике.

ЗИМЕРС. Он был из'ят по приказанию Редера?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Я думаю, что да.

ЗИМЕРС. Итак, Обвинение, основываясь на этом документе и на документе Асмана, говорит о деятельности конструкторского бюро в Голландии. Вчера говорилось о том, что по распоряжению адмирала Редера в Финляндии и Испании строились подводные лодки для Германии. Верно это?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет, неверно. Те подводные лодки, которые были созданы в Голландском конструкторском бюро и построены заграницей, были построены не для немецкого военно-морского флота, а для других стран.

ЗИМЕРС. Для каких именно? Кто получил ту лодку, которая была построена в Финляндии?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. По-моему, одну лодку получила Турция, а другую - Финляндия.

ЗИМЕРС. Следовательно, она была построена по иностранному заказу для иностранного государства?

11587

H1203-0266

H1203 – 0267

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Так точно.

ЗИМЕРС. Какие же выгоды извлекал военно-морской флот из этого сотрудничества в области конструирования подводных лодок?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Мы хотели сохранить опыт подводной войны, который мы получили в первой мировой войне. Поэтому, военно-морской флот был заинтересован, чтобы его конструкторы и далее работали в этом направлении.

ЗИМЕРС. Было ли это по вашему мнению запрещено Версальским договором?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет, я не знаю ни одного параграфа, который бы говорил, что нам запрещается какая-либо деятельность заграницей...

ЗИМЕРС. Гросс-адмирал Редер в начале февраля 1933 года сделал первый доклад Гитлеру о военно-морском флоте. Известно ли вам, какие основные принципы выдвинул Гитлер во время этой беседы в области строительства военно-морского флота?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, я хорошо помню об этом, так как это был первый доклад тогдашнего руководителя военно-морского флота Редера перед рейхсканцлером Гитлером. Гитлер сказал Редеру, что основой его будущей политики будут мирные отношения с Англией и он хочет подчеркнуть это путем заключения морского соглашения с Англией. Он хочет, чтобы германский флот был относительно невелик. Он готов признать значительное превосходство английского военно-морского флота ввиду того, что Англия является мировой державой. Он попробует предложить установить соответствующее соотношение флотов. Он стремится к установлению взаимопонимания при постройке нашего военно-морского флота и хотел бы, чтобы мы приняли во внимание все эти политические соображения. Редер согласился с этими высказываниями Гитлера, так как они полностью совпадали с его мнением.

11588

ЗИМЕРС. В этом плане было заключено в 1935 году англо-германское морское соглашение. Скажите, военно-морской флот в целом и лично гросс-адмирал Редер, были обрадованы этим соглашением или в нем видели неудобства?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Редер и весь военно-морской флот были весьма обрадованы этим соглашением, хотя мы и налагали добровольно на себя большие ограничения. Если исходить из решений Вашингтонской конференции, то в результате этого соглашения Германия становилась в один ряд с самыми маленькими морскими державами. Несмотря на это, все приветствовали соглашение, т.к. хотели установить дружественные отношения с английским военно-морским флотом и рассчитывали, что в результате мудрой и умеренной политики можно будет добиться взаимности со стороны Англии.

ЗИМЕРС. Вы не знаете, Гитлер в свое время также одобрял это соглашение и был обрадован им?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, я могу это подтвердить. Редер и я случайно оказались вместе с Гитлером в Гамбурге в день заключения этого соглашения и когда ему было доложено о соглашении, он сказал Редеру следующее: "Это самый счастливый день в моей жизни. Сегодня утром мой врач сообщил мне, что моя болезнь гортани не опасна, а в полдень я узнаю такую радостную политическую новость".

ЗИМЕРС. Вы уже сказали, г-н адмирал, что флот приветствовал морское соглашение. Вы помните, что в 1937 году было заключено частное морское соглашение с Англией. В это время военно-морской флот занимал такую же позицию в данном вопросе?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, полностью. Морское соглашение 1937 г. внесло только одно дополнение. Это - обмен информацией. Мы договорились с британским флотом об определенном соотношении тоннажа подводных лодок. У нас не было основания...

11589

H1203 – 0268

H1203 – 0269

ЗИМЕРС. Г-н адмирал, относительно тоннажа подводных лодок. Я помню, что в 1935 г. было установлено, что тоннаж английских подводных лодок принимается за 100%; Германия ограничивается 45% и сохраняет за собой право повысить свой тоннаж до 100%, но обязана в этом случае оповестить Англию. и согласовать это с английским адмиралтейством. Было ли сделано это сообщение об увеличении тоннажа подводных лодок до 100%, когда и в какой форме?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. После того, как мы стали увеличивать тоннаж до 100 процентов, адмирал Кеннингхэм был в Берлине и этот вопрос был еще раз обсужден. Я не знаю, было ли послано письменное сообщение. Я считаю его само собой разумеющимся, т.к. таков был смысл морского соглашения 1937 г. Во время своего визита в декабре 1938 г. адмирал Кеннингхэм ясно заявил, что Англия согласна на доведен ие тоннажа германских подводных лодок до 100%. Во всяком случае, мы так восприняли его посещение.

ЗИМЕРС. Вы не помните о какой-либо специальной беседе адмирала Кеннингхэма с Редером в связи с этим визитом, во время которой адмирал Кеннингхэм говорил о взаимоотношениях немецкого и английского военно-морских флотов и вообще об отношениях между Англией и Германией?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. У меня создалось впечатление, что Кеннингхэм и Редер расстались друзьями. На прощанье был дан завтрак в честь Кеннингхэма, причем на этом завтраке присутствовали лишь избранные люди; Кеннингхэм выразил свою радость по поводу заключения морского соглашения. Он закончил свою речь тостом, сказав, что отныне вопросы окончательно разрешены и нужно надеяться, что в будущем война между нашими двумя флотами невозможна.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите дату этого события?

ЗИМЕРС. Декабрь 1938 г. Я думаю, что это было правильно, адмирал?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, насколько я помню, это было в декабре 1938 года.

ЗИМЕРС. Я помню эту дату из показаний Редера. Сам я знал только, что это было в 1938 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто такой этот адмирал Кэннингхэм?

ЗИМЕРС. Я не знаю, я не специалист по военно-морскому делу; может быть адмирал Шульте-Монтинг сможет сказать это.

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Я не понял вопроса, г-н доктор.

ЗИМЕРС. Какой это адмирал Кэннингхэм?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Адмирал, ныне лорд Кэннингхэм, старший.

ЗИМЕРС. Господин председатель, я хотел бы сказать, что это было 30 - 31 декабря 1938 года, во всяком случае так сказал Редер. Верил ли Редер с 1933 по 1939 г.тому, что Гитлер не начнет войну?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Редер верил этому на 100 процентов. Это доказывается тем, что за это время в нашей программе военно-морского строительства не было произведено никаких изменений, а эти изменения были бы необходимы, если бы мы рассчитывали на какой-либо вооруженный конфликт.

ЗИМЕРС. В каком направлении нужно было изменить программу строительства на случай ведения агрессивной войны?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нужно было бы по крайней мере усилить строительство подводных лодок.

ЗИМЕРС. Скажите, Вам и руководящим морским офицерам было ясно, что всякая начатая Германией агрессивная война неминуемо привела бы к войне с Англией?

11591

H1203 – 0270

H1203-0271

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, этот факт, по-моему, доказывает, что мы не планировали агрессивной войны.

ЗИМЕРС. Господин адмирал, в 1938-1939 г.г. имели место различные события, которые могли бы оправдать скептическое отношение в этом вопросе. Я напомню Вам судетский кризис осенью 1938 г., который едва не привел к войне и война была в последний момент предотвращена Мюнхенским соглашением. Я напомню далее захват оставшейся части Чехии в марте 1939 г., который противоречил Мюнхенскому соглашению. Скажите, как относился Редер к этим событиям? Вы должны знать его отношение, т.к. почти каждый день беседовали с ним?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Так как Гитлер в Мюнхене совершенно ясно заявил, что он претендует только на населенные немцами области Чехословакии и был готов вести переговоры, несмотря на то, что с внешней стороны он вел себя преувеличенно энергично, Редер и руководящие органы военно-морского флота считали, что дело будет улажено. Конечно, когда Чехословакия была занята, мы были крайне обеспокоены. Но мы были твердо убеждены в том, что Гитлер не выдвинет чрезмерных требований и что он готов разрешить вопросы дипломатическим путем. Мы не могли себе представить, что Гитлер подвергнет немецкий народ опасности второй мировой войны.

ЗИМЕРС. Перед тем, как при своеобразных обстоятельствах был заключен договор с Гаха, знали ли Вы или Редер, что Праге угрожали бомбардировкой?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Я думаю, что Редер об этом ничего не знал. Я впервые слышу об этом факте.

ЗИМЕРС. Итак, я перехожу к документу Л-79. Это - речь Гитлера 23 мая 1939 г. Г-н председатель, это - документ США-27, он находится на странице 74-й английской книги доку-

ментов № 10. Можно попросить передать этот документ свидетелю. Эта речь Гитлера от 23 мая 1939 года была запротоколирована подполковником Шмундтом, ад'ютантом Гитлера. Насколько мне известно, Редер в тот же день говорил с Вами об этой речи. Вы тогда уже полгода были начальником штаба. Из своей последующей деятельности Вы знакомы с различными видами протоколов, которые обычно велись на военных совещаниях?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нельзя рассматривать эту запись как протокол. Я...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зимерс! Прежде всего ваш вопрос был слишком наводящим. Вы не задавали ему вопроса, по существу, вы просто вложили ему в уста ответ о том, что произошло. Это совершенно недопустимо. Вы должны были спросить его, если вы хотели доказать факт его разговора с Редером, был ли у него разговор с Редером. Вы же просто сказали ему, что у него был разговор с Редером. Цель допроса - ставить вопросы и тогда свидетель мог бы нам ответить был ли у него разговор с Редером. Он не может сказать нам о том, является ли это правильной записью или правильной формой записи совещания, если он не был сам на этом совещании.

ЗИМЕРС. Я благодарен Трибуналу за это указание и постараюсь задать вопрос правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кроме того, Трибунал не может заслушивать изложение мнения этого свидетеля по поводу того, правилен ли этот протокол, если речь идет о совещании, на котором он не присутствовал.

ЗИМЕРС. Господин председатель! Обычно протоколы важных совещаний всегда попадали в руки этого свидетеля как начальника штаба; из отметок на протоколах видно, что ему всегда посылался экземпляр. И я хотел бы выяснить, получил ли Шульте-

H1203 – 0272

H1203 – 0273

Монтинг этот протокол в качестве начальника штаба или только ознакомился с содержанием протокола по записям гросс-адмирала Редера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Простите, Вы хотите сказать, что собираетесь спросить его видел ли он вообще этот документ. Вы, несомненно, можете спросить его об этом, спросите его видел ли он этот документ.

ЗИМЕРС. Я прошу извинить меня, я думаю, что свидетель и ответил как раз на этот вопрос, но перевод просто не поступил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Неважно. Задайте ему вопрос, спросите его, видел ли он когда-нибудь этот документ.

ЗИМЕРС. Я задаю вопрос. Г-н адмирал, видели ли вы этот документ в свое время?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет, я впервые получил этот документ здесь, в Нюрнберге.

ЗИМЕРС. Каким образом вы были осведомлены о содержании этой речи от 23 мая?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Редер после всех своих бесед и докладов даже с глазу на глаз рассказывал мне потом об этих разговорах и совещаниях. Сразу же после этой речи Редер поделился со мной своими впечатлениями. Эти впечатления расходятся с записью в этом т.н. протоколе совещания. У Редера совершенно не было впечатления, что речь была такой воинственной, как это выглядит в записи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель должен сказать нам, что именно Редер сказал ему. Вот, что я раньше сказал Вам. Он может дать нам эти показания.

ЗИМЕРС. Г-н адмирал, я прошу Вас сказать, что сообщил Вам Редер по поводу этой речи?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Редер мне сказал, что Гитлер в своей речи считает возможным в отдаленном будущем конфликт с Польшей

и что это противоречит тому, о чем они говорили с глазу на глаз; что речь сама по себе полна противоречий. Таковы были те впечатления, которыми он со мной тогда поделился. Кроме того, он сообщил мне, что после этой речи он беседовал с Гитлером наедине и указал ему на эти противоречия. Он напомнил, что сам Гитлер говорил ему ранее, что хочет разрешить польский вопрос мирным путем. Здесь же он считает возможным конфликт с Польшей. Гитлер полностью успокоил его и сказал, что он крепко держит политику в своих руках. И когда Редер спросил его, в связи с этими противоречиями, чего он в действительности хочет, Гитлер ответил, по словам Редера, следующее: У меня есть 3 метода сохранения тайны. Первый - когда я разговариваю с кем-нибудь наедине; второй - когда я думаю и никому не говорю; третий - проблемы будущего, которых я сам еще не продумал до конца". Редер опять указал ему на невозможность разрешения вопроса военным путем. На это Гитлер ответил, что дело обстоит примерно так: мы спорим об одной марке. У вас есть только один пфенниг из этой одной марки, а у меня 99. Что же, вы из-за этого одного пфеннига привлечете меня к суду? Редер ответил: "Нет". "Вот видите, - сказал Гитлер, - я уже получил все, что мне было нужно, дипломатическим путем и не думаю, чтобы приходилось считаться с возможностью войны с Англией из-за последнего вопроса, а именно из-за Польского коридора.

ЗИМЕР-С. Все это было сказано во время беседы между Гитлером и Редером сразу же после произнесения Гитлером его речи?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, сразу же после этой речи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас Трибунал сделает перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

11595

H1203 - 0274

H1203 – 0275

Встать! Суд идет!

ЗИМЕРС. Господин адмирал, у меня есть еще один вопрос в связи с тем протоколом, который я вам пред'явил. Являясь начальником штаба, вы регулярно видели и получали все протоколы, которые направлялись Редеру?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, я видел все протоколы, все входящие дела. Как правило, я все их просматривал перед тем, как они поступали к Редеру.

ЗИМЕРС. Считал ли гросс-адмирал Редер - простите, я поставлю вопрос иначе. Какую точку зрения отстаивал Редер по вопросу о взаимоотношениях между военно-морским флотом и политикой?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Редер стоял на той точке зрения, что мы, военно-морской флот, не имеем ничего общего с политикой. Он стоял на этой точке зрения и считал ее заветом бывшего рейхспрезидента Гинденбурга; когда Гинденбург назначал Редера на должность командующего военно-морским флотом, он обязал его придерживаться именно такой позиции.

ЗИМЕРС. Я теперь перехожу к вопросу о Норвегии. Какие причины побудили Редера в сентябре-октябре 1939 года поставить вопрос о возможной оккупации Норвегии?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Поступали сведения из различных источников относительно, якобы, существовавших планов оккупации Норвегии союзниками. Эти сведения поступали из следующих источников. 1/ Адмирал Канарис, который был начальником нашей контрразведки, раз в неделю излагал Редеру поступающие сведения в моем присутствии. 2/ Сведения от морского атташе в Осло, капитана Шрейбера; он сообщал о том, что муссировались слухи о намерении союзников втянуть Скандинавию в войну для того, чтобы по возможности прекратить экспорт руды из Швеции в Германию. Эти

сведения мы считали достоверными, ибо,как это документально установлено в ходе последней мировой войны, Черчилль серьезно рассматривал вопрос об оккупации Норвегии.

ЗИМЕРС. Имелись ли еще какие-либо источники, из которых вы получали сведения?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Генерал-адмирал Карльс,командующий Северным флотом, имел аналогичные сведения и устно и письменно сообщал о них Редеру.

ЗИМЕРС. Припоминаете ли вы какие-либо детали этих сведений, которые вы коротко смогли бы изложить?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, имелись сведения относительно переодетых в гражданское платье английских авиадесантах в Осло, имелись сведения относительно топографических с'емок, которые проводились офицерами союзников на мостах, виадуках и в тоннелях Норвегии, вплоть до шведской границы; из них можно было сделать вывод о том, что существовали планы транспортировки тяжелого имущества и орудий. Далее, имелись также сведения о тайной мобилизации шведской армии, потому что, якобы, создалась угроза району рудников.

ЗИМЕРС. Какие опасности возникали, вследствие этого , для Германии?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Если бы Норвегия действительно была оккупирована, то ведение войны в Северном море было бы почти невозможно, а в Балтийском море крайне затруднено. Экспорт руды из Швеции,вероятно, был бы прекращен. Опасность налетов авиации на Северную Германию и восточные области стала бы чрезвычайно большой. В дальнейшем как Северное, так и Балтийское море оказались бы абсолютно блокированы, что в конечном счете привело бы к тотальному поражению Германии.

ЗИМЕРС. Какие меры предпринимал Редер, исходя из этих соображений?

11527

H1203-0276

H1203 – 0277

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Он сообщил в докладе Гитлеру об этих соображениях и указал на опасность положения.

ЗИМЕРС. Когда он сделал этот доклад?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Насколько я помню, осенью 1939 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Зимерс, я прошу Вас до перерыва говорить очень медленно, потому что система электро-звукозаписи испортилась и невозможно записывать происходящее в суде. Нам придется поэтому расчитывать исключительно на стенографический отчет, который нельзя будет сверить со звукозаписью. Вы понимаете меня? Поэтому я прошу Вас говорить несколько медленнее, чем обычно.

ЗИМЕРС. Господин адмирал, я прошу Вас об этом же.

Когда произошла беседа между Гитлером и Редером, во время которой Редер впервые указал на эту опасность?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. В октябре 1939 г.

ЗИМЕРС. Согласно дневника военных действий, эта беседа произошла, - Вы, конечно, точно не можете об этом помнить, - 10 октября. Во всяком случае, Вы считаете, что речь идет именно об этих переговорах?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да.

ЗИМЕРС. На основании этих переговоров Гитлером было принято окончательное решение?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет, ни в какой мере.

ЗИМЕРС. Происходили ли затем между Гитлером и Редером переговоры на эту тему?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет, сначала не велось никаких дальнейших переговоров в этом направлении, примерно, до конца года. Только после того, как были получены сведения, о которых я только что говорил, причем эти сведения поступали во все более определенной форме, эта тема вновь подверглась обсуждению.

ЗИМЕРС. Известно ли Вам, что Квислинг в декабре 1939 г. прибыл в Берлин и там также вел переговоры с Редером?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да. Это мне известно. Я принимал участие в этой беседе.

ЗИМЕРС. Что сообщил Квислинг Редеру?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Квислинг пришел по рекомендации Розенберга и сообщил, что у него есть важные военно-политические сведения. Он подтвердил в общем те сведения, которые мы уже имели.

ЗИМЕРС. Во время этой беседы говорилось только об этих военных опасностях?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, говорилось исключительно об этом. Беседа была весьма короткой.

ЗИМЕРС. Не обсуждалось никаких политических вопросов?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Совершенно никаких.

ЗИМЕРС. Знаете ли Вы, когда Редер в первый раз увидел Квислинга, когда он впервые познакомился с ним?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Во время этого визита.

ЗИМЕРС. Имел ли Редер в то время какую-либо более тесную связь с Розенбергом?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет, у них было чисто шапочное знакомство.

ЗИМЕРС. Розенберг говорил Редеру раньше о своих отношениях с Квислингом?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Насколько я знаю, нет.

ЗИМЕРС. Что сделал Редер, когда Квислинг подтвердил сведения, которые поступали от Канариса и из других источников?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Так как с Норвежской стороны все наши предположения подтвердились, Редер, вполне естественно, счел своим долгом немедленно отправиться к Гитлеру.

ЗИМЕРС. Знаете ли Вы о том, что он предложил Гитлеру?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Гитлер пожелал сам переговорить с Квислингом.

11599

H1203 – 0278

H1203 – 0279

ЗИМЕРС. И это было сделано?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, это было сделано.

ЗИМЕРС. Было ли принято окончательное решение относительно Норвегии в декабре 1939 года?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет. Гитлер приказал, чтобы в качестве контрмеры началась необходимая подготовка для высадки германских войск в Норвегии. Насколько я знаю, окончательный приказ был отдан лишь в марте.

ЗИМЕРС. Высадка в Норвегии представляла собой операцию, которую Вы с Редером считали рискованной или Вы тогда были совершенно уверены в успехе?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет. Редер, офицеры из командования военно-морским флотом, а также командующие на фронте видели в этой операции огромный риск. Я вспоминаю о речи Черчилля в парламенте, в которой он, когда его спросили об этом, заявил, что он не думает, чтобы германский флот предпринял эту рискованную операцию, несмотря на то, что вблизи находится английский флот.

ЗИМЕРС. Знаете ли Вы, когда Черчилль сделал это заявление?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Мне кажется, между 7 и 9 апреля.

ЗИМЕРС. 1940 года?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, 1940 года.

ЗИМЕРС. Какие потери считало командование военно-морским флотом возможными в связи с этой рискованной операцией?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Редер говорил Гитлеру, что, возможно, весь флот будет потерян в результате этой операции. Если же все пойдет гладко, следовало считать, что будет потеряно примерно 30 процентов сил участвовавших в операции.

ЗИМЕРС. А сколько на самом деле было потеряно?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Примерно, 30 процентов.

ЗИМЕРС. Несмотря на риск потерять весь флот, Редер был с самого начала сторонником этой операции?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет, он считал, что лучше сохранить нейтралитет Норвегии, чем подвергаться этому риску.

ЗИМЕРС. Обвинение утверждает, что Редер и командование военно-морского флота пытались осуществить оккупацию Норвегии из честолюбия. Что Вы можете сказать по этому вопросу?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет, честолюбия здесь у Редера не было. Операция, которая была разработана за письменным столом Редера, носила на себе отпечаток мужественного риска и холодного расчета. Она была продумана до мельчайших деталей на всем расстоянии от немецких баз до Нарвика, которое, примерно, соответствует расстоянию от Нюрнберга до Мадрида; флот нельзя использовать так лишь из честолюбивых замыслов, против превосходящего его английского флота. Редер заявлял командованию военно-морским флотом и командующим действующими флотами, что он должен провести эту операцию вопреки всем правилам военного искусства, т.к. она совершенно необходима.

ЗИМЕРС. Когда командование военно-морским флотом фактически разработало эту операцию?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. В феврале 1940 года.

ЗИМЕРС. В период с декабря 1939 по март 1940 г. к Вам поступали из упомянутых Вами источников дальнейшие сведения?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да.

ЗИМЕРС. В этой новой информации имелись более точные сведения о предстоящем десанте войск или Вы не знаете таких деталей?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, они должны были двигаться из Нарвика через Берген на Тронхейм и по линии Берген - Осло.

ЗИМЕРС. Редер по отношению к Гитлеру - простите, я поставлю вопрос иначе; каких принципов придерживался Редер по отношению к Гитлеру

H1203 – 0280

H1203 – 0281

придерживаться во взаимоотношениях между Норвегией и Германией?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Я хотел бы...

ЗИМЕРС. Простите, я перешел теперь к периоду после того, как операции были закончены и Германия оккупировала Норвегию.

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Редер заявил Гитлеру о том, что он является сторонником мирной политики. Он неоднократно предлагал Гитлеру заключить мир с Норвегией. Он был согласен в этом отношении с командующим германскими войсками в Норвегии генерал-адмиралом Бэмом, тогда как Тербовен, который руководил политическими делами, придерживался другой точки зрения.

ЗИМЕРС. В этой области имелись сильные разногласия между Тербовеном и его гражданской администрацией, с одной стороны и Редером, Бэмом и его сотрудником корветтен-капитаном Шрейбером, с другой стороны.

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, возникли сильные разногласия, споры, о которых даже дошло до сведения Гитлера. Гитлер тогда ответил Редеру, что он не может заключить мир с Норвегией, учитывая положение во Франции.

ЗИМЕРС. Господин адмирал, вы говорите "учитывая положение во Франции". Разве нельзя было заключить мир также и с Францией и какую позицию занимал Редер по этому вопросу?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Редер придерживался той же самой линии и в отношении Франции.

ЗИМЕРС. Что он говорил?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Он стремился начать переговоры с адмиралом Дарланом для того, чтобы добиться разрешения этого вопроса. Когда рассматривался вопрос об укреплении Атлантического побережья, он обратил внимание Гитлера на то, что лучше и правильнее будет заключить мир с Францией, чем так много и, может

быть без пользы тратить на оборону страны. Гитлер на это возразил, что он, хотя и согласен с этим, однако, учитывая позицию Италии, он не может заключить мир с Францией.

ЗИМЕРС. Имелись место переговоры между Редером и Дарланом?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, вблизи Парижа.

ЗИМЕРС. Вы присутствовали при этом?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет, присутствовал адмирал Шульце, который командовал военно-морским флотом во Франции.

ЗИМЕРС. Редер говорил вам о том, протекали ли эти переговоры в благоприятной обстановке?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, он мне говорил о весьма благоприятной обстановке во время этих переговоров.

ЗИМЕРС. Редер доложил о них Гитлеру?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да.

ЗИМЕРС. И Гитлер, несмотря на это, отказался заключить мир?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, учитывая позицию Муссолини.

ЗИМЕРС. Помните ли вы о том, пыталось ли руководство партии или СС через посредство Гейдриха вести борьбу с Редером?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Гейдрих неоднократно пытался путем шпионажа и клеветы лишить Редера и военно-морской флот доверия Гитлера. Он посылал своих шпионов в офицерские клубы, он вырывал из контекста отдельные сообщения и извращал их. Против этих нападок Редер упорно и успешно защищался.

ЗИМЕРС. Почему партия была настроена против Редера?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. На этот вопрос очень трудно ответить. Мне кажется, в основном потому, что в первую очередь имелись разногласия в религиозной области. Некоторые командиры кораблей обращались к Редеру перед выходом в боевое плавание с просьбой, чтобы во время их отсутствия их родственники не под-

11603

H1203 – 0282

H1203 – 0283

вергались никаким ограничениям свободы совести.

ЗИМЕРС. Когда впервые возникли разногласия между Редером и Гитлером и когда Редер просил о своей отставке?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы слышали об этом от самого подсудимого. Редер ведь сказал нам об этом. Мы его спрашивали. Не следует проводить перекрестного допроса по этому поводу.

ЗИМЕРС. Тогда разрешите лишь спросить Вас, по каким соображениям Редер остался на своем посту?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Гитлер сам просил его об этом и заверил его в том, что в дела военно-морского флота не будут вмешиваться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Система электро-звукозаписи снова работает, поэтому Вы можете говорить в обычном темпе.

ЗИМЕРС. Вы можете несколько быстрее говорить.

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Далее, тогда имелись соображения о том, чтобы об'единить в одно министерство торговый и военно-морской флот и поставить во главе министерства члена партии. Мы, однако, видели в таком мероприятии ослабление мощи военно-морского флота. К тому же в тот же период наступил кризис в министерстве вследствие того, что многие были больны или ушли из министерства. Редер остался на своем посту в значительной степени из чувства ответственности и любви к родине.

ЗИМЕРС. Вы сами просили Редера, чтобы он остался на своем посту?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, я неоднократно очень серьезно просил Редера об этом. Однажды Гитлер сам вызвал меня в имперскую канцелярию.

ЗИМЕРС? Когда это было?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. В начале 1939 года. В продолжительной беседе он изложил мне свою точку зрения и просил меня убедить Редера в том, что он должен остаться на своем посту. Ему

доверяли в военно-морском флоте: чиновники и старшие офицеры флота устно и письменно просили меня оказать на Редера давление, чтобы он не оставлял преждевременно своего поста. С 1928 года он уверенно вел военно-морской флот через все политические затруднения.

ЗИМЕРС. Г-н адмирал, я еще раз вернусь к вашей беседе с Гитлером в начале 1939 года.

Вы говорили тогда с Гитлером наедине?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, наедине, в течение примерно полутора часов.

ЗИМЕРС. Говорил ли Вам Гитлер во время этой беседы что-либо о своих политических планах?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет, о политических плана в собственном смысле слова он со мной не говорил. Он пытался еще раз преодолеть свои политические разногласия с Редером, он сказал мне: "Нельзя считать все то, что я говорю, действительно моим мнением. Тут дело не в протоколах или свидетелях: для меня важно увлечь своих слушателей и побудить их на совершение больших дел, а не давать им возможность придираться к моим словам: Я постараюсь в будущем сделать так, чтобы никто не вмешивался в дела военно-морского флота.

ЗИМЕРС. Вы только что сказали, что не все его слова следует считать выражением его мнения. Но ведь речи Гитлера потом стенографировались?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, но насколько я помню, на более поздней стадии войны. Гитлер всегда возражал против того, чтобы его речи стенографировали, так как считал, что каждый должен воспринимать их по-своему. Он забывал о своем конспекте, начинал думать вслух и хотел увлечь слушателей, но никогда не придавал значения отдельным выражениям. Я неоднократно говорил

11605

H1203 – 0284

H1203 – 0285

Редером об этом. Мы всегда знали, чего от нас хотят, но никогда не знали о чем думал и чего хотел сам Гитлер.

ЗИМЕРС. Если нельзя так точно воспринимать все то, что говорил Гитлер, как же позже, во время войны, он позволил стенографировать свои речи?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Я уже говорил, что возникало так много недоразумений, т.к. Гитлер, и другие докладчики всегда полагали, что убедили друг друга в правильности своей точки зрения; поэтому его речи начали стенографироваться. Записи, которые делались раньше, отражали лишь суб'ективное впечатление и делались по собственной инициативе записывавшего.

ЗИМЕРС. А более поздние стенографические отчеты...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. О каком времени говорит свидетель? Он говорит, что до этого периода протоколы велись по личной инициативе лиц, которые их записывали. О каком времени он говорит?

ЗИМЕРС. С какого времени, насколько вы помните, начали стенографироваться речи?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Мне кажется, с 1942 года.

ЗИМЕРС. С 1942 года?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Может быть, с 1941-го. Одним словом, только во время войны.

ЗИМЕРС. А Ваша беседа с Гитлером состоялась в январе 1939 года?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, в январе 1939 года.

ЗИМЕРС. Господин адмирал, как выглядели эти стенографические отчеты позже? Вы их видели?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Мы неоднократно просили, чтобы нам давали выдержки из этих стенографических отчетов и пытались сравнить их с конспектами речей. Однако, и в этом случае имелись противоречия.

12606

ЗИМЕРС. Мы переходим теперь к тому периоду, когда Гитлер начал подготовку войны с Россией. Я хочу пред'явить вам директиву № 21 /план "Барбаросса"/ от 18 декабря 1940 года. Господин председатель, это документ 446-ПС, он же США-31. Это в книге документов британского обвинения 10-А., на странице 247. Обвинение утверждает, что Редер, а также командование военно-морским флотом принимало участие в разработке этой директивы. Это правильно?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет, это неправильно. Военно-морской флот не принимал участия в разработке этой директивы.

ЗИМЕРС. Знал ли Редер уже ранее о планах Гитлера относительно нападения на Россию, до того, как он получил эту директиву?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, Гитлер устно сообщил ему об этом, примерно, в середине августа 1940 года... или в октябре 1940 года.

ЗИМЕРС. В октябре 1940 г. информировал ли вас Редер о своих беседах с Гитлером относительно России и какую позицию занял он во время этих бесед?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Редер меня подробно информировал, так как вопрос о войне с Россией был слишком серьезным для того, чтобы поверхностно его рассматривать. Редер самым резким образом выступал против планов войны с Россией, причем, из моральных соображений, так как Редер придерживался той точки зрения, что договор с Россией не должен быть нарушен до тех пор, пока другая сторона не даст повода к этому. Насколько было известно Редеру, в октябре этого еще не было. Экономический договор, как мы его тогда называли, на 90% ложился на военно-морской флот. Мы передали России: один тяжелый крейсер, тяжелую артиллерию для линкоров, приборы по управлению артиллерийским огнем,

H1203 – 0286

H1203 - 0287

машинное оборудование и агрегаты для подводных лодок, ценные оптические приборы для подводных лодок. Однако, Редер стоял на той точке зрения, что театр военных действий не должен быть перенесен на Балтийское море.

Балтийское море, я бы сказал, было нашим казарменным двором. Все наши кадры готовились на нем. Вся подготовка экипажей подводных лодок проходила в Балтийском море. Мы уже частично сняли наши батареи и личный состав с побережья Балтийского моря для защиты норвежского и французского побережья. Мы располагали крайне незначительным запасом нефти. Синтетическое изготовление нефти тогда еще не достигло высокого уровня, военно-морской флот должен был передавать из своих запасов нефть промышленности и сельскому хозяйству. Вследствие этого Редер резко выступал против войны с Россией.

ЗИМЕРС. Господин адмирал, Обвинение утверждает, что Редер выступал лишь против момента, который был предусмотрен для нападения на Россию; об этом оно судит по записям в Дневнике военных действий, где действительно говорится только о моменте выступления. Это правильно?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Нет, это неправильно. Редер после получения директивы № 21 под названием "Барбаросса" еще раз говорил с Гитлером по поводу войны с Россией и изложил свои мысли в меморандуме. Он пытался убедить Гитлера в следующем. После того, как Польша потерпела поражение, после того, как Франция была оккупирована, после того, как, исходя из военных соображений, вторжение в Англию не представлялось возможным, наступил момент, когда исход войны не может решиться на континенте, а должен решиться на Атлантическом океане. Он сказал поэтому, что он должен сосредоточить все имеющиеся в его распоряжении силы на выполнении одной задачи, а именно - нанести удар по стратегическим пунктам Британской империи, в особенности нанести удар

снабжению Британских островов для того, чтобы при всех обстоятельствах заставить Англию начать переговоры о мире. Он далее предложил, как уже здесь говорилось, использовать политические средства; заключить мир с Норвегией и с Францией; он предложил установить более тесный контакт с русским военным флотом на базе экономического договора и закупать оборудование для подводных лодок или просто подводные лодки, одним словом, он сказал, что решение и момент, для него не зависит от нас, т.к. мы не обладаем необходимым для этого господством на море. Учитывая затягивание войны, нужно также считаться с возможностью вступления США в войну и поэтому исход войны не может быть решен на европейском континенте, а тем более в далеких степях России. Эту свою позицию он неоднократно излагал Гитлеру во время своего пребывания на посту.

ЗИМЕРС. Господин Шульте-Монтинг! Вы уже говорили, что Редер возражал из принципиальных, как Вы сказали, из моральных соображений, т.е. исходя из международного права.

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да.

ЗИМЕРС. Почему об этом не записано в дневнике военных действий, в то время, как другие названные вами причины приведены в нем или на них имеются намеки?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. На это я Вам могу дать ответ или, по крайней мере, раз'яснение. Редер принципиально, в присутствии представителей командования военно-морского флота или отдельных флотов никогда не критиковал политическое руководство. Поэтому о беседах, которые он вел наедине с Гитлером, он рассказывал только мне, а другим офицерам сообщал о них только постольку, поскольку это было необходимо в военных целях.

ЗИМЕРС. Когда была начата подготовка военно-морского флота на основании директивы № 21, которая находится у Вас в руках? Вы это помните?

11609

H1203 – 0288

H1203 – 0289

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Примерно, мне кажется, на 3 месяца позже.

ЗИМЕРС. Во всяком случае, определенно после получения этой директивы?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, после этой директивы.

ЗИМЕРС. Значит эта подготовка проводилась на основании этой директивы?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, на основании этой директивы.

ЗИМЕРС. Эта директива явилась уже окончательным приказом, или это была превентивная стратегическая мера?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Я считаю, что ее нельзя рассматривать как приказ. Это вытекает из пунктов 4 и 5.

ЗИМЕРС. Каким образом?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. В пункте 5 написано, что Гитлер ожидает от командующих докладов по данному вопросу и после этого Редер как раз и сделал доклад Гитлеру, после получения этой директивы.

ЗИМЕРС. Соответствует ли пункт 4 тому, что вы только-что сказали, если Вы еще раз посмотрите на него?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, конечно. Там подчеркнуты даже слова: "Превентивные меры".

ЗИМЕРС. Превентивные меры на какой случай?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. На случай войны с Россией.

ЗИМЕРС. Мне кажется, господин адмирал, что Вам также следует указать на то предложение, которое написано после слова "превентивные меры".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы не можете спорить со своим свидетелем о значении слов... Ответ уже дан.

ЗИМЕРС. Хорошо. Придерживался ли Редер, во всяком случае, некоторое время того мнения, что ему удастся отвлечь Гитлера от несчастного плана нападения на Россию?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, он в свое время вернулся после своего доклада у Гитлера и сказал: "Мне кажется, что я отговорил его от этого плана". У нас вначале тоже было такое впечатление, так как в ближайшие последовавшие за тем месяцы больше не было переговоров об этом, в том числе, насколько я знаю, и с генеральным штабом.

ЭЙМЕРС. Разрешите мне задать вам еще небольшой вопрос по поводу Греции. В документе С-152, позвольте пред'явить его вам, говорится, что 18 марта 1941 г. Редер сделал доклад Гитлеру, в котором просил его полностью оккупировать Грецию. Чем руководствовалось командование военно-морского флота, т.е. Редер и Вы, делая это предложение?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. К тому моменту, когда Редер убедился в том, что вся Греция должна быть оккупирована даже при мирном разрешении вопроса, мы, насколько я вспоминаю, уже в течение трех месяцев имели на руках директиву об оккупации Греции.

ЭЙМЕРС. Простите, это директива № 20? Я Вам сейчас ее передам. Вы имеете в виду именно эту директиву?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, "Марита", это она.

ЭЙМЕРС. Господин председатель, это документ 1541-ПС, в 8-13 книги документов британского обвинения 10-А на странице 270. Это директива 20, операция "Марита" от 13 декабря 1940 года.

Господин адмирал, что побудило Редера, независимо от того, что Гитлер уже говорил об этом, в марте еще раз решительно поставить этот вопрос, а именно, 18 марта?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. За несколько дней до этого британские войска высадились в Южной Греции.

ЭЙМЕРС. И этот десант принуждал Вас к оккупации всей Греции?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Да, исходя из стратегических соображений, это было необходимо, так как угроза десанта с моря или с воздуха, или создание Балканского фронта против Германии, или угроза нефтяным источникам с воздуха должны были быть предотвращены при всех обстоятельствах. Я хочу при этом напомнить о Салоникской операции во время первой мировой войны, там, по-моему,

H1203 – 0290

H1203 – 0291

была такая же обстановка.

ЗИМЕРС. Обвинение и в этом случае говорит о том, что Редер руководствовался завоевательными замыслами и честолюбием. Это правильно?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. На это я хотел бы возразить, что я не знаю что именно в Средиземном море мог завоевать наш военно-морской флот. У нас там не было ни одного человека и ни одного корабля; но Редер, естественно, должен был, исходя из стратегических соображений, давать Гитлеру советы в этом направлении.

ЗИМЕРС. В свое время, до оккупации Греции, Вы знали о нарушении нейтралитета Грецией?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ. Мы знали о том, что в 1939 г. некоторые политические и военные круги в Греции имели тесные связи с генеральными штабами союзников. Мы знали, что греческие торговые корабли использовались Англией и поэтому мы считали себя вынужденными рассматривать греческие корабли, которые плавали в зоне военных действий, как корабли противника; мне кажется, в начале 1940 года или в середине этого года мы узнали, что союзники намерены высадить десант в Греции и создать Балканский фронт против Германии.

ЗИМЕРС. Господин председатель, не считаете ли Вы, что сейчас следует сделать перерыв?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас мы об'явим перерыв.

/Перерыв до 14.00/

ск.-
нд.-

11612

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 22 мая 1946 года

/Вечернее заседание/

Встать! Суд идет!

ЭЙЛЕРС /защитник подсудимого Редера/: Последний пункт вопроса, касающегося России. Я хочу спросить Вас о документе, представленном Советской делегацией, о документе УК-45, СССР-113. Это официальное письмо начальника штаба военно-морского флота от 29/XI-1943 года на имя командующего северной группы флота адмирала Карлса. В разделе I излагается результат беседы, состоявшейся между адмиралом Фрике и Гитлером:

"Фюрер принял решение стереть Петербург с лица земли".

Редеру ставится в вину то, что он не предпринял ничего против этого неслыханного намерения и что его штаб препроводил этот документ дальше. Скажите, господин адмирал, знали Вы об этом письме в 1941 году?

Простите, господин председатель, я должен заметить, что у меня сейчас, к сожалению, нет фотокопии. Я пытался достать ее. Вот, сейчас, она мне передана. Пожалуй, лучше предоставить свидетелю фотокопию.

ВУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Мне кажется, что у меня в руках находится оригинал?

ЭЙЛЕРС: Нет, господин адмирал, это копия, изготовленная для меня лично. Она в точности соответствует фотокопии, включая все параграфы и все имена. Видели Вы этот документ в 1941 году?

H1203 – 0292

H1203 – 0293

ЯУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я вижу этот документ впервые. Я не видел его в 1941 году.

ЭЛЛЕРС: Думаете ли Вы, что гросс-адмирал Редер видел этот документ, хотя Вы его не видели?

ЯУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Это было бы удивительно. Все документы, представляемые гросс-адмиралу Редеру, проходили через мои руки. На них ставилась отметка: "командующий военно-морским флотом ознакомлен" и я лично подписывался в подтверждение этого. Или же на них ставилась пометка: "Настоящий приказ или настоящее распоряжение предоставить главнокомандующему военно-морским флотом", и они опять-таки получали мою визу. Документ, который Вы мне сейчас пред"явили, я никогда раньше не видел, не знал его, и считаю невозможным, чтобы гросс-адмирал Редер мог его видеть, потому что 29 сентября 1941 года я был здоров и находился в Берлине при исполнении своих служебных обязанностей.

ЭЛЛЕРС: Господин адмирал, что известно Вам по вопросу: военно-морской флот и Ленинград?

ЯУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я припоминаю, что на совещании по оценке и обсуждению обстановки, имевшем место позднее...

ЭЛЛЕРС: Продолжайте, только медленнее.

ЯУЛЬТЕ-МОНТИНГ: ... один из офицеров штаба военно-морского флота сообщил о планах и намерениях командования сухопутными силами относительно будущности Ленинграда, не Петербурга, а Ленинграда, причем Редер выразил пожелание, чтобы в результате ведения военных действий Ленинград во что бы то ни стало попал в наши руки по возможности целым, не разрушенным, потому что ему необходимы верфи для военного судостроения.

Кроме того, он хотел, чтобы это его пожелание было передано командованию субмарин как весьма важное, потому что в результате все возрастающей опасности воздушных налетов он намерен переместить судостроение на Восток. В то время, если я не ошибаюсь, мы уже начали переброску из Эмдена на Восток и в соответствии с требованием Редера собирались постепенно эвакуировать Вильгельмсгафен возможно дальше в восточном направлении. Он особенно подчеркивал, что поэтому город должен остаться по возможности не поврежденным, поскольку негде будет разместить рабочих и нельзя будет обеспечить им условия существования. Вот все, что я могу сказать Вам по вопросу о Ленинграде.

ЭММЕРС: Известно Вам, что это желание Редера было отклонено Гитлером на том основании, что последний считал осуществление его невозможным?

КУЛЬТЕ-МАЙТИНГ: Нет, я не помню, чтобы это предложение Редера вызвало нападки. Кроме того, насколько я знаю, операции на севере были в очень скором времени приостановлены.

ЭММЕРС: Слышали Вы что-либо об этом документе от других офицеров?

КУЛЬТЕ-МАЙТИНГ: Нет, я об этом документе ничего не слышал, и у меня не было причин разговаривать с кем-либо по этому поводу.

ЭММЕРС: Господин председатель, с разрешения Суда я хотел бы в этой связи представить документ "Редер-№ III". Он находится в книге документов УI на странице 435-й. Это - письменное показание, данное под присягой контр-адмиралом Гансом Бютовом 21 марта 1946 года. Я хочу зачитать его, оно очень кратко.

11615

H1203 – 0294

H1203 – 0295

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какую страницу Вы назвали?

ЗИММЕРС: На странице 435-Е, книга документов УІ "Редер, документ № ІІІ". Он гласит:

"В период с 20 июня по 20 октября 1941 года /то-есть в период, который охватывается документом СССР-ІІІв/І, УК-45/, я был командующим военно-морскими силами в Финляндии. Я подчинялся командующему группой флота "Норд", адмиралу флота Карлсу. Я заверяю, что мне не был известен названный документ СССР-ІІІв/І, УК-45, являющийся письмом начальника штаба военно-морскими силами им командующего группой флота "Норд" от 29 сентября 1941 года, или его содержание, что, вероятно, не могло иметь места, если бы адмирал флота Карлс разослал этот документ подчиненным ему инстанциям. Насколько мне известно, никто из моих подчиненных также не получал такого письма?

"Я сам узнал об этом приказе Гитлера только в ноябре 1943 года, во время переговоров с господином доктором Зиммерсом, защитником гросс-адмирала Редера".

"Никто из других офицеров, в частности, никто из других командующих военно-морского флота никогда не говорил со мной об этом приказе. Из этого следует, что никто из них также не знал о нем".

Далее следует отметка о том, что это показание дано под присягой и подпись судьи флота, капитана 3-го ранга, производившего запись показания.

Господин адмирал, я перехожу к следующей теме, к агрессивной войне против Америки, которую, якобы, планировал Редер.

Пытался Редер когда-либо склонить Японию к войне против Америки?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет, никогда. Он вообще никогда не вели военных переговоров с Японией до ее вступления в войну. Напротив, он предостерегал Гитлера от вовлечения в войну с Америкой в связи с ее совместными действиями с Англией, имеющей превосходство на море.

ЭММЕРС: По каким причинам Он или Редер или командование ВМФ особенно настойчиво предостерегали Гитлера?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Во-первых, это связано с той общей стратегической позицией, о которой я уже говорил ранее и которую Редер занимал в течение всей войны. Он видел основного противника на море, а не на суше. Если бы к могущественной Англии присоединилась величайшая морская держава Америка, то война должна бы была принять непосильный для нас размах. Кроме того, на основании докладов морского атташе в Вашингтоне вице-адмирала Витгёфта, Редер был очень хорошо осведомлен об огромном морском потенциале Соединенных Штатов.

Я хочу сказать, что перестройка экономики на военный лад, планирование широкого строительства верфей, которое, по сообщению Витгёфта за несколько месяцев до войны, позволяло Америке ежемесячно закладывать судов водоизмещением в миллион тонн, эти факты говорили за себя достаточно красноречиво. Они были для нас серьезнейшим предостережением недооценки потенциала вооружения Соединенных Штатов.

ЭММЕРС: Обвинение считает, что, согласно дневника военных действий, оно может притти к другому выводу, то-есть, что 13 марта 1941 года Редер предлагал, чтобы Япония совер-

11612

H1203 – 0296

H1203 - 0297

нила нападение на Сингапур.

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: С моей точки зрения это абсолютно правильное предложение и правильная мера, соответствовавшая общей позиции Редера. Естественно, он искал возможности облегчить наше положение, отвлекая часть сил Англии путем нанесения ей ударов в стратегически главном направлении. Он никогда не предлагал, чтобы Япония вступила против Америки, он говорил о вступлении против Англии.

ЭЙМЕРС: Редер и Вы, с одной стороны, и японское военное командование, с другой, вели в то время какие-либо переговоры по этим стратегическим вопросам?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет. Я уже говорил, что до тех пор, пока Япония не вступила в войну, мы вообще не вели с ней никаких переговоров военного характера. Поведение Японии было весьма сдержанным.

ЭЙМЕРС: Говорил ли Редер когда-нибудь о том, что Япония должна напасть на Пирл-Харбор?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет, об этом мы впервые услышали по радио.

ЭЙМЕРС: Господин адмирал, за время Вашей деятельности при верховном командовании военно-морского флота, и в частности, за время Вашей службы старшим флагманом в Трондгейме было Вам что-нибудь известно об обращении моряков немецкого военно-морского флота с пленными солдатами союзников?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я отвечу на это отрицательно. Я не знал ни одного случая, когда бы отношение к пленным морякам союзников, пока они находились в распоряжении наших военно-морских сил, было недостаточно корректным, нетоварищеским.

Я могу сослаться на высказывания одного англичанина, командира подводной лодки, атаковавшей "Тирпитц" в фьорде Альта, который, возвратившись из плена в Англию и получив награду крест Виктории, дал в этой связи прессе интервью, в котором он отметил особо корректное и рыцарское обращение с ним со стороны командира "Тирпитца".

Я могу привести пример из своей работы в Норвегии, где участники норвежского движения сопротивления, попавшие в наши руки, будучи в гражданской одежде, также встречали рыцарское и корректное обращение. По этому поводу мной в присутствии английских властей было произведено расследование, хорошее обращение с пленными подтвердилось.

ЭЙМЕРС: Когда Вы должны были производить расследование по поручению английского военного правительства?

ЗУЛЬЦ-МОНТИНГ: После капитуляции.

ЭЙМЕРС: Простите, не английского военного правительства, а английским военно-морским флотом?

ЗУЛЬЦ-МОНТИНГ: Английское командование военно-морским флотом в Трондгейме в мое бытность старшим флагманом.

ЭЙМЕРС: И ни в одном из случаев, проверенных сначала Вами, а потом соответствующим английским адмиралом, не было заявлено о дурном обращении?

ЗУЛЬЦ-МОНТИНГ: Нет, не было никаких заявлений о неудовлетворительном обращении. Материалы расследования были переданы мне офицером военно-морского флота на сохранение, и я должен был представить результаты расследования в письменном виде.

ЭЙМЕРС: Каковы были результаты?

11619

H1203 – 0298

H1203 – 0299

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Результаты оказались хорошими, не было никаких поводов для жалоб.

ЭММЕРС: Результаты Вы представили соответствующему английскому офицеру?

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да, я должен был так поступить.

ЭММЕРС: Господин адмирал, я только вкратце коснусь случая с "Атенией", поскольку этот вопрос уже обсуждался здесь во всех деталях и хорошо известен Суду.

Скажите, вашло командование военно-морским флотом, - знали Вы и Редер в начале сентября 1939 года о том, что "Афения" была потоплена немецкой подводной лодкой?

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет, командующий подводным флотом сообщил, что 3-го числа "Атения" не могла быть потоплена немецкой подводной лодкой потому, что ближайшая лодка находилась, если я не ошибаюсь, на расстоянии 70 миль.

ЭММЕРС: Когда Вы узнали о том, что немецкая подводная лодка потопила "Атению"?

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Думаю, что через две или три недели, то-есть после возвращения этой подводной лодки.

ЭММЕРС: Господин председатель, напоминаю, что в документе указывалось, что это было 27 сентября.

/К свидетелю/. Вы знаете о том, что статс-секретарь Вейцзекер показал, что это не была немецкая подводная лодка, ни 3, ни 4, ни 5 октября. Но когда впоследствии выяснилось, что это была все-таки немецкая подводная лодка, что предпринял тогда Редер?

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Предположение о том, что это была не немецкая подводная лодка вначале казалось справедливым. По-

этому статс-секретарь Вейцзекер, как и мы, говорил по совести.

После того, как выяснилась эта прискорбная ошибка, Редер сообщил об этом Гитлеру. Гитлер заявил, что он не желает, чтобы уже сделанное сообщение министерства иностранных дел теперь опровергалось. Он приказал, чтобы участники этого дела и знавшие о нем, дали обязательство хранить об этом молчание, кажется, до конца войны.

ЭММЕРС: Давали Вы обязательство хранить об этом молчании?

ЮЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я лично, как и адмирал Редер, не давали такого обязательства. Мне кажется, мы были единственными среди командования военно-морским флотом, если не считать адмирала Фрике, которые знали об этом, и мы должны бы были дать такое обязательство.

ЭММЕРС: Вы должны были по приказу Гитлера взять такое обязательство с других лиц, знавших об этом случае?

ЮЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да, я думаю, с экипажа подводной лодки, поскольку он знал, что произошла эта ошибка.

ЭММЕРС: Обвинение ставит гросс-адмиралу Редеру в вину, что он не пошел к барону Вайцзекеру и не сказал ему, что это была все же немецкая подводная лодка, и что он не заявил американскому военно-морскому атташе: "К сожалению, это была все-таки немецкая подводная лодка". Почему не было сделано подобного заявления.

ЮЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нам тоже приходили в голову подобные мысли, но мы старались по возможности избегать всего, что могло бы привести к политическим недоразумениям с Америкой, а новое упоминание об этом случае могло бы вызвать отзвук

11621

H1203 – 0300

H1203 – 0301

сильное возбуждение умов. Я помню, например, случай с "Лузитанией", происшедший во время первой мировой войны. Заново поднимать этот вопрос всего через несколько недель, вызывать возбуждение общественного мнения, не желая при этом форсировать войну, было бессмысленно.

ЭММЕРС: Таковы были соображения, побудившие Гитлера к изданию приказа?

ЮЛЬТЕ-МОНТИНГ: Такова была точка зрения, которую в конечном счете разделяли так же и мы.

ЭММЕРС: Вы сказали: "поднимать заново вопрос". К сожалению, как Вам известно, этот вопрос снова был поднят 23 октября 1939 года, когда в "Фелькишер-Беобахтер", появилась очень безрадостная статья под заголовком: "Черчилль потопил Атению". Вы помните эту статью?

ЮЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да, конечно. Эта статья появилась без ведома Редера и без ведома и участия каких-либо инстанций военно-морского флота. Я не знаю до сих пор, кто был ее автором. Она исходила от министерства пропаганды и вызвала глубочайшее возмущение как у Редера, так и у нас, у командования военно-морским флотом. Мы были возмущены не только тем, что она снова затронула эту тему, сколько ее тоном, который сознательно или бессознательно, этого мы не знали, искажал факт.

Мы были обязаны хранить молчание. Какие указания давал Гитлер министерству пропаганды и в какой степени последнее было посвящено в это дело, мы не знали. Мы не имели возможности поговорить с ним об этом. Мы были очень поражены этой статьей, появившейся через несколько недель в "Фелькишер-Беобахтер". Наше возмущение, в первую очередь возмущение

Редера, было так велико потому, что ему было совершенно несвойственно делать выпады в такой резкой форме против иностранных государственных деятелей. К тому же факты были совершенно искажены. И что, пожалуй, также играло роль, дело касалось противника Редера, которого последний не намеревался унижать даже в глазах германской общественности, считая его достаточно серьезным противником. Насколько мне известно, это был никто иной, как Черчилль.

ЗИММЕРС: Обращалось ли министерство пропаганды к Вам или к Редеру предварительно, до опубликования статьи?

ЗУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет, нет.

ЗИММЕРС: Перехожу к последнему вопросу в моем допросе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зиммерс, это, примерно, шестой последний вопрос, который Вы задаете.

ЗИММЕРС: Простите, господин председатель, по-видимому, это было неправильно переведено.

То был последний вопрос, касающийся комплекса вопросов потопления "Атении", а сейчас это будет по-общее последний вопрос, который я задам свидетелю.

Обвинение ставит в вину контр-адмиралу Редеру то, что он не вмешался в дело генерал-полковника барона Фрича, после того как последний был оправдан судом и не содействовал возвращению Фрича на его прежний пост и восстановлению его репутации. Верно это?

ЗУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет, это не так. Приблизительно в первых месяцах 1939 года Редер передал мне все документы по процессу генерал-полковника Фрича для хранения их в сейфе и сообщил мне, во-первых, какое впечатление на него произвел этот

11623

H1203 – 0302

H1203 – 0303

процесс и, во-вторых, о том факте, что он предложил генерал-полковнику Фричу свою услугу: позаботиться о его полной реабилитации и даже о его возвращении на прежний пост. Генерал-полковник Фрич поблагодарил его за это и сказал ему лично, что после происшедшего он бы никогда не согласился снова вернуться на свой пост, вследствие чего он просил Редера никаких стараний к этому не прилагать.

Что касается отношений между Редером и Фричем, то, может быть, нельзя сказать, что они были дружны, но во всяком случае они были лично достаточно близки и уже после отставки Фрича я неоднократно встречал его в доме у Редера.

ЭММЕРС: Благодарю Вас, господин адмирал.

Больше у меня вопросов нет, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желают ли другие защитники задать вопросы свидетелю?

/К микрофону подходит защитник подсудимого Деница Кранцбюллер/.

КРАНЦБЮЛЛЕР: Адмирал Шульте-Монтинг, Вы говорили только что о корректном обращении с пленными, которые были взяты в плен в связи с атакой подводной лодкой суда "Тирпица". Вы имеете в виду атаку, имевшую место в фиорде Альта в ноябре 1943 года?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да.

КРАНЦБЮЛЛЕР: Это была подводная лодка с командой из 2-х человек?

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Была ли эта команда из двух или из трех человек, я не могу сказать в точности, но это была очень маленькая подводная лодка, причем нападение производилось

одновременно несколькими лодками, из которых некоторые затонули, а командир, с успехом, мне кажется, применивший свою магнитную мину, попал в плен.

КРАНЦБЮЛЛЕР: И с этим командиром обращались соответственно условиям Женевской конвенции?

ЗУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да, абсолютно.

КРАНЦБЮЛЛЕР: Благодарю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хочет ли Обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

/К микрофону подходит представитель английского обвинения Элвин Джонс/.

Г-н ДЖОНС: Господин свидетель, я хочу поставить Вам вопрос в первую очередь в связи с "Атенией". Насколько я Вас понял, Вы согласны с тем, что статья в "Фелькишер-Беобахтер" была совершенно бесчестной, лживой и позорной.

ЗУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я не слышал перевода на немецкий язык.

Г-н ДЖОНС: Я повторяю мой вопрос. В отношении инцидента с "Атенией", - Вы слышите меня сейчас?

ЗУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да.

Г-н ДЖОНС: Относительно статьи в "Фелькишер Беобахтер" об инциденте с "Атенией". Согласны ли Вы с тем, что эта статья была совершенно бесчестной?

ЗУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да, я согласен с тем, что это была бесчестная, лживая и бесчестная статья.

Г-н ДЖОНС: Я попрошу Вас не снимать наушники, у меня есть к Вам ряд вопросов. Я полагаю, так будет удобнее для той работы, которую мы должны здесь провести. Вы сказали, что подсудимый Редер также считал ее бесчестной?

11625

H1203 – 0304

H1203 – 0305

ЗУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да, именно так.

Г-н ДЖОНС: Что же он предпринял для того, чтобы заявить о своем неодобрении ее?

ЗУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Во всем этом деле он ставил интересы государства выше, чем газетную статью, а государственные интересы заключались в том, чтобы ни в коем случае не допустить осложнений в отношениях с Соединенными Штатами.

Г-н ДЖОНС: Повидимому, такова была характерная черта поведения Редера, проявлявшаяся в течение всего периода с 1928 по 1938 годы, в течение которого все то, что он считал интересами нацистского государства, он ставил выше принципов морали, чести и общественной порядочности, - не так ли?

ЗУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я не думаю. Я считаю, что в любом из подобных случаев он поступал так, как надлежало патриоту.

Г-н ДЖОНС: Например, в отношении вторжения в Россию Вы сказали Трибуналу, что как по моральным, так и по стратегическим соображениям Редер был против вторжения в Россию. Почему же он не ушел в отставку?

ЗУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я прежде всего должен напомнить ответ Гитлера на его возражения против войны с Советским Союзом. Гитлер ответил, что он не видит возможности избежать конфликта по следующим причинам:

Во-первых, на основании личного впечатления, которое он, Гитлер, вынес от посещения Молотова, состоявшегося тем временем. Под "тем временем" я подразумеваю промежуток времени от момента отдачи приказа и до момента его выполнения.

Во-вторых, на основании того факта, что русские, якобы, не только затягивали переговоры по экономическим вопросам,

но, как втравился Гитлер, они вели их в вымогательской форме.

И, в-третьих, ввиду того, что по сообщению генерального штаба, подтягивание русских войск к границе приняло угрожающие размеры и что он, Гитлер, не может ожидать, пока противник первым нанесет удар, создаст угрозу воздушных налетов на Бранденбург, столицу и силезскую промышленность.

Редер понимал, что он не мог опровергнуть этих аргументов и был не в состоянии доказать обратное.

Г-н ЭЛВИН ДЖОНС: Вы не хотите сказать, что Вы считали войну между Германией и Россией оборонительной войной Германии?

МУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет, мы придерживались того мнения, что форсирование и концентрация войск с обеих сторон достигли такой точки, когда гроза должна была разразиться. С военной точки зрения, естественно, что когда конфликт неминуем, лучше иметь преимущества наступающей стороны.

Г-н ЭЛВИН ДЖОНС: Вторжение в Россию было грубой агрессией со стороны нацистской Германии. Вы признаете это сейчас, - не так ли?

МУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да, я это признаю.

Г-н ЭЛВИН ДЖОНС: Я хотел бы, чтобы Вы сейчас обратили внимание на документ Л-79, который находится на странице 74-й в 10-й английской книге документов. Это - протокол совещания у Гитлера от 23 мая 1939 года, о котором Вы давали показания сегодня утром при прямом допросе. Я думаю, Вы читали этот протокол, свидетель.

МУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да, мне его сейчас представили. До сих пор, я не знал этого протокола. Если бы меня спросили по

H1203 – 0306

H1203 – 0307

поводу его, я должен бы сначала все целиком прочитать.

Г-н ЭЛВИН ДЖОНС: Вам нет нужды беспокоиться и делать это сейчас, свидетель. Вы сегодня утром давали показания о Вашей беседе с Редером об этом совещании. Говорил Вам Редер о том, что 23 мая 1939 года Гитлер сказал, например, следующее: "Не может быть и речи о том, чтобы пощадить Польшу. Остается одно решение - при первой удобной возможности напасть на Польшу. Мы не можем ожидать повторения Чехословакии. Сейчас будет война".

И затем далее на 76-й странице отчета говорится: "Фюрер сомневается в возможности мирного урегулирования дел с Англией. Мы должны быть готовы к конфликту. Англия наш враг и война с ней будет борьбой не на жизнь, а на смерть".

Затем в предпоследнем абзаце:

"Голландские и бельгийские авиационные базы должны быть оккупированы вооруженными силами. Декларации о нейтралитете можно игнорировать".

Я утверждаю, что эти заявления, сделанные Гитлером, являлись выражением хорошо обдуманной им политики и что эта политика, по существу претворилась в действия. Не правда ли, - это соответствует действительности?

ЗУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Прежде всего, я хочу исправить одну ошибку. Я думал, что Вы мне представили протокол относительно России, а не относительно Польши. Последний я сегодня видел, но он был по-другому написан, поэтому я не узнал его. Если же это тот самый протокол, о котором я упоминал сегодня утром, то я должен еще раз уточнить, что Редер не разделял той

военственной точки зрения, которая изложена в записях Шмундта.

Г-н ЭЛВИН ДЖОНС: Одну минуту, свидетель. Я огласил некоторые выдержки из этого документа, которые, как я полагал, Вы слышали в переводе. Согласны ли Вы со мной, что эти выдержки являлись выражением обдуманной политики Гитлера, относившейся к тому времени, и что эта политика, по существу, претворилась в действия?

Пожалуйста, не снимайте с себя наушников - я знаю, что это трудно, Вы можете сдвинуть их назад, когда Вы говорите.

Теперь подумайте, можете Вы ответить на мой вопрос?

МУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Мне хотелось бы сказать, что своими выступлениями Гитлер преследовал особую цель. В подготовке войны он видел средство политического давления. В это время он пытался сделать выражение "война нервов", которое употреблялось не только в Германии, но по эфиру перелетело через все границы Европы, средством давления, средством предотвращения войны. Этот документ таит в себе противоречия, из которых видно, что он сам серьезно не мог думать о том, что дело может дойти до войны. Так, например, он говорил, что генеральный штаб или генеральные штабы не должны заниматься этим вопросом. В конце упоминается, что войска разных родов должны проходить совместную учебу. Он говорит о том, что война с Польшей ни в коем случае не должна иметь своим следствием войну с Англией. Это задача политики. А в следующем абзаце говорится, "если дело дойдет до войны, я нанесу короткие, решительные удары, чтобы скорее окончить войну". В следующем абзаце вновь говорится о том, что ему "требуются 10-15 лет на подготовку", а в конце значится, что "ничего не должно

11623

H1203 - 0308

H1203 – 0309

изменяться в программе строительства военно-морского флота".

Если бы Гитлер серьезно верил в свои высказывания, которые сводились к тому, что в ближайшем будущем предстоит война с Польшей, то он бы не говорил, во-первых, что у него есть время до 1943 года, во-вторых, что ничего не должно меняться в области подготовки военно-морского флота. Наоборот, он должен был бы сказать Редеру с глазу на глаз, по крайней мере, следующее: "Срочно разработайте программу строительства подводных лодок, я не знаю, какой оборот примут события".

Г-н ЭЛВИН ДЖОНС: Но фактом является то, что приблизительно в то время была подготовлена до мельчайших деталей операция "Вейс" - не так ли? Это была операция против Польши?

МУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Операция была подготовлена так хорошо, что когда сперва она была отменена, мы боялись, что уже поздно и что даже по радио мы не сумеем передать частям военно-морского флота соответствующего приказа. Все это мы считали политикой нажима, достигшей своего апогея и принявшей форму войны нервов. И поскольку в последнюю минуту все было отменено, мы не сомневались в том, что весь маневр был только средством нажима, но не действительным началом войны. Лишь когда заговорили пушки, мы убедились, что войну не предотвратить. Я лично думаю ...

Г-н ДЖОНС: Если Вы несколько сократите Ваши ответы, будет очень хорошо.

Я хочу перейти от вопроса о Польше к вопросу о Норвегии. Вы сказали нам, что первое совещание у подсудимого Редера относительно Норвегии состоялось 10 октября. Я хотел бы, чтобы Вы выслушали запись этого совещания, которая содержится

в дневнике адмирала Аснана. Она датирована 10 октября 1939 года.

"Главнокомандующий военно-морским флотом заявил, что завоевание бельгийского побережья не даст никаких преимуществ в подводной войне; но указал на выгоду приобретения норвежских баз /Тронхейм/".

Я утверждаю, что интересы германского военно-морского флота в Норвегии с точки зрения захвата баз для подводных лодок, уже обнаружились в то время, - не так ли?

МУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я прошу разрешения заглянуть в этот протокол, он мне неизвестен.

Г-н ДЖОНС: Вы можете посмотреть подлинники документа, если Вы хотите убедиться в том, что я правильно огласил эти выдержки.

МУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Этот абзац не свидетельствует ни о каком агрессивном намерении. Он точно указывает на выгоду захвата норвежских опорных морских баз.

Г-н ДЖОНС: В настоящий момент я только это и утверждаю. Известно ли Вам, что 3 октября подсудимый Редер разослал опросный лист относительно возможности организации оперативных баз на севере и относительно баз, которые Германии желательно получить?

Я ссылаюсь на документ Ц-122, милорд. Документ Ц-122 находится на странице 91-К книги документов 10-А.

Если Вы посмотрите на этот документ, свидетель, то во втором предложении Вы увидите:

"Должно быть установлено, есть ли возможность получить базы в Норвегии при помощи об"единенного нажима со стороны

H1203 – 0310

H1203 – 0311

России и Германии с целью кардинального улучшения нашего стратегического и оперативного положения. Должны быть проверены следующие моменты".

Затем следует перечисление этих моментов:

"Какие места в Норвегии могут быть использованы в качестве баз?"

"Можно ли получить базы при помощи военной силы вопреки воле Норвегии, если этого невозможно будет достичь без военного столкновения?"

"Какова возможности обороны после оккупации их"?

"Для использования этих портов в качестве опорных пунктов надо их полностью оборудовать или их гораздо выгоднее использовать в качестве баз снабжения"?

"Командующий подводным флотом считает такие базы исключительно выгодными для использования их в качестве баз снабжения продовольствием и вооружением подводных лодок, действующих в Атлантике и на время заходящих в эти базы".

"Какие решительные преимущества для ведения войны на море будут предоставлены в результате приобретения баз в Северной Дании, например, Скагена?".

Свидетель, я утверждаю, что этот документ является ключом к раскрытию планов германского вторжения в Норвегию. Вы же согласны с этим?

ЯУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет, эти соображения чисто оперативного характера не говорят об агрессивных намерениях, если отдать себе внимательно отчет в том, о какого рода опорных базах вообще могла бы итти речь при ведении войны. Я сегодня утром сказал, что насколько я знаю, адмирал Карлс уже в сентябре написал

соответствующее письмо гросс-адмиралу Редеру, в котором он выражал свое беспокойство и излагал свои стратегические соображения в связи с возможной оккупацией Норвегии союзниками.

Г-н ДЖОНС: Об источниках информации, которую получал подсудимый Редер, Вы говорили сегодня утром. Одним из них, который не был Вами упомянут, был норвежский предатель Квислинг Между ним и подсудимым Редером были весьма тесные отношения, - не так ли?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Между Редером и Квислингом до декабря 1939 года вообще не было никаких отношений. Тогда Редер увидел его впервые в своей жизни и никогда позже с ним не встречался.

Г-н ДЖОНС: Но после декабря агент Квислинга Хагелин очень часто посещал подсудимого Редера, не так ли?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я думаю, что Хагелин не был ни разу у Редер до посещения Квислинга. Может быть, я ошибаюсь. Мне кажется, что первый раз он был у Редера, сопровождая Квислинга.

Г-н ДЖОНС: Да, но после этого Редер установил весьма тесный контакт с приверженцами Квислинга, , с этими предателями, - не так ли?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет. Редер ничего общего не имел с квислинговцами.

Г-н ДЖОНС: Известен ли Вам человек по имени Эрих Гизе,- Вальтер Георг Эрих Гизе, который был чиновником в ад"ютатуре главнокомандующего военно-морским флотом в Берлине.

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я не разобрал фамилии.

Г-н ДЖОНС: Г и з е, Гизе. Частью его обязанностей было принимать посетителей главнокомандующего. Он был помощником

11633

H1203 – 0312

H1203 – 0313

ад"ютанта главнокомандующего и был снят с этой работы в апреля 1942 года. Без сомнения Вы помните этого человека.

ЯУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я прошу еще раз повторить его фамилию, которую я все же не разобрал. Это - норвежец?

Г-н ДЖОНС: Нет, это немецкий подданный, он служил в штабе военно-морского флота. Частью его обязанностей являлось принимать посетителей главнокомандующего, принимать просьбы об аудиенциях и составлять список лиц, желающих попасть на прием к главнокомандующему. Посмотрите на письменные показания, данные этим человеком, документ Д-722, ВВ-479.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ответил свидетель на заданный вопрос?

Г-н ДЖОНС: Нет еще, милорд.

ЯУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я только сейчас понял, о ком идет речь. Господин, о котором Вы говорите, сидел в приемной ад"ютантуры. Допуск посетителей к гросс-адмиралу зависел не от господина Гизе, а от меня. Сначала они приходили ко мне, и я спрашивал, по какому поводу они явились. Я знал, что Хагелин до Квислинга, то-есть приблизительно до начала декабря 1939 года, не был у Редера.

Г-н ДЖОНС: Я этого тоже не говорю, но я утверждаю, что после декабря 1942 года имела место весьма тесная связь между Редером и движением Квислинга. Я зачитаю Вам следующую выдержку из письменного показания этого человека.

Милорд, я буду читать с третьей страницы английского текста:

"Я могу дать следующее показание относительно подготовки и операции против Дании и Норвегии. Господин Хагелин и другой господин, имени которого я сейчас не могу вспомнить,

часто договаривались о встрече с главнокомандующим через партийного работника из бюро Розенберга по внешне-политическим вопросам. Как правило, этих лиц принимали немедленно. Я также получил инструкции о том, что, если господин Хагелин назовет свое имя, явившись лично, я должен был немедленно проводить его к главнокомандующему. Вскоре затем я узнал из книги протоколов и из бесед, ведшихся в моей комнате, что он был норвежским тайным агентом. Господин из бюро по внешн -политическим вопросам, который часто сопровождал его, беседовал со мной и настолько доверял мне, что от него я узнал о беседах между Редером и Розенбергом и о подготовке норвежской кампании. Согласно всему тому, что я узнал, я могу сказать, что идея этой операции исходила от Редера и встретила самое горячее одобрение со стороны Гитлера. Все это мероприятие маскировалось под внешней видимостью мероприятия против Голландии и Англии. Однажды Хагелин доложил главнокомандующему о приезде Квислинга, и последний был немедленно принят.

Капитан Ш-го ранга Штрейбер, который позднее был военно-морским атташе в Осло и очень хорошо знал условия в Норвегии, также играл роль во всех этих переговорах. Он работал с партией Квислинга и агентами в Осло".

ШУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Неверно, что Хагелин был принят гросс-адмиралом Редером. Этого господин Гизе не мог знать, потому что он находился на две комнаты дальше. Если бы он написал, что он был принят мною, это было бы не лишено оснований. На самом деле после посещения Квислинга, я сказал Хагелину, что если он когда-либо попадет в Берлин и будет располагать све-

11635

H1203 – 0314

H1203 – 0315

делениями политического характера, касающимися военно-морского флота, то я прошу сообщить их мне.

Г-н ДЖОНС: Вы утверждаете, что подсудимый Редер никогда не встречался с Хагелином?

МУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я уже сказал, что он не встречался с ним до тех пор, пока в декабре не приехал Квислинг, после этого он его также более не принимал.

Г-н ДЖОНС: Но на самом деле он принял Хагелина и представил его Гитлеру 14 декабря 1939 года?

МУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Он был в числе лиц, сопровождавших Квислинга, это верно. Но никаких переговоров с глазу на глаз Хагелин с Редером не вел.

Г-н ДЖОНС: Вы сказали... Сегодня утром Вы дали показание относительно беседы Редера с Квислингом от 12 декабря 1939 года. Вы утверждали, что во время этой беседы не обсуждались политические вопросы.

МУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Под словом "политика" я подразумевал переговоры, идущие по одному национал-социалистскому руслу, то-есть национал-социалистскую политику, проводимую Норвегией, и национал-социалистскую политику, проводимую у нас. Политические вопросы обсуждались постольку, поскольку они касались военно-морского флота.

Г-н ДЖОНС: Я не намерен сейчас вступать с Вами в дискуссию о том, что значит "политика". Я буду иметь в виду общеизвестное немецкое определение политики как продолжение войны другими средствами. Однако, если Вы взглянете на документ Ц-64, то Вы увидите, что 12 декабря обсуждались полити-

ческие вопросы. Вы видите, это - доклад Редера Гитлеру. Он имеется на странице 31-й книги документов IC-A, где во втором абзаце Редер пишет следующее:

"В результате русско-финского конфликта антигерманские настроения в Норвегии сейчас стали сильнее, нежели раньше. Английское влияние очень велико, в особенности из-за Гамбра, еврея и друга Хора Белиша, президента стортинга /норвежского парламента/. Гамбр пользуется большим влиянием в Норвегии. Квислинг уверен, что между Англией и Норвегией существует соглашение о возможной оккупации Норвегии. Тогда и Швеция ополчится против Германии. Опасность оккупации Норвегии Данией очень велика; возможно, эта оккупация произойдет в очень скором времени. С II января 1940 года стортинг и, следовательно, норвежское правительство не является настоящим правительством, так как стортинг, вопреки конституции, продлил свои полномочия на год".

Политические вопросы обсуждались весьма успешно на этом совещании, - не так ли? Вы сказали, что подсудимый Редер стремился к миру с Норвегией. Был ли это мир с Норвегией, руководимой предателем Квислингом?

ЭУЛЬТЕ-МОНТИНГ: На первый вопрос я должен возразить. В протоколе говорится:

"Главнокомандующий военно-морским флотом указывает на то, что при подобного рода предложениях никогда нельзя знать, в какой степени соответствующие лица защищают свои собственные интересы и насколько им дороги интересы Германии. Поэтому рекомендуется быть осторожным".

11637

H1203 – 0316

H1203 – 0317

Это замечание в документе, который Вы сейчас мне пред"-явили, подтверждает высказанное мной, а именно, что между Редером и Квислингом не велось, скажем, никаких партийных дел или дел, основанных на общем мировоззрении. Поэтому я сказал, что Редер говорил с ним не о политике, а о фактах. Верно, что вначале перед тем, как перейти к самому делу, Квислинг коснулся известных вопросов. Указав на необходимость соблюдать осторожность Редер сказал: "Чего хочет этот человек? Хочет он принимать участие в работе партии или он действительно хочет стать выше существующего положения вещей?"

Г-н ДЖОНС: Во всяком случае, подсудимый Редер предпочитал доклады Квислинга докладам германского посла Нинка в Осло, которые резко отличались от докладов предателя Квислинга. Это так, не правда ли?

МУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я думаю, что Редер никогда не видел докладов немецкого посла Нинка в Осло. Во всяком случае я никогда их не видел.

Г-н ДЖОНС: Сейчас Трибунал располагает относящимися к этому вопросу документами. Я не буду больше останавливаться на нем.

Я хочу задать Вам следующий вопрос об отношении с Соединенными Штатами Америки. Когда германское адмиралтейство впервые узнало о намерении Японии напасть на Соединенные Штаты?

МУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Насколько мне известно, а я могу говорить только о Редере и о себе лично, по-моему мнению, только с момента нападения на Пирл-Харбор.

Г-н ДЖОНС: Но Вы получили сообщение от Вашего военно-морского атташе в Токио накануне нападения на Пирл-Харбор, где указывалось, что ожидается нападение на Соединенные Штаты - не так ли?

ЭЛЬТЕ-МОНТИНГ: На Пирл-Харбор? Нет.

Г-н ДЖОНС: Я имел в виду нападение на вооруженные силы Соединенных Штатов Америки. Посмотрите на документ Д-872, ВВ-480. Вы видите, это - выдержки из дневника германского военно-морского атташе в Токио. Первая запись датирована 3 декабря 1941 года.

"3/XII-1941 года, 18-00. Военно-морской атташе разослал нескольким офицерам японского военно-морского министерства приглашения. Из беседы следует, что переговоры в Вашингтоне должны рассматриваться как полностью неудавшиеся и что, совершенно очевидно, в ближайшем будущем ожидается начало военных действий на юге, предпринятых японскими вооруженными силами".

Затем запись от 6 декабря 1941 года: "Беседа с капитаном 2 ранга Ямба". Результаты этой беседы были доложены в Берлин в следующем виде:

"1/ На прошлой неделе Соединенные Штаты Америки предложили пакт о ненападении между Соединенными Штатами, Англией, Россией и Японией. Принимая во внимание наличие тройственного пакта и свои высокие требования, Япония отклонила это предложение. Поэтому переговоры закончились полной неудачей".

"2/ Командование японских вооруженных сил предвидело такое развитие событий и согласилось послать Курусу только для того, чтобы тем самым создать у народа такое впечатление,

11639

H1203 – 0318

H1203 – 0319

что все возможное было сделано?

"3/ Командование вооруженных сил уже три недели тому назад констатировало, что война неизбежна, даже если Америка в последнюю минуту сделает существенные уступки. Соответствующие мероприятия уже подготавливаются".

И далее... я не буду читать всего документа, но в конце его говорится:

"Несомненно, к рождеству война против Англии и Америки уже будет вестись".

Не этого сообщения, которое дошло до Вас до 8 декабря, Вы узнали о планах предательского нападения Японии на Соединенные Штаты, не так ли?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я не совсем понимаю смысл. Я не сказал, что мы в Берлине не имели никакой связи с японскими референтами или атташе. Я утверждал, что мы узнали о нападении на Пирл-Харбор только по радио, и мне не понятно, какая разница, Вложили военно-морской атташе в Токио 6 декабря свои собственные предположения о том, что предстоит военный конфликт, или же он сделал эти предположения на основании известий, которых мы не могли проверить. Ведь этот конфликт не имеет ничего общего с тем, что мы в Берлине, якобы, советовали японцам начать агрессивную войну против Америки.

Г-н ЭЛВИН ДЖОНС: Вы утверждаете, что в Берлине не велось никаких бесед с японским атташе?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Никаких... Насколько я знаю, не было никаких официальных переговоров между адмиралтействами, то-есть каких-либо официальных обсуждений оперативных планов между командованием военно-морского флота и японским адмирал-

тейством.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Элвин Джонс, прежде чем Вы перейдете к другому документу, я полагаю, Вам следовало бы огласить абзац № 5.

Г-н ЭЛВИН ДЖОНС: Абзац 5, милорд, гласит:

"5. Приложение военно-морского атташе:

"Точных сведений в отношении часа, назначенного для начала наступления на него, не имеется. Все обстоятельства, однако, указывают на то, что начало этого наступления можно ожидать в пределах трех недель при одновременных атаках на Таи, Филлипины и Борнео".

"Посол не знает об отправке этой телеграммы, но он знаком с ее содержанием".

Сейчас я хочу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сошлась на то, что только сейчас сказал свидетель... я не знал, правильно ли я понял его, но я записал, что он сказал, что германское адмиралтейство впервые узнало о намерении Японии совершить нападение только после нападения на Пирл-Харбор, и что о Пирл-Харбор оно узнало впервые по радио. Это было первым, дошедшим до него сигналом о намерении Японии совершить нападение.

Г-н ЭЛВИН ДЖОНС: Да, это так, милорд.

Свидетель, я утверждал, что Вам было хорошо известно о намерении Японии напасть на Соединенные Штаты еще до инцидента Пирл-Харбор.

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я не знал, на что Вы делаете ударение, на Пирл-Харбор или на тот факт, что мы за два дня до нападения на Пирл-Харбор получили телеграмму из Токио с предупре-

11641

H1203 – 0320

H1203 – 0321

ждением о возможности конфликта. Меня спросили, знали мы о том, что произойдет нападение на Пирл-Харбор. На это я ответил: нет. Кроме того, я сказал, что у нас в Берлине не велось никаких переговоров между командованием военно-морского флота и японским военно-морским штабом.

Г-н ДЖОНС: Я как раз хочу остановиться на этом вопросе. Но прежде я хочу прочесть Вам то, что сказал по этому поводу Ваш главнокомандующий, поскольку это совсем не то, что Вы говорите.

10 ноября 1945 года адмиралу Редеру на допросе был задан следующий вопрос:

"Вопрос: Переговоры о нападении Японии вел только министр иностранных дел, или он вел их вместе с командованием военно-морского флота и ОКВ".

Редер ответил:

"Между министерством иностранных дел и японскими дипломатами не велось никаких переговоров. Посол Осима был офицером. Он вел переговоры с министерством иностранных дел в качестве делегата, но он был достаточно хорошим специалистом, чтобы быть в состоянии рассмотреть весь вопрос в целом с военной точки зрения. Военные штабы задолго до этого вели переговоры с военным и военно-морским атташе по всем важным для Японии вопросам. Все вопросы обсуждались и выполнялись с военным и военно-морским атташе".

Это описание имевших тогда место событий весьма отличается от Ваших показаний, свидетель, не так ли?

У меня имеется еще два вопроса, на которых я хотел-бы остановиться.

Я не знаю милорд, может быть более удобно об"явить сейчас короткий перерыв.

/Об"является перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

Г-н ДЖОНС: Господа судьи, что касается выдержек из протокола допроса подсудимого Редера, которые я оглашал, я хотел бы внести ясность в том отношении, что тогда подсудимый давал показания в общих чертах об отношениях между германским правительством в Берлине и японскими представителями. Я не хочу создать у Трибунала впечатление, что это были прямые переговоры касательно нападения на Соединенные Штаты Америки. Я не хочу в какой бы то ни было мере ввести в заблуждение Суд в отношении этих вопросов.

Было Вам известно о расстреле в декабре 1942 года двух английских моряков, принимавших участие в рейде на судна в устье Сарона, о расстреле, который был произведен немецкой военно-морской частью, находившейся под командованием офицера флота в Бордо?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я узнал об этом позднее.

Г-н ДЖОНС: Видели Вы запись об этом расстреле в дневнике боевых действий штаба военно-морского флота?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет. Я видел запись, которую показали мне здесь в Нюрнберге защитник, но я не знаю, взята она из дневника военных действий штаба военно-морского флота.

Г-н ДЖОНС: Защитник подсудимого Деница и защитник подсудимого Редера утверждают, что запись в документе Д-658, где содержится предложение: "Мера была проведена в соответствии с

11643

H1203 – 0322

H1203 – 0323

особым приказом фюрера, но в противоречии с нормами международного права, так как эти солдаты были одеты в военную форму", - что эта запись не является выдержкой из дневника штаба военно-морского флота, Вам знакомы инициалы подсудимого Редера, не так ли?

Я хотел бы, чтобы Вы взглянули на подлинник документа Д-658 для того, чтобы без всякого сомнения установить, что эта запись имеется в дневнике военных действий штаба военно-морского флота.

Господа судьи, с Вашего разрешения я пред"являю свидетелю фотокопию этого подлинника, так как сам подлинник требуется для других целей. Это документ Д-658, ВВ-229, и пожалуй будет удобнее называть фотокопию этого подлинника Д-658/А и ВВ 229/А.

Скажите, свидетель, это выдержка из дневника боевых действий штаба военно-морского флота?

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да, я признаю, что это так.

Г-н ДЖОНС: Таким образом, командование военно-морского флота было хорошо осведомлено об этом ужасном убийстве моряков в Бордо, - не так ли?

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Согласно дневника можно притти к заключению, сделанному мной еще раньше, что оно узнало о факте расстрела моряков пост фактум 9 апреля.

Г-н ДЖОНС: И лаконически комментировало...

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет, я узнал об этом из сводки командования вооруженных сил, здесь стоит: "Согласно сводке командования вооруженных сил оба солдата расстреляны". Это написано здесь в дневнике штаба военно-морского флота. Я признаю, что

это было действительно так.

Г-н ДЖОНС: Гуманное замечание командования военно-морского флота гласило: "Это нечто новое в международном праве, так как оба солдата были одеты в военную форму".

У меня имеется еще один последний пункт, по которому я хотел бы Вас спросить: считаете ли Вы, что германский военно-морской флот вел честную войну на море?

МУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я утверждал, что германский военно-морской флот вел войну очень честно. К нему не имеет никакого отношения факт, значащийся в дневнике штаба военно-морского флота, взятый Вами из сводки командования вооруженных сил и состоящий в том, что два солдата были расстреляны, что этот расстрел произведен согласно особого приказа фюрера, но, как добавляет штаб военно-морского флота, является новшеством в истории ведения морской войны. Так же и ...

Г-н ДЖОНС: Я перехожу к другому вопросу. Но Вы говорите в общем...

МУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Позвольте добавить в заключение, что сказанное в постскриптуме можно считать фактом и что Редер в этом случае не имел никакого влияния на положение вещей. Если Вы меня спросите, одобрил бы я этот приказ, или что-либо подобное, то я сообщил бы Вам свою собственную точку зрения в вопросах, которые мы обсуждали вместе с Редером.

Г-н ДЖОНС: Но Вы же знаете, что Редер был главнокомандующим военно-морским флотом. Кто же тогда мог иметь влияние в Германии, если не главнокомандующий. В данном случае дело касалось непосредственно чести германских вооруженных сил, и несмотря на то, что этим двум английским морякам было отказано

11645

H1203 – 0324

H1203 – 0325

в защите, которую им обязаны были предоставить согласно Женевской конвенции, он продолжал оставаться на своем посту после того, как они были преднамеренно убиты.

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я должен сказать по этому поводу следующее: в этой войне впервые применялась новая форма борьбы - диверсия, осуществлявшаяся путем переброски воздушных десантов через линию фронта и прочее.

Г-н ДЖОНС: Подождите минуту. Это были военные моряки, одетые в форму. Ваша собственная запись в дневнике военных действий штаба военно-морского флота говорит об этом.

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я хотел бы сказать кое-что относительно приказа, который был издан до этого. Преамбула этого приказа гласит: Ознакомившись с приказами, отданными солдатам союзников... или... я не помню сейчас точно текста... В данном им приказе говорится, что при выполнении своей работы, во время так называемого налета, они не должны возиться с немецкими пленными и не обременять себя ими, а расстреливать их.

Само собой разумеется, я говорил по этому вопросу с Редером, и я могу сказать только свою собственную точку зрения: Я считал преамбулу этого приказа достоверной, так как полагаю, что если прибегаешь к диверсии в тылу войск противника, то, конечно, не следует обременять себя пленными, ибо в противном случае совершенно исключается момент внезапности.

Если какая-нибудь группа в 4-5 человек участвует в операциях с целью нанесения ущерба в тылу войск, за линией фронта, то она на самом деле не имеет возможности обременять себя пленными без того, чтобы не подвергать себя опасности быть раньше времени расстрелянными или разоблаченными. Поэтому я

считал эту преамбулу правдоподобной и высказал это.

Г-н ДЖОНС: И Вы думаете, что поэтому расстрел двух английских моряков полностью оправдан? Такова Ваша точка зрения по этому вопросу, - не так ли? Скажите лишь - "да" или "нет", я не буду с Вами спорить.

ЛУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я этого ни коим образом не утверждал, а только указал на то, что об этом факте мы узнали лишь из сводки командования вооруженных сил, причем ни у Редера, ни у кого другого не спрашивали их мнения. Это я установил.

Г-н ДЖОНС: Хорошо. Я перехожу к последнему вопросу, по которому я хочу Вас спросить. Вы заявили в своих показаниях, что по Вашему мнению Германия вела честную войну на море. Я хочу, чтобы Вы посмотрели на новый документ Д-873, который я представляю за номером ВВ-481, это выдержка из судового журнала подводной лодки У-71, датированная 21 июня 1941 года, когда подсудимый Редер был главнокома дующим германским военно-морским флотом. Выдержка гласит:

"Замечена спасательная шлюпка норвежского мототанкера "Джон Педерсон", идущая под парусом. Трое оставшихся в живых людей лежали в изнеможении под брезентом и дали о себе знать только тогда, когда подводная лодка уже прошла мимо них. Они заявили, что их судно было торпедировано 28 дней тому назад. Я отклонил их просьбу взять их на борт, но снабдил их продовольствием и водой и указал им курс на побережье Исландии и расстояние до него. Шлюпка и ее экипаж были в таком состоянии, что при стоявшей тогда погоде шансы на спасение были очень слабыми. Подпись: Фляксенберг".

Вы так представляете себе честную войну на море?

11647

H1203 – 0326

H1203 – 0327

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я констатирую, что при неблагоприятной погоде, при которой, по словам командира подводной лодки, не было никакой надежды на спасение, он не мог сделать больше того, чем он сделал. Он передал им провиант и указал им курс. И не вижу, что здесь нечеловеческого? Если бы он просто не снабдив их провиантом, не указав им пути, то в таком случае можно бы было возводить подобное обвинение.

Г-н ДЖОНС: Но он мог взять их на борт, Вы понимаете, их было только три человека, которые...

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет, мне кажется, Вы не в состоянии говорить так. Так может сказать лишь только командир подводной лодки, управляющий ею. Я должен посмотреть, какая была погода. Здесь стоит...

Г-н ДЖОНС: Но из выдержки Вы видите, что командир подводной лодки говорил с этими людьми, и физически была возможность взять их на борт, но он оставил их на волю судьбы, зная очень хорошо, что он обрекал их на смерть. Это Вы понимаете!

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет, это не так. Если бы он это хотел сделать, он не дал бы им провианта и не сообщил курса. На каком основании Вы заключаете, что этим он обрекал их на смерть? Впрочем...

Г-н ДЖОНС: Последняя фраза ясно свидетельствует о том, что командир подводной лодки знал, что он обрекал их на смерть. Я утверждаю, что он мог взять их на борт и сделал бы это, если в нем была хоть крупица человечности.

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я не знаю, в каком состоянии находилась

подводная лодка, могла она взять к себе на борт еще людей или нет. Я думаю бы ни когда не видели условий на подводной лодке. В противном случае бы бы так не говорили. Ее экипаж в течение нескольких недель находится под водой и день и ночь подвергаясь величайшим опасностям. На лодке нет ни сантиметра свободного места. И тут нельзя сказать, что человечнее было бы взять еще троих людей на борт. Кроме того, он сам сказал, что при той погоде вряд-ли имелись перспективы на успех спасения.

Г-н ДЖОНС: Милорд, у меня больше нет вопросов.

ЭТМЕРС /защитник подсудимого Редера/: Господин адмирал, я хотел бы коснуться некоторых вопросов, которые были затронуты мистером Джонсом.

Вам сейчас пред"являли документ Аствана от 10 октября 1939 года, его запись от 10 октября, где, якобы, говорится, что Редер намеревался занять Норвегию для того, чтобы овладеть норвежскими военно-морскими базами. Я сейчас оглашу Вам полный текст этой записи и попрошу высказаться по поводу ее.

"Фюрер согласен с тем, что пока не следует использовать оба линкора, которые в настоящее время являются единственными. Россия предложила базы в Мурманске?

"По вопросу осады Англии фюрер и главнокомандующий военно-морским флотом пришли к общему соглашению, что все требования нейтральных стран должны быть отклонены, даже и в случае угрозы вступления в войну Америки, вступление, которое в течение войны определенно станет фактом".

"Чем суровее мы будем вести войну, тем скорее скажется результат, тем короче будет война".

11649

H1203 – 0328

H1203 – 0329

"Возможно эти наметки широкой программы строительства: Из политических соображений исходя, фюрер отклонил предложение строить подводные лодки в Советской России или закупать их у нее. Главнокомандующий военно-морским флотом заявил, что завоевание бельгийского побережья не дает никаких преимуществ в подводной войне, но указал на выгоду приобретения норвежских баз Трондгейма при помощи нажима со стороны русских. Фюрер хотел рассмотреть этот вопрос".

Господин адмирал, что Вы скажете, можно ли из этой записи сделать вывод, что здесь говорится об окончательном разрешении норвежской проблемы?

ЙУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет, совершенно нет.

ЭММЕРС: Верно ли, что в этой записи разбираются многие вопросы и только один — стратегический относительно Норвегии..

Г-н ДЖОНС: Милорд, в устном переводе было сказано: "Не дает никаких преимуществ в подводной войне, но указал на выгоду приобретения норвежских баз". А в письменном переводе документа говорится: "Редер подчеркивает важность захвата норвежских баз".

Я не говорю об этом в каком-либо критическом плане, но, пожалуй, было бы очень важно иметь точный перевод этой записи из дневника.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой... присвоили Вы этому документу номер доказательства?

Г-н ДЖОНС: Нет, милорд. Это - выдержки из дневника Асмана.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я это знаю. Но я хочу знать номер документального доказательства.

Г-н ДЖОНС: Милорд, сегодня вечером я займусь тем, чтобы была извлечена эта выдержка и чтобы ей был присвоен номер документального доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это должно быть доказательство ВВ-482 - не так ли?

Г-н ДЖОНС: Да, милорд, совершенно правильно; ВВ-482.

ЭЙМЕРС: Господин председатель, странно, - я читаю тот же самый документ и меня удивляет, почему это в данном случае не совпадает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вам следовало бы сейчас заняться вопросом о переводе и внести соответствующие поправки.

Г-н ДЖОНС: Да, милорд.

ЭЙМЕРС: Во всяком случае, господин адмирал, обе записи - от 10 октября, то-есть об одном и том же совещании. На основании этих записей я делаю вывод, что на совещании обсуждались многочисленные стратегические вопросы, но ни об одном из них нельзя сказать, что он разрешен полностью и окончательно.

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Мне кажется, что этот комплекс вопросов не имеет ничего общего с детальным обсуждением Редера и Гитлера проблемы о занятии Норвегии. Касались норвежского вопроса; оккупации как таковой и ряда пунктов, связанных с ней, помотив, к которым Редер занес в свою записную книжку. Независимо от вопроса о том, есть необходимость в занятии Норвегии или нет, - совершенно случайно в тот же самый день обсуждалась возможность занятия баз вне германской территории.

ЭЙМЕРС: В этой связи говорилось о Мурманске, предложенном Россией?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да, говорилось о всем побережье, начиная

11651

H1203 – 0330

H1203 – 0331

от России и кончая Бельгией, то-есть о всех пунктах, о которых могла итти речь как о базах для наших подводных лодок в случае ведения подводной войны.

ЗИММРС: Если в дневнике военных действий в записи относительно совещания Редера с Гитлером какое-то предложение взято в кавычки, то значит ли это, что Гитлер действительно употребил его и оно дословно цитируется. Верно это?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Если...

Г-н ДЖОНС: Милорд, перевод сверен, и документ, гласящий: "Редер подчеркивает важность захвата норвежских баз", - является совершенно точным переводом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте, доктор Зиммрс.

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я понял, господин доктор... Должен я высказаться?

ЗИММРС: Да, имеете Вы что-нибудь сказать по этому вопросу?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да, я понял, что здесь было указано на то, что Редер, якобы, обратил внимание Гитлера на необходимость получения баз для подводных лодок, он в этой связи сказал о помощи со стороны русских и затем о возможности приобретения этих баз у Норвегии. Я не вижу в этом никаких агрессивных намерений.

ЗИММРС: Господин председатель, не будем терять времени. Я сейчас попросил доктора Кранцбиллера тоже проверить этот текст. В немецком тексте говорится /на что мне хотелось бы сейчас указать/: "Главнокомандующий военно-морским флотом... указал на выгоду приобретения норвежских баз". Это нечто иное по сравнению с английским текстом. Но может быть Вы мне разре-

жите вернуться к этому вопросу позднее.

Господин адмирал, мистер Джонс пред"явил Вам аффидевит Вальтера Гизе. Я был бы очень благодарен, если бы Вы еще раз вернулись к этому аффидевиту. Это - документ номер Д-722. В первой строчке его говорится:

"Я родился в Штеттине 24 ноября 1900 года в семье маляра Эрнста Гизе". Затем:

"Я сидел в приемной главнокомандующего в качестве помощника ад"втанта".

В том же абзаце имеется следующая фраза:

"В половине дня, после того, как были закончены доклады, ад"втант передал мне книгу протоколов, которую я должен был запереть в несгораемый шкаф".

На странице второй следует:

"Я лично мало встречался с главнокомандующим. Папе обычно заключалось в том, что я доставлял ему или, наоборот, принимал от него совершенно секретную корреспонденцию".

Скажите, правильно ли я считаю, что он был своего рода рассыльным?

ЮЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да, в свое время с целью сокращения офицерских должностей, мы посылали на большинство незначительных должностей гражданских лиц, о которых мы думали, что им можно доверять. Распоряжаться сейфом и хранить от него ключ - это было делом второго ад"втанта, должность которого позднее была упразднена. Гизе долго служил во флоте, был фельдфебелем, 12 лет служил во флоте секретарем и поэтому имел некоторые навыки в ведении делопроизводства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но все это изложено в документе. Если в

11653

H1203 – 0332

H1203 – 0333

документе есть какие-либо неточности, то Вы можете задать по ним вопрос. Но это все изложено в документе точно так, как говорит адмирал. Вы бесполезно тратите время Трибунала, повторяя все это.

ЭММЕРС: Господин председатель, мне кажется, что все то, о чем говорил м-р Джонс, также имеется в документе. Весь вопрос в том, как толковать этот документ. Внимание свидетеля было обращено на определенные пункты документа. Я прошу прощенья, если я ошибаюсь, но мне кажется, что и тоже имею право с своей стороны также указать на отдельные пункты его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если Вы хотите, укажите нам, на каких местах документа Вы останавливаетесь.

КУЛЬТЕ-МОЙТИНГ: Я буду краток.

Гизе не мог иметь точного представления о фактическом положении вещей, и если даже он не имел на то права, заглянул в протокол ад"ютанта, который не представлял собой стенограмм заседания, а был заметками ад"ютанта, которые он составлял себе для памяти, то он, не присутствуя лично на заседании, не мог иметь о последнем правильного представления. Сидя в приемной главнокомандующего, он не решал вопроса о том, кого допустить к нему, кого - нет. Это решал ад"ютант, то-есть я. Он даже не знал, кто проходил к главнокомандующему. Его утверждение, что такой человек, как Хагелин каждый раз бывал у Редера, а не у меня, очень смело или является только его предположением. Впрочем, Хагелин был у меня, может быть, 4-5 раз.

ЭММЕРС: Не кажется ли Вам, что Гизе присутствовал, когда Редер говорил с Гитлером?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Гизе? Нет, никогда. Гизе сидел в приемной у телефона.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зимерс, никто здесь не утверждал, что он там был. Господин Элвин Джонс не утверждал, что этот человек Гизе присутствовал при беседах между Редером и Фюрером или Редером и Хагелином.

ЗИМЕРС: Господин председатель, я сейчас сошлюсь на письменное показание, где на странице 3-й говорится:

"Согласно всему тому, что я узнал, я могу сказать, что идея этой операции исходила от Редера и встретила самое горячее одобрение со стороны Гитлера". Откуда он мог это знать?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Я должен подчеркнуть, что даже я, будучи начальником штаба, не присутствовал при этих переговорах, а господин Гизе все время должен был сидеть у телефона и не имел никакой возможности знакомиться с содержанием переговоров, разве только пускал в ход свою фантазию.

ЗИМЕРС: Этого достаточно, благодарю.

Я сейчас хотел бы перейти к документу Д-872. Это - дневник военных действий морского атташе в Японии, на основании которого Обвинение утверждает, что Вы знали, что 7 декабря Япония совершит нападение на Соединенные Штаты. Телеграмма, о которой здесь шла речь, судя по этому дневнику, была послана 6 декабря. Скажите, когда приблизительно поступила к Вам эта телеграмма?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Вы спрашиваете, когда ко мне лично?

ЗИМЕРС: К Вам лично или к Редеру?

11655

H1203 – 0334

H1203 – 0335

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Не раньше чем на следующее утро.

ЭММЕРС: То-есть 7 декабря.

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Это самое раннее. Она поступила к начальнику штаба военно-морских сил. Руководствуясь соображениями оперативного характера, он решал следует пред"явить эту телеграмму главнокомандующему, немедленно или некоторое время спустя.

ЭММЕРС: Господин адмирал, Вы помните этот документ?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да.

ЭММЕРС: Говорится ли в этом документе о Пирл-Харборе?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет, я пытался показать, что Пирл-Харбор вообще не имеет ничего общего с этим фактом, с телеграммой адмирала Денекера, и что Денекер мог пользоваться источниками информации и своими предположениями, которые он передал в телеграмме, не имея в подтверждение их никаких документов. Подобные телеграммы поступали всегда. Иногда содержащиеся в них предположения были верными, иногда нет.

ЭММЕРС: Господин адмирал, Обвинение пред"явило этот документ в доказательство того, что состоялись военные переговоры с Японией. Я, кажется, правильно понимаю, что это было лишь сообщением о том, что вероятность войны не исключена?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Конечно. Я уже пытался показать, что это не было военными переговорами между двумя штабами. Атташе должен был сообщать о всех важных поступавших к нему сведениях и проверять их достоверность.

ЭММЕРС: Вам был пред"явлен документ, который еще не был вручен, допрос Редера от 10 ноября 1945 года. Я хотел бы просить обратить Ваше внимание на страницу 5-ю внизу, а так же

на абзац на странице 6-й.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Элвин Джонс, этот документ должен иметь номер, не так ли?

Г-н ЭЛВИН ДЖОНС: Это доказательство ББ-483, милорд.

ЭММЕРС: На странице 5-й упоминается документ Ц-75. Не так ли?

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет.

ЭММЕРС: Мне кажется, господин адмирал, Вы ошибаетесь, или я ошибаюсь.

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: У меня английский текст. Вы имеете в виду английский текст?

ЭММЕРС: Да, да, английский текст, перевода на немецкий язык нет.

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Вы имеете в виду последний абзац?

ЭММЕРС: Да, да, последняя или предпоследняя строчка. Там очень плохо видно. Может быть, Вы не рассмотрели номер.

Господин председатель, это документ С-75. О нем здесь недавно говорилось. Следуя желанию Трибунала, я представляю этот документ, содержащий полный текст "Директивы № 24" о взаимодействии с Японией. Это будет документ Редер-128. Высочайший Суд, очевидно, помнит...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Этот документ, - Ц-75, уже представлен в качестве документального доказательства, был он представлен в качестве доказательства?

ЭММЕРС: Я сейчас его пред"являл, С-75.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, был ли он уже представлен? Был ли он уже представлен в качестве документального доказательства?

ЭММЕРС: Я хотел бы напомнить, что Обвинение этот доку-

H1203 – 0336

H1203 – 0337

мент уже представляло под № США-151.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это все, что я хотел знать. Если он уже был представлен, то ему не надо давать новый номер.

ЭЙМЕРС: Ему нужно дать новый номер, поскольку Обвинением был пред"явлена только I-я часть.

Г-н ДЖОНС: Он уже был предоставлен в качестве доказательства за номером США-151, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагал, доктор Эймерс, что мы не присваиваем новые номера частям тех документов, которые уже были представлены. Если документ уже был представлен, а Вы хотите использовать другую его часть, - номер остается старым. Это все.

ЭЙМЕРС: Но если Обвинение представило только первые три абзаца, я не могу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я знаю, я знаю это очень хорошо. Вы совершенно вправе пред"являть любую часть документа. Вопрос заключается только в том, какой номер ей следует присвоить, и я думаю, может быть я ошибаюсь, что вплоть до настоящего времени мы не присваивали новых номеров тем документам, которые уже были предоставлены, хотя это были другие части их них.

Г-н ДЖОНС: Милорд, что касается документа Ц-73, то подлинник его был предоставлен полностью как доказательство США-151, но лишь отрывки из подлинника были включены в английский документ, который был пред"явлен Суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, понимаю. Меня интересовал только номер документа. Этот документ уже имеет номер США-151, и я думаю, что, согласно нашей практике, и в дальнейшем за ним должен сохраниться этот номер. Вы можете пред"являть любую часть

его, если Вы этого хотите, и в таком случае вопрос заключается лишь в подготовке перевода; без сомнения Обвинение передаст этот текст в Бюро переводов, он будет переведен для Вас, но Вы пытаетесь присвоить ему новый номер. Это все.

ЭММЕРС: Очень прошу меня извинить, но меня совсем недавно просили еще раз предоставить этот документ. Вот откуда недоразумение. Поскольку я слышу, что документ был пред"явлен целиком, я не буду присваивать ему нового номера. Я прошу, чтобы на английском языке был предоставлен весь документ, а не первые две части его.

Господин адмирал, Вы нашли нужное место?

ЯУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да, но интересующее Вас место находится на 7-й странице, а не на 5-ой.

ЭММЕРС: Прошу прощения. Стало быть правильно, что протокол допроса упоминается в документе С-75.

ЯУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да.

ЭММЕРС: Документ С-75 - это "Директива № 24" о взаимодействии с Японией. Там говорится:

"Необходимо придерживаться следующих установок: "Общей целью войны считать поражение Англии в кратчайший срок, что сделает невозможным вступление Америки в войну".

В остальной части документа речь идет о том, о чем я уже говорил, а именно, что Япония должна занять Сингапур.

10 ноября 1945 года. Редер высказал свою точку зрения по поводу этого, и, согласно следующей странице документа, сказал то, что огласил Вам м-р Б.Джонс? Я просил бы Вас еще раз посмотреть на это место. Мне кажется, это страница 8-ая сверху.

11659

H1203 – 0338

H1203 – 0339

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Это на странице 7-й. Я не могу... Я не владею английским языком в такой же степени, как немецким, но я попытаюсь перевести...

"Если то, чего желает Япония...".

ЭММЕРС: Насколько я помню, там стоит слово "потребности"?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да. "Вещи, в которых нуждались японцы".

ЭММЕРС: "... другие вещи, в которых они нуждались". Таким образом, упомянутые здесь совещания Редера не являлись переговорами по стратегическим вопросам?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Две совершенно различных вещи.

ЭММЕРС: Ответ Редера касается чисто материальных вопросов?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да, чисто материальных вопросов.

ЭММЕРС: Благодарю.

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Впрочем, последние мы обсуждали не только с японским военно-морским флотом, но и с флотами всех других стран.

ЭММЕРС: Сейчас я перехожу к приказу о диверсионных группах, в отношении которого Вы уже говорили. Я хотел бы предварительно сказать Вам следующее:

Вам предъявляли документ Л-638, где говорится, что согласно военной сводке, расстреляны солдаты, одетые в форму, и что явившимся основанием их расстрела, приказ фюрера, представляет собой нечто новое в международном праве. Мне кажется, что о самом расстреле доложил командующий военно-морским флотом Западной Франции, и его сообщение было помещено в военной сводке. Автор дневника военных действий вписал: Новшество в международном праве.

Я сам - не военный человек, но я хотел бы Вас спросить:

Стали ли бы Вы рассматривать это замечание как критику приказа?

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Мне кажется, что на этот вопрос нужно ответить так: Как правило, случаи эвакуации не заносились в дневник военных действий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не считаю, что мы должны углубляться в вопрос о том, думает ли он, что эта выдержка представляет собой критику этого приказа.

ЭЙМЕРС: Оставим этот вопрос, господин адмирал. Вернемся к фактам. Обвинение утверждает, что солдаты были одеты в форму. В сводке командования вооруженных сил от 9 декабря сообщалось о их расстреле. Но, как я уже указывал, расстрел был произведен II декабря.

Сейчас я хотел бы пред"явить Вам документ УК-57 и обратить Ваше внимание на пункт 4-й второго абзаца. Заголовок пункта 4-го гласит:

"Акты диверсий против германских судов в Бордо от 12 декабря 1942 года". Ниже говорится:

"Участники, высадившись из подводной лодки по два человека, уселись в маленькие лодки и направились в вверх по течению в устье Жиронды. Они были одеты в специальную форму зеленовато-серого цвета. Проведя взрывы, они потопили лодки и пытались переодевшись в гражданское платье, с помощью французского гражданского населения бежать в Испанию".

Эти солдаты действовали корректно, так, как этого требуют принципы международного права?

ПУЛЬТЕ-МОНТИНГ: По моему мнению, нет.

H1203 – 0340

H1203 – 0341

ЭММЕРС: В таком случае у меня нет больше вопросов.

НУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Если бы их совесть была чиста, им бы не нужно было одевать гражданское платье.

ЭММЕРС: Прошу извинения, один последний вопрос:

Вы лично, будучи в штабе военно-морского флота, были поставлены в известность об этом расстреле до того, как он последовал непосредственно по приказу фюрера?

НУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет, нас ни о чем не запрашивали и в известность нас не ставили.

КРАНЦБЮЛЛЕР /защитник подсудимого Деница/: Господин председатель, здесь возник вопрос о том, правильно ли был переведен документ, в котором говорилось о Норвегии. Я сейчас установлю номер этого документа. Английский перевод этого документа, который находится у меня в руках, не совпадает с немецким оригиналом, причем расхождения очень большие. Это документ ВВ-482.

Я зачитывал немецкий текст, который по моему мнению не соответствует английскому переводу.

"Главнокомандующий военно-морским флотом заявил, что завоевание бельгийского побережья не даст нам никаких преимуществ в подводной войне; но указал на выгоду приобретения норвежских баз /Тронхейм/ при помощи нажима со стороны русских. Фюрер хотел рассмотреть этот вопрос".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кранцбюллер, на самом деле, разве мы не сэкономим время, если мы передадим фразу, которая, очевидно, неправильно переведена специалистам в бюро перевода? Этот вопрос не стоит того, чтобы на него тратить время.

КРАНЦБЮЛЛЕР: Прошу прощения, но мне не было известно, что

этот перевод будет проверен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю, что лучше будет, если его проверят и правильность перевода заверят.

КРАНЦБЮЛЛЕР: Прошу прощения, господин председатель.

Господин председатель, у меня будет еще один вопрос к этому свидетелю.

Господин адмирал, Вам пред"являлся документ Д-873. Это - судовой журнал подводной лодки У-71, где говорится о снабжении трех норвежцев, находившихся на спасательной плотике. Запись сделана 21 июня. Я пред"явил Трибуналу документ под № "Дениц-13", 23-я страница моей книги документов, представляющий собой заявление упоминавшегося здесь командира Флаксенберга. Согласно этому заявлению, лодка вышла 14 июня и находилась к западу от Норвегии.

Можете Вы мне сказать, эта лодка выйдя 21 июня в море, направлялась на операцию или возвращалась с операции?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Вы хотите, чтобы я сказал это по памяти?

КРАНЦБЮЛЛЕР: Нет, если Вы помните, что 14 июня она вышла, 21-го сделана запись.

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Да, вышла.

КРАНЦБЮЛЛЕР: Насколько Вам известно, это была лодка водоизмещением в 500 тонн. В состоянии ли такая подводная лодка проводить операции в течение нескольких недель, если у нее на борту будет дополнительно три человека?

КУЛЬТЕ-МОНТИНГ: Нет, мне кажется, что нет. Я не считаю себя в достаточной мере специалистом, чтобы точно сказать, какое значение имело бы для лодки увеличение ее веса благодаря присутствию на борту еще трех человек. Однако, несмотря

H1203 – 0342

H1203 – 0343

на это, мне кажется, что такая маленькая лодка, которая отправляется в плавание для совершения операций, не может обременять себя еще и пленными. Я считаю это невозможным.

КРАНЦБЮЛЛЕР: Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться.

ЭЙМЕРС: Господин председатель, в соответствии с тем заявлением, которое я сделал в начале разбирательства моего дела, я уже предоставил большую часть своих документов во время допроса.

С разрешения Суда я постараюсь сейчас быстро с небольшими комментариями пред"явить остальные документы.

Я пред"являю документ "Редер, № 18", выдержка из книги Черчилля "Великие современники", 2-я книга документов, страница 105. Это выдержка из книги, которую Черчилль написал в 1939 году. Я просил бы принять к сведению содержание этой выдержки. Черчилль указывает на то, что имеются две возможности, что никто не знает, окажется ли Гитлер тем человеком, который в конце концов развяжет мировую войну, или он окажется человеком, который обеспечит великой германской нации честь и мир и здоровой, сильной и готовой и помощи возвратит ее на первое место европейской семьи народов.

В документе Редер-20 я предоставляю выдержку из книги Гитлера "Майн кампф", помня слова представителей обвинения, которые утверждали, что из этой книги можно сделать вывод о намерениях Гитлера вести агрессивную войну. Я думаю, что в своей защитительной речи мне удастся показать, как много выводов можно сделать из этой книги.

Я обращаю Ваше внимание на следующую цитату. На странице

I54:

"Для такой политики в Европе имелся только один союзник - Англия".

Документ Редер-2I представляет собой выдержку из речи фюрера в немецком рейхстаге от 26 апреля I942 года. С помощью этого документа я хочу показать, как ограничивались права в Германии и как с каждым днем усиливалась диктатура. В книге документов № 3, прошу прощения, в книге документов № 4 содержится документ Редер-65, выдержка из Гаагской конвенции о правах и обязанностях нейтральных стран в случае морской войны, которую я привожу для облегчения своей аргументации, и которую я использую в своей защитительной речи вместе с документом Редер-66, заключением доктора Мосслера, помещенным в книге документов № 4, страница 289.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Можете Вы назвать нам страницу?

Д-р ЗИМЕРС: Страница 289, господин председатель, первая страница 4-ой книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

ЗИМЕРС: Затем я прошу взять книгу документов № 5, так как все остальные документы уже представлены. Я предъявляю документ Редер-I00, книга документов № 5, страница 437. Этот документ представляет собой выдержку из Белой книги, а именно, совершенно секретный протокол заседания французского военного комитета от 9 апреля I940 года. На заседании присутствовали: Рейно, Даладье, Гамелен, генерал Георгис, министр воздушного флота, министр военно-морского флота, министр колоний. Обсуждалось предложение адмирала Дарлана о вступлении

11665

H1203 – 0344

H1203 – 0345

войск в Бельгию. Предложение было поддержано генералом Гамеленом, военным министром и министром обороны. На странице 442 речь идет о вступлении войск на территорию Голландии и, наконец, о Люксембурге. Я не хотел бы сейчас касаться деталей этого документа, так как Суд имел возможность в процессе обсуждений ознакомиться с содержанием отдельных документов. Поэтому я прошу Суд принять их к сведению. Мне хотелось бы указать лишь на то, что на странице 443 этого очень длинного документа говорится о занятии порта Нарвик и о намерении прибрать к рукам заводы в Даловаре.

Затем я предоставляю документ Редер-102, который находится в той же книге документов на странице 449. Этот документ предоставляет собой приказ № 2 по бельгийскому гренадерскому полку от 13 апреля 1940 года, касавшийся данных о войсках дружественных стран и об укрепленных позициях. Из документа явствует, что войска дружественных стран - это войска союзников.

Затем я перехожу к документу Редер-103, на странице 452-й, французский документ главной ставки от 16 апреля 1940 года относительно мероприятий по организации железнодорожных перевозок французских войск в Бельгию. Я прошу Суд принять к сведению все эти документы, которые я не намерен в здесь оглашать. То же и документ Редер-104, книга документов № 5, страница 455-я. Этот документ предоставляет собой приказ по 2-й английской дивизии относительно мероприятий по безопасности в Бельгии, приказ от 19 апреля 1940 года. Документ содержит распоряжение подобное тому, которое Обвинение уже пред"являло, а именно, распоряжение об установлении

контакта с бельгийскими гражданскими учреждениями.

Я перехожу к следующему документу - Редер-105, книга документов 5, страница 459 - показание люксембургского подданного, из которого явствует, что 200 французских солдат, одетых в форму, на танках перешли границу Бельгии за 7 дней до начала военных действий между ней и Германией.

Высочайший Суд, сначала я не имел намерения распространяться здесь о личности моего подзащитного, поскольку я считал, что гросс-адмирал Редер пользовался общим уважением и признанием как за границей, так и в самой Германии. Первое досье против Редера не поколебало моего намерения. Но незадолго до его пред"явления оно было сильно изменено. Досье приобрело значительно более резкую форму и содержит обвинения, сильно задевшие и оскорбившие честь Редера. Я не сомневаюсь, что при этих условиях Суд разрешит мне пред"явить некоторые документы, касающиеся личности Редера.

Я пред"являю документ № II9 из книги документов УI, страница 5I4-а, письмо госпожи фон Повер на мое имя. Это не аффидевит, и я преднамеренно пред"явлю именно подлинник этого письма, поскольку он, по моему мнению, составляет в своем первоначальном виде более сильное впечатление, чем аффидевит, о составлении которого я как адвокат должен был бы просить. Так же обстоит дело с письмо профессора доктора Зейбта, который сам по собственной инициативе прислал мне это письмо.

Я предоставляю документ под номером Редер-I20, книга документов УI, страница 5I7. Я был бы очень благодарен Суду, если бы он принял этот документ к сведению. В целях экономии

11667

H1203 – 0346

H1203 – 0347

времени я должен отказаться от его оглашения, поскольку он занимает 6 страниц.

Затем я предоставляю документ Редер-122, книга документов 6, страница 526. Это - письмо господина Эрика Каца, которое я пред"являю со всеми относящимися к нему приложениями, и прошу принять их к сведению. Это письмо указывает на один из случаев, когда Редер, используя свое влияние, свое служебное положение, употребив бланк со штампом "Начальник штаба военно-морских сил" по собственному желанию энергично вступился за господина Каца, на которого напали потому, что он был еврей. Редер действительно защитил его. Господин Кац по собственной инициативе прислал мне эти документы исключительно с целью выразить свою благодарность.

В качестве следующего документа я пред"являю документ Редер-123. Это - письмо Гюнтера Якобсона, написанное по такому же поводу. Я не просил его. Якобсон сам обратился ко мне, чтобы засвидетельствовать тот факт, что Редер спас его отца, еврея, который был обвинен в смешении рас и должен был быть отправлен в концентрационный лагерь в Фалькенбейтель, бывший тогда еще просто тюрьмой. Редер помог ему эмигрировать в Англию, где он проживает до сих пор.

В качестве документа № 124 я пред"являю аффидевит...

РУДЕНКО: Господин председатель, я должен сделать следующее заявление. Все четыре документа, названные сейчас доктором Зимерсом, представляют собой чистые письма от отдельных лиц в адрес доктора Зимерса. Это - не показания, данные под присягой, это - не ответы, данные при опросе тех или иных лиц.

Эти документы вызывают сомнение с точки зрения их доказательной силы и с точки зрения того, могут ли они быть допущены как доказательства. Мы получаем очень много писем, и если бы мы представляли их Трибуналу, было бы очень трудно разобраться, где правда, где неправда, и имеют ли они доказательную силу.

Я высказывался против того, чтобы эти документы были приобщены как доказательство по делу Редера.

ЭММЕРС: Господин председатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не считает, что этот вопрос является достаточно важным для того, чтобы настаивать на том, чтобы показания давались под присягой. Документы принимаются.

ЭММЕРС: Я постараюсь и пред"явлю потом Суду эти документы. Я понимаю.

В качестве документа № I24 я пред"являю аффидевит Конрада Лоттера. Этот аффидевит очень короткий, и с разрешения Суда я хотел бы зачитать его.

"Гросс-адмирал всегда являлся для меня человеком, который воплощал в себе лучшие традиции старого императорского военно-морского флота. В первую очередь это касается его мировоззрения. Как человек и офицер он был самым лучшим примером, который только можно себе представить.

В I94I году, когда в Баварии со всей яростью начали проводить антихристианскую политику гитлеровского режима, когда начали закрывать монастыри и в воспитании молодежи начала резко проявляться нетерпимость в отношении любого вероисповедания, - я послал гросс-адмиралу Редеру письмо на I2 страницах, в котором я изложил свои возражения против этой поли-

11689

H1203 - 0348

H1203 – 0349

тики. Гросс-адмирал Редер немедленно занялся этим вопросом. Благодаря его посредничеству я был вызван к гауляйтеру и министру внутренних дел Вагнеру в Мюнхен. После ряда переговоров между церковными, государственными и партийными органами было достигнуто соглашение, в результате которого в школах продолжали читать молитвы, в них были оставлены распятия и т.д. Кроме того, 59 священников, приговоренных к денежному штрафу в размере 500 марок каждый, были освобождены от него.

Было прекращено закрытие монастырей. Гауляйтер Вагнер был вызван в Берлин...".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зимерс, недавно мы читали все эти документы.

ЗИМЕРС: Прошу прощения. Остальную часть документа я прошу также принять к сведению. И последние документы, которые я намерен пред"явить - это Редер-I25 и Редер № I26.

Редер-I25 представляет собой аффидевит бывшего имперского министра обороны доктора Отто Гесслера, а Редер-I26 - аффидевит Рониебергера. Я прошу принять эти документы к сведению.

Относительно короткого аффидевита Гесслера я прошу разрешить мне огласить его, потому что в нем содержится не только характеристика личности Редера, но и данные, опровергающие обвинение.

"Я, доктор Отто Гесслер, лично знаком с бывшим гросс-адмиралом Редером примерно с середины двадцатых годов. Тогда Редер был инспектором по боевой подготовке военно-морских сил. Я всегда знал Редера как человека безупречного, с рыцарскими

взглядами, человека, сознающего свой долг. Что касается вопросов, поставленных Обвинением, то я знаю очень немногое.

Когда после моего освобождения из-под ареста гестапо в марте 1945 года я находился в больнице Гедвига в Берлине, Редер неоднократно посещал меня и позаботился об отправке меня домой, так как я был болен и совершенно обессилен. При наших встречах я рассказал ему о том, как жестоко обращались со мной и особенно о пытках. Он был очень явно удивлен и возмущен. Он сказал, что доложит об этом фюреру. Я просил его не делать этого, так как до пыток мне было официально заявлено, что все делается согласно определенному приказу Гитлера. К тому же мне было точно известно, что я был бы снова арестован, так как при моем освобождении я дал известную подписку. Я даже не мог добиться получения справки о моем аресте, необходимой мне для покупки билета на проезд домой.

О тайном вооружении военно-морских сил я ничего не знал как во время исполнения своих служебных обязанностей, так и потом. Во время моей службы /до января месяца 1928 года/ гросс-адмирал не был ни за что ответственным, так как он не стоял во главе военно-морского флота.

В период национал-социалистского режима мое бывшее ведомство игнорировало меня или умаляло меня в моих интересах. Исключением был Редер; между прочим до 1939 года он три раза приглашал меня посетить крейсер "Нюрнберг", несмотря на то, что я два раза отказывался от его приглашения. В июне 1939 года он сам приехал в Киль засвидетельствовать свое почтение. При этом мы беседовали о политической обстановке. Я высказал опасение, что нападение на Польшу может означать

11671

H1203 – 0350

H1203 – 0351

начало европейской войны. Редер заявил определенно, что он считает всякую возможность нападения Гитлера на Польшу исключенной. Когда позднее это все-таки случилось, он об"яснил мне этот факт тем, что Гитлер любил ставить даже высокое военное начальство перед совершившимся фактом".

Затем идет подтверждение под присягой правильности данных показаний и подпись нотариуса.

Что касается последнего документа, то, учитывая, что сейчас уже поздно, я прошу только принять его к сведению. Он представляет собой общий обзор по вопросам церкви и о положении священников в частях военно-морского флота.

Господин председатель, я могу считать почти законченным свое представление доказательств. И еще не получил ответа на два опросных листа и прошу разрешения представить их позднее, когда они поступят. Кроме того, я не допросил утвержденного в качестве свидетеля адмирала флота Вёма, который до сих пор не явился по причине своей болезни. Английская делегация в лице сэра Дэвида любезно согласилась, чтобы я допросил этого свидетеля позднее. Я просил бы Суд разрешить мне допросить адмирала флота Вёма после его выздоровления. Я хочу предупредить заранее, что комплекс вопросов, по которым я буду допрашивать его, не велик и не займет так много времени, как допрос адмирала Нульте-Монтинга.

На этом я хотел бы закончить представление доказательств по делу подсудимого гросс-адмирала Редера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об"являет перерыв.

/Об"является перерыв до 10 часов утра 23 мая/

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 23 мая 1946 г.

Утреннее заседание.

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что касается документов подсудимого Зейсс-Инкварта, то Трибунал разрешил использовать следующие документы, против которых было выдвинуто возражение: №№ 11, 47, 48, 50, 54 и 71. Остальная часть документов, против которых были выдвинуты возражения, отклонена Трибуналом. Я сейчас перечислю их. Это документы под номерами: 5, 10, 14, 19б, 21, 22, 27, 31, 39, 55, 60, 61, 68, 69. Это все.

Г-н ДЮБОСТ. Господа, вчера вечером, в конце заседания, защитник адмирала Редера представил некоторое количество документов, среди которых был документ № 105 из 5-й книги документов. Этот документ является выдержкой из "Белой книги" германской политики. Это - свидетельское показание люксембургского гражданина, старика, 72 лет, который находился только 6 месяцев в Бельгии; он утверждает, что встретил в апреле 1940 года 200 французских солдат в Бельгии и что эти солдаты, которых он называет французами, были вооружены. Я испросил у Трибунала разрешения возразить против этого документа из "Белой книги". Оригинал этого документа никогда не был здесь представлен, и включен в "Белую книгу" так же, как и остальные документы. Необходимо, чтобы от имени Франции и Бельгии был заявлен категорический протест против такого утверждения. Никогда в Бельгию не входили войска Франции, за исключением только войск, входивших в состав германской армии.

Из 5-й книги документов Редера можно узнать, почему получилась эта ошибка в свидетельских показаниях этого старика. Я указал уже Трибуналу, что этот старик 72 лет, люксембуржец,

H1203 – 0352

H1203 – 0353

на поставленный ему германскими властями вопрос с тем, чтобы узнать, каким образом он признал в солдатах, которых он видел, французов, ответил:

"Я точно узнал, что это были французы, так как я хорошо знаю форму, которую они носят. Кроме того, я узнал, что это были французы, потому, что я разговаривал с ними, и узнал это по языку, на котором они говорили".

Что касается военной формы, то Трибуналу известно, что во время происходивших событий бельгийская армия носила такого же цвета форму, как и французская армия, и носила такую же каску. Что касается языка, то Трибуналу также известно, что большая часть бельгийского населения, которая живет на границе с Люксембургом, говорит по-французски и поэтому бельгийские солдаты, которые были мобилизованы в этих районах, также говорят по-французски.

Наконец, Трибунал помнит, что этот свидетель- старик - находился только в течение шести месяцев в Бельгии и, очевидно, у него не было личного опыта, позволившего бы ему узнавать о событиях, происходивших в Бельгии; он плохо знаком с бельгийской армией. Мы должны заявить от имени Бельгии и Франции, что в 1940 г. никаких французских войск не проникало на территорию Бельгии и те, кто пытался туда проникнуть, были интернированы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /обращается к защитнику Зимерсу/. Да, пожалуйста, доктор Зимерс.

ЗИММЕРС. Господа судьи, разрешите кратко напомнить вам следующее: В данном случае речь идет о документе из "Белой книги", относительно которого Суд уже вынес решение, разрешив мне представить его. Я ходатайствую о том, чтобы на Обвинение возложили обязанность пред"явить подлинник документа, если Обвинение оспаривает достоверность этого

документа. Мое требование соответствует решению суда, гласящему, что следует подать ходатайство о пред"явлении подлинника, если таковой имеется, или об истребовании подлинника у того лица, которое располагает им. Насколько мне известно, этим подлинником располагает Обвинение, так как все подлинники находились в министерстве иностранных дел в Берлине и все подлинники документов, помещенных в этих "Белых книгах", попали в руки союзников.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что вы подразумеваете под "подлинником"? По-моему, подлинник этого документа - это сама "Белая книга". Вы это имеете в виду?

ЗИММЕРС. Да. В данном случае, господин председатель, я имею в виду подлинник этого судебного протокола.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это документ из "Белой книги", я полагаю, что он был отпечатан. Я не думаю, чтобы он содержал подлинник показаний, данных этим люксембуржцем.

ЗИММЕРС. "Белая книга" представляет собой подборку многочисленных документов, подлинники отдельных документов хранились в министерстве иностранных дел; раньше это были частично материал у французского генерального штаба, частично судебные протоколы. Что касается содержания этого документа, то...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Дюбост, вы не предлагаете исключить этот документ из протокола, но Трибунал, конечно, примет во внимание те факты, на которые вы обратили наше внимание.

ДЮБОСТ. Это является также протестом против утверждения защиты о том, что французские солдаты нарушили нейтралитет Бельгии. С разрешения Трибунала, я хочу сделать некоторое добавление. "Белая книга", которая сейчас находится у меня, состоит из двух частей. В первой части воспроизводятся все

H1203 – 0354

H1203 – 0355

тексты документов и во второй части есть фотокопии текстов. В первой части, где воспроизводится содержание текстов, есть документ, о котором мы ходатайствуем, чтобы он был отклонен. Среди фотокопий документ этот не воспроизводится. Это позволяет нам заявить Трибуналу, что оригинал документа, о котором мы просим Трибунал, чтобы он был исключен, не воспроизведен в этой "Белой книге", так как его нет во второй части среди фотокопий.

ЗИММЕРС. Господин председатель, мне кажется, что в своем выступлении господин Дюбост касается вопроса о доказательной силе этого документа, а не вопроса о том, следует ли допустить этот документ. Мне кажется, что не может быть никаких сомнений, что документ оформлен надлежащим образом, так как это судебный протокол, в котором зафиксирован допрос определенного лица, а именно Конжене. Все, о чем говорил г-н Дюбост , относилось больше к содержанию документа, чем к вопросу о его доказательной силе. Я прошу поэтому допустить этот документ, как уже было сделано раньше, и прошу обратить внимание на то, что этот документ имеет определенную ценность в связи с другими документами, пред"явить которые было разрешено мне и господину Горну в его книге документов на тему о Бельгии и Голландии. Если в книге документов во второй части не имеется фотокопии...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зиммерс и господин Дюбост, Трибунал рассмотрит выдвинутые вами возражения.

ЗИММЕРС. Я хотел бы еще заметить, господин председатель, что фотокопия, о которой говорил господин Дюбост, не содержится в "Белой книге" , потому, что подлинник вышеупомянутого судебного протокола составлен на немецком языке, а факсимиле, имеющееся в книге, представляют собою факсимиле с французских текстов, т.е. тех документов, подлинниками

которых составлены на французском языке; в случае необходимости я могу сослаться на тайного советника фон Шнидена, как на свидетеля, который может дать показания об этом протоколе, так как он в свое время был осведомлен о всех протоколах такого рода и принимал участие в составлении подборки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо, Трибунал рассмотрит этот вопрос.

КРАНЦБЮЛЕР. Господин председатель, с разрешения Суда, я хотел заявить, что в моем распоряжении имеются ответы на вопросы, заданные главнокомандующим американским флотом адмиралу Нимицу. Эти ответы я получил позавчера и они в этот промежуток времени были направлены в Бюро переводчиков. Если Суд разрешит, то я пред"явлю эти ответы сейчас в связи с делом гросс-адмирала Деница и гросс-адмирала Редера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Обвинение ознакомилось с этим документом?

КРАНЦБЮЛЕР. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У вас имеются для нас копии этого документа?

КРАНЦБЮЛЕР. Да. Мне было сказано, что копии этого перевода были представлены суду через генерального секретаря.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. До тех пор, пока мы не получим копии, документ не должен быть оглашен. До тех пор, пока мы не получим копии этого документа, его оглашение должно быть отложено.

КРАНЦБЮЛЕР. Тут имеются две копии на английском языке и одна копия на французском языке.

Я пред"являю этот документ под № Дениц-100.

11677

H1203 – 0356

H1203 – 0357

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кранцбюлер, члены советской части Трибунала не имеют этого документа в переводе на их язык. Поэтому вы должны будете представить этот документ на более поздней стадии суда.

Намерен ли защитник подсудимого фон Шираха представлять свои материалы по защите?

ЗАУТЕР. Господа судьи! Я намереваюсь сначала провести допрос самого подсудимого Шираха и в рамках этого допроса по отдельным пунктам довести до Вашего сведения соответствующие места в книге документов. По окончании допроса самого подсудимого я намереваюсь вызвать четырех свидетелей, а в конце я собираюсь представить оставшееся число документов, если они не будут использованы во время допроса подсудимого Шираха. Я думаю, господин председатель, что вы согласны с тем, чтобы дело рассматривалось в такой последовательности. Я сначала вызываю к свидетельскому пульту Бальдура фон Шираха.

/К свидетельскому пульту подводят подсудимого Шираха./

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги.

"Я клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги./

~~ПРЕДСЕДАТЕЛЬ~~. Вы можете сесть.

ЗАУТЕР. Господин свидетель, когда вы родились?

/Пауза./

ШИРАХ. 9 мая 1907 года.

ЗАУТЕР. Таким образом,несколько дней тому назад, вам исполнилось 39 лет?

ШИРАХ. Да.

ЗАУТЕР. Вы уже женаты в течение четырнадцати лет?

ШИРАХ. Да.

ЗАУТЕР. У вас четверо детей в возрасте...

ШИРАХ. Да, в возрасте четырех, восьми, одиннадцати и тринадцати лет.

ЗАУТЕР. Вы занимали в Третьей Империи главным образом пост руководителя молодежи?

11679

H1203 – 0358

H1203 – 0359

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Какие должности Вы занимали в этой связи, а именно какие партийные и какие государственные должности? При этом укажите, пожалуйста, тут же, как долго Вы оставались на отдельных постах.

ШИРАХ: Я сначала, в 1929 году, был руководителем национал-социалистского студенческого союза, в 1931 году я стал имперским руководителем молодежи в НСДАП, сначала при штабе высшего руководства СА. В 1932 году я стал рейхслейтером по вопросам воспитания молодежи при НСДАП, в 1933 г. я — руководитель молодежи германской империи, сначала под руководством министра внутренних дел Фрика. В 1934 году я занимал ту же должность, подчинялся имперскому министру по вопросам воспитания Русту. В 1936 году ведомство руководителя молодежи германской империи стало высшим имперским учреждением и я, занимая такую должность, непосредственно подчинялся фюреру и рейхсканцлеру.

ЗАУТЕР: Какие из перечисленных вами должностей были партийными должностями и какие государственными?

ШИРАХ: Партийными должностями являлись пост имперского руководителя молодежи при НСДАП и пост рейхслейтера по вопросам воспитания молодежи. Государственными должностями являлись пост руководителя молодежи германской империи, сначала в подчинении министра внутренних дел, а затем министра по вопросам воспитания, потом этот же пост, но с самостоятельным значением.

ЗАУТЕР: В 1940 году, господин свидетель, Вы были частично освобождены от некоторых должностей? Какие должности вы утратили в руководстве молодежью в 1940 году и на каких должностях вы оставались до конца?

H1203 – 0360

ШИРАХ: В 1940 году я оставил непосредственное руководство молодежью, это значит, что я расстался с должностью имперского руководителя молодежи при НСДАП, но сохранил должность рейхслейтера по вопросам воспитания молодежи и тем самым взял на себя всю ответственность за воспитание германской молодежи; в качестве новой дополнительной должности я получил должность гауляйтера в Вене, которая была связана с государственным постом рейхсштатхальтера в Вене и с должностью имперского комиссара обороны в корпусном округе XVII.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, сначала вернемся к Вашей деятельности на посту руководителя молодежи.

Имеется Ваш аффидевит от 4 декабря 1945 года под номером ПС-3302. В этом аффидевите от 4 декабря 1945 года Вы заявили обвинению, что Вы считаете себя ответственным за все воспитание молодежи в третьей империи.

ШИРАХ: Это правильно.

ЗАУТЕР: Когда Вы сделали это заявление, беря на себя вину, считали ли Вы, что вашего преемника-последующего имперского руководителя молодежи нет в живых?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Вы думали, что он погиб в последних боях?

ШИРАХ: Да, я был убежден в том, что он погиб в боях за Берлин.

ЗАУТЕР: За это время Вы, господин свидетель, узнали из сообщений в прессе, что Ваш преемник на должности имперского руководителя молодежи Аксман жив, не правда ли?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Хотите ли Вы сегодня настаивать на том заявлении, которое Вы сделали в своем аффидевите, о Вашей личной ответственности, которую Вы несете как руководитель молодежи, настаиваете ли Вы на том, что Вы несете полную

11681

ответственность, или Вы хотите сегодня до некоторой степени ограничить ее?

ШИРАХ: Я ни в какой мере не собираюсь ограничивать свое заявление, сделанное в упомянутом аффидевите. Хотя Гитлер в последние годы своей жизни издавал приказы, которые предназначались для молодежи и которых я не знаю, и хотя мой преемник Аксман, издавал, особенно в 1944 году, такие приказы, которые мне неизвестны, так как между нами была прервана связь в результате военных событий, я придерживаюсь сделанного ранее заявления, в ожидании того, что суд будет считать меня единственным лицом, ответственным за воспитание молодежи и что никакой другой руководитель молодежи не будет привлечен к суду из-за тех действий, ответственность за которые я взял на себя.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, меня интересует, являлись ли в деле воспитания молодежи решающими те директивы и принципиальные установки, которые Вы получали от Гитлера, от какой-либо другой инстанции и от каких-либо других государственных органов, или решающим моментом в Вашей деятельности по воспитанию молодежи был Ваш опыт, который Вы приобрели в вности, в кругу тогдашних руководителей молодежи.

ШИРАХ: Правильным является последнее положение в Вашем замечании. Разумеется, в основу воспитания гитлеровской молодежи была положена национал-социалистская идея. Однако сугубо воспитательные идеи исходили не от Гитлера и не от других руководителей партии, они зарождались среди молодежи, их автором был я и мои сотрудники.

11682

H1203 – 0361

H1203 – 0362

ЗАУТЕР: Может быть Вы более подробно изложите суду, как Вы сами стали придерживаться таких принципов и такого характера воспитания молодежи, учитывая ли свой личный опыт, развитие своей личности?

ШИРАХ: Мне кажется, что проще всего ответить на этот вопрос, набросав кратко историю моей юности и описав те молодежные организации, с которыми я соприкасался. Я тем самым сэкономлю время для моих дальнейших показаний. Мой отец был кадровым офицером в гвардейском кирасирском полку кайзера. Я родился в Берлине. Спустя год, мой отец вышел в отставку и переехал в Веймар, где он руководил местным придворным театром, который позднее стал называться национальным театром. Итак, я вырос в Веймаре и воспринимаю как свою родину этот город, который в некотором отношении является родным городом всех немцев. Мой отец был состоятельным человеком. Родительский дом удовлетворял духовные запросы, пробуждал интерес к искусству, прежде всего к музыке и литературе. Но кроме воспитания, которое я получил в родительском доме, на мое развитие оказала влияние атмосфера, царившая в городе, атмосфера классического и после-классического Веймара. Но больше всего я находился под очарованием "гениус лоци". Именно храня эти юношеские воспоминания, я из года в год указывал молодежи путь в Веймар, к Гете. Первым документом, который имеет отношение к вышесказанному и который является важным для рассмотрения моего дела, является документ № 80, он может подтвердить мои показания.

H1203 – 0363

В этом документе имеется краткая ссылка на одну из многочисленных речей, которую я произнес во время моей деятельности на посту руководителя молодежи, и которая была обращена к руководителям молодого поколения и призывала молодежь следовать примеру Гёте.

ЗАУТЕР: Разрешите прервать Вас, господин фон Ширах. Господин председатель, в этом документе, находящемся на стр. I83 книги документов, имеется краткий отчет об имперском конгрессе гитлеровской молодежи по вопросам культуры, состоявшемся в Веймаре. Этот отчет случайно относится к I937 г., но подсудимый уже сказал Вам, что такие конгрессы гитлеровской молодежи по вопросам культуры в Веймаре, то-есть в городе Шиллера и Гете, созывались каждый год. В этом отчете, в документе № 80 книги документов по делу Шираха, говорится, например, о речи, произнесенной подсудимым на тему о значении Гёте для воспитания национал-социалистской молодежи. При этом упоминается, что Ширах тогда заявил (я цитирую)...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, нет необходимости зачитывать этого. Это относится к Гёте, вот и все.

ЗАУТЕР: Хорошо. /Обращаясь к Шираху/. Я попрошу Вас продолжить, господин фон Ширах.

ШИРАХ: Там происходили не только ежегодные имперские конгрессы по вопросам культуры, но и конгрессы руководителей гитлеровской молодежи, ежегодно созывались в Веймаре. Наряду с этим там устраивались представления, которые мы называли празднествами германской молодежи. Важным в данной связи является то, что я процитировал в этой речи слова Гёте, которые стали во некотором отношении лейтмотивом всей моей воспитательной деятельности: "Юность воспитывает молодежь". Даже мой самый злейший враг не может игнорировать того факта, что

я для молодого поколения германского народа являлся не только пропагандистом национал-социализма, но и пропагандистом Гёте. Господин Цимер предетавил пространный, направленный против меня, аффидевит, в котором он нападает на то воспитание молодежи, за которое я должен нести ответственность. Мне, кажется, г-н Цимер слишком облегчил себе свой труд. Изображая национальное воспитание в Германии, он должен был, по крайней мере, учесть те воспитательные усилия, которые я приложил, приобщая молодежь к наследию Гёте. Мне было I0 лет, когда я вступил в первую молодежную организацию, то-есть я был в таком возрасте, в каком позднее в Германии мальчики и девочки принимались в "Юнгфольк" /младший возраст в I0-I4 лет/ при "Гитлеровской молодежи". Вышеупомянутая организация представляла собой так называемый "Союз молодежи Германии", созданный графом Гольцем. Это была организация следопытов. Граф Гольц и Гезелер создали в Германии под влиянием британского движения бойскаутов союзы следопытов и одной из таких организаций следопытов был только-что упомянутый "Союз молодежи Германии". Этот союз играл значительную роль в воспитании германской молодежи вплоть до I9I8/I9 года.

Наиболее существенным моментом в становлении моей личности было время, которое я провел в лесной школе. Она представляла собой учебное заведение, во главе которого находился сотрудник известного педагога Германа Лица. Там я воспитывался в духе принципов, которые я впоследствии на совсем иной основе...

11685

H1203 – 0364

H1203 - 0365

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, считаете ли Вы, что воспитание самого подсудимого является в какой либо степени существенным и заслуживает внимания Трибунала? Для нас существенно то, как он воспитывал других, а не то, как воспитывали его самого.

ЗАУТЕР: Господин председатель, но подсудимый все-таки просил бы Вас разрешить ему изложить эти факты, в частности потому, что он тем самым хочет показать, что те основные принципы, следуя которым он впоследствии руководил воспитанием молодежи, исходили не от Гитлера, и не от какой-либо партийной инстанции, а являлись следствием опыта, полученного им в его юности. Для суда в некоторой степени важно рассмотреть следующий вопрос: Следуя каким принципам, подсудимый руководил воспитанием молодежи, и каким образом он стал придерживаться этих принципов? Подсудимый просит, чтобы ему разрешили высказаться по этому поводу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, подсудимый уже занял значительное время тем, что он давал показания относительно своего юношества и своего воспитания. Трибунал считает, что это все должно быть сокращено и не следует занимать значительное время, останавливаясь на вопросах воспитания самого подсудимого. Как я Вам уже указывал, нас интересует то, как он воспитывал германскую молодежь, а не то, как воспитывали его самого.

ЗАУТЕР: Само собой разумеется, что мы примем к сведению Ваше желание, господин председатель.

Господин Ширах, я попрошу Вас высказаться в наиболее краткой форме.

ШИРАХ: Я буду очень краток.

ЗАУТЕР: Прошу Вас.

ШИРАХ: Идея Лица заключалась в том, чтобы дать молодежи такое воспитание, с помощью которого молодежные организации являлись бы отображением государства. Школа должна была представлять собой государство в миниатюре и в этой школе должно было развиваться самоуправление молодежи.

Я хотел бы здесь коротко указать на то, что Лиц продолжал развивать идеи, которые задолго до него провозгласили Песталоцци ~~реставрации~~ и великий Жан-Жак.

Все современное воспитание в какой-то мере основано на принципах Руссо, независимо от того, идет ли речь о Германе Лице или о бой-скаутах, о движении следопытов или о "Вандерфогельбунде". Во всяком случае свои идеи о том, что молодежь сама руководит своими организациями, я заимствовал от идеи самоуправления молодежи в школе.

Моей целью было приобщить молодое поколение к идее, которую 80 лет тому назад обосновал Фребель. Лиц хотел организовать молодое поколение прямо в стенах школы.
Я разрешу себе упомянуть, что, когда в 1898 году Лиц начал свой педагогический труд, британский майор Баден-Пауел

11687

H1203 – 0366

H1203 - 0367

в том же году был окружен повстанцами, после чего он начал в лесах подготавливать из юношей лазутчиков и тем самым положил основу для своего собственного движения бой-скаутов; я напомню также, что в 1898 году Карл Фишер в Берлине-Штеглице создал движение "Вандерфогель".

ЗАУТЕР: Господин свидетель, мне кажется, что мы, выполняя желание господина председателя, можем закончить этот раздел Ваших показаний, который по существу является предисторией вопроса. Если я Вас правильно понял, Вы хотите сказать, что с принципами, которые Вы позже использовали, будучи имперским руководителем молодежи, Вы познакомились в Вашей юности на примере молодежных движений, которые существовали тогда? Правильно ли это?

ШИРАХ: Да, в принципе да. Основы моей дальнейшей деятельности были заложены в вышеуказанном.

ЗАУТЕР: В связи с этим вопросом меня интересует еще только одно. Имелись ли в этой педагогической деятельности какие-либо политические или антисемитские тенденции и каким образом Вы, собственно, стали заниматься политикой?

ШИРАХ: Нет, эта деятельность в области воспитания не носила политического или антисемитского характера, ибо Лиц происходил из среды демократа Невмана, из кругов, близких к Дамашица.

ЗАУТЕР: Скажите, как Вы стали заниматься политикой?

ШИРАХ: В это время произошла революция. Мой отец...

ЗАУТЕР: Вы имеете в виду революцию 1918-1919 годов?

ШИРАХ: Да. Революции 1918-1919 г. Мой отец был изгнан красными с его должности. В Веймаре заседало национальное собрание, была основана Веймарская республика, у нас была введена парламентарная система, мы получили демократию или то, что мы в Германии считали демократией, но я сомневаюсь, была ли это в действительности демократия. Шел 1923 год, я жил в доме родителей. Это был период общей неуверенности, нужды и недовольства, многие уважаемые семьи вследствие инфляции впали в нужду. Сбережения рабочих и буржуа пропали. Имя Гитлера всплыло в связи с событиями 9 ноября 1923г. Тогда я не мог узнать что-либо определенное о нем. Лишь только процесс ознакомил меня и моих ровесников с тем, чего, собственно, хотел Гитлер. Я тогда не был национал-социалистом. С некоторыми своими сверстниками я вступил в молодежную организацию, которая называлась "Кнаппеншафт" /коллектив/. Она в какой-то мере имела отношение к национальному движению, но не была связана ни с какой партией.

Основными простыми принципами этой организации были товарищество, патриотизм и самодисциплина. Нас тогда в моем родном городе было приблизительно сто человек, принадлежавших к этой организации и выступавших против опошления молодого поколения в послевоенное время, против морального разложения и стремления к развлечениям у подростков. В этом кругу я ~~впервые~~ столкнулся, шестнадцатилетним юношей, впервые столкнулся с социализмом, ибо я встретил там

11689

H1203 – 0368

H1203 – 0369

молодых людей всех профессий: рабочих, ремесленников, молодых служащих, сыновей крестьян. Но среди нас были люди и более старшего возраста, занимавшие уже определенное место в обществе, или являвшиеся участниками первой мировой войны. Беседуя с этими товарищами, я впервые целиком осознал последствия Версальского договора. Положение молодого поколения было следующим. У ученика, учившегося в школе, была перспектива пробиться в студенты, но затем он, вероятнее всего, попадал в ряды пролетаризированной интеллигенции, потому что у него не было почти никакой возможности заняться интеллигентской профессией. У молодого рабочего едва-ли имелась перспектива получить место ученика на производстве. Для него не оставалось ничего другого, как нищенское серое существование безработного человека. Это было поколение, которому никто не мог помочь, кроме него самого.

ЗАУТЕР: И этот круг, к которому Вы принадлежали уже в шестнадцатилетнем возрасте, постепенно примкнул к национал-социализму?

ШИРАХ: Да, и притом совершенно естественно.

ЗАУТЕР: Каким образом это произошло?

ШИРАХ: В центральной части Германии в то время устраивали беспорядки. Мне достаточно лишь только назвать имя руководителя коммунистических банд Макса Гёльца, чтобы указать на то, какими были тогда условия. Но и после того, как внешне наступило относительное спокойствие, положение было таковым, что было совершенно невозможно проводить национальные собрания, потому что коммунисты имели обыкновение срывать их. К нам, молодым людям, обратились с просьбой взять на себя охрану таких патриотических собраний. Мы пошли на это. Среди нас были раненые. Один из нашей группы, некий Гаршар, был даже убит коммунистами.

11620

Таким образом, мы предоставили возможность собираться национальным собраниям, которые в противном случае не могли бы состояться при Веймарской республике. Мы также должны были довольно часто охранять и национал-социалистские собрания, так как в особенности против них был направлен коммунистический террор.

Я вследствие этой своей деятельности по охране собраний познакомился с руководящими национал-социалистскими деятелями, сначала, конечно, как с ораторами, не зная их лично. Я тогда слышал речи графа Ревентлова, мне кажется, я также тогда слышал, как выступал Розенберг, я присутствовал на речах Штрейхера и помню первые ораторские начинания Заукеля, который стал вскоре после этого гаулейтером национал-социалистской партии в Тюрингии. Таким образом...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: К какому периоду все это относится?

ЗАУТЕР: Это относится к 1924 году, т.е. год спустя после путча Гитлера.

Таким образом, свидетель, круг людей, к которому Вы принадлежали, постепенно влился в национал-социалистское движение. Было ли это подкреплено чтением соответствующей литературы, литературы национал-социалистского толка?

ШИРАХ: Я, конечно, не знаю, что читали мои товарищи, за исключением одной книги, которую я сейчас назову. Я знаю то, что я сам читал. Я занимался тогда трудами бейрейтеровского мыслителя Чемберлена, историей XIX века, произведениями Адольфа Робертса, его историей мировой литературы и историей немецкой национальной литературы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, я уже указал Вам на то, что нас совершенно не интересует история воспитания подсу-

11691

H1203 – 0370

H1203 - 0371

димого. Он сейчас сообщает нам список книг, которые он тогда прочитал, но нас это совершенно не интересует.

ЗАУТЕР: Хорошо, господин председатель.

ШИРАХ: Я хочу сказать лишь только одну фразу. Это были произведения, в которых не проявлялась ярко выраженная антисемитская тенденция, но в которых красной нитью проходили антисемитские идеи. Основная антисемитская книга, которую я тогда читал, книга, оказавшая влияние на моих товарищей...

ЗАУТЕР: Прошу Вас продолжать...

ШИРАХ: Это была книга Генри Форда "Всемирный еврей". Когда я прочел эту книгу, я стал антисемитом. Эта книга произвела на меня и на моих друзей такое сильное впечатление потому, что мы в Генри Форде видели представителя успеха, а также представителя передовой социальной политики. В бедствующей нищей Германии того времени молодежь обращала свои взоры к Америке, и, кроме великого благодетеля Герберта Гувера, Генри Форд являлся человеком, олицетворявшим для нас Америку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, как я уже дважды указал, Трибунал считает, что то влияние, которое оказывали на подсудимого при его воспитании, совершенно нас не интересует. Я не хочу еще раз повторять этого. Если Вы не можете руководить показаниями подсудимого и направлять их по необходимому руслу, я вынужден буду прекратить допрос.

ЗАУТЕР: Господин председатель, разве для характеристики подсудимого и его личности Суду не интересно знать, каким образом подсудимый примкнул к национал-социализму и каким образом он стал антисемитом? Я сам предъявлял...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, это не представляет никакого интереса для Трибунала.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, как Вы затем познакомились с Гитлером и как Вы вступили в партию?

ШИРАХ: Я должен сказать, что я стал национал-социалистом, исходя не из установок антисемитизма, а из установок социализма. Я познакомился с Гитлером уже в 1925 году. Он покинул тогда Ландсберг на Лехе, время его заточения подошло к концу и он приехал в Веймар, где он выступил. Как раз при этих обстоятельствах меня представили ему. Программа национальной общности, которую он развивал, потому так глубоко затронула меня, что я в широком плане вновь нашел в ней то, что я уже наблюдал в миниатюре на примере товарищества в моей молодежной организации. Он показался мне человеком, который проложит нашему поколению дорогу в будущее. Мне казалось, что с его помощью для молодого поколения откроются перспективы ~~спасти~~ и счастье получить работу, обеспечить свое существование в жизни. В нем я видел человека, который освободит нас от оков Версаля. Я убежден, что, если бы не было Версаля, Гитлер никогда не вознесся бы так. Этот Версальский диктат и привел к диктатуре.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, когда Вы стали членом партии?

ШИРАХ: Я стал членом партии в 1925 году и одновременно я со всеми моими товарищами вступил в СА.

ЗАУТЕР: Вам тогда было только 18 лет?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Скажите, почему Вы вступили в СА?

ШИРАХ: СА занималось охраной собраний, и мы уже будучи членами партии, просто продолжали ~~в рядах СА~~ нашу деятельность в рядах СА, которой мы занимались раньше в нашей молодежной организации.

11693

H1203 – 0372

H1203 - 0373

ЗАУТЕР: Господин свидетель, в 1926 году, т.е. когда вам было 19 лет, в Веймаре состоялся имперский с"езд партии?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: При этих обстоятельствах, насколько мне известно, вы лично говорили с Гитлером?

ШИРАХ: Да, я говорил с Гитлером лично уже за год до того. Как раз возобновилось опять национал-социалистское движение. В Веймаре он выступал на различных массовых собраниях.

Вскоре, в том же году, он опять вернулся в Веймар и выступил в небольшом кругу людей. Затем он вместе с Рудольфом Гессом посетил дом моих родителей и предложил мне учиться в Мюнхене.

ЗАУТЕР: Почему?

ШИРАХ: Он считал, что я должен познакомиться с центральными органами партии и таким образом включиться в партийную работу в Мюнхене. Но я должен заметить, что у меня тогда отнюдь не было намерения стать политиком. Все-же я, конечно, был очень заинтересован в том, чтобы познакомиться с национал-социалистским движением, именно в том городе, где оно зародилось.

ЗАУТЕР: Затем Вы отправились в Мюнхен и стали там учиться?

ШИРАХ: Да, я поехал после этого в Мюнхен.

Сначала партия меня очень мало интересовала. Я изучал германистику, историю, искусство, Я занимался писательской деятельностью и у меня установился контакт со многими людьми, которые по-настоящему не были национал-социалистами, но которые, так сказать, примыкали к национал-социалистскому движению.

Я жил тогда в доме своего друга - издателя Брукмана, который... 11624

H1203 – 0374

ЗАУТЕР: В 1925 году Вы стали руководителем университетской группы национал-социалистского движения. Мне кажется Вы были избраны на эту должность, а не назначены, именно избраны?

ШИРАХ: Сначала дело обстояло таким образом: в Мюнхене я посещал партийные собрания; в салоне Брукмана я встретился с Гитлером и Розенбергом и многими другими людьми, которые впоследствии играли большую роль в Германии, а в университете я вступил в университетскую группу национал-социалистского студенческого союза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте, пожалуйста.

ЗАУТЕР: Продолжайте, господин фон Ширах, Вы нам только-что рассказали, что Вы принадлежали в Мюнхене к университетской группе национал-социалистского движения. Пожалуйста, продолжайте.

ШИРАХ: Да, я начал принимать активное участие в ее работе, вначале я там, в кругу товарищей, говорил о моих работах в области литературы. Затем я начал выступать с докладами для студентов на тему о национал-социалистском движении. Я организовывал собрания национал-социалистских студентов с участием Гитлера в кругу мюнхенского студенчества. Затем я был избран во всеобщий студенческий комитет /так называемая аста/ при университете и, вследствие этой работы среди студенчества, я устанавливал все более тесный контакт с партией.

В 1929 году тогдашний, так называемый рейхсфюрер национал-социалистского студенческого союза вышел в отставку и возник вопрос, кто-же должен был взять на себя руководство всем университетским национал-социалистским движением. Тогда по поручению фюрера Рудольф Гесс произвел опрос всех университетских групп национал социалистского университетского движения и большинство отдало свои голоса за меня, выдвинув меня на пост руководителя

национал-социалистского студенческого союза.

Вот, как создалось то курьезное положение, что я являюсь единственным партийным руководителем, который был избран членом партийного руководства. Это-такое событие, которое вообще больше никогда не имело места в истории партии.

ЗАУТЕР: Вы тем самым хотите сказать, что все остальные были назначены, а Вы один были выбраны?

ШИРАХ: Я был выбран и затем утвержден.

ЗАУТЕР: Вы, если я не ошибаюсь, были избраны в 1931 году на студенческом конгрессе в Граце?

ШИРАХ: Нет, это неправильно, это ошибочно. Я сейчас говорю лишь только о национал-социалистском университетском движении. Я позже вернусь к затронутому Вами пункту. Итак, я стал руководителем национал - социалистского университетского движения и я реорганизовал это движение. Я начал свою деятельность в качестве оратора. В 1931 г....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Самое главное,-это то, что он стал лидером. Был ли он избран или назначен,-уже не так важно.

ЗАУТЕР: Г-н председатель, я уже и без того все время пытаюсь сократить эти показания. Я осмелюсь разрешить себе задать еще один вопрос в связи с данным комплексом.

Г-н свидетель, в 1931 году, насколько мне известно, всеобщий германский и австрийский с"езд молодежи, охватывавший все партии, единогласно избрал Вас председателем? Верно ли это?

11696

H1203 – 0375

H1203 – 0376

ШИРАХ: Нет, не совсем верно.

ЗАУТЕР: Я прошу Вас, господин фон Ширах, ответить совершенно коротко.

ШИРАХ: Это неправильно, господин защитник. На всеобщем германском студенческом с"езде в 1931 г., на котором была представлена вся учащаяся молодежь Германии, все австрийские и судетские студенты - немцы. Руководителем всего студенчества был избран единогласно один из моих сотрудников, кандидатуру которого я предложил. Это было чрезвычайно важное событие как для молодежи, так и для партии. За два года до прихода национал- социалистов к власти, вся университетская молодежь отдала свой голос за национал-социалиста. После этого студенческого с"езда в Граце я и Гитлер...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне кажется, сейчас удобное время об"явить перерыв.

ДОКТОР ЗАУТЕР: Так точно.

/Об"является перерыв на 10 минут/.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, мы перед перерывом остановились на том факте, что в 1929 г. Вы были избраны руководителем университетского студенчества. Двумя годами позднее Гитлер назначил Вас имперским руководителем молодежи. Как это произошло?

ШИРАХ: После студенческого с"езда в Граце, успех которого очень удивил Гитлера, я беседовал с Гитлером. Гитлер при этом вернулся к нашему разговору, имевшему место ранее. Он тогда спросил меня, как случилось, что национал-социалистское движение среди университетского студенчества так быстро развилось в то время, как другие национал-социалистские организации отстали в своем развитии. Я ответил ему тогда, что молодежными организациями нельзя руководить, как придатком. Молодежь доля

H1203 – 0377

на руководить молодежью; я тогда также развил идею молодежного государства, идею, заимствованную мною из опыта школьного государства, и вот в 1931 г. Гитлер спросил меня, не хочу ли я взять на себя руководство национал-социалистской молодежной организацией. Она охватывала молодежные ячейки, "Гитлеровскую молодежь" и национал-социалистскую школьную организацию, также тогда существовавшую. Много людей пыталось руководить этими организациями, например, бывший высший руководитель СА Пфеффер, рейхслейтер Бух, но у них при этом ничего не получалось.

Я согласился и стал таким образом имперским руководителем молодежи в НСДАП, временно при штабе высшего руководителя СА Рема. Будучи имперским руководителем молодежи в НСДАП при штабе Рема, я получил звание группенфюрера СА и этот чин остался за мной также и после того, как я через полтора года стал работать самостоятельно. Этим об"ясняется, почему я являюсь обергруппенфюрером СА. Много лет спустя я стал им, honoria causa. Формы СА я не имел уже с 1933 года.

ЗАУТЕР: Итак, Вы стали в 1931 г. имперским руководителем молодежи в НСДАП.?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Это, конечно, партийная должность.?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Затем в 1932 году Вы стали рейхслейтером? Вам тогда было 25 лет? Как это произошло?

ШИРАХ: Я уже заметил ранее, что я заявил Гитлеру, что молодежь не может быть аппендиксом какой-либо другой организации, а что молодежь должна быть об"единена в самостоятельную организацию, она должна стать независимой и, выполняя свое обещание, которое было дано мне, Гитлер через полтора года назначил меня самостоятельным рейхслейтером. 11698

ЗАУТЕР: Значит, Вы, будучи самостоятельным рейхслейтером, подчинялись лишь руководителю партии /партейлейтеру/ Гитлеру,?

ШИРАХ: Так точно.

ЗАУТЕР: Скажите, на чьи средства была в то время создана эта молодежная организация?

ШИРАХ: На средства самой молодежи.

ЗАУТЕР: Как добывались эти средства? Проводились ли сборы?

ШИРАХ: Девушки и юноши вносили членские взносы. Часть этих членских взносов удерживалась органами областного руководства /гебитсфюрунген/. Это были руководящие инстанции, которые соответствовали "гауляйтунген" в партии или "группенфюрунген" в СА. Другая часть взносов поступала в распоряжение имперских руководителей молодежи. Организация "гитлеровской молодежи" возникла на свои собственные средства.

ЗАУТЕР: Затем меня интересует следующее: Получила ли организация "гитлеровской молодежи", созданная Вами и названная именем Гитлера, свое значение после прихода национал-социалистов к власти и вследствие этого прихода к власти и как велика была эта молодежная организация, созданная Вами?

ШИРАХ: Организация "Гитлеровской молодежи" была уже в 1932 г. до прихода национал-социалистов к власти самой мощной молодежной организацией в Германии. Я хотел бы еще в этой связи добавить, что я об"единил отдельные национал-социалистские молодежные организации, которые существовали до того, как я стал имперским руководителем молодежи, в единое молодежное движение. Это молодежное движение было самым мощным движением молодежи, до того как мы пришли к власти.

11629

H1203-0378

H1203 – 0379

2 октября 1932 г. организация "гитлеровской молодежи" организовала встречу в Потсдаме. На этой встрече присутствовало более 100.000 молодых людей со всех концов империи, однако, партия не предоставила ни единого пфеннига для организации этой встречи. Молодежь сама собрала все необходимые для этого средства. Уже само число участников этой встречи свидетельствует о том, что это было крупнейшее молодежное движение.

ЗАУТЕР: Следовательно уже за несколько месяцев до прихода национал-социалистов к власти, свыше 100000 молодых людей приняло участие в этом собрании?

ШИРАХ: Так точно.

ЗАУТЕР: Обвинение упрекает Вас, господин свидетель, в том, что Вы после прихода национал-социалистов к власти, мне кажется это было в феврале 1933 года, заняли здание имперского комитета германских молодежных союзов. Я повторяю, комитета германских молодежных союзов. Правильно ли это и против кого было направлено это мероприятие?

ШИРАХ: Да, это верно. Надо сказать, что этот имперский комитет молодежных союзов фактически являлся статистическим бюро, подчинявшимся имперскому министру внутренних дел. Этим бюро руководил некий генерал Фогт, состоявший на пенсии и ставший впоследствии одним из моих наиболее старательных сотрудников. Занятие здания имперского комитета явилось революционным актом, действием, совершенным молодежью во имя молодежи, потому, что с этого дня началась реализация идеи о молодежном государстве в самом германском государстве.

ЗАУТЕР: Затем Обвинение упрекает Вас, господин свидетель, в том, что Вы в 1933 году после прихода национал-социалистов к власти распустили так называемый "Великий Германский Союз". Что представлял собой этот "Великий Германский Союз" и почему вы распустили его?

ШИРАХ: "Великий Германский союз" был молодежной организацией или, правильнее сказать, об"единением молодежных организаций, проповедовавшим создание великой Германии. Меня вообще удивляет, что Обвинение вменяет мне в вину, что эта организация была распущена.

ЗАУТЕР: Многие члены этого "Великого Германского Союза" были национал-социалистами. Существовала ли какая-либо существенная разница между некоторыми молодежными союзами, об"единенными в этой организации, и "Гитлеровской молодежью".?

ШИРАХ: Я стремился к единству молодежи, а "Великий Германский Союз" хотел в некотором отношении существовать отдельно. Я противился этому и между мной и адмиралом Трота, руководившем "Великим германским союзом", возникли на глазах у общественности большие разногласия и, в конце-концов, "Великий Германский союз" слился с молодежной организацией. Я уже не помню точно, я ли сам заявил о запрещении союза. Мне известно лишь, что члены союза пришли ко мне и что между мною и адмиралом фон Трота произошло об"яснение, приведшее к примирению. Адмирал фон Трота потом был одним из искреннейших сотрудников, двигавших мое дело вперед.

ЗАУТЕР: Каким образом была запрещена марксистская молодежная организация?

11401

H1203 – 0380

H1203 – 0381

ШИРАХ: Мне кажется, что запрещение марксистских молодежных организаций совпало с запрещением профсоюзов. У меня нет точных документов для доказательства этого. Во всяком случае, в 1933 году я юридически не был вправе наложить такой запрет. Это должен был сделать министр внутренних дел. Право запрещать молодежные организации я получил "де юре" лишь только I декабря 1936 г. То, что марксистские организации молодежи должны были прекратить свое существование, казалось мне в порядке вещей и я могу заявить об этом запрещении как таковом лишь следующее: рабочая молодежь Германии увидела осуществление своих социальных идеалов не при марксистских правительствах республики, а в сообществе членов "Гитлеровской молодежи".

ЗАУТЕР: Господин свидетель, Вы сначала были имперским руководителем молодежи в НСДАП. Это была партийная должность. А после прихода национал-социалистов к власти Вы стали руководителем молодежи германской империи, это была государственная должность. Были ли Вы, вследствие того, что Вы занимали [redacted] этот государственный или национальный пост, ответственны за постановку школьного дела, следовательно, за народные школы /фольксшулен/.

ШИРАХ: За постановку школьного дела в Германии нес ответственность имперский министр по делам науки, воспитания и преподавания. Я был ответственен за внешкольное воспитание, протекавшее за пределами школы и родительского дома, согласно закону от I декабря 1936 года. Правда, у меня было несколько своих школ, так наз. "Школ Адольфа Гитлера", которые не подчинялись [redacted] контролю государственной школьной системы, но это были школы более позднего времени; во время войны я так же

11702

получил полномочия в организации, называвшейся

"Эвакуация детей в сельскую местность", которая эвакуировала детей среднего возраста из больших городов и районов, находившихся под угрозой воздушных налетов, размещая их в лагерях. Но в общем я должен отрицать, что я несу ответственность за школьное воспитание в Германии.

ЗАУТЕР: Молодежь, которую Вы должны были воспитывать вне стен школы, называлась "Гитлерюгенд", "Гитлеровская молодежь"? Было ли членство в организации "Гитлеровской молодежи" обязательным или добровольным?

ШИРАХ: Членство в "Гитлеровской молодежи" было добровольным до 1936 года. В 1936 году был провозглашен уже упоминавшийся здесь закон о "Гитлеровской молодежи", согласно которому вся германская молодежь становилась гитлеровской молодежью. Но инструкции о проведении этого закона были изданы лишь в марте 1939 года, и только во время войны у руководства молодежью появилась идея о введении всеобщей повинности для молодежи и эта мысль была высказана открыто. Я указываю на то, что мой тогдашний уполномоченный представитель на открытом митинге, мне кажется, во Франкфурте, в 1940 году, когда я был на фронте, заявил, что после того как 97% детей самого младшего возраста, начиная с которого допускается прием, охвачены добровольным членством в "Гитлеровской молодежи", оставшиеся 3% должны быть привлечены путем введения обязательного членства.

ЗАУТЕР: В этой связи я разрешу себе, господин председатель, сослаться на два документа в книге документов по делу Шираха, а именно на документ № 51.

11703

H1203 – 0382

H1203 – 0383

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не совсем понял, что сказал подсудимый. Он говорил о том, что до 1936 года членство в партии было добровольным. Затем был издан закон о гитлеровской молодежи. Потом он говорил, что-то о том, что этот закон не был опубликован до 1939 года. Он это сказал?

ЗАУТЕР: Да. Это правильно. Я разрешу себе пояснить, господин председатель, что до 1936 года членство в организации "Гитлеровской Молодежи" было добровольным. Затем, в 1936 году был издан закон об организации "Гитлеровской молодежи", который просто предусматривал, что мальчики и девочки должны стать членами "Гитлеровской молодежи". Но инструкции о проведении этого закона подсудимый издал лишь в 1939 году, так что до 1939 года членство практически было добровольным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Правильно ли это, подсудимый?

ШИРАХ: Так точно, это правильно.

ЗАУТЕР: Положение вещей, которое я Вам только что описал, господин председатель, вытекает из двух документов в книге документов по делу Шираха № 51, на стр.91 и № 52, я повторяю № 52 на стр. 92, а в последнем документе...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, доктор Заутер. Я принимаю к сведению то, что было сообщено Вами и подсудимым. Я лишь хотел разобраться в этом. Вы можете продолжать.

ЗАУТЕР: В последнем документе упоминается о тех 97 процентах, о которых Вам подсудимый сказал, что они добровольно пришли в организацию "гитлеровской молодежи", так что недоставало лишь 3%. Я продолжаю, господин свидетель, как относились родители к тому, что их дети должны были поступать в "Гитлеровскую молодежь"? Я говорю о родителях.

11704

ШИРАХ: Конечно, были родители, которые не-доброжелательно смотрели на то, что их дети были в этой организации. И когда я произносил свои речи по радио, обращенные к родителям или к молодежи, случалось, что сотни родителей адресовали на мое имя письма. Среди этих писем частенько были такие, в которых родители высказывали свои возражения или просто выражали свое отрицательное отношение к гитлеровской молодежи. Я всегда усматривал в этом выражение особого доверия родителей. Мне хочется заметить, что я никогда не оказывал какого-либо давления и не прибегал к принуждению, если родители удерживали своих детей от вступления в "Гитлеровскую молодежь". Если бы я поступил иначе, я навсегда бы потерял доверие у немецких родителей. Это доверие было основой всей моей воспитательной работы. Мне кажется, что в этой связи я должен так же заметить, что совершенно ошибочной является ~~своей~~ та точка зрения, что можно создать молодежную организацию, применив насилие к молодежи.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, притеснялась ли в какой-либо степени та молодежь, которая не шла в организацию "гитлеровской молодежи".

ШИРАХ: Молодые люди, не вступавшие в "Гитлеровскую молодежь", оказывались в невыгодном положении потому, что они не могли принимать участие в наших лагерных сборах, поездках, спортивных соревнованиях. Они были в некотором отношении, так сказать, безбилетными зрителями, наблюдавшими жизнь молодежи, и для них возникала опасность, что они превратятся в ипохондриков.

11705

H1203 – 0384

H1203 – 0385

ЗАУТЕР: Но разве не было таких профессий, заниматься которыми можно было лишь при условии членства в "Гитлеровской молодежи"?

ШИРАХ: Само собой разумеется.

ЗАУТЕР: Какие это были профессии?

ШИРАХ: Например, профессия учителя. Совершенно ясно, что учитель не может преподавать молодому поколению, если он сам не знает жизни молодежи, и поэтому мы требовали, чтобы молодой учитель, то-есть молодые кадры преподавателей, проходили бы школу "Гитлеровской молодежи". Молодой учитель должен был быть знаком с образом жизни доверенных ему учеников.

ЗАУТЕР: Однако, таких профессий было всего несколько, в то время, как для других профессий членство в "Гитлеровской молодежи" не было обязательным условием. Или дело обстояло по-другому?

ШИРАХ: Я не могу в деталях ответить на этот вопрос. Мне также кажется, что дискуссия на эту тему является ненужной, так как вся молодежь была охвачена гитлеровской организацией.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, вам известно, что обвинение вменяет всем подсудимым в вину принцип фюрерства. Я Вас поэтому спрашиваю: был ли этот принцип принят также в организации "Гитлеровской молодежи", в какой форме он проводился в жизнь, причем я напомню вам о той разнородности принципа фюрерства, о которой здесь говорилось в показаниях свидетелей.

ШИРАХ: Безусловно, организация "Гитлеровской молодежи" была построена на принципе фюрерства, но эта форма руководства молодежью отличалась коренным образом от других

организаций национал-социализма. У нас, у молодежного руководства был обычай, например, говорить открыто о всех волновавших нас вопросах. На наших с"ездах областных руководителей велись горячие дебаты. Я сам намеренно воспитывал у своих сотрудников чувство противоречия. Конечно, когда мы уже полностью высказались о данном мероприятии и я уже издавал соответствующую директиву или соответствующий приказ, дебаты прекращались. Руководители молодежи, руководители юношей и девушек превратились в результате многолетнего сотрудничества и служения общему делу в тысячеголовое целое. Совершенно ясно, что в таком кругу приказы и директивы выполнялись совершенно по-другому, чем, например, в какой-либо военной или политической организации.

ЗАУТЕР: Господин свидетель...

ШИРАХ: Разрешите мне еще дополнить вышесказанное. Руководство, существовавшее в нашей молодежной организации, основанное на естественном авторитете, представляло собою нечто, отнюдь не чуждое характеру молодежи. Это руководство никогда не вырождалось в диктатуру.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, Вас упрекают в том, что вы воспитывали молодежь в милитаристическом духе, и в связи с этим указывалось на тот факт, что члены "Гитлеровской молодежи" носили особую форму? Правильно ли это и вообще почему гитлеровская молодежь носила форму?

ШИРАХ: Я очень много говорил об этом. Мне кажется, что некоторые документы могут проиллюстрировать это. Я всегда говорил о форменной одежде молодежи, как платье, подчеркивающем товарищество. Особая форма была символом бесклассового содружества. Сын рабочего носил такую же одежду, что и сын профессора университета. Девушка из богатого дома носила такое же платье,

11707

H1203 – 0386

H1203 - 0387

как и дочь чернорабочего. Поэтому мы одели особую форму. Эта форма не имела милитаристского значения.

ЗАУТЕР: В этой связи, господин председатель, я прошу принять к сведению документ № 55 в книге документов по делу Шираха, затем № 55а и № 117, представляющие собой статьи Шираха, в которых он высказывал много лет ~~назад~~ тому назад те же мысли, что и сегодня.

Я прошу, господин председатель, исправить описку в документе 55, стр. 98. Итак, я повторяю: документ № 55, стр. 98 в ~~документе 55, стр. 98~~ книге документов. Там приблизительно внизу на странице 77 приводится цитата из одной статьи Шираха. Там сказано: "Сын миллионера также не имеет никакой другой власти". Я не уверен, нашли ли господа указанные места. Страница 77 в книге документов, затем стр. 102 книги документов, № 55, далее стр. 98, там встречается цитата: "Так же и сын миллионера не имеет никакой власти". Там должно быть слово "одежда". В немецком языке это слово означает "одеяние", а по ошибке здесь стоит слово "власть". Я прошу исправить ошибку. Слово должно означать не "махт" /власть/, а "трахт" /одежда/. Господин свидетель, я продолжаю Ваш допрос. Вас обвиняют в том, что вы психологически, путем воспитания, подготовляли молодежь к войне. Вы якобы участвовали с этой целью в заговоре, с помощью которого национал-социалистское движение захватило всю власть в Германии, наконец, планировало и развязывало агрессивные войны. Что Вы можете по этому поводу заявить?

ШИРАХ: Я не участвовал ни в каком заговоре. Я не могу рассматривать как участие в заговоре то, что я вступил в национал-социалистскую партию. Программа этой партии была допущена и опубликована. Партия была допущена к выборам. Гитлер, а также никто из его сотрудников не заявлял: "Я хочу путем государственного переворота взять власть в свои руки", а, напротив, Гитлер не однажды, а сотню раз заявлял открыто: "Я хочу легальными средствами устранить эту парламентарную систему, которая из года в год ввергает нас во все большую нужду". И я сам, как самый молодой депутат рейхстага, говорил моим 60.000 избирателей то же самое на предвыборных собраниях. Вообще не было ничего такого, что свидетельствует о наличии преступного заговора, что совершалось за закрытой дверью. Мы честно признали перед нацией то, к чему мы стремились, и, поскольку на нашем земном шаре существует печатное слово, каждый человек за рубежом был осведомлен о наших целях и намерениях.

Что же касается подготовки к войне, то я должен заявить следующее: я не участвовал ни в каких конференциях и не издавал никаких приказов, которые ставили своей целью подготовку агрессивной войны. Я считаю, что это уже установлено по ходу процесса. Я лишь могу только сказать, что я никогда не участвовал в заговоре. И я не верю в то, что существовал вообще заговор. Идея заговора противоречит идее диктатуры. Диктатор не может вступать в какой-либо заговор, диктатор приказывает.

11709

H1203-0388

H1203 - 0389

ЗАУТЕР: Господин свидетель, что делало руководство "Гитлеровской молодежи" для того, чтобы подготовить молодежь к войне и обучить ее для военных целей?

ШИРАХ: Прежде чем ответить на этот вопрос, мне кажется, следует раз"яснить кратко ту разницу, которая существует между военным обучением и ~~в~~ допризывным обучением..Я считаю, что военное обучение вырабатывает умение владеть военными видами оружия, и это вообще всякое обучение, которое проводится с помощью военного оружия или без него военным персоналом, следовательно, офицерами. Что же касается допризывного обучения, то это в широком смысле всякое обучение, которое вообще проводится до военной службы; в отдельных случаях это особая подготовка, которая проводится перед прохождением военной службы.

Мы в организации "Гитлеровской молодежи" были противниками всякой военной муштры. Мы ее не признавали, потому что она чужда молодежи; я тем самым передаю не только свое собственное мнение, но и мнение тысяч моих сотрудников. Ведь это факт, что я упразднил организацию молодежи, которая называлась "Верюгенд" и которая раньше существовала в Германии, и не разрешил, чтобы подготовка, проводившаяся в "Верюгенд", велась в организации "Гитлеровской молодежи". Я всегда ~~неповедал~~ всякую игру в солдатики в молодежных организациях. Насколько я уважаю профессию офицера, настолько офицеры кажутся мне неподходящими для роли руководителей молодежи, потому что всякий офицер в какой-либо степени всегда переносит в молодежную организацию казарменный тон и формы военного руководства. Это является причиной того, почему у меня в организации "Гитлеровской молодежи" не было сотрудников - офицеров.

Именно в виду того, что я не признавал офицеров в роли руководителей молодежи, я подвергался иногда очень резкой критике в военных ведомствах. Я, однако, хотел бы особо подчеркнуть, что эта критика исходила не от ОКВ, так как именно фельдмаршал Кейтель всегда проявлял понимание моих идей. Но вообще в военных ведомствах ~~не-приниинерда~~ иногда слышалась критика того, что руководство молодежи не признавало офицеров как воспитателей молодого поколения. Принцип: "молодежь должна быть руководима самой молодежью" - никогда не нарушался в Германии.

Если я должен, резюмируя, ответить на заданный вопрос, подготавливалась ли молодежь к войне, проходила ли она военное обучение, то мне нужно заявить, что суть всей работы среди германской молодеди заключалась в профессиональном соревновании, в создании дополнительных профессиональных школ, в лагерных сборах и спортивных состязаниях. Физическая тренировка, которая в некотором отношении может восприниматься как подготовка к военной службе, занимала очень мало времени. Я хотел бы привести пример в этой связи: Гебит /область/ в организации гитлеровской молодежи, например, Гебит Гессен-Нассау (соответствует гау /область/ в партии) израсходовала из своих бюджетных средств в 1939 году:

Для поездок и лагерей	- 9/20
На культурные мероприятия	- 3/20
На спорт ~~и~~ иные занятия и физическую культуру также	- 3/20
На сельскохозяйственные работы и для выполнения других задач, а также на учреждения молодежи	- 5/20

11211

H1203 – 0390

H1203 – 0391

Та же самая область /гебит/ в 1944 году, следовательно, за год до окончания войны израсходовала:

На культурные мероприятия - 4/20

На спортивные занятия и оборонную подготовку - 5/20

Для сельскохозяйственных работ и прочие задачи - 6/20

На организацию "Эвакуация детей в сельскую местность", т.е. на эвакуацию нашей молодежи - 5/20.

В этой связи я хочу еще кратко указать на то, что та же самая область /гебит/ в периоде 1936 по 1943 г.г. не потратила вообще никаких средств для расового политического обучения. В 1944 г. в бюджетный план, в графу, предусматривающую расово-политическое обучение, был занесен расход в 20 марок на приобретение фото-витрины на тему об опасности наследственных и венерических заболеваний, причем та же самая область /гебит/ истратила в одном только городе в течение того же самого времени 200.000 марок в качестве субсидии на посещение театра молодежью. Но я не могу ответить на вопрос о допризывной и военной подготовке, не упомянув о стрельбе из мелкокалиберных винтовок. Стрельба из мелкокалиберных винтовок являлась распространенным видом спорта среди германской молодежи. Эта стрельба из мелкокалиберных винтовок проводилась в соответствии с международными правилами стрельбы в спортивных интересах. Эта стрельба из мелкокалиберных винтовок, согласно статье 177 Версальского договора, не была запрещена. В этой статье Версальского договора ясно указывается, что стрелковым спортивным и туристским обществам запрещается тренировать

своих членов в стрельбе из боевого оружия. Мелкокалиберная винтовка не является боевым видом оружия. Мы применяли для стрельбы из спортивных целей винтовку американского образца с калибром 22. Для стрельбы на малое и большое расстояние из этой винтовки применялись патроны образца "Флобер".

Я хотел бы в этой связи заметить, что все наше обучение стрельбе и прочая допризывная подготовка были сформулированы в специальном справочнике. Этот справочник назывался "Гитлеровская молодежь на службе". Эта книга была напечатана и поступила в продажу не только в Германии, но и за границей. Об этой книге британский комитет по вопросам воспитания в 1938 г., а именно в брошюре о воспитании № 109, дал свое заключение, и я намереваюсь, с разрешения Высокого суда, процитировать то высказывание, которое содержится в этой брошюре по вопросам воспитания. Я цитирую по-английски:

"Нельзя было бы сказать, что эта брошюра по своему существу носила более военный характер, чем радикальное подробное руководство по подготовке бой-скаутов, охватывающее самые различные стороны обучения. Правда, примерно 40 страниц этой брошюры посвящены теории и практике стрельбы из мелкокалиберных винтовок и духовых ружей, однако, в этих выдержках нет ничего, против чего можно было бы справедливо возразить. Худшее, что можно сказать по поводу этих отрывков, сводится к тому, что их можно с успехом предложить вниманию бой-скаута, который хочет подготовиться к получению значка на звание меткого стрелка".

Об идеологии молодежи я могу сказать, что она отнюдь не была милитаристской.

ЗАУТЕР. Позднее, может быть, мы вернемся к этому вопросу. Итак, вы говорите, что члены "Гитлеровской молодежи" обучались стрельбе из штуцеров или из так называемых

11713

H1203 – 0392

H1203 – 0393

мелкокалиберных винтовок. Скажите, молодежь также обучалась обращению с пехотными винтовками, с пулеметами и автоматами?

ШИРАХ. В принципе-нет.

ЗАУТЕР. Вообще нет.

ШИРАХ. Ни один немецкий мальчик до войны не обучался стрельбе из боевого оружия или обращению с военным оружием, не говоря уже о пехотных винтовках, пулеметах или пехотных оружиях, его не тренировали в метании ручных гранат.

ЗАУТЕР. Господин председатель, в книге документов по делу Шираха имеется целый ряд различных документов, которые должны показать, что подсудимый фон Ширах придерживался точно таких же взглядов по вопросу о военной и допризывной подготовке молодежи, какие он высказал сегодня, а именно, что он выступал против военной муштры, всякого казарменного тона и т.п.

Итак, это в основном следующие документы в книге документов по делу Шираха 55, затем 122, 123, 127, 127а, 128 и 131. Я прошу вас принять эти документы к сведению; они содержат в главных чертах то, что только что кратко изложил Ширах.

Господин фон Ширах, в связи с этой так называемой военной подготовкой молодежи, меня интересует, какое влияние оказывала СА на обучение молодежи?

ШИРАХ. Вовсе никакого. Но СА пыталась оказать влияние на воспитание молодежи.

ЗАУТЕР. Каким образом?

ШИРАХ. Это было в январе 1939 г. Я тогда как раз был в Дрездене, где я присутствовал на олимпиаде, на которой я распорядился показать мне современную гимнастику для девушек. Я это хорошо еще припоминаю. Я сидел на этом соревновании, мне показали газету, в которой был напечатан указ Гитлера,

согласно которому члены двух старших возрастов ~~прохо~~ гитлеровской молодежи должны были проходить допризывную подготовку в СА. Я тотчас же опротестовал это и, вернувшись в Берлин, добился того, чтобы этот указ не имел силы, хотя и не был отменен, потому что этого нельзя было сделать по соображениям престижа, учитывая, что он был подписан Гитлером.

ЗАУТЕР. Господин председатель, это событие отражено в документе ~~Ширах~~ № 192 в книге документов по делу Шираха. Это заявление из архива полуофициального журнала. Я разрешу себе сослаться на это заявление как на доказательство и хочу задать подсудимому следующий вопрос относительно обучения стрельбе. Скажите, какое место занимала стрельба в общей подготовке "Гитлеровской молодежи". Очень большое, или просто большое? Пожалуйста ответьте.

ШИРАХ. К сожалению, у меня нет необходимых материалов, документов, с их помощью я мог бы совершенно точно ответить на ваш вопрос. Во всяком случае, стрельба не была значительной частью воспитания гитлеровской молодежи.

ЗАУТЕР. Переходило ли это обучение стрельбе, согласно вашим наблюдениям, соответствующие границы такого же обучения молодежи
у других народов?

ШИРАХ. Обучение молодежи стрельбе в других странах проводилось куда более интенсивно.

ЗАУТЕР. Убедились ли вы сами в этом?

ШИРАХ. Я знаю об этом от своих многочисленных сотрудников, подробно изучавших воспитание молодежи в других странах; я осведомлен так же на основании своих собственных наблюдений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы считаете, что факты, касающиеся обучения владеть винтовкой в других странах, относятся к делу? Я не совсем уверен в правильности данных показаний,

11715

H1203 – 0394

H1203 – 0395

но, во всяком случае, это к делу не относится.

ЗАУТЕР. Итак, я, господин свидетель, перехожу к другому вопросу. Обвинение утверждает /я цитирую/, что "тысячи юношей проходили военную подготовку в организации гитлеровской молодежи, что "гитлеровская молодежь" готовила моряков, летчиков и танкистов и что более, чем 7.000 учителей преподавало в этой организации гитлеровской молодежи искусство стрельбы". Вот эта цитата обвинения, взятая из речи, произнесенной во время демонстрации в 1938 году.

Итак, я прошу вас высказаться по интересующему нас вопросу о так называемых "специальных подразделениях" "гитлеровской молодежи".

ШИРАХ. Обвинение, если я не ошибаюсь, ссылается на одну из речей, произнесенных Гитлером. Я не знаю, откуда Гитлер получил данные относительно обучения. Я могу сообщить о подготовке в этих специальных подразделениях "гитлеровской молодежи" только следующее, указав на факты и подтвердив их.

В 1938 году "моторизированные отряды" гитлеровской молодежи, так сказать, особые подразделения нашей молодежной организации, относительно которых Обвинение утверждает, что они проводили предварительную подготовку по танковому делу, насчитывали 328 собственных машин.

ЗАУТЕР. Во всей Германии?

ШИРАХ. Во всей Германии у членов "гитлеровской молодежи" личных машин, которые они получали в свое распоряжение в связи с их работой, было 3270; национал-социалистский автомобильный корпус предоставил в распоряжение "гитлеровской молодежи" 2.000 машин. В 1938 году 21.000 юношей получила право водителя. Мне кажется, но я не могу утверждать с уверенностью, что это число в два раза превышает число юношей, получивших права водителя в 1927 году. Это были права по вождению персональной машины. Но уже эти цифры показывают,

что моторизованные отряды "гитлеровской молодежи" не занимались предварительной подготовкой танкистов. В ее распоряжении были мотоциклы, члены организации совершали поездки экскурсионного характера. Но, правда, не то, что члены моторизованных отрядов "гитлеровской молодежи" изучали, представляло ценность для армии, когда они позже попадали в моторизованные части.

Но дело отнюдь не обстояло таким образом, что юноша, состоявший членом моторизованного отряда "гитлеровской молодежи", должен был определяться в сухопутные силы. В этом отношении не существовало никакого насилия. Моторизованные отряды "гитлеровской молодежи" возникли не по желанию вооруженных сил. Они возникли в то время, когда еще велась борьба, задолго до прихода национал-социалистов к власти, просто вследствие наклонностей юношей, желавших иметь мотоциклет. Итак, мы сформировали моторизованные отряды в организации "Гитлеровской молодежи", используя их членов в качестве связных, курсировавших между нашими лагерями, и шоферов на машинах наших младших руководителей /фюреров/, а позже, чтобы ввести упорядоченное обучение юношей, особенно мотоделу, мы заключили соглашение с национал-социалистским автомобильным корпусом, располагавшим соответствующими автошколами и имевшим возможность обучить наших юношей. Аналогичным образом развивались другие подразделения. Летчик из организации "Гитлеровской молодежи" никогда не летал на моторном самолете. У нас были лишь планеры. Вся организация "Гитлеровской молодежи" располагала только одним моторным самолетом; это был мой личный самолет, маленькая пассажирская машина типа "Клемм". А в общем у организации "гитлеровской молодежи" были только планеры и модели самолетов. "Гитлеровская молодежь" обучала не только своих

11717

H1203-0396

H1203 – 0397

собственных членов планерному искусству в Рене и других местах, но также и тысячи юношей из Англии и других стран. У нас происходили соревнования молодых планеристов из Англии и мы сами посылали своих планеристов на состязания в Англию.

ЗАУТЕР. Может быть водные отряды "Гитлеровской молодежи" располагали боевыми кораблями?

ШИРАХ. Водные отряды "Гитлеровской молодежи", естественно, не имели боевых кораблей, но иногда, благодаря любезности бывшего главнокомандующего, они получали в подарок старый катер, на котором они занимались греблей. Юноши, проживавшие в таком городе как Берлин на Ванзее и занимавшиеся водным спортом, вступали в водные отряды "Гитлеровской молодежи"; когда они призывались на военную службу, они не определялись обязательно в военно-морской флот, потому, что они были в свое время в водных отрядах "Гитлеровской молодежи". Многие также поступали в сухопутную армию или в авиацию; так же обстояло дело с другими особыми подразделениями.

ЗАУТЕР. Господин свидетель, по вашему мнению, ~~вы утверждаете~~, молодежь не проходила военной подготовки, предназначенной для ведения войны?

ШИРАХ. Я хочу быть совершенно точным в своих показаниях. Обучение в этих специальных подразделениях проводилось таким образом, что оно действительно имело значение допризывной подготовки. То, что юноша изучал в водных отрядах "Гитлеровской молодежи", независимо от того, использовал ли он затем эти знания как спортсмен, или он действительно поступал в военно-морской флот, ~~именно ценность~~ представляло собой основы допризывной подготовки. Изучая специальные подразделения молодежи, можно констатировать, что здесь имела место допризывная

подготовка, но не военная подготовка. Молодежь ни в каких отрядах "Гитлеровской молодежи" не подготавливалась к войне, она, собственно, даже не подготавливалась к оборонной службе, потому что юноши из организации "Гитлеровской молодежи" не поступали непосредственно в армию. Сначала они отбывали трудовую повинность.

ЗАУТЕР: Как долго они отбывали трудовую повинность?

ШИРАХ: Полтора года.

ЗАУТЕР: И лишь после этого они призывались в армию?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Обвинение, однако, в связи с этим использовало соглашение, заключенное между руководством организации гитлеровской молодежи и ОКВ в августе 1939 года, пред"явив его как документ ПС-2398. Скажите, какое это было соглашение между Вами и ОКВ?

ШИРАХ: Я не помню деталей этого соглашения. Насколько мне помнится, между мной и фельдмаршалом Кейтелем, не состоялось даже никакого совещания по поводу этого соглашения; мне кажется, мы решили этот вопрос, обменявшись письмами. Я хочу заметить, что в период с 1933 по 1945 г.г. я всего лишь один или два раза, может быть около получаса, беседовал с фельдмаршалом Кейтелем. Это соглашение возникло по следующим соображениям: мы в молодежной организации стремились к тому, чтобы не предвосхищать в обучении, проводившемся нами, более поздней военной подготовки;

11719

H1203 – 0398

H1203 – 0399

таково было мнение и авторитетных лиц армии. Но с течением времени военные ведомства стали протестовать, заявляя, что молодежь не должна изучать то, чему ей придется переучиваться, проходя подготовку. Я подумал сейчас, например, о случае с компасом. Сухопутная армия использовала пехотный карманный буссоль. В "Гитлеровской молодежи" использовались на спортивных занятиях по топографии самые различные виды компаса, не только военные. Было совершенно нелепо, что наши молодежные руководители учили юношей передвигаться, например, с помощью компаса. Безара, если юноша впоследствии, будучи рекрутом, должен изучать нечто совершенно другое. При описании рельефа местности в молодежной организации должны были применяться те же термины, что и в армии, и, таким образом, возникло соглашение, согласно которому около 30 или 60 тысяч руководителей "Гитлеровской молодежи" получили спортивно-топографическую подготовку. На этих топографических спортивных занятиях не изучались боевые виды оружия.

ЗАУТЕР: Господин председатель, я перехожу к другой главе. Может быть, Вам удобно сделать перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об"являет перерыв.

/ Об"является перерыв до 14.00/.

11720

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 23 мая 1946 года

(Вечернее заседание)

ЗАУТЕР: Господин свидетель. Перед перерывом мы занимались вопросом военной или допризывной подготовки молодежи. Теперь мы переходим к родственной главе, а именно, к вопросу... Вы, как руководитель молодежи, в своих статьях, в своих речах и приказах пытались психологически повлиять на молодежь в направлении подготовки агрессивной войны, чтобы, тем самым создать у молодежи военные настроения?

ШИРАХ: Нет, я никогда в моих речах к молодежи или в том, что я излагал для молодежи в приказах и указаниях, не подготавливал молодежь к войне. Я также никогда не делал подобных высказываний в узких кругах моих сотрудников. Все мои речи содержались в сборнике "Архив", во всяком случае, их основная масса. Большая часть моих речей собрана в книге "Революция воспитания", которая предоставлена Суду. Из всех этих доказательств следует, что я никогда не обращался в этом смысле к молодежи и это находилось бы в прямом противоречии с моими стремлениями сотрудничать с молодежью других наций.

ЗАУТЕР: Господин председатель, разрешите в этой связи указать на документы в книге документов по делу Шираха - 125 и 126, где Ширах говорит о сохранении мира и об отрицательном отношении к войне. Я прошу Суд принять эти документы в качестве доказательства.

Господин свидетель, Вы только-что говорили о сотрудничестве Вашего имперского руководства молодежью и германской

11721

H1203 – 0400

H1203 – 0401

гитлеровской молодежи с молодежью других наций. Могли бы Вы рассказать более подробно по этому вопросу, особенно в отношении того – с какими организациями молодежи других наций Вы сотрудничали и добивались сближения, в какой форме и в какой степени?

ШИРАХ: С 1933 года я из года в год во все увеличивающемся масштабе стремился организовать туристские лагери для молодежи других стран. У нас очень часто бывали группы бельгийской, французской и английской молодежи, а также молодежи многих других стран и, конечно, особенно Италии. Я вспоминаю, что только в одном году (кажется, в 1936 году) нас посетило около 200 тысяч представителей молодежи. В этой связи, может быть, важно сказать, что туристский союз, руководство которым я принял на себя с 1933 года, развивался и стал составной частью международного туристского союза, председателем которого был одно время немец, одно время англичанин. Путем заключения туристского соглашения мы предоставили возможность для молодежи различных наций проводить ночлег на этих туристских базах для молодежи. В особенности я старалося добиться договоренности с французской молодежью. Я должен сказать, что это была моя любимая идея, и я думаю, что мои бывшие сотрудники вспомнят, как интенсивно я работал ради осуществления этой идеи.

Мой руководящий журнал, я не знаю неоднократно ли, но во всяком случае я помню, что один раз он вышел на французском языке для того, чтобы подвести фундамент под эту работу, направленную на установление связи между французской и немецкой молодежью. Я бывал в Париже и передал однажды приг-

11722

лашение детям 1000 ветеранов первой мировой войны приехать в Германию. В Германии очень часто бывала в гостях французская молодежь. Но, кроме этой договоренности с Францией, которая в конце концов привела к разногласиям между мной и фюрером, я сотрудничал со многими другими организациями молодежи. Разрешите добавить, что это германо-французское сотрудничество молодежи поддерживалось, прежде всего, послом Поссе в Берлине и председателем совета министров Шотаном, а также многими другими французскими лицами, которые высказывались в моем руководящем журнале на эту тему. Я обменивался мнениями с руководителями молодежи всего мира и сам предпринимал несколько далеких поездок, чтобы побывать в молодежных организациях других стран и установить с ними связь. Война прервала эту работу.

Я не хочу оставить без внимания то, что я целый год посвятил работе с молодежью под лозунгом "договоренность" и что я во всех своих речах, обращенных к молодежи, пытался побудить ее к соглашению по отношению к другим народам и воспитывать молодежь в этом духе.

ЗАУТЕР: Верно ли, что Вы, например, уже в последние годы перед войной, мне кажется, еще зимой 1937-1938 г. и затем в 1938-39 г. принимали большие делегации английской молодежи в лыжных лагерях гитлеровской молодежи и, что, наоборот, также в эти годы были посланы в Англию крупные делегации гитлеровской молодежи и ее руководителей для того, чтобы люди познакомились друг с другом и поняли друг друга?

ШИРАХ: Да, это верно. Имелись многочисленные лагери для иностранной молодежи в Германии и германской молодежи за гра-

11723

H1203 – 0402

H1203 – 0403

ницей. Я сам неоднократно посещал такие лагери или принимал делегации из этих лагерей.

Разрешите мне добавить, что уже в 1942г. я пытался сотрудничать с французской молодежью; тогда трудности заключались в поведении Муссолини. Я поехал в Рим и там через посредство графа Чиано имел продолжительную беседу с Муссолини и добился того, что он не возражал против того, чтобы молодежь всех французских групп поехала в Германию. Но, к сожалению, Гитлер, когда я сообщил об этом результате министру иностранных дел, отказал в этом, во всяком случае, так сказал мне господин фон Риббентроп.

ЗАУТЕР: Из одной статьи в журнале "Архив" за 1938 г. я, например, заключаю, что в этом году Вы пригласили 1000 детей французских фронтовиков. Они посетили лагерь гитлеровской молодежи и немецко-французские лыжные молодежные лагери. Это верно?

ШИРАХ: Да. Об этом я уже говорил.

ЗАУТЕР: И из другого источника я узнал, что Вы, например, как мне кажется, в 1939 г. приказали поставить памятник в Шварцвальде, когда несколько членов английской делегации погибли во время спортивных занятий. Это верно?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Господин председатель, подсудимый ранее говорил о том, что он вблизи Берлина построил для ~~этих~~ своих целей собственный дом, над которым висел плакат "Дом гитлеровской молодежи для заграничных гостей". Разрешите представить снимки этого дома в качестве документа за № 120. Я прошу просмотреть эти снимки по той причине, что эти снимки ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы просто можем принять этот факт к сведению с Ваших слов, не рассматривая фотографий дома. Особенности архитектурного стиля не произведут на нас никакого особого впечатления.

ЗАУТЕР: Если Вы не посмотрите на снимки, то Вы не будете знать, как был оборудован этот дом. Вы увидите, например, что во всем доме не было ни одной свастики и ни одного портрета Гитлера и т.п., то-есть здесь учитывались взгляды иностранных гостей. И в этой связи, господин председатель, разрешите представить в качестве доказательства целый ряд документов, которые свидетельствуют об усилиях подсудимого фон Ширах, направленных на сближение немецкой молодежи с молодежью других народов. Эти документы находятся в книге документов по делу Ширах, документы с 99 до 107 включительно, затем документы 108, № 113, далее документ 114 с номером 116-а и затем документы 117, 119 и 120. Все эти документы относятся к тому же комплексу.

Господин свидетель, если Вы приглашали в Германию такие делегации иностранной молодежи, то было ли от этих делегаций сохранено что-либо в тайне в смысле каких-либо учреждений, особенно у гитлеровской молодежи?

ШИРАХ: Нет, в принципе руководители иностранной молодежи, которые имели желание посмотреть наши учреждения, смотрели все, им показывалось все, абсолютно все. Вообще не было никакого учреждения немецкой молодежи в прошлом, которое не было бы показано нашим иностранным гостям. Допризывная подготовка им также об"яснялась во всех подробностях.

ЗАУТЕР: В 1939 году началась вторая мировая война. Вы в

11725

H1203 – 0404

H1203 – 0405

последние месяцы до войны считались с возможностью возникновения войны или какие проблемы занимали Вас в то время?

ШИРАХ: Я был твердо убежден, что Гитлер не допустит до того, чтобы дело дошло до войны. Я считал, что он не будет обманывать себя в том, что западные державы были полны решимости начать войну. До дня начала войны я был твердо убежден, что войны можно будет избежать.

ЗАУТЕР: Говорили ли Вы в то время с военными руководителями или с политическими деятелями о военной опасности и о перспективах поддержания мира?

ШИРАХ: Нет. Я хочу вообще сказать здесь кое-что о моих беседах с военными лицами. Я уже ранее сказал, что за 12 лет, т.е. с 1933 года до 1944 или до 1945 года, у меня было лишь одна или две получасовых беседы с фельдмаршалом Кейтелем, и в одной из них, я помню, говорилось о личных делах. В то же самое время у меня была, мне кажется, лишь одна беседа, с гросс-адмиралом Редером. С гросс-адмиралом Деницом я познакомился вообще лишь здесь, в Нюрнберге. С генерал-полковником Йодлем у меня никогда не было никакого служебного разговора. С покойным фон- Бломбергом я, насколько я помню, имел одну или две получасовых беседы. С бывшим командующим сухопутными силами фон Фричем у меня вообще не было служебных бесед. Я был лишь один раз его гостем, когда он устраивал лыжные соревнования для сухопутной армии. И он меня пригласил, так как ему был известен мой интерес, который я проявлял к лыжному спорту. С его преемником фан-Браухичем у меня была в 1933 г. одна общая беседа по вопросу о воспитании, когда я в Кенигсберге произнес речь перед молодежью, а позже, мне кажется, я один

раз посетил его по служебным делам и обсудил с ним вопрос, который не имел существенного значения для воспитания молодежи. Это был вопрос технического порядка. Я вообще должен сказать, что у меня не было времени для бесед. Я руководил организацией в 8 миллионов человек и я был настолько занят работой в этой организации, что у меня не было никакой возможности присутствовать в Берлине на конференциях или обсуждениях положения, даже если бы я имел право присутствовать на них, чего кстати я не имел.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, с 1932 года Вы были рейхслейтером. Таким образом Вы принадлежали к высшей группе партийных руководителей. Вас, как рейхслейтера, не информировал ли Гитлер, или его заместитель, или другие политические деятели о политическом положении?

ШИРАХ: Гитлер, мне кажется, в среднем два раза в год собирал рейхслейтеров и гаулейтеров на доклад, на котором он делал политический обзор прошедших событий. И ни разу Гитлер в этом кругу не говорил о будущих мероприятиях военного или политического характера.

ЗАУТЕР: Вследствие этого, если я верно понимаю Ваш ответ, все эти политические события были для Вас совершенно неожиданными?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Это также относится и к вопросу о присоединении Австрии?

ШИРАХ: Да. О присоединении Австрии, которое я, конечно, приветствовал, я узнал, насколько я помню, по радио во время поездки в автомобиле из своей академии в Брауншвейге в Берлин.

H1203 – 0406

H1203 – 0407

Я поехал дальше в Берлин, там сел немедленно на поезд и на следующее утро прибыл в Вену и приветствовал там молодежь, руководителей молодежи, часть которых очень долго пробыла в тюрьме и в концлагере Веллерсдорф и пережила довольно тяжелое время.

ЗАУТЕР: А о вступлении в Чехословакию?

ШИРАХ: Об этом я узнал как и всякий немецкий гражданин, по радио и я узнал об этом не больше того, что узнал любой другой гражданин Германии по радио.

ЗАУТЕР: Вы, занимая какой-либо из Ваших постов, участвовали в переговорах с Чемберленом и Деладье в 1938 г., относящихся к мюнхенскому соглашению?

ШИРАХ: Нет.

ЗАУТЕР: А каково было Ваше мнение?

ШИРАХ: В этом соглашении я видел основу для мира. Я был твердо убежден, что Гитлер будет соблюдать это соглашение.

ЗАУТЕР: Знали ли Вы что-либо о переговорах с Польшей в 1939 году?

ШИРАХ: Нет. О переговорах, которые повели к войне, я узнал лишь здесь, в зале суда. Относительно этих переговоров я знаю лишь ту версию, которая официально передавалась по радио или министерством пропаганды.

Таким образом, я знал об этом не больше, чем всякий другой немец. Описание их, которое дал Гитлер в рейхстаге, я считал абсолютно правдивым. Я никогда в нем не сомневался или, во всяком случае, не сомневался приблизительно до 1943 года. Все то, что я слышал об этом, было для меня новым.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, Обвинение, между прочим, инкриминирует Вам также то, что Вы якобы в своей книге "Гитлеровская молодежь, мысли и образы" /это, господин председатель, документ Л-330/ употребили выражение: "жизненное пространство" и "восточное пространство". Вы, якобы, тем самым выразили мысль, что Вы приветствовали или считали необходимыми завоевания Германии в восточном направлении, т.е. за счет Польши и Советской России. Что Вы можете сказать по этому поводу?

ШИРАХ: В моей книге "Гитлеровская молодежь, мысли и образы", насколько мне известно, вообще не упоминается выражение: "жизненное пространство". В ней упоминается лишь слово "восточное пространство", мне кажется, в связи со службой прессы в восточных районах. В одной фразе сказано, при описании задач колониального реферата в имперском руководстве молодежи, что вследствие деятельности колониального реферата, не должна быть забыта необходимость в отношении того, чтобы указывать молодежи на необходимость использования восточного пространства. Под этим подразумевались восточные районы Германии, малонаселенные восточные районы. Это было в то время, когда молодежь занимали проблемы населения восточных районов, проблемы обязательств в сельском хозяйстве, т.е. ухода вторых и третьих сыновей крестьян из сельских районов на работу в город.

В ответ на это я основал свое собственное молодежное движение, так называемой сельскохозяйственной службы, задачей которого являлось сокращение движения молодежи из деревни в город и раз"яснение городской молодежи проблемы сельскохозяй-

H1203 – 0408

H1203 – 0409

ственного труда. Я, конечно, никогда не думал при этом о завоевании русских областей, так как политически, с тех пор, как я начал заниматься историей, я стоял всегда на той точке зрения, что мы должны снова проводить политику, изменившуюся вместе с отставкой Бисмарка, а именно, обеспечение своего тила путем сохранения мира с Россией. Нападение на Советский Союз я считал самоубийством для немецкой нации.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, Вы, как руководитель молодежи германской империи, имели право непосредственно докладывать Гитлеру?

ШИРАХ: Да, это правильно. Во всяком случае, это право делать доклады более или менее значилось на бумаге. Чтобы точнее описать это, я должен сказать, что до захвата Гитлером власти я мог чаще делать доклади лично Гитлеру. В 1932 году он неоднократно приходил ко мне к ужину, но ясно, что в присутствии моей жены и других гостей о политических вопросах ничего не говорилось, и в особенности, о моих специальных задачах. Я, возможно, мог начать разговор на ту или другую тему, интересующую меня в связи с воспитанием.

В 1933 году, насколько я помню, я дважды делал ему доклади: один раз относительно финансирования молодежи и другой раз в связи с партийным с"ездом в 1933 году. В последующие годы я бывал у него с докладом, в среднем один или два раза в год, причем со мной случилось то же самое, что случалось почти со всеми другими, которые делали доклады Гитлеру. Из 15 пунктов, о которых я ему хотел доложить, я мог обсудить три или четыре, а остальные так и остались необсужденными, так как он прерывал меня, начинал говорить о том, что казалось ему

особенно важным. Я пытался при этом помочь себе тем, что я соорудил модели крупных зданий для молодежи и спортивных сооружений и выставил их в одном зале имперской канцелярии и использовал возможность, когда Гитлер осматривал их для того, чтобы задать ему два или три вопроса.

Я должен сказать здесь, - и думаю, что я виновен в этом перед молодежью, - что Гитлер очень мало думал о вопросах воспитания. В области воспитания я не получил от него никаких советов. Единственный раз он дал действительно хороший совет в области физического воспитания (это было, кажется, в 1935 году), когда он сказал мне, чтобы я позаботился о том, чтобы бокс стал более популярным среди молодежи. Я сделал это, однако, он ни разу не присутствовал на соревнованиях по боксу. Мой друг, имперский спортивный руководитель фон Чаммер-Остен и я очень часто пытались пригласить его на спортивные соревнования, особенно на лыжные соревнования и соревнования по хоккею в Гармише, но за исключением олимпийских игр, он не присутствовал ни на каких соревнованиях.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, Вы только что рассказывали нам о так называемой военной или допризывной подготовке. Насколько вообще можно говорить о ней, она играла лишь очень незначительную роль в обучении гитлеровской молодежи. Я прошу Вас не очень подробно, а лишь в основных чертах сказать нам, что, по Вашему мнению, было главными целями воспитания молодежи. Пожалуйста, только в основных чертах.

ШИРАХ: Лагерные палатки.

ЗАУТЕР: Лагерные палатки?

11731

H1203-0410

H1203 – 0411

ШИРАХ: Лагери, поездки, строительство домов для молодежи, туристских баз.

ЗАУТЕР: Поездки, что они означают?

ШИРАХ: Туризм отдельных лиц и групп, строительство туристских баз. Я в один год построил в Германии свыше 1000 домов для молодежи и туристских баз. Затем обучение дополнительным профессиям. Кроме того, у нас было то, что я называл "Олимпия дер Арбейт", т.е. ежегодно проводившиеся имперские соревнования по профессиям. Это были добровольные соревнования всей молодежи обоего пола, желавшей принимать в этом участие. И, действительно, в этом принимали участие миллионы. Затем, большие спортивные соревнования, совершенствование во всех видах спорта, наша культурная работа, создание музыкальных и хоровых кружков и создание для молодежи библиотеки. Существовала также и служба в сельском хозяйстве. Мы привлекали к этому городскую молодежь, которая лишь из идеалистических побуждений работала в сельском хозяйстве и показывала детям крестьян, что, собственно, сельские местности гораздо красивее, чем город, городская молодежь временно отказывалась от жизни в городе, чтобы посвятить себя работе в деревне, службе земле. В качестве самого большого достижения молодежи я должен назвать оздоравливание зубов и врачебные осмотры. Это в основных чертах важнейшие задачи молодежных организаций. Но это далеко не все.

ЗАУТЕР: Господин председатель, эти идеи, мысли и цели, которые преследовал подсудимый фон-Ширах, содержатся в ряде документов, которые находятся в книге документов по делу Ширахa, в его трудах и в его речах и указаниях. Речь идет о доку-

11732

ментах с № 32 по 39, затем 44 - 50, 66 - 74-а, 76-79 и, наконец, 80 - 83. Во всех этих документах разбираются те задачи, которые подсудимый сейчас обрисовал, и я прошу принять эти документы в качестве доказательства. Я хочу остановиться лишь на одном пункте относительно, так сказать, программы гитлеровской молодежи, так как это ставится Вам в особую вину, а именно, Ваше сотрудничество с союзом юристов, то-есть Ваше занятие юриспруденцией. Меня интересует, почему Вы, как имперский руководитель молодежи, вообще занимались юридическими проблемами? К чему Вы стремились и чего Вы добились? Я прошу Вас сказать об этом коротко, так как Обвинение особенно подчеркивает это.

ШИРАХ: Разрешите напомнить, что молодежь государства я рассматривал как государство молодежи. В этом государстве молодежи были представлены все профессии, все задачи. Сотрудничество с союзом юристов имело место вследствие необходимости подготовить для нашей трудящейся молодежи юридических консультантов, которые могли бы представлять известную юридическую защиту. При этом я был заинтересован в том, чтобы те руководители гитлеровской молодежи, которые изучали право, вновь вернулись в организации и выполняли такие задачи в своей организации. Из этого обучения развилась крупная организация внутри молодежи, которая имела такое значение, как организация врачей в рамках молодежной организации. Наша организация врачей охватывала около 1000 врачей - мужчин и женщин. Эти юристы были в штабах всех областей и во всех подразделениях гитлеровской молодежи и помогали осуществлять те требования, которые я впервые поставил еще в период борьбы, т.е.

H1203 – 0412

H1203 – 0413

до захвата власти и защищал которые впоследствии. Это были требования: предоставления свободного времени и оплачиваемых отпусков для молодых рабочих.

Из этой юридической работы молодежи вытекает организация семинаров по изучению прав молодежи и прав рабочей молодежи при университетах в Киле и Бонне. Из этого следовало, что те требования, которые я поставил в одной своей речи в 1936 году в молодежном комитете академии, действительно можно было осуществить.

ЗАУТЕР: Одну минуту. Эта речь, выдержки из которой содержатся здесь в документе № 63. Это – копия "Архива" от октября 1936 года. Господин фон Ширах, скажите совершенно кратко, какие требования Вы, как имперский руководитель молодежи, поставили себе в отношении участия молодежи в общественной жизни? Вы только что сказали "свободное время". Что Вы подразумеваете под этим?

ШИРАХ: В первую очередь сокращение рабочего дня для молодежи, устранение ночной работы.

ЗАУТЕР: Для молодежи?

ШИРАХ: Да, для молодежи. Категорическое запрещение детского труда, оплачиваемый трехнедельный отпуск в году и сокращение рабочего дня по субботам.

В Лигнице в 1937 году я установил, что в то время 50 процентов трудящейся молодежи не имело отпусков и только 1 процент имел 15-18 дневный отпуск в году. Но в 1938 году я добился издания закона о молодежи, которым запрещался детский труд, который устанавливал критический возраст для молодежи 18 лет вместо 16-ти, в котором говорилось о запрещении ночной

работы, - здесь были осуществлены все мои стремления, в том числе и требование,по крайней мере,двухнедельного отпуска. Это - все, чего я смог добиться, но это было лишь частью того, чего я хотел добиться.

ЗАУТЕР: То-есть, это те требования, которые содержатся в документах книги документов 40/41, 60/64, которые я прошу принять в качестве доказательств. Господин свидетель, теперь я перехожу к другой проблеме, к Вашему положению внутри партии.

Здесь недавно был пред"явлен план, который показывает построение партии и ее организаций. Верен ли этот план, или каково действительно было Ваше положение в партии?

ШИРАХ: В отношении моего положения в партии этот план неверен, во всяком случае в той степени, в какой он передает путь прохождения приказов. Согласно плану, который экспонировался здесь, путь прохождения приказа шел от рейхслейтера по воспитанию молодежи к начальнику партийной канцелярии, оттуда к Гитлеру и от Гитлера к имперскому руководству молодежи партии. Это, конечно, неверное изображение.

Я ведь не находился в руководстве партии, чтобы передавать свои приказы через гаулейтеров областным руководителям. Я был представителем молодежи, главой молодежи в партийном руководстве, так что если графически изобразить мое положение и положение моей организации в рамках НСДАП, то, собственно, нужно рисовать пирамиду, верхний конец которой, то-есть, значит, мое управление, - находился в руководстве партии выше рейхслейтера. Я был единственным человеком в молодежи, который был связан с партией.

11735

H1203 – 0414

H1203 – 0415

ЗАУТЕР: А остальные руководители молодежи и их помощники?

ШИРАХ: Отдельные из них были, возможно, членами партии, но не все, во всяком случае они не были членами руководства гау или округов. Весь штаб молодежи, вся организация молодежи существовала наряду с партией, как замкнутое целое.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, как руководитель молодежи в германской империи, Вы были имперским чиновником?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: И с 1 декабря 1936 года, кажется, Вы были начальником высшей имперской инстанции?

ШИРАХ: Я стал имперским чиновником только с 1-го декабря 1936 года.

ЗАУТЕР: Со званием?

ШИРАХ: Имперский Руководитель Молодежи.

ЗАУТЕР: Как начальник высшей имперской инстанции Вы были самостоятельным по отношению к министру внутренних дел и к министру по делам воспитания?

ШИРАХ: Да, это и было, собственно, смыслом учреждения этой инстанции. В этом и состояла цель ее учреждения.

ЗАУТЕР: Вследствие этого Вы стали членом имперского кабинета, как это утверждается?

ШИРАХ: По моему убеждению, нет. Я впервые услышал здесь о том, что я был членом имперского кабинета. Я никогда не принимал участия ни в одном заседании кабинета, я никогда не получал декрета или чего-нибудь подобного, который назначал бы меня членом имперского кабинета, я никогда не получал приглашений на заседания кабинета и я никогда не считал себя

членом кабинета и, мне кажется, что и министри тоже не считали меня членом кабинета.

ЗАУТЕР: Вас каким-либо образом уведомляли о решениях имперского кабинета, например, путем того что посылали Вам протокол заседания?

ШИРАХ: Нет. О решениях имперского кабинета, если таковые вообще принимались после 1 декабря 1936 года, - я получал информацию таким же путем, как и всякий другой высший чиновник или имперский служащий, который читал рейхсгезетцблатт и имперский министерский вестник. Протоколы мне никогда не передавались.

ЗАУТЕР: Когда Вы стали затем начальником высшей имперской инстанции, предоставило ли Вам какое-либо министерство необходимый Вам штат сотрудников, или как Вы вообще его создали?

ШИРАХ: Некоторых руководителей молодежи, которые годами работали в моем штабе, я произвел в чиновники, но я не взял ни одного чиновника ни из одного министерства для того, чтобы они занимались делами молодежи.

Вся высшая имперская инстанция, насколько я помню, состояла не больше, чем из пяти чиновников. Это была самая маленькая высшая инстанция в империи и этим я особенно гордился. Мы выполняли очень большую задачу с минимальным количеством людей.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, затем я хотел бы перейти к довольно обширной теме, а именно к упомянутому Вами аффидевиту некоего Грегора Пимера. Это - очень пространный аффидевит, который был представлен Обвинением под номером 2441-ПС.

11737

H1203 – 0416

H1203 – 0417

Господин свидетель, Вы можете что-либо сказать по поводу этого аффидевита. Знаете ли Вы этого Цимера?

ШИРАХ: Нет.

ЗАУТЕР: Узнали ли Вы, кто он такой и откуда он получил эти сведения?

ШИРАХ: Из аффидевита я заключаю, что г-н Цимер был директором американской школы в Берлине, до войны, конечно, и что он написал книгу, в которой, повидимому, разбирается вопрос о молодежи и о воспитании молодежи в Германии, и этот аффидевит представляет собой экстракт этой книги. Сам аффидевит, если его рассматривать как целое, мне кажется, имеет более пропагандистское значение, чем об"ективное. Я хотел бы начать с того, что я зачту кое-что с самой первой страницы. Это страница, на которой находится заявление Цимера, данное им под присягой, и в последнем абзаце написано: "что перед окнами американской школы происходили уличные бои между еврейскими учениками и местной молодежью. О трудностях, которые стояли перед этой школой, мне не нужно много говорить, так как это не входит в круг моих обязанностей, но эти уличные бои происходили вне школы и, мне кажется, я должен высказаться по этому поводу. Я никогда ничего не слышал об этих ссорах, но при всех обстоятельствах я должен был бы узнать о них, так как большую часть этого года - 1938 года - я был в Берлине. Я узнал бы об этом, во-первых, через саму организацию молодежи, так как руководители молодежи должны были бы сообщить мне об этом, если бы имели место такие события. Я бы узнал об этом через министерство иностранных дел. Если бы была оскорблена молодежь американской колонии, то в министер-

ство иностранных дел поступил бы протест через посольство и этот протест был бы мне немедленно передан, о нем сообщили бы мне по телефону. Я могу лишь представить себе, что речь идет об очень большом преувеличении.

Американский посол Вильсон, мне кажется, еще весной 1939 года (мне кажется, я не ошибаюсь в дате) завтракал у меня в доме в Гатау.

ЗАУТЕР: В доме для иностранной молодежи?

ШИРАХ: Да, и при этом мы с глазу на глаз беседовали с ним о различных вещах и я думаю, что при этом или же потом, он при любых обстоятельствах упомянул бы о таком случае, если бы это случилось в такой форме, как изобразил это Цимер.

ЗАУТЕР: Мне кажется, что с этой страницы аффидевита я могу перейти к странице 2-ой. Здесь речь идет о ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, какая часть этого документа зачитывалась Обвинением? Насколько мне известно, лишь очень небольшая.

ЗАУТЕР: Простите...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какая часть этих письменных показаний, данных под присягой, была оглашена Обвинением и представлена им как доказательство?

ЗАУТЕР: Я не могу этого сказать, господин председатель, по памяти, но согласно установленной практике, я должен полагать, что если представляется документ, то он принимается Судом к сведению в целом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, это не так. Мы много раз заявляли, что мы только принимаем к сведению те документы, которые зачитываются перед Трибуналом, если эти документы не переведены

H1203-0418

H1203-0419

полностью и перевод их не представлен. Мне кажется, что этот документ представлялся в ходе представления доказательств Обвинения и из него, повидимому, зачитывалось в то время одно или два предложения. Я не помню сколько именно было зачитано, но Вы и подсудимый должны знать об этом.

Г-н ДОДД: Господин председатель, мы зачитывали всего один абзац.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Один абзац?

Г-н ДОДД: Один полный абзац, и возможно часть абзаца на странице 21-й.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я нашел это место.

Г-н ДОДД: Я полагаю, что Обвинение привело ту часть, которая относится к речи в Гейдельберге.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И это единственная часть документа, которая зачитывалась и, следовательно, единственная, которая принята как доказательство.

ШИРАХ: Чтобы доказать свою правоту, я не буду заниматься каждым обвинением, которое содержится в аффидевите, - я хочу сказать, что за одним исключением, ежегодные лозунги гитлеровской молодежи здесь переданы неверно, но что Грегор Цимер подтверждает под присягой правильность своих показаний.

ЗАУТЕР: Господин председатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если Вы желаете ответить на эти письменные показания, не будет ли лучше обратить внимание подсудимого на те абзацы, которые зачитывались. Тогда он сумел бы сделать свои возражения, относящиеся к ним.

ЗАУТЕР: Господин председатель, в аффидевите Цимера, который подсудимый считает явно подстрекательским, указаны лозунги

которые давал подсудимый на каждый год. Лозунг - слово, которое в работе следующего года...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Один абзац этого документа был представлен, как доказательство. Если Вы хотите представить все остальное, Вы имеете право это сделать. Но, как мне кажется, для Вас было бы лучше всего ответить на тот абзац, который был представлен. Остальная часть письменных показаний не представлялась как доказательство.

ЗАУТЕР: Господин председатель, мы тогда окажемся в неравном положении именно потому, что другое место, которое не использовало Обвинение...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (прерывая) Я сказал, что Вы можете использовать и другие выдержки, если Вы пожелаете.

ЗАУТЕР: Конечно, но я могу доказать, что показания господина Цимера неверны и поэтому я как-раз намереваюсь обсудить с подсудимым вопрос о лозунгах.

Это только пример.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, подсудимый, очевидно, говорит, что письменные показания являются недостоверными из-за лозунгов, которые в них приводятся. Разве этого недостаточно для Ваших целей?

ЗАУТЕР: Да, но я хочу как-раз доказать, что показания, данные доктором Цимером, неверны. Подсудимый утверждает, что то, что там написано, не соответствует действительности, и я хочу Вам доказать, что Цимер действительно об"ективно дал неверные показания под присягой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Без сомнения, доктор Заутер. Поскольку лишь один абзац этих письменных показаний принят в качестве

H1203 - 0420

H1203 – 0421

доказательства, Вы можете ставить вопрос о том, в какой мере можно доверять тому лицу, которое давало эти письменные показания, лишь очень кратко.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, этот господин Цимер в своем аффидевите дал показание относительно лозунгов, которые Вы давали для гитлеровской молодежи. Каковы были эти ежегодные лозунги, Суд без труда может заключить из аффидевита. Я же прошу Вас сказать нам, каковы были эти лозунги в то время, когда Вы были руководителем, то-есть по 1945 год, исключая время до 1933 года.

ШИРАХ: Господин Цимер передает эти лозунги на странице 16-й английского документа. Господин Цимер говорит, что в 1933 году лозунг германской молодежи гласил: "одна империя, одна нация, один фюрер". Он, повидимому, подразумевает "один народ, одна империя, один фюрер". В действительности 1933 год, был годом об"единения.

ЗАУТЕР: Что это означает "об"единение"?

ШИРАХ: То-есть годом, когда об"единилась вся немецкая молодежь.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, я хотел бы выпустить несколько лет и остановиться на 1938 году. Какой лозунг был дан для гитлеровской молодежи в 1938 году?

ШИРАХ: 1938 год - был годом сотрудничества.

ЗАУТЕР: Годом сотрудничества?

ШИРАХ: Цимер говорит, что лозунг был "каждый член молодежи - летчик".

ЗАУТЕР: А в 1939 году?

ШИРАХ: Этот год прошел под лозунгом охраны здоровья.

ЗАУТЕР: Охраны здоровья?

ШИРАХ: У Цимера говорится: "гитлеровская молодежь марширует".

ЗАУТЕР: И, наконец, 1940 год, Ваш последний год?

ШИРАХ: Этот год прошел под лозунгом обучения, а Цимер говорит: "Мы двигаемся против Англии". Но я хочу добавить, что первый лозунг: "один народ, одна империя, один фюрер", о котором Цимер заявляет, что это был официальный лозунг молодежи в 1933 году, появился в 1938 году, когда Гитлер прибыл в Австрию, а до этого этого лозунга вообще не существовало. Он никогда не был годовым лозунгом германской молодежи.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, мы должны учитывать желание Суда и мы не должны больше заниматься аффидевитом Цимера, за исключением одного пункта, который Обвинение главным образом ставит Вам в вину в связи с обвинением в антисемитизме.

Я выпускаю дальнейшие показания Цимера и перехожу к гейдельбергской речи. Я прошу Вас сперва сказать, что утверждает господин Цимер и затем высказать свое мнение.

ШИРАХ: Да, Цимер утверждает, что на собрании студентов в Гейдельберге - мне кажется, в конце 1938 или в начале 1939 года - я произнес речь, направленную против евреев на демонстрации национал-социалистского союза студентов. Он говорит, что при этом я хвалил студентов за разрушение синагог в Гейдельберге и что я затем в заключение заставил студентов пройти мимо меня и вручал им потом медали и свидетельства о повышении. Во-первых, я должен сказать следующее. О моей личной деятельности в студенческом движении я уже говорил. В 1934 году, по

11743

H1203 – 0422

H1203 – 0423

желанию заместителя фюрера Рудольфа Гесса, я передал ему руководство студенческим движением. Затем он назначил имперского руководителя студентов и с этого времени я не произносил речей на собраниях студентов. В Гейдельберге, я был, насколько я помню, летом 1937 года и произнес там речь перед молодежью, то-есть за год или полтора года до того момента, о котором пишет Цимер. Я присутствовал там на праздничных играх. Но я не помню ни одного собрания со студентами подобного рода. Я не помню, что я вообще говорил о еврейских погромах 1938 года на официальных собраниях. О том, как я высказывался по этому поводу перед молодежью, я скажу потом. Затем Цимер говорит (я перевожу с английского): "Придет день, когда студенты Гейдельберга займут свое место бок о бок с легионом других студентов, чтобы завоевать молодежь для идеологии нацизма". В таком духе я не говорил ни на собраниях молодежи, ни перед общественностью, или в небольшом кругу. Это не мои слова. Я этого не говорил.

Почетные знаки я вообще не мог давать студентам. Медалей для награждения учащихся вообще не существовало. Кроме того, вручать их имел право только глава государства. Я сам имел право вручать лишь золотые почетные значки молодежи, и я вручил их приблизительно 230 человекам, причем лишь тем, которые имели большие заслуги в деле воспитания молодежи, а не неизвестным студентам.

ЗАУТЕР: Господин свидетель! Основным в Ваших показаниях явится то, что если Вы нам скажете, - правильно ли, что это не Вы сделали доклад в конце 1938 года перед студентами в Гейдельберге, в котором указывалось на руины синагог, так как

Вы к тому времени уже в течение нескольких лет не имели никакого отношения к студенческому движению?

ШИРАХ: Да. Я не имел никакого отношения к студенческому движению и я не помню, чтобы я когда-либо выступал на таком митинге. Это совершенно исключено, чтобы вообще имела место эта демонстрация со студентами. Я этого не говорил.

ЗАУТЕР: У Вас есть аффидевит? Там написано также то, что я перевел на немецкий язык. Там говорится о маленьком полном руководителе студентов. Вы нашли это место? Ведь там так написано?

ШИРАХ: Да, там написано так.

ЗАУТЕР: Совершенно очевидно, что это название "маленький полный руководитель студентов" не может относиться к Вам.

Господин председатель, разрешите в этой связи указать Вам на аффидевит, который находится в книге документов по делу Шираха под № 3, и который я представляю. Это письменное показание под присягой некоей Генкен, которая с мая 1938 года работала секретарем Шираха и которая в этом письменном показании под присягой в § 16 (это 22-ая страница книги документов), точно упоминая детали, заявляет под присягой, что подсудимый в это время вообще не был в Гейдельберге. Нет, пожалуй, необходимости зачитывать эту часть письменного показания под присягой. Я прошу принять это к сведению в качестве доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю, что сейчас удобно сделать перерыв.

ЗАУТЕР: Хорошо.

/Об"является перерыв на 10 минут/

11745

H1203 – 0424

H1203 – 0425

Встать! Суд идет!

ЗАУТЕР: Господин свидетель! Вы говорили в другой связи о том, что фюрер считал Вас непригодным для руководства молодежью. Меня интересует то, сколько членов корпуса руководителей гитлеровской молодежи были в 1938 году в начале войны офицерами запаса вооруженных сил?

ШИРАХ: Я считаю, что в составе высшего руководства имперской молодежью было, примерно, 1.300 человек. Это руководители отрядов, районных организаций и соответствующие работники штабов. Из этих 1.300 руководителей 5-10 человек были офицерами запаса.

ЗАУТЕР: А каково было количество офицеров действительной службы в составе руководства гитлеровской молодежи или в штабах?

ШИРАХ: Офицеры действительной службы не были руководителями молодежи и не могли быть ими.

ЗАУТЕР: Почему? Это запрещалось уставом?

ШИРАХ: Да. Офицеру не разрешалось быть членом партии или одной из входящих в ее состав организаций и примыкающих к ней об"единений.

ЗАУТЕР: Кто являлся ответственным за физическое воспитание и спортивную подготовку гитлеровской молодежи?

ШИРАХ: Обергебтфюрер фон Чаммер-Остен, который являлся одновременно имперским спортивным руководителем. Он работал в год олимпиад в тесном контакте со мной, добровольно перешел в мое подчинение в декабре или ноябре 1936 года и нес ответственность передо мной за всю физическую подготовку юношей и девушек.

ЗАУТЕР: А господин фон Чаммер-Остен, который известен в международном спортивном мире, был офицером?

ШИРАХ: Он был, насколько я помню, офицером в первой мировой войне, потом вышел из армии и занимался сельским хозяйством и позднее целиком занимался вопросами физического воспитания молодежи. Один из его братьев был офицером действительной службы.

ЗАУТЕР: Этот господин фон Чаммер-Остен во вторую мировую войну был офицером?

ШИРАХ: Нет.

ЗАУТЕР: Это Вы точно помните? Здесь Советским Обвинением был представлен документ, а именно сообщение из Львова, в котором утверждается, что гитлеровская молодежь или руководство имперской молодежью организовало курсы для польской молодежи, чтобы подготавливать из молодежи агентов, шпионов и парашютистов. Вы сегодня заявили, что Вы берете на себя всю ответственность за руководство молодежью. Я прошу Вас высказаться по этому вопросу.

ШИРАХ: У нас не было предпосылок для того, чтобы обучать молодежь шпионажу. Я не знаю, вербовал ли Гейдрих, со своей стороны, молодых поляков без моего ведома и ведома моих сотрудников и использовал ли он их в службе информации. Я же сам не занимался подготовкой шпионов, не имел никаких курсов по подготовке агентов. Заниматься подготовкой парашютистов я не мог уже потому, что в моем распоряжении не находились военно-воздушные силы, а такая подготовка могла осуществляться только в рамках военно-воздушного флота.

11747

H1203-0426

H1203-0427

ЗАУТЕР: Вы в качестве руководителя имперской молодежи или, как позднее Вы назывались, рейхслейтера по воспитанию молодежи, никогда до этого процесса не знали ничего о подобных вещах? Можете ли Вы заявить об этом под присягой?

ШИРАХ: Да, об этом я могу заявить под присягой. Я хочу добавить, что незадолго до войны, молодежь, бежавшая из Польши, целыми толпами приходила к нам, но она, естественно, не могла возвращаться обратно в Польшу. Преследование немцев в Польше является историческим фактом.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, Обвинение заявляет, что в организации "гитлеровская молодежь" пелась песня: "Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра весь мир". Так, якобы, звучала эта песня. Этим хотят доказать, что в этом выражались стремления гитлеровской молодежи к завоеваниям. Это так?

ШИРАХ: Песня в подлинном тексте, написанном Бауманом, содержится здесь в документе, и называется: "Сегодня нас слушает Германия, а завтра весь мир". Однако, мне стало известно, что эта песня иногда пелась в форме, о которой Вы здесь сказали. Поэтому я запретил петь эту песню иначе, чем в подлинном тексте. Точно так же, как много лет тому назад, я запретил исполнение песни "Мы победоносно разобьем Францию".

ЗАУТЕР: Вы эту песню совершенно запретили?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Из-за уважения к французским гостям, не так ли?

ШИРАХ: Нет, не из-за уважения к гостям, а потому, что это противоречило моей внешнеполитической концепции.

ЗАУТЕР: Господин председатель, я передаю настоящий текст песни, который я выписал из сборника песен. Это документ № 95

книги документов Шираха. В связи с вопросом, проводилась ли в гитлеровской молодежи военная подготовка, я хочу поставить следующие вопросы:

Подготовка, то-есть спортивная и физическая подготовка распространялась только на юношей, господин фон Ширах?

ШИРАХ: Нет, естественно, вся молодежь занималась физкультурой и спортом.

ЗАУТЕР: Так же и девушки?

ШИРАХ: Да, также девушки.

ЗАУТЕР: Правильно ли, что Ваши усилия, направленные на физическую подготовку и оздоровление молодежи, распространялись также и на лиц, имевших физические недостатки, например, слепых и т.д., которые заведомо не могли быть пригодными для военной службы?

ШИРАХ: Я уже очень рано начал вовлекать в гитлеровскую молодежь слепых, глухих и других калек. Для слепых был отдельный журнал и я приобретал книги для слепых. Мне кажется, что гитлеровская молодежь была единственной организацией в Германии, которая заботилась о подобных людях, кроме, конечно, предназначенных для этого организаций, как например национал-социалистский народный благотворительный союз и т.д.

ЗАУТЕР: В связи с этим я прошу принять в качестве доказательства документ № 27 книги документов Шираха. Там приводится выдержка из большой статьи, озаглавленной "Вовлечение в гитлеровскую молодежь физически ограниченной молодежи". Это № 27 книги документов Шираха. И здесь говорится, в особенности о людях, у которых нет слуха, глухих, слепых и других и указывается, что они должны привлекаться к работе по профессии

H1203 – 0428

H1203 – 0429

как полноценные люди. Господин свидетель...

ДОДД: Я в течение всего дня воздерживался от каких бы то ни было возражений, но сейчас я считаю, что этот допрос слишком отклонился от основной темы. Я не инкриминировал этому подсудимому вовлечение слепых, глухих, хромых и увечных. Подсудимый все время уходит в сторону, возвращаясь к вопросу о бой-скаутах и мы еще до сих пор не дошли до вопросов, относящихся к нашему обвинению против этого подсудимого. Я боюсь, что при таких темпах, мы никогда не придем к концу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, Трибунал слушал эти довольно пространные данные о воспитании "Гитлеровской Молодежи". Не думаете ли Вы, что сейчас Вы могли бы перейти к более конкретным вопросам. Мы уже составили себе достаточно ясное представление о том, как происходило воспитание гитлеровской молодежи, кроме того перед нами имеются все эти документы, касающиеся этого вопроса.

ЗАУТЕР: Я постараюсь, господин председатель, по мере возможности удовлетворить Ваше желание.

Господин свидетель, правильно ли, что Вы лично ходатайствовали перед Гитлером о том, чтобы не допустить учреждения кадетских учебных заведений как чисто военных учебных заведений?

ШИРАХ: Да, это правильно, я старался воспрепятствовать учреждению кадетских учебных заведений.

ЗАУТЕР: Перехожу к другому вопросу. Подсудимому пред"явлено обвинение в том, что он разогнал католические и протестанские молодежные организации. Что Вы можете сказать по этому поводу?

ШИРАХ: Прежде всего, следующее. Как я уже сказал, я стремился к об"единению всей молодежи. Я хотел также численно небольшие протестанские молодежные организации и более многочисленные католические об"единения вовлечь в организации гитлеровской молодежи в особенности потому, что часть этих организаций не ограничивалась только вопросами вероисповедания, а конкурировала с гитлеровской молодежью в таких вопросах, как физкультурные упражнения, организация лагерей, всяких экскурсий и т.п. В этом я усматривал некоторую опасность для идеи единства немецкого национального воспитания, и, прежде всего, я чувствовал, что у самой молодежи было сильное желание вступить в организацию гитлеровской молодежи. Отказ от религиозных организаций был фактом. Было много представителей среди духовенства, которые считали, что развитие должно итти в следующем направлении: вся молодежь должна быть в организациях гитлеровской молодежи, духовенство должно заботиться о душе молодежи, руководители молодежи должны проводить государственно-политическую работу и т.д.

В 1934 или 1933 году, скорее в 1933 году, епископ Мюллер пришел ко мне вместе с протестанским епископом Обергейдт, по своей инициативе, и предложил мне перевести протестанскую молодежную организацию в состав гитлеровской молодежи. Я разумеется был очень обрадован этим предложением и принял его. Я тогда не имел понятия о том, что внутри протестанской церкви имелись противники епископа Мюллера. Об этом я узнал значительно позднее. Я думал, что он был уполномочен действовать от имени евангелической церкви. И другой, сопровождавший его епископ укрепил во мне это впечатление. Я даже еще и сегодня

11751

H1203 – 0430

H1203 – 0431

думаю, что Мюллер выразил волю большинства протестанской молодежи, говоря о ее включении в организацию гитлеровской молодежи. И позднее я, в качестве руководителя имперской молодежи, встречал многих руководителей бывшего протестанского молодежного союза, которые занимали должности руководителей, и работали очень хорошо в моей молодежной организации.

Включением протестанской молодежи в гитлеровскую молодежь – это я хочу особо подчеркнуть – никоим образом не было ограничено религиозно-духовное воспитание молодежи. В Германии вообще не имело место ограничение церковных служб для молодежи ни раньше, ни впоследствии. Поскольку евангелическая молодежь вошла в нашу организацию, на основании соглашения между церковью и организацией гитлеровской молодежи, то практически имели место только разногласия между организацией гитлеровской молодежи и католической церковью по некоторым вопросам воспитания молодежи.

В мае или июне 1934 года я лично просил о том, чтобы принять участие в переговорах по проведению имперского конкордата, поскольку я хотел устранить разногласия между католической церковью и организацией гитлеровской молодежи. Я придавал большое значение достижению соглашения в этой области и действительно участвовал в этих переговорах, которые происходили в министерстве внутренних дел в июне 1934 года под председательством министра внутренних дел Фрика. Со стороны католической организации в них принимали участие архиепископ Эребер и епископ Бернинг. Я сам тогда сделал это предложение относительно совместной работы, что было радостно воспринято католической церковью и я надеялся, что я нашел основу для примирения в этой области.

11752

К сожалению, заседание было прервано вечером 29 июня, а 30 июня 1934 года мы пережили так называемый путч Рема и переговоры не были возобновлены. Это не моя вина и за это я не могу нести никакой ответственности. Гитлер просто не хотел сделать соответствующих выводов из конкордата. Я сам лично имел желание довести до конца это соглашение и я думаю, что также и представители церкви на основании этих переговоров, или может быть более поздних разговоров со мной, должны были придти к убеждению, что трудности создавались не мною. Во всяком случае еще в 1939 году меня посетил, мне кажется, епископ Берниг. Мы обсудили с ним серьезные вопросы о разногласиях между руководством молодежи и церковью. Мне кажется, что он покинул меня с уверенностью, что не я являюсь источником трудностей; трудности уже тогда заключались во все более возрастающем влиянии Мартина Бормана, который пытался помешать абсолютно всякому объединению между партийными органами и церковью или между руководством молодежи и церковью. В ходе ссоры за руководство религиозными организациями молодежи и за присоединение их к гитлеровской молодежи дело дошло до оживленных обсуждений этих вопросов в печати. Я сам говорил на эту тему на различных собраниях. Церковь тоже высказывала свое мнение и эти высказывания, смотря по обстановке, были более или менее темпераментные. Враждебных высказываний я не делал ни в этой связи, ни вообще когда-либо в моей жизни.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, правильно ли, что в 1937 году Вы заключили соглашение с церковью в том духе, что в принципе гитлеровская молодежь по воскресеньям, во время церковной службы, не должна была проводить занятий, с тем, чтобы

11753

H1203 – 0432

H1203 – 0433

дети могли посещать церковь и, что у Вас в результате этого соглашения были большие затруднения по этому вопросу?

ШИРАХ: Это правда.

ЗАУТЕР: Расскажите об этом, только очень коротко.

ШИРАХ: Мне кажется, что это нельзя назвать соглашением с церковью. Насколько я помню, на основании различных журналов, которые я получал от представителей духовенства, я издал приказ, в котором учитывал желания, выраженные в этих журналах. Я издал этот приказ и на основании многочисленных аффидевитов, присланных мне в последнее время о руководителях гитлеровской молодежи, я заключаю, что этот приказ очень тщательно выполнялся. Возникли трудности из-за моего такого поведения в партийной канцелярии. Борман был большим противником такой принципиальной уступки церкви, и сам фюрер сделал мне выговор, – я не знаю только на основании ли этого приказа, – но во всяком случае в связи с таким урегулированием этого спорного вопроса.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, передо мной лежит небольшая книга под заголовком "Счастливый 1944 год" с подзаголовком "Рождественский подарок службы культурного обслуживания армии рейхслейтера Шираха". Я предоставляю Трибуналу эту книжку, как документ № 84 в качестве доказательства. На странице 55-й изображен портрет мадонны, на странице 54-й – религиозное христианское стихотворение, написанное подсудимым, под заголовком: "Баварская рождественская люлька", а на второй половине этой страницы – очень известная старая молитва, которая относится еще к восьмому столетию. Господин свидетель, правильно ли, что Вы из-за религиозного христианского содержания этой книжки имели неприятности с рейхслейтером Борманом?

11454

ШИРАХ: Правильно. Эти "Рождественские подарки" я приказал отпечатать, примерно, для 80 тысяч или 100 тысяч солдат, и послал их на фронт еще в 1944 году. Правда, Борман непосредственно мне ничего не сказал, он потребовал вдруг 10 экземпляров этой книги и я узнал от лиц, непосредственно окружавших фюрера, и из его главной ставки, что он использовал эту книжку для того, чтобы восстановить Гитлера против меня.

Я хочу еще добавить, что, собственно говоря, во все периоды моей жизни, - во всяком случае с того времени, когда я стал писать стихи, я всегда высказывался именно в духе этого стихотворения. Так же и в сборнике стихотворений: "Знамя преследуемых", которого, к сожалению, нет здесь, но который был очень распространен среди молодежи, содержатся стихи христианского содержания, которые не печатались в партийной прессе и вследствие этого не были такими известными как многие другие мои стихотворения. Я хочу ясно сказать, что я не являюсь противником христианства.

ЗАУТЕР: Не были противником?

ШИРАХ: Конечно нет.

ЗАУТЕР: Но ведь Вы же вышли из церкви?

ШИРАХ: Я, несмотря на некоторые указания Бормана, никогда не выходил из церкви.

ЗАУТЕР: Господин председатель, я прошу принять без доказательства документы 85 с номером 93 /книга документов Шираха/. Я хочу сказать Трибуналу, что это документы того времени, когда Ширах был руководителем имперской молодежи, которые свидетельствуют об отношении Шираха к церкви.

ШИРАХ: Я хочу еще добавить, что в своем религиозном воз-

11755

H1203-0434

H1203 – 0435

зрении я руководствовался высказываниями, которые можно найти в книге "Годы странствования Вильгельма Майстера". Здесь говорится о религиях и о месте христианской религии. Я хочу сказать, что я в своей воспитательской работе допустил ту ошибку, что считал, что есть положительное христианство за пределами церкви. Я никогда не выражал своей какой-либо антихристианской точки зрения. И здесь я впервые хочу открыто заявить, что даже в самом тесном кругу руководителей молодежи я всегда высказывался положительно в отношении христианского вероисповедания и личности Христа.

Перед воспитателями школы Адольфа Гитлера я говорил о Христе как о величайшем вожде в мировой истории, чего, конечно, не должна была знать партийная канцелярия, а о постулате любви к ближнему я говорил как о универсальной идее нашей культуры. Мне кажется, что по этому вопросу имеется много показаний руководителей молодежи, господин защитник?

ЗАУТЕР: Да. При допросе свидетелей я остановлюсь на этом. Теперь я хотел бы перейти к другому разделу. Вы в 1940 году были смещены с поста имперского руководителя молодежи?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: На Ваше место был назначен упомянутый Аксман. Вы же еще были связаны с воспитанием молодежи, вследствии какой должности?

ШИРАХ: Я был рейхслейтером по воспитанию молодежи.

ЗАУТЕР: И у Вас была еще одна должность?

ШИРАХ: Я был назначен уполномоченным фюрера по инспекции гитлеровской молодежи.

ЗАУТЕР: Было ли это только название, или действительно

ведомство?

ШИРАХ: Это было постольку ведомство, поскольку управление рейхслейтера ведало воспитанием молодежи в пределах партии. Руководитель молодежи германской империи, которым стал мой преемник Аксман, также имел и государственные функции. И вот в отношении этой его деятельности я и был назначен инспектором.

ЗАУТЕР: Почему произошло Ваше смещение с поста руководителя имперской молодежи и почему Вы были именно посланы гаулейтером в Вену? Что Вы знаете об этом?

ШИРАХ: В конце похода во Франции, в котором я участвовал как простой пехотинец, я был в Лионе, когда была получена телеграмма из ставки фюрера и мне командир роты сказал, что я должен явиться в главную ставку фюрера. Я тотчас же поехал туда и в главной ставке фюрера, которая тогда находилась в Мвардвальде, я застал фюрера в разговоре с министром иностранных дел фон Риббентропом. Я подождал, может быть, 15-20 минут, пока этот разговор был закончен, и потом сейчас же доложил о своем приходе Гитлеру, он обратился ко мне здесь же, перед зданием казино, в котором мы потом вместе обедали, в течение 10 минут со следующим: я должен предложить ему преемника на пост руководителя имперской молодежи. Он намерева-
27-
ся дать мне другое поручение, назначить меня на пост гаулейтера в Вену. Я тотчас же предложил своего сотрудника Аксмана, хотя он и был не очень компетентным в области физической и военной подготовки молодежи, но зато он был знатоком по социальным вопросам, в которых я был особенно заинтересован. Он согласился с этим предложением.

11757

H1203 – 0436

H1203 – 0437

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, нам нет необходимости заслушивать деловую характеристику Аксмана, не так ли? Разве Трибуналу важно знать, каков был его преемник?

ЗАУТЕР: Аксман был Вашим преемником на посту руководителя имперской молодежи?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я Вас спросил, существенно ли для Трибунала знать о качествах Аксмана? Я считаю, что это не имеет никакого отношения к данному вопросу.

ЗАУТЕР: Господин фон Ширах, Вы можете более коротко изложить этот вопрос?

ШИРАХ: Гитлер сказал тогда, что я могу сохранить свой пост рейхслейтера по воспитанию молодежи, а именно я должен быть назначен главным инспектором по вопросам юношеского воспитания и должен ехать в Вену как преемник Бюркеля. Там возникли большие затруднения особенно в области культуры. Поэтому я должен обратить особое внимание на заботу о культурных учреждениях, в частности, уделить внимание театрам, галлереям, библиотекам и т.д. и я должен был в особенности заняться рабочими этого города.

Я возразил, что эту работу в области культурной деятельности я мог бы проводить независимо от Геббельса. Гитлер обещал мне тогда, что он предоставит мне эту независимость, но впоследствии он не сдержал этого обещания. И в конце Гитлер сказал, что он высылает из Вены еврейское население, что он уже сообщил об этом Гейдриху или Гиммлеру /не помню, кому именно/, или сообщит им. Вена должна быть немецким городом. И он даже в связи с этим сказал об эвакуации чешского населения.

На этом наша беседа закончилась. Никаких других указаний относительно моей деятельности я не получал и после этого начался общий обед. Затем я простился и поехал в Берлин для того, чтобы поговорить с моими сотрудниками.

ЗАУТЕР: Если я правильно информирован, то Вена считалась одним из тяжелых гау империи. Это так?

ШИРАХ: Вена являлась самой тяжелой политической проблемой, которые мы имели среди гау.

ЗАУТЕР: Почему?

ШИРАХ: По той причине - как я узнал уже в Берлине от других лиц, после получения назначения - что в Вене после аншлюсса уже спала волна энтузиазма, наступило протрезвление. Господин Бюркель, мой предшественник, взял в Вену много чиновников из других мест. Там была введена немецкая система управления, которая ни в коем случае не была практичнее или целесообразнее. Произошла кое-какая реорганизация в административной области и Бюркель предложил церковную политику, которая была больше чем неутешительная. Дело дошло до демонстраций. Во время одной из них был поврежден дворец архиепископа. Театры и другие культурные учреждения использовались не по назначению. В Вене чувствовалось большое разочарование. Еще до того, как я туда приехал, я узнал о том, что если в трамвае говорят на северно-немецком диалекте, то это вызывает недружелюбное отношение и недружелюбные выпады со стороны венского населения.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, какие должности Вы занимали в Вене и какие перед Вами стояли задачи?

ШИРАХ: В Вене я занимал должность рейхсляйтера. Мое

H1203 – 0438

H1203 - 0439

ведомство состояло из двух управлений: самоуправление и общегосударственное управление. Кроме того, я был комиссаром имперской обороны КУП военного округа до 1942 года. В 1942 году этот военный округ был разделен, и каждый гаулейтер стал комиссаром имперской обороны.

ЗАУТЕР: Кроме того Вы были гаулейтером?

ШИРАХ: Да, и кроме того я был гаулейтером, то-есть высшим функционером партии.

ЗАУТЕР: Таким образом в своем лице Вы об"единяли город, государство и партию, то-есть Вы были главой государства, города и партии в Вене?

ШИРАХ: Да. В области управления дело обстояло так: за государственную администрацию нес ответственность официально назначенный представитель, это был регирунгспрезидент. За самоуправление или коммунальное управление нес ответственность другой представитель, это был бургомистр. А в партии было так: заместитель гаулейтера в Вене назывался гаулейтером. Я не хочу этим умалить свою ответственность за гау, я хочу только защитить чрезвычайно усердного заместителя гаулейтера, который был в Вене. Я это сказал для того, чтобы охарактеризовать свою должность.

ЗАУТЕР: Какое положение, господин свидетель, Вы, собственно говоря, занимали, как имперский комиссар обороны? Была ли это военная должность или что-либо другое?

ШИРАХ: Это ни в коем случае не была военная должность. Имперский комиссар обороны был просто начальником гражданской администрации. И в противовес тому порядку, который существовал

в первую мировую войну, когда начальник гражданской администрации подчинялся командиру корпуса, в этой войне было так: имперский комиссар обороны не подчинялся ему, а был наравне с ним. Задачи имперского комиссара обороны, - во всяком случае я понимал так мои задачи - состояли в том, что он через определенные промежутки времени должен был регулировать важнейшие вопросы питания, транспорта, то-есть ближнего и дальнего, снабжения углем и регулирования цен для гау Вены, Верхнего и Нижнего Дуная, которые относились к XVII военному округу. Но в 1942 году наступило некоторое изменение, о котором я говорил. Борман имел успех у рейхсмаршала; рейхсмаршал считал, что для всего военного округа должен быть один имперский комиссар обороны. Борман хотел, чтобы каждый гаулейтер был имперским комиссаром обороны. Произошел раскол мнений, и я с 1942 года стал только имперским комиссаром обороны Вены.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, в это время вышло распоряжение - я прошу сказать мне, когда Вы узнали об этом - это распоряжение рейхслейтера Бормана о том, что совещаться друг с другом могут не больше двух гаулейтеров?

ШИРАХ: Это распоряжение не Бормана, а распоряжение Гитлера.

ЗАУТЕР: Каково содержание этого распоряжения?

ШИРАХ: Я должен сказать очень кратко. Мне было необходимо, так как комиссариат имперской обороны был расчленен, время от времени встречаться с имперскими наместниками других провинций, чтобы обсудить с ними самые неотложные вопросы, прежде всего вопрос о питании. Но, мне кажется, что приблизительно в

11761

H1203 – 0440

H1203 – 0441

1943 году ко мне приехал в Вену доктор Лей и передал мне официально приказ фюрера, согласно которому считалось незаконным, как там было сказано, если на совещание собирается больше, чем два гаулейтера. Я тогда совершенно безмолвно посмотрел на доктора Лея, а он сказал: "Это касается не только Вас, есть еще один гаулейтер, который проводил конференции при участии многих и это уже рассматривается как бунт или заговор".

ЗАУТЕР: Господин свидетель, когда Вы были в Вене, Вы еще получили другое задание, которое требовало от Вас очень большой затраты времени? Скажите пожалуйста совсем кратко.

ШИРАХ: Я уже начал входить в курс дела в Вене, когда в октябре 1940 года я получил приказ явиться в имперскую канцелярию.

ЗАУТЕР: Пожалуйста, короче.

ШИРАХ: Там мне Гитлер лично дал задание осуществить эвакуацию всей немецкой молодежи из районов, которым грозит опасность воздушных налетов, а также матерей с детьми. И он мне сказал, что это должно начаться с Берлина, а затем охватить всю империю. Занятие в учебных заведениях, говорит он, является второстепенной задачей, а основным является сохранение нервов и жизни молодежи. И, однако, сейчас же попросил его о том, чтобы мне была дана возможность заново создать какую-то воспитательную организацию. И я сделал это. Я не буду сейчас останавливаться на деталях, но одно из требований /это важно упомянуть сейчас в связи с обвинением/, заключалось в том, чтобы молодежь имела возможность посещать церковные службы и

что ей при этом не должны чинить никаких препятствий. Мне это было обещано, и в моих первых распоряжениях, которые я дал относительно эвакуации детей, я ясно указал об этом. Это подтвердят руководители молодежи, которые работали в этом секторе моей организационной деятельности.

ЗАУТЕР: Это была исключительно большая по своему об"ему работа?

ШИРАХ: Это была самая трудная - и психологически сложная организационная работа, которую я вообще когда-либо осуществлял. Я вывозил таким образом миллионы людей, заботился о их воспитании, питании, их здравоохранении. Во всяком случае в первые годы эта работа занимала все мое время. Затем я подготовил себе сотрудников.

ЗАУТЕР: Я слышал от Вас, что Вы в последующее время снова время от времени старались докладывать Гитлеру о Ваших успехах и о затруднениях, которые Вы встречали в своей работе. Как часто за время войны Вы имели возможность обсуждать с Гитлером эти важные вопросы в Вашей работе?

ШИРАХ: Господин защитник, я Вас должен, к сожалению, поправить; я никогда не старался сообщать Гитлеру о своих успехах, а только о своих заботах.

ЗАУТЕР: Да, о заботах.

ШИРАХ: Например, за все время осуществления своей работы по эвакуации детей я мог доложить ему только два раза. Первый раз в 1941 году, после того, как началась эвакуация, и второй раз в 1941 году, когда эвакуация приняла большие размеры. В остальном о Вене я мог докладывать ему очень редко. В 1943 году эта возможность совершенно прекратилась с момента того

11763

H1203 – 0442

H1203 – 0443

разрыва, о котором я буду говорить несколько позже.

ЗАУТЕР: Во время Вашей работы в Вене Вы стали еще президентом общества библиофилов в Вюрцбурге. Это верно?

ШИРАХ: Это почетное звание. С"езд общества библиофилов в Вюрцбурге выбрал меня президентом германского общества библиофилов.

ЗАУТЕР: К этому вопросу, господин председатель, относится документ № I книги документов Шираха. Я передаю этот документ в качестве доказательства. Это письменное показание, данное под присягой одним из старейших антифашистов Карла Клингенора, почетным членом этого общества, который дает ценные сведения о личности подсудимого фон Шираха. Кроме того, господин фон Ширах, мне кажется, Вы были президентом юго-восточного европейского общества покровителей искусства. Это правильно?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Коротко, каковы задачи этого общества?

ШИРАХ: Это общество имело своей задачей развивать торговые и экономические отношения с Юго-Востоком. Его функции в основном распространялись на область исследования и представительства.

ЗАУТЕР: Что являлось центром тяжести Вашей деятельности в Вене?

ШИРАХ: Центром тяжести моей работы в Вене являлась, как я уже сказал раньше, социальная и культурная работа.

ЗАУТЕР: Социальная и культурная работа?

ШИРАХ: Это были два полюса, которые характеризуют всю мою политическую жизнь.

ЗАУТЕР: Я перехожу к обвинениям, выдвинутым в связи с Вашей работой в Вене. Вы, между прочим, обвиняетесь в том, что участвовали в проведении программы применения рабского труда. Я прошу Вас высказаться по этому поводу и при этом остановиться на распоряжении № I генерального уполномоченного по использованию рабочей силы от 6 апреля 1942 года. Этот документ был представлен, мне кажется, под номером ПС-3352.

ШИРАХ: Лучше всего, пожалуй, начать с этого распоряжения, согласно которого гаулейтеры были назначены уполномоченными по использованию рабочей силы и подчинялись генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы.

ЗАУТЕР: От 6 апреля 1942 года.

ШИРАХ: Этот приказ не содержит, собственно, ничего больше, как то, что гаулейтеры могут высказывать свои пожелания и предложения соответствующей инстанции по использованию рабочей силы. Но они ответственны - я не знаю только, согласно этого указа или нет - за надзор, размещение, снабжение и т.д. иностранных рабочих. Этим снабжением и размещением и т.д. иностранных рабочих в моем гау и, думаю, так же и в остальных гау германской империи, ведал прежде всего германский трудовой фронт. Попечитель немецкого трудового фронта в гау Вены очень часто докладывал мне о положении немецких и иностранных рабочих в гау. Он очень часто сопровождал меня при осмотре предприятий и я,с моей собственной точки зрения, могу сейчас сказать о своих впечатлениях, относительно жизни иностранных рабочих в Вене, то-есть то, что я наблюдал. Например, я очень точно помню посещение одной большой фабрики, где я посетил

H1203 – 0444

H1203 – 0445

жилые бараки, где размещались русские женщины и француженки. Они были там размещены лучше, чем некоторые венские семьи, которые состояли из шести или восьми членов семьи и жили, как это обычно в Вене, в 2-х комнатах с кухней. Я вспоминаю также посещение одного общежития русских рабочих, где царили чистота и порядок. Я, посетив русских женщин, которые там жили, установил, что они были веселы, хорошо питались и, повидимому, были довольны. От своих знакомых и от знакомых моих сотрудников я слышал о том, что у многих работали русские женщины в качестве прислуги, и я знал о том, что с ними обращались хорошо. И вообще я должен сказать в связи с этой темой: уже несколько столетий в Вене работают иностранные рабочие и вообще не проблема доставить в Вену рабочую силу с Юго-Востока. В Вену приезжают так же охотно, как и в Париж. Я видел очень много французов и француженок, работавших в Вене. Я разговаривал на фабриках с французскими мастерами, которые снимали квартиры в городе, как и всякие другие частные лица. Их можно было видеть в Пратере. Свое свободное время они проводили так же, как и немецкие рабочие. За время своего пребывания в Вене, я построил очень много заводских кухонь, больше, чем в каком-либо другом гау Германии. В этих кухнях иностранные рабочие питались точно так же как и наши рабочие. Отношение населения к иностранным рабочим: я могу сказать, что население города, которое веками живет вместе с многочисленными иностранными рабочими, относится к каждому рабочему, прибывшему из другой страны, очень хорошо. Мне не докладывалось о каких-либо столкновениях. Мне всегда докладывалось, если что-либо было не

11766

так. Это была обязанность командования гау и рабочего фронта. Я тотчас же, прямо из своего кабинета по телефону давал указания управлению по снабжению или другой соответствующей инстанции, чтобы те немедленно доставили необходимое количество продовольствия для кухонь или топливо, или еще что-либо. Во всяком случае я старался в течение 24-х или 48 часов разобрать все поступавшие ко мне жалобы. В связи с этим я хотел бы высказать свое впечатление об использовании рабочей силы вообще. Я не несу ответственности за доставку рабочей силы. Я могу только сказать о том, что все приказы и распоряжения генерального уполномоченного, то-есть подсудимого Заукеля, которые я читал, были направлены на гуманное, справедливое, надлежащее обращение с доверенными нам рабочими. Заукель просто засыпал свое ведомство подобными указаниями. Я счел своим долгом заявить здесь об этом.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, эти иностранные рабочие, которые работали в гау Вена и за которых Вы не считаете себя ответственным, работали ли они в военной промышленности или в каких-либо других отраслях?

МИРАХ: Большое количество из них было занято в сельском хозяйстве, часть - в вспомогательной промышленности, работавшей на военные нужды, непосредственно ли в военной промышленности - я сказать не могу, потому что мне, как гаулейтеру вся оборонная промышленность, во всех ее отраслях, совершенно не подчинялась, так как она выпускала военную продукцию, которая содержалась в полной тайне даже от имперских наместников.

11768

H1203 – 0446

H1203 – 0447

ЗАУТЕР: Господин свидетель, в связи с разделом о принудительном труде евреев было оглашено письмо. Это документ 3803-ПС. Это, мне кажется, собственноручное письмо подсудимого Кальтенбруннера Блашке. Блашке, мне кажется, был вторым бургомистром Вены.

ШИРАХ: Он был бургомистром Вены.

ЗАУТЕР: Письмо от 30-го июня 1944 года. В этом письме Кальтенбруннер сообщает Блашке, что он распорядился доставить в Вену в Штрассгоф несколько транспортов. Речь идет, как говорится в письме, о 4-х транспортах с 12 тысячами евреев, которые прибудут в ближайшие дни. Дальнейшее содержание письма имеет значение постольку, поскольку в конце письма говорится: /я цитирую/ "Дальнейшие подробности прошу обсудить с руководящей инстанцией государственной полиции в Вене, с СС - оберштурмбаннфюрером доктором Гебнер и СС - оберштурмбаннфюрером Кумай об особой эйнзацкоманде в Венгрии, который в настоящее время находится в Вене".

Имели ли Вы что-нибудь общего с этим делом и что именно?

ШИРАХ: Я ничего не знал о переписке между Кальтенбруннером и бургомистром Вены. Насколько мне известно, этот лагерь Штрассгоф - вообще не находится в пределах Вены, он находится в совершенно другом гау. Обозначение Вена Штрассгоф неверно. Между ними проходит граница гау.

ЗАУТЕР: А о самом этом деле Вы тогда что-нибудь знали или Вы только сейчас узнали об этом от Обвинения?

ШИРАХ: Все это стало мне известно только здесь, в зале Суда. Но я вспоминаю, что в связи со строительством югвосточного вала говорилось о применении евреев в качестве рабочей

силы. Но этот вал находился не на территории гау Вены, он находился на территории гау Нижнего Дуная, в Штирии. Это строительство было поручено не мне. Это было поручено доктору Юри или ОТ...

ЗАУТЕР: ОТ - это организация Тодта.

ШИРАХ: Организации Тодта, а на другой части границы гаулейтеру доктору Эберрейтеру и его техническим сотрудникам.

ЗАУТЕР: Я могу суммировать Ваше высказывание следующим образом: Вы не имели ничего общего с этими делами, потому что все эти работы осуществлялись не на территории Вашего гау?

ШИРАХ: Да. Я не могу себе представить, какое это имеет отношение к гау Вены. Имел ли бургомистр желание взять часть рабочей силы для особой работы в Вене, это мне неизвестно. Я не знал этого.

ЗАУТЕР: В этой же связи, господин свидетель, пред"явлен другой документ 1948-ПС, заметка от 7 ноября 1940 года, то-есть того времени, когда Вы уже несколько месяцев были гаулейтером Вены. И в этом документе речь идет о принудительном труде для всех работоспособных евреев. Эта заметка написана на почтовой бумаге и имеет надпись: "Имперский наместник в Вене". И эта заметка, о которой идет речь, написана, по всей вероятности, доктором Фишером. Кто этот доктор Фишер? Какое отношение Вы, как имперский наместник, имели к этому делу? Что Вы знаете об этом?

ШИРАХ: Прежде всего, доктора Фишера я лично не знал. Я не хочу оспаривать возможность того, что он может быть когда-нибудь был мне представлен, что я его просто не помню. Но я

H1203 - 0448

H1203 – 0449

совершенно не знаю, кто такой этот доктор Фишер. Во всяком случае, он является референтом... Его имя упоминается еще в связи с каким-то другим документом. Возможно, что он был личным референтом регирунгспрезидента. Заметка показывает, что этот референт писал на моей почтовой бумаге - он имеет право на это, на это имели право в Вене, мне кажется, несколько тысяч лиц, согласно обычая германских властей. Он записал на этой заметке телефонный разговор с гестапо. Из этого вытекает, что имперское управление государственной безопасности, то-есть Гейдрих, было инстанцией, которая распоряжалась об использовании в работах евреев путем дачи указаний гестапо. Отсюда не следует делать вывода, что мне были известны жестокости гестапо, что сделало Обвинение. Я ссылался на ранее описанные мною другие задачи. Сомнительно, чтобы я был в то время в Вене. Если я в то время и был в Вене, то я вообще не интересовался работой по очистке улиц. Я должен принципиально сказать, что многообразная работа заставила меня создать учреждение ведающее организационными вопросами, то-есть такое, какого не было в других гау. Это было центральное бюро рейхелейтера.

ЗАУТЕР: Скажите, господин свидетель, сколько у Вас было чиновников и служащих в Вене?

ШИРАХ: Я считаю, что, приблизительно, около 5 тысяч чиновников и служащих.

ЗАУТЕР: Пять тысяч чиновников и служащих.

Разрешите продолжать, господин председатель? Уже 5 часов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас, мы об"явим перерыв.

/Об"является перерыв до 24 мая 1946 года/ .

11770

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 24 мая 1946 года.

(УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

Встать ! Суд идет !

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Присутствует ли защитник подсудимого Бормана?

(К микрофону подходит защитник Бормана).

Будет ли удобным для вас представить ваши документы во вторник в 10 часов утра?

ЗАЩИТНИК БОРМАНА: Да, я согласен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А будет ли это удобным для Обвинения?

(К микрофону подходит представитель английского Обвинения Дэвид ФАЙФ).

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, конечно, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это вполне удобно для вас?

Д-р БЕРГОЛЬД: Пожалуйста, пусть будет так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

(Защитник подсудимого фон Шираха)

ЗАУТЕР: Господа судьи ! Мы вчера остановились на документе ПС-1948. Это, если Вы припомните, - записи некоего доктора Фишера о телефонном разговоре, который у него состоялся с чиновником тайной государственной полиции - штандартенфюрером Губером и темой которого был принудительный труд для евреев. В этой заметке, в частности говорится об использовании труда евреев для разборки разрушенных синагог.

По поводу этих записей я хотел бы задать подсудимому Шираху еще один вопрос. Когда эти синагоги были разрушены в Вене? Произошло ли это во время вашей деятельности в Вене,

H1203 – 0450

H1203 – 0451

и под вашу ответственность, или же в какой-нибудь другой период?

ШИРАХ: Синагоги в Вене были разрушены за 2 года до моего назначения в Вену.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, я перехожу к вопросу об антисемитизме; вы признались, что вы в юности были антисемитом. Меня интересует, как вы в то время, когда вы вступили в партию, и в то время, когда вы стали занимать посты в партии, представляли себе практическое решение вопроса об антисемитизме?

ШИРАХ: В 1924/25 гг. я придерживался того мнения, что евреи должны были быть исключены из государственной жизни. В области экономики также их влияние должно было быть ограничено. Я считал, что в культурной жизни нужно было устранить их влияние, что же касается людей искусства, с таким именем как Макс Рейнхардт, то я полагал, что им должна быть предоставлена свобода деятельности. Мне кажется, что я приблизительно точно передал то мнение, которого придерживался я и мои товарищи относительно решения еврейского вопроса в 1924/25 году и в последующие годы. Позже, когда я стал руководить движением университетской молодежи, я выдвинул требование "нумерус клаузус". Я хотел, чтобы евреи допускались к учебе в зависимости от процента, который они составляли по отношению ко всему населению; мне кажется, что из этого требования "нумерус клаузус", известного поколению, учившемуся в то время, вытекает, что я не предусматривал полного исключения евреев из культурной, экономической и научной жизни.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, я представил документ в книге документов по делу Ширах, за номером 136, который

содержит высказывания чиновника из имперского руководства молодежи об обращении с еврейской молодежью по сравнению с христианской.

Знаете ли Вы, какой точки зрения по вопросу о еврейской молодежи придерживалось имперское руководство молодежи.

ШИРАХ: Я думаю, что речь идет об указе, относящемся к 1936 г.

ЗАУТЕР: Осень 1936 г.?

ШИРАХ: Осень 1936 г. Согласно этому указу, должны были существовать еврейские об'единения молодежи под контролем руководителя молодежи германской империи, который должен был осуществлять служебный надзор над всей молодежью, и еврейская молодежь должна была на автономных началах получить свое собственное воспитание.

ЗАУТЕР: В указе, между прочим, говорится, я цитирую только одно предложение из документа № 136 в книге документов по делу Шираха:

"Среди молодежи евреи занимают уже сейчас изолированное и особое положение, какое когда-нибудь впоследствии евреи займут вообще в германс кой экономике и в жизни германского государства и какое они уже частично занимают". Конец цитаты.

Господин свидетель, приблизительно в это время или незадолго до этого были изданы так называемые нюрнбергские законы; это-расовые законы, о которых здесь уже часто говорилось. Участвовали ли вы в издании этих законов и как вы сами расценивали эти расовые законы?

ШИРАХ: Я не принимал участия в издании этих законов. Я здесь, в Нюрнберге, живя в отеле "Дейтшер Гоф", был

H1203 – 0452

H1203 – 0453

очень удивлен, когда мне передали записку, в которой сообщалось, что на следующий день состоится именно в Нюрнберге заседание рейхстага. На этом заседании рейхстага, в котором я участвовал, были приняты нюрнбергские законы. Я еще и сегодня не знаю, как они были подготовлены. Я предполагаю, что их содержание было определено самим Гитлером, больше я не могу ничего об этом сказать.

ЗАУТЕР: Можете ли Вы под присягой по совести сказать, что вы до этого, как были опубликованы эти законы, ничего не знали о подготовке этих законов, хотя вы были имперским руководителем молодежи и рейхслейтером?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: После того, как эти законы были изданы в Нюрнберге, как вы лично представляли себе дальнейшее развитие еврейского вопроса?

ШИРАХ: Прежде всего, я должен сказать, что мы вообще не ожидали издания этих законов. Мне кажется, что вся молодежь тогда считала еврейский вопрос разрешенным, потому что о еврейском влиянии в 1935 г. не могло больше быть и речи. После того, как эти законы были изданы, мы были такого мнения, что теперь окончательно произнесено последнее слово о еврейском вопросе.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, вам вменяется в вину, что вы оказывали влияние на молодежь и подстрекали ее. Поэтому я вас спрашиваю: подстрекали ли вы молодежь, будучи имперским руководителем молодежи, к антисемитским эксцессам и произносили ли вы, в качестве имперского руководителя молодежи, (в особенности на собраниях Гитлеровской молодежи, антисемитские речи?

ШИРАХ: Я никогда не произносил антисемитских речей, ибо я, как имперский руководитель и воспитатель молодежи, старался не подливать масла в огонь и в своих книгах, и в речах, за исключением одной венской речи, о которой я буду говорить позже и которая не относится к тому времени, когда я был имперским руководителем молодежи, я никогда не высказывался в антисемитском духе. Я не хочу выставить себя здесь в смешном свете, заявив, что я не был антисемитом; я на самом деле был антисемитом, но, несмотря на это, я никогда не обращался к молодежи в антисемитском духе.

ЗАУТЕР: Руководство имперской молодежи издавало официальный еще месячный журнал под заголовком "Воля и мощь - орган руководства национал-социалистской молодежи". Выдержки из этого официального печатного органа руководства гитлеровской молодежи уже представлены суду в книге документов. Меня интересует сейчас следующее: правильно ли, что какие-то партийные инстанции неоднократно требовали от вас, чтобы вы издавали специальный антисемитский номер при этом официальном печатном органе руководства для того, чтобы наметить для молодежи в будущем ясный маршрут, какую позицию вы заняли в отношении этого требования?

ШИРАХ: Правильно, что имперский министр пропаганды неоднократно требовал от моего главного редактора, чтобы издавался такой антисемитский номер. Я после доклада главного редактора неоднократно отказывал в издании такого номера. Мне кажется, что главный редактор уже дал по этому поводу письменное показание под присягой, подтверждающее мое заявление.

ЗАУТЕР: К вопросу об антисемитизме относится также,

H1203 - 0454

H1203 – 0455

господин свидетель, и то, какую позицию вы занимали в отношении газеты "Дер Штюрмер", которую издавал подсудимый Штрейхер. Вы как-нибудь распространяли эту антисемитскую газету "Дер Штюрмер" среди молодежи или способствовали ее распространению?

ШИРАХ: "Дер Штюрмер" не был распространен среди молодежи, мне кажется, за исключением молодежи, которая жила в этом гау.

ЗАУТЕР: В гау Франкония?

ШИРАХ: В гау Франкония. Остальная немецкая молодежь ~~все~~ вообще не читала "Дер Штюрмера". Все + руководители и руководительницы моей организации решительно не признавали этой газеты.

ЗАУТЕР: Затем я должен вам напомнить, господин свидетель, что Обвинение вменяет вам в вину то, что вы однажды предоставили в распоряжение этой антисемитской газеты "Дер Штюрмер" свою статью. Известен ли вам такой факт и что вы можете по этому поводу сказать?

ШИРАХ: Я могу в этой связи сообщить следующее: я всегда был тесно связан с прессой и сам когда-то в ней работал. Я, в качестве руководителя имперской молодежи, дал своему управлению печати принципиальное указание о том, чтобы все запросы областных газет, которые захотят получить от меня передовую или что-нибудь в этом роде, всегда удовлетворяли. Если какая-нибудь газета, выходившая в гау, отмечала свой юбилей, например, десятилетие или двадцатилетие своего существования, или издавала какой-нибудь юбилейный сборник, то референт моего управления прессы составлял наброски статей и вместе с моей обширной вечерней почтой, которая поступала

ко мне на подпись, мне доставляли и эти наброски и проекты. Вполне вероятно, что могло получиться так, что я вместе с другими материалами подписал и эту статью для газеты "Дер Штюрмер", которая являлась ведь здесь газетой всего гау. Ничего другого я не могу припомнить об этом событии.

ЗАУТЕР: Значит вы не знаете, написали ли вы сами эту краткую статью или ее набросал один из ваших референтов, представив вам ее для подписи?

ШИРАХ: Мне определенно кажется, что не я написал эту статью, так как я, как уже упоминалось, никогда не составлял сам таких кратких передовиц, мне всегда давали их только для просмотра. Статьи в свою газету я писал сам, но автором таких передовиц я не был.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, так как мы упомянули имя Штрейхера, я напомню вам отвратительную иллюстрированную книгу, пред'явленную Обвинением, вместе с иллюстрациями. Распространялась ли эта книга с вашего согласия среди молодежи и что вы вообще знаете об этом?

ШИРАХ: Разумеется, эта книга среди молодежи не распространялась. Совершенно исключается, чтобы какая-нибудь инстанция гитлеровской молодежи передавала эту книгу молодежи. Об иллюстрированных книгах издательства "Дер Штюрмер", мне вообще ничего неизвестно.

Хотя я не был ответственным за школьное воспитание, я все же хотел бы упомянуть о воспитании в школе, заявив, что я не думаю, чтобы где-либо, помимо здешнего гау, эта книга была включена в школьный курс. Во всяком случае, среди молодежи и молодежных организаций эта книга и аналогичные сочинения, выходившие в издательстве "Дер Штюрмер", вовсе не распространялись; что касается оценки этой книги, то о ней

H1203-0456

H1203 – 0457

можно заявить то же самое, что я сказал о газете "Дер Штюрмер", а именно, что подобные издания не признавались всеми руководителями молодежи.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, вы явились затем очевидцем того, как в действительности развивался антисемитский вопрос и как это привело к известным событиям, к еврейским погромам в ноябре 1938 года. Были ли вы сами в ноябре 1938 г. как-нибудь замешаны в этих еврейских погромах?

ШИРАХ: Я сам ни в какой степени не принимал в них участия, однако, я участвовал на с'езде в Мюнхене.

ЗАУТЕР: На каком с'езде?

ШИРАХ: Это был традиционный с'езд, который каждый год происходил 9 ноября в память погибших 9 ноября 1923 года. Я не принимал участия во всех с'ездах. Однако я припоминаю речь, которую произнес Геббельс по поводу убийства господина фон Рота. Эта речь носила явно подстрекательный характер и из нее можно было понять, что Геббельс намеревается начать кампанию. Он, якобы прямо из своего отеля в Мюнхене, - я об этом услышал позже, - дал более подробные директивы непосредственно ~~управления~~ имперским управлениям пропаганды. Я со своим сотрудником Лаутербахером, который был моим руководителем штаба, принял участие на мюнхенском с'езде. Мы оба относились отрицательно к этой кампании. Организация гитлеровской молодежи, как самая крупная национал-социалистская организация, вообще, не была использована в этих еврейских погромах 9,10, 11 ноября 1938 года. Я припоминаю случай, когда один руководитель молодежи, не запросив мое управление в Берлине, позволил местным органам пропаганды вовлечь себя в демонстрацию и был привлечен мною к ответственности.

После 10 ноября я снова провел несколько дней в Мюнхене и, между прочим, видел несколько разрушенных магазинов и вилл. Это произвело на меня тогда тяжелое впечатление и, находясь под этим впечатлением, я все руководство молодежью, насколько мне помнится, всех областных руководителей (гебитефюрер), т.е. наиболее ответственных руководителей молодежи, вызвал к себе в Берлин и там произнес для них речь, в которой я расценивал события 9 и 10 ноября, как позор для культуры, и в связи с этим я также назвал эту кампанию преступной. Я думаю, что все мои сотрудники, которые в то время там были, точно смогут припомнить, в каком возбуждении я тогда был и как я тогда говорил им, что моя организация теперь и в будущем никогда не должна иметь ничего общего с подобными кампаниями.

ЗАУТЕР: Вы до этого сказали о каком-то отдельном случае, когда один из подчиненных вам руководителей гитлеровской молодежи каким-то образом принял участие в этой антисемитской кампании. Стали ли вам в ноябре 1938 г. или позднее известны и другие подобные случаи, когда подразделения "гитлеровской молодежи" действительно участвовали бы в еврейских погромах?

ШИРАХ: Нет, никакие другие случаи мне неизвестны. Единственно, что я слышал, это - что то тут, то там некоторые юноши или отдельные группы юношей призывались местными органами, но не организацией "Гитлеровской молодежи", выходить на улицу, но в большинстве случаев руководители молодежи посылали их обратно по домам. Использование всей организации не имело места. Я придаю большое значение тому обстоятельству что молодежная организация, охватывавшая большее число членов,

H1203 – 0458

H1203 – 0459

чем партия и все ее организации вместе взятые, не была связана с этими событиями.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, вы, по крайней мере, судя по событиям в ноябре 1938 года, могли заключить, что дела принимают другой оборот в Германии, чем вы раньше предполагали? Как же вы после ноября 1938 года представляли себе дальнейшее развитие еврейской проблемы в Германии?

ШИРАХ: После того, как в ноябре 1938 года имели место эти события, я видел единственную возможность для евреев в эммиграции, поддержанной государством, потому что, учитывая темперамент Геббельса, мне казалось, что снова неожиданно могут быть спровоцированы такие выступления, и я не мог себе представить, как при таком отсутствии гарантии прав еврейское население может продолжать жить в Германии. Это является одной из причин того, почему мысль, высказанная мне Гитлером в 1940 г. в главной ставке о том, чтобы изолировано поселить евреев в генерал-губернаторстве в Польше, показалась мне правильной. Я думал, что там евреи будут в большей безопасности, чем в Германии или в Австрии, где они все время зависели от причуд министра пропаганды, который являлся главным сеятелем антисемитизма в Германии.

ЗАУТЕР: Правильно ли, что вы сами, когда вам случалось встречаться лично с Гитлером, ~~сами~~ делали ему предложения положительного характера о том, чтобы поселить евреев в какой-либо нейтральной стране, создав им человеческие условия?

ШИРАХ: Нет, это неправильно.

ЗАУТЕР: А как же?

ШИРАХ: Я хочу совершенно точно выяснить этот вопрос. Я вчера упомянул о том, как я пришел на прием к Гитлеру и

как он мне сказал, что евреи будут высланы из Вены в генерал-губернаторство. Я до этого никогда не думал о выселении евреев из Австрии и Германии и о поселении их в генерал-губернаторстве. Я лишь думал об эмиграции евреев в другие страны, в которых они сами хотели поселиться. Но план Гитлера в том виде, в каком он тогда существовал, а мне кажется, что и у Гитлера в то время не было мысли об уничтожении евреев, — план Гитлера о создании такого поселения показался мне разумным, да он представлялся мне разумным.

ЗАУТЕР: Но, говорят, вы все же, мне кажется, в 1942 г. прилагали усилия к тому, чтобы через посредство вашего друга, доктора Колин Роса, сделать Гитлеру предложение о том, чтобы евреи из Венгрии и из балканских государств были переселены в нейтральное государство, захватив с собой движимое имущество.

ШИРАХ: Это была моя более поздняя точка зрения, я сейчас не помню, к какому времени она относилась, во всяком случае, это было после оккупации Венгрии; среди бесчисленных предложений, которые я через посредство Колин Роса передавал фюреру и министру иностранных дел, был так же и такой план, чтобы все еврейское население из Венгрии перевести в какую-либо нейтральную страну. Когда свидетель Штеенграхт давал свои показания относительно того, что такая мысль была высказана в министерстве иностранных дел и что она обсуждалась там, то он, безусловно, верил в то, что это так. Эта мысль на самом деле первоначально возникла в разговоре между мной и Колин Росом. Колин Рос потом изложил ее в меморандуме. Затем в устном докладе этот план был доведен до сведения

H1203 – 0460

H1203 – 0461

министра иностранных дел, который при повторном визите Колин Роса сообщил последнему, что фюрер окончательно отклонил этот план.

ЗАУТЕР: Эмиграцию в нейтральное государство?

ШИРАХ: Так точно, в нейтральное государство.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, евреи из Вены, как Вы сами знаете, в подавляющем большинстве были вывезены. В 1940 г., когда вы стали гауляйтером Вены, или же позже получали ли Вы от Гитлера задание руководить отправкой евреев из Вены или содействовать ей?

ШИРАХ: Я такого задания не получал. Единственное задание, которое я получил в связи с выселением евреев из Вены, был запрос Гитлера относительно того, сколько евреев проживает в Вене. Эту цифру, которую я забыл, я опять припомню с помощью документа, предъявленного Обвинением против меня. Согласно этому документу я сообщил Гитлеру, что тогда в Вене было 60 тысяч евреев. (Эта цифра, видимо, была указана адресным бюро. Раньше в Вене проживало приблизительно 190 тысяч евреев, это, мне кажется, максимальное число. Когда же я приехал в Вену, ~~то~~ там еще оставалось 60 тысяч евреев. Выселение евреев было мероприятием, которое проводилось главным имперским управлением или Гиммлером непосредственно по указанию Гитлера, и в Вене имелась либо инстанция главного имперского управления безопасности, либо филиал учреждения Гиммлера-Гейдриха, который выполнял это мероприятие.

ЗАУТЕР: Кто был руководителем этой инстанции?

ШИРАХ: Руководителем этой инстанции, как я только теперь узнал, был некий Бруннер, его фамилии я раньше не знал.

ЗАУТЕР: Штурмфюрер СС?

ШИРАХ: Штурмфюрер СС д-р Бруннер.

ЗАУТЕР: Д-р Бруннер, который не так давно был при-

говорен к смертной казни, Вам это известно?

ШИРАХ: Да, я вчера только услышал об этом.

ЗАУТЕР: Должны ли были вы давать какие-нибудь приказы этому Бруннеру, который был фюрером СС, и могли ли вы направлять ему какие-либо директивы?

ШИРАХ: Я не имел никакой возможности как-либо приостановить выселение евреев или вообще как-то повлиять на него. Я однажды сказал начальнику моего управления по снабжению страны продовольствием, чтобы он позаботился о том, чтобы уезжавшие евреи были снабжены достаточным количеством продуктов питания. Я довольно часто, когда я получал письма от евреев, которые просили, чтобы их не выселяли, уполномачивал своего адъютанта или какого-нибудь сотрудника обратиться к Бруннеру с тем, чтобы добиться того, чтобы для этих лиц было сделано исключение. Большего я не мог сделать. Я должен, однако, честно признать здесь, что я придерживался того мнения, что это выселение было действительно в интересах самих евреев, основываясь на тех причинах, которые я приводил в связи с событиями в ноябре 1938 года.

ЗАУТЕР: Получали ли вы от СС, которая была также уполномочена в Вене проводить эвакуацию евреев, постоянные отчеты о том, как и в каких размерах проводилась эта эвакуация евреев?

ШИРАХ: Нет, поэтому я не в состоянии сказать, в какой отрезок времени было закончено выселение евреев и вообще все ли эти 60 тысяч человек были угнаны из Вены или же только часть из них была выслана.

ЗАУТЕР: Публиковали ли газеты в Вене сообщения об

11783

H1203 – 0462

H1203 – 0463

этом выселении евреев, о его об'еме и о неполадках, которые при этом имелись.

ШИРАХ: Нет.

ЗАУТЕР: Ничего? Господин свидетель, я должен спросить вас об одном представленном Обвинением документе. Это–документ ПС–3078, выдержка из венского издания "Фелькишер Беобахтер", о речи, которую вы, господин свидетель, произнесли 5.9.1942 г. в Вене и в которой встречается фраза (я зачитаю дословно из газеты): "Всякий еврей, который живет в Европе, представляет опасность для европейской культуры. Если мне хотят сделать упрек в том, что я из этого города, который прежде являлся оплотом еврейства, выселил тысячи евреев в восточные гетто, то я должен ответить: я в этом вижу положительный вклад в европейскую культуру". Такова цитата из этой речи, которая в остальном не содержит других антисемитских высказываний с Вашей стороны. В виду Вашего предыдущего утверждения, г–н свидетель, я должен спросить Вас, произносили ли Вы эту речь и как Вы решились произнести такую речь, несмотря на Ваше принципиальное отношение, о котором Вы говорили нам сейчас?

ШИРАХ: Я хочу прежде всего сказать, что я произнес эту речь. Цитата является правильной. Я это сказал, это я должен признать. Хотя план выселения евреев принадлежал Гитлеру, и хотя не я ведал выселением, эти слова сказал действительно я, в чем я теперь искренне раскаиваюсь, я морально согласился с этим мероприятием из ложной лойяльности по отношению к фюреру. Я это сделал. Этого я отрицать не могу. Если я должен об'яснить, как я решился на это, то я должен сказать, что уже в то время я находился в затруднительном положении. Я думаю, что из моих дальнейших об'яснений будет видно, что, начиная с определенного момента, я построил против себя Гитлера, партийную канцелярию, большинство в партии.

Неоднократно сотрудники партийной канцелярии, а также лица из окружения Гитлера, сообщали мне, гаулейтеру Вены, что создалось такое впечатление, и что это ясно видно из моего поведения и моей позиции, что я не выступаю должным образом публично по еврейскому вопросу и по другим вопросам, и что меня ничто не может извинить. Это, может быть, об'яснит почему я, находясь в затруднительном положении, выступил в таком духе, что я теперь сам не могу оправдать перед самим собой.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, в этой связи я хотел бы задать вам вопрос. Вы говорите сейчас о каком-то затруднительном положении, в котором Вы находились в Вене. Правильно ли, что и сам Гитлер несколько раз лично делал вам тяжкие упреки в том, что вы в Вене недостаточно энергично действовали, что вы там были слишком мягки и уступчивы и что Вы должны были бы больше заботиться об интересах партии и применять там более суровые методы, и что вы после этого сделали, господин свидетель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, мне кажется, Вам понятно, что в данном случае Вы задаете слишком наводящие вопросы. Вы задаете вопросы, которые дают указание на то, какой ответ подсудимый должен дать. И ответы на такие вопросы не могут иметь того значения, какое бы они имели, если бы вопросы не носили наводящего характера.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, делал ли вам лично Гитлер упреки в связи с Вашей линией поведения в Вене и какую позицию Вы тогда заняли? Мне кажется, это не наводящий вопрос?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, я должен рассматривать это как наводящий вопрос. Он сказал, что он был в очень затруд-

H1203 – 0464

H1203 – 0465

нительное положение. Вы можете попросить его об'яснить, в чем заключались эти затруднения.

ЗАУТЕР: Хорошо, ответьте на этот вопрос, господин свидетель.

ШИРАХ: Господин защитник, я сам не смог бы согласиться с той формулировкой вопроса, которую вы употребили. Противоречия между мною и Гитлером начались прежде всего из-за одной художественной выставки и разрыв между мною и Гитлером в 1943 г. был результатом противоположных взглядов по вопросу о политике, проводившейся в начале в области культуры. Я был в 1943 г. вызван в Берггоф и там Гитлер в присутствии Бормана делал мне резкие упреки по поводу моей деятельности в области культуры и, в частности, он буквально выразился так, что в Германии я стою во главе культурной оппозиции против него. Затем он сказал, что я мобилизую против него венские и австрийские культурные слои, а так же молодежь, что он это точно знает, что он читал некоторые мои речи и прежде всего дюссельдорфские речи. Он установл, что я в Веймаре и в Вене организую выставки выродившегося искусства, он ставит меня перед альтернативой - я должен либо прекратить эту мою оппозиционную работу, тогда все еще может остаться в прежнем положении, либо он запретит имперские ассигнования для Вены. Эта сцена произвела на меня ужасное впечатление. Она означала для меня, что Гитлер нарушил слово, данное мне во время моего назначения в Вену, когда он гарантировал мне полную свободу действия, и кроме того я заметил, что он ненавидел меня холодной ненавистью и что за этими высказываниями о политике в области культуры кроется еще что-то. Я не знаю, был ли он тогда недоволен моей работой в Вене в целом. Он имел обыкновение редко высказываться о таких вещах непосредственно. Я обычно

узнавал его мнение от людей, окружавших его. Затем после этой принудительной аудиенции в Берггофе, если можно так выразиться, я к своему удивлению получил вместе с женой приглашение на длительное пребывание в Берггоф, после чего и наступил окончательный разрыв между мной и Гитлером.

Я тогда наивно подумал, что Гитлер стремится к тому, чтобы устранить возникшую между нами пропасть и хочет как-то выразить, что он зашел слишком далеко. Во всяком случае, по прошествии только трех дней, которые я провел в Берггофе, после чего я уехал, я убедился, что я в корне заблуждался. Я хочу ограничиться немногим. Я наметил, что я затем и выполнил, + высказать ему три вещи во время моего пребывания в Берггофе: во-первых, рассовая политика, во-вторых, еврейский вопрос, в-третьих, отношение Гитлера к Вене.

Я должен предварительно отметить, что ко мне, как и ко всем гаулейтерам, поступил указ от Бормана, запрещавший вмешиваться в разрешение еврейского вопроса, т.е.вообще заступаться перед Гитлером за какого-либо еврея или даже полу-еврея; это также было отмечено в указе. Я должен упомянуть об этом, для того, чтобы стало понятным то, что произошло затем.

В первый вечер моего пребывания там, как только представился, по моему мнению, удобный случай, я сказал Гитлеру, что придерживаюсь такого мнения, что свободная автономная Украина будет более полезна для империи, чем такая Украина, в которой, применяя насилие, господствует Кох. Это было все, что я сказал, - ни больше, ни меньше. Тот, кто знает Гитлера, поймет, что было вообще исключительно трудно сделать такое замечание. На это Гитлер ответил мне относительно спо-

11787

H1203 – 0466

H1203 – 0467

койно, но подчеркнуто резко. В тот же или, может быть, следующий вечер был затронут еврейский вопрос, о чем я заранее сговорился с моей женой; так как мне было запрещено касаться в беседе этого вопроса, моя жена рассказала фюреру об одном случае, который с ней произошел в Голландии. Она была очевидицей того , как гестапо ночью увозило евреев, ~~благодаря~~ наблюдая эту сцену из своего номера в отеле. Мы оба считали, что этот дорожный случай и описание его может быть смогут способствовать тому, что Гитлер изменит свою точку зрения по еврейскому вопросу и изменит свое отношение к евреям. Моя жена нарисовала очень яркую картину, такую картину, какую вы можете найти сегодня в рассказах, публикуемых в прессе. Гитлер молчал. Молчали также и другие свидетели этой беседы, и среди прочих был мой собственный тесть профессор Гофман. Возникло гробовое молчание. Через некоторый промежуток времени Гитлер произнес только: "Это - сентиментальность". Это было - все. Больше в этот вечер никакого разговора не произошло, он ушел к себе раньше обычного, и у меня сложилось такое впечатление, что создалась ситуация, которая является совершенно невыносимой. Потом кое-кто из его приближенных сказал моему тесту, что ~~я~~ отныне моя безопасность находится под угрозой. Я только стремился как можно скорее уехать из Берггофа для того, чтобы дело не дошло до полного разрыва, но мне не удалось. На следующий вечер приехал Геббельс.

И вот еще раз в моем присутствии возник разговор о Вене, но не я начал его. Я, естественно, вынужден был высказаться в ответ на те замечания, которые сделал сначала

11788

Геббельс. Тогда фюрер начал высказываться с безграничной ненавистью ~~против~~ к венскому населению. Я должен здесь отметить, что если меня и сегодня проклинает население Вены, то я все-таки всегда особенно дружелюбно относился к нему. Я чувствовал себя связанным воедино с этим населением. Я хочу указать лишь только на одно то, что Иосиф Вейнхебер был одним из моих ближайших друзей. Во время этого спора я почувствовал себя обязанным заступиться за тех людей, которыми я руководил.

Гитлер, между прочим, приблизительно в четыре часа утра, высказал слова, которые в интересах истории я хочу здесь отметить. Он сказал: "Вену, собственно говоря, не следовало включать в состав Великой Германской империи". Гитлер никогда не любил Вену, он ненавидел население Вены. Я думаю, что он потому чувствовал некоторое расположение к городу, что он ценил архитектуру этого города. Но тот, кто знает Вену, понимает, что настоящую Вену олицетворяют не строения на "Рингштрассе", а готика.

ЗАУТЕР: Мне кажется, господин свидетель, это мало имеет отношения к обвинению. Я прошу вас придерживаться пунктов обвинения.

ШИРАХ: Я заканчиваю: я хочу только сказать, что в результате этой беседы и возмущения Гитлера произошел полный разрыв, так что я простился в ту же ночь, а между тем уже было пять часов утра; на следующее утро я уехал, покинув Берггоф. После этого у меня не было ни одного разговора с Гитлером.

Я должен перейти еще к одному вопросу в связи с этим. Рейхсмаршал Геринг здесь, на свидетельском месте, го-

H1203 – 0468

H1203 – 0469

ворил об одном письме, которое ему показывал Гитлер, и которое было написано мною. Господин фон Риббентроп также дал здесь показания относительно того, что он был свидетелем разговора, когда Гиммлер предложил Гитлеру предать меня народному суду (фольксгерихтсхоф), что означало фактически смертную казнь через повешение. Я должен в этой связи заметить следующее: то, что Геринг сказал об этом письме, в основном является правильным. В этом письме я в очень корректной форме высказывался о родственных связях. В этом письме я написал одну фразу, гласившую, что я считаю несчастьем войну с США.

ЗАУТЕР: К какому году относится письмо?

ШИРАХ: Это было письмо, написанное вскоре после моего посещения в Берггофе. Это высказывание не содержало ничего особенного, так как Гитлер без того...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он не указал нам даты своего пребывания в Берггофе. В каком году это было?

ЗАУТЕР: Господин председатель ~~xxxxxxxx~~, он сказал ... 1943 г., он только что сказал 1943 .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В каком месяце 1943 г.?

ЗАУТЕР: Мне думается, вы должны назвать нам месяц.

ШИРАХ: Мне кажется, что совещание в Берггофе было весной, а письмо было написано летом, но я не могу точно сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: 1943 год, но в нем 12 месяцев.

ШИРАХ: Да в 1943 году, но я не могу точно указать. Письмо было написано в корректной форме от руки, ни одна секретарша его не читала, оно было отправлено главе государства через курьера.

ЗАУТЕР: Лично Гитлеру?

ШИРАХ: Лично Гитлеру. Возможно, что оно было адресовано на имя Бормана, но я не помню, оно было отправлено с курьерской почтой. В этом письме ничего больше не содержалось за исключением того раз'яснения, которое было необходимо для того, чтобы ответить на те вопросы, которые были заданы мне в циркуляре, упомянутом Герингом во время его показаний.

Это письмо привело к тому, что Гитлер стал резко отрицательно относиться ко мне. Это совпало приблизительно с тем временем, когда в главном имперском управлении безопасности начали собирать материалы против меня. Произошло это потому, что я в кругу политических руководителей, высших политических руководителей изложил внешнеполитическую ситуацию так, как я ее расценивал, (т.е. я поступил так, как я привык поступать с юношеских лет. Один из этих людей был агентом СС, он донес. После этого начали вести дело против меня, собирали материал для того, чтобы в случае необходимости возбудить процесс. То, что это не произошло, я обязан исключительно тому обстоятельству, что в армии на фронте и на родине у меня было много товарищей из руководства молодежью, которые солидаризировались со мной, и поэтому выступлен/ие против меня было бы сопряжено с трудностями. После 20 июля 1944 года мое положение стало чрезвычайно затруднительным. Мои друзья в армии предоставили мне в распоряжение роту отборных солдат. Ими командовал бывший адьютант генерал-полковника Фромма; эта рота подчинялась мне непосредственно, она взяла на себя мою охрану и оставалась со мной до самого конца.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, я возвращаюсь еще раз к вашей венской речи, произнесенной в сентябре 1942 г. В этой речи вы говорите о выселении десятков тысяч евреев в восточные

H1203 – 0470

H1203 - 0471

гетто. Вы не говорили в этой речи об уничтожении или истреблении евреев. Когда же вы узнали о том, что Гитлер планировал уничтожение или истребление евреев?

ШИРАХ: Господин защитник, если бы я тогда что-нибудь знал об уничтожении или истреблении евреев, я не сидел бы здесь сегодня. Впервые, как я припоминаю, я узнал об уничтожении евреев в результате следующего происшествия. Доктор Росс приехал ко мне.

ЗАУТЕР: Кто?

ШИРАХ: Д-р Колин Росс приехал ко мне в 1944 году в Вену и сообщил мне, что он из заграничных газет узнал о том, что на Востоке происходит в огромных масштабах массовое истребление евреев. Я тогда попытался выяснить то, что я мог выяснить. Я узнал, что в гау , расположенном по реке Варте, происходило умерщвление евреев в душегубках. Об этих расстрелах на Востоке, которые...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, что это за гау, о котором сейчас он говорил? Варте гау?

ЗАУТЕР: Гау в бассейне реки ~~реки~~ Варты, Вартегау, господин председатель.

ШИРАХ: Да, гау в бассейне реки Варты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Где она находится?

ЗАУТЕР: Это область - территория на границе Польши, местность, находящаяся на Востоке Германии, Вартегау, область, расположенная западнее Польши, возле Силезии. Пожалуйста, свидетель, продолжайте, только кратко.

ШИРАХ: Казни, расстрелы на территории России, о которых говорилось в документах и которые пред'являлись по делу Каль-

тенбруннера во время его перекрестного допроса, мне в то время не были известны. Я немного позднее, до 1944 года, узнал о расстрелах, производившихся на территории России, в гетто, но я истолковал их как военную необходимость, потому что я верил в вооруженные восстания в гетто. Об организованном уничтожении, о котором мы услышали здесь на процессе, я не знал.

ЗАУТЕР: Вы, следовательно, если я правильно понимаю вас, об этих вещах впервые узнали в 1944 году от доктора Колин Росса, вашего друга, который рассказал Вам о сообщениях из иностранной печати?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Помните ли вы точно месяц?

ШИРАХ: Нет, я не могу этого вспомнить.

ЗАУТЕР: Во всяком случае в 1944 г.

ШИРАХ: Я этого не помню. Но мне кажется, что я должен еще добавить следующее. Я самому себе задавал вопрос о том, что можно сделать против этого, и теперь ежедневно я спрашиваю себя, что бы я предпринял против этого, и я могу на это ответить: практически ничего. С 1943 г. в политическом отношении я был погибшим человеком. Я не мог сделать ничего сверх того, что я пытался предпринять в Берггофе в 1943 г.

ЗАУТЕР: Ничего ?

ШИРАХ: Ничего.

ЗАУТЕР: Г-н свидетель, в этой связи с хочу задать вам чисто принципиальный вопрос. Вы вчера говорили о том, как в вашей ранней юности вы были антисемитом. Между тем вы слышали свидетельские показания Хёсса, ~~Хёсса~~, коменданта лагеря в Освенциме, который сообщил нам, что только в этом лагере

H1203 – 0472

H1203 – 0473

было умерщвлено от 2-х с половиной до 3-х миллионов невинных людей, главным образом, евреев. Что для вас сегодня означает слово "Освенцим"?

ШИРАХ: Это самое крупное и самое сатанинское массовое убийство в истории человечества, но это убийство не было совершено Хёссом, он был только палачом. Приказы о совершении убийства отдал Гитлер, это указано в его завещании, а оно является подлинным, я в своих руках держал фотокопию этого завещания. Он и Гиммлер совместно совершили это преступление, которое навсегда останется позорным пятном в нашей истории. Это преступление, за которое каждый немец испытывает стыд. Немецкая молодежь не несет за это никакой ответственности; она была настроена антисемитски, но она не желала истребления еврейского населения, она не знала и не подозревала, что Гитлер осуществлял это уничтожение путем ежедневных убийств тысяч невинных людей. Молодые люди, которые сегодня беспомощно стоят среди руин, в которые повержена их родина, ничего не знали об этих преступлениях и не хотели их. Они неповинны в том, что Гитлер причинил еврейскому и немецкому народам. Я хочу сказать в связи с показаниями Хёсса еще следующее: я воспитывал это молодое поколение в духе веры в Гитлера и преданности ему. Молодежное движение, которое я создал, носило его имя. Я думал, что я служу фюреру, который сделает наш народ и нашу молодежь великими, свободными и счастливыми. Вместе со мной в это верили миллионы молодых людей и видели в национал-социализме свой идеал. В этом моя вина, Многие отдали за это жизнь, которую я отныне несу перед богом, ~~и~~ моим немецким народом и моей родиной за то, что я воспитывал молодежь этой страны для человека, которого я многие, многие годы

считал неприкосновенным как фюрера и главу государства, за то, что я воспитал для него молодежь, которая смотрела на него такими же глазами, как и я. В том моя вина, что я воспитал эту молодежь для человека, который являлся убийцей миллионов людей. Я верил в этого человека, и это все, что я могу сказать в свое оправдание и чем я могу об'яснить свою линию поведения. Однако, это моя личная и моя индивидуальная вина, я был ответственным за молодежь. Я для нее издавал приказы и, поэтому, я один несу за нее ответственность; молодое поколение является невиновным. Оно выросло в антисемитском государстве с антисемитскими законами. Молодежь была связана этими законами и поэтому она не видела в расовой политике ничего преступного. Если на почве расовой политики и антисемитизма мог возникнуть Освенцим, то он должен был явиться концом расовой политики и концом антисемитизма. Гитлер умер. Я не предал его. Я не участвовал в путче против него, я не планировал против него покушения, я присягнул ему, как офицер, руководитель молодежи и чиновник. Я не был его попутчиком и не был оппортунистом, я был национал-социалистом по убеждению с юношеских лет и как таковой я был антисемитом. Эта расовая политика оказалась роковой для пяти миллионов евреев и всех немцев. Но на молодежь не падает вина. Но тот, кто и после Освенцима придерживается расовой политики, тот становится виновным. Это то, что я считал своим долгом заявить в связи с делом Хёсса.

ЗАУТЕР: Г-н председатель, может быть сейчас подходящее время сделать перерыв?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сколько еще времени займет допрос подсудимого, д-р Заутер?

ЗАУТЕР: Я предполагаю, что может быть еще час.

11795

H1203 - 0474

H1203 - 0475

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не слышал ответа.

ЗАУТЕР: Я предполагаю, что потребуется еще час, всего только час, думается мне. Вы слышали меня, господин председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас я вас слышу. Мы слушали вас уже очень долго.

ЗАУТЕР: Да.

(Об'является перерыв на 10 минут).

ЗАУТЕР: Господин председатель, после этого заявления подсудимого Шираха, я с удовольствием отказался бы от всех остальных вопросов, но, обвинение вменило данному подсудимому в вину еще целый ряд специальных вопросов и я опасаюсь, что может создаться впечатление, что эти пункты обвинения молча признаются, если подсудимый коротко не выскажется относительно этих вопросов. Но я постараюсь, учитывая вышесказанное, как можно больше сократить эту заключительную часть допроса подсудимого.

Господин свидетель, вы только что описали нам впечатления, которые сложились у вас в ходе данного процесса. Были ли вы раньше когда-либо в каком-нибудь концлагере?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Когда и по какому поводу?

ШИРАХ: Я, как об этом говорил свидетель Хёльригель, был в 1942 году в концлагере Маутхаузен. Показание другого свидетеля Марсалека, согласно которому мое посещение концлагеря относится к 1944 г., является неправильным. Во время моего допроса в июне 1940 г., когда я сдался в плен, я рассказал об этом посещении лагеря и упоминал о нем на допросах в Нюрнберге.

ЗАУТЕР: Еще до допроса Хельригеля?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Да?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, в том переводе, который к нам поступил, сказано: "интернирован в июне 1940 г.". Действительно ли он сказал, что он был интернирован в июне 1940 года?

ЗАУТЕР: Это было в 1945 году, а не в 1940 году, господин фон Ширах?

ШИРАХ: Да, я добровольно сдался в плен в 1945 г.

ЗАУТЕР: Таким образом, в 1942 г., вы это помните точно, вы однажды посетили концлагерь Маутхаузен. По какому поводу и как?

ШИРАХ: Был с'езд...

ЗАУТЕР: Минутку...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что он подразумевает под словами "добровольное интернирование"?

ЗАУТЕР: Подсудимый фон Ширах тогда под чужим именем жил в Тироле и в том месте, где он жил...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть, это скажет сам подсудимый фон Ширах?

ЗАУТЕР: Подсудимый Ширах, об'ясните, как вы добровольно сдались.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста, покороче.

ШИРАХ: Я находился на свободе, и через своего ад'ютанта я направил письмо американскому местному коменданту, заявив, что я хочу сдаться в плен для того, чтобы предстать перед судом союзников. Это было в июне 1945 г. Офицер службы контрразведки, который потом выяснял, где я жил, подтвердил мне, что меня там еще бы долго не обнаружили; я лично убежден,

H1203-0476

H1203 – 0477

что я мог бы скрываться там и в любом другом месте так долго, сколько бы я хотел в течение многих лет.

ЗАУТЕР: Господин фон Ширах, вернемся к посещению Маутхаузена, которое Вы с уверенностью и под присягой можете отнести к 1942 году, так ли это ?

ШИРАХ: Мне кажется, что дата, которую назвал Хельригель, является правильной. Я знаю совершенно точно, что дата, которую приводит Марзалек, ошибочна.

ЗАУТЕР: Следовательно, не 1944 год?

ШИРАХ: Это, повидимому, 1942... Я, следовательно, подтверждаю показание Хельригеля. В Линце была встреча, в которой приняли участие различные австрийские инстанции. Состоялись совещания по экономическим и сельскохозяйственным проблемам и во второй половине дня мы поехали в концентрационный лагерь Маутхаузен по приглашению гаулейтера Эйгрубера. Я тогда немного удивился, что гаулейтер сделал такое приглашение; я предположил, что он предварительно вступил в контакт с органами СС, и Эйгрубер пригласил нас туда, мне кажется, потому, что он намеревался там соорудить какой-то оружейный завод или нечто в этом роде; во всяком случае это было связано с производством на заводах Штейера, точно я теперь их помню.

ЗАУТЕР: В чем заключалось посещение и что вы там видели?

ШИРАХ: Нас сопровождал комендант лагеря.

ЗАУТЕР: Как фамилия его?

ШИРАХ: Это был Цирейс или человек с созвучной фамилией, который здесь уже упоминался.

ЗАУТЕР: Это СС-фюрер?

ШИРАХ: Да, член СС, комендант лагеря. Я бы хотел обрисовать сначала общее впечатление. Это был очень большой

лагерь, напоминавший целый город. Я сразу же спросил, какое количество заключенных в нем находится. Мне ответили, кажется, 20 или 15 тысяч, во всяком случае, цифра колеблется между этими двумя указанными цифрами. Я спросил, что это за заключенные. Мне ответили то, что я всегда слышал, когда задавался вопрос о концлагерях, а именно, что две трети заключенных являлись крупными преступниками, собранными для работы из исправительных домов и тюрем, а остальная треть состояла из политических преступников и изменников родины, которые во время войны особенно строго карались.

ЗАУТЕР: Смогли ли вы увидеть в этом лагере, как размещались заключенные, как они питались и т.п.

ШИРАХ: Я видел выдачу пищи и у меня создалось впечатление, что это была нормальная, сытная пища, какая выдавалась в лагерях. Затем я посетил большие каменоломни, ~~т.е.~~ те знаменитые и теперь вместе с тем пресловутые каменоломни, в которых в течение столетий для Вены добывались камни. Как раз, когда я был в каменоломнях, там не работали, уже был конец рабочего дня. Но я видел мастерскую каменотесов, в которой производились еще работы. Я также был в здании, в котором помещается великолепно оборудованный зубоврачебный стационар. Мне показали этот стационар, потому что я спросил о врачебном обслуживании. Я должен заметить, что я во время посещения этого лагеря задавал вопросы, к которым я привык на опыте моих бесчисленных посещений молодежных лагерей в юности и в последующие годы, как-то: снабжение, число людей, врачебное обслуживание и т.д. Затем меня повели в большую комнату, в которой заключенные занимались музыкой. Там находился целый симфонический оркестр из заключенных, и мне сказали, что после окончания работы по вечерам заключенные имели возможность раз-

H1203 – 0478

H1203 – 0479

влекаться, как им заблагорассудится. И в данном случае, например, собрались заключенные, которые желают заниматься музыкой. Я помню так же, как выступил там один тенор; этот момент я хорошо помню. Затем я спросил о смертности в лагере. Тогда мне показали помещение, где находились три трупа, я не могу утверждать под присягой, видел ли я крематорий. Марзалек утверждал, что я видел. Но я, конечно, не удивился бы, если бы в таком большом комплексе строений, далеко от города, находился крематорий или кладбище; это было вполне естественно.

ЗАУТЕР: Господин фон Ширах, узнали ли вы во время этого официального посещения лагеря в сопровождении коменданта Ширейса о зверствах или о пытках, которые, как говорят, имели там место? Вы можете ответить на вопрос совершенно кратко: да или нет.

ШИРАХ: Если бы это было так, то я, конечно, предпринял бы что-нибудь, но у меня сложилось впечатление, что все было в порядке. Я, например, осмотрел заключенных и я помню, между прочим, что я видел известного бегуна на среднюю дистанцию Пельцера, который был известным преступником против нравственности. Он был наказан, потому что он, будучи воспитателем в лесной школе, занимался растлением многих подростков. Я задал Ширейссу следующий вопрос:"как люди освобождаются из концентрационного лагеря, постоянно ли вы отпускаете их отсюда? Тогда он показал мне 4 или 5 заключенных , которые, как он заявил, должны были быть на следующий день отпущены на свободу. Он спросил этих заключенных в моем присутствии: "Собрали ли вы все вещи?" или "Подготовились ли вы к вашему освобождению", на что они утвердительно ответили с смеющимся выражением лица.

11800

ЗАУТЕР: Господин свидетель, можете ли вы вспомнить о том, задали ли вы коменданту Пирейссу вопрос относительно того, находились ли в лагере политические заключенные из вашего гау, из города Вены, и попросили ли вы после этого показать вам этих заключенных.

ШИРАХ: Этот вопрос, господин защитник, вы мне уже задавали во время одной из бесед, и здесь, под присягой, я могу заявить лишь следующее: я не помню об этом, но само собой разумеется, что во время моего визита я мог спросить о заключенных из моего гау, но этого я не помню. Г-н Марзалек утверждает, что это было так, таковы его показания, я считаю это вполне возможным. Я должен еще сказать об этом визите следующее: мне очень трудно вспоминать, что было тогда в Маутхаузене.

ЗАУТЕР: Почему?

ШИРАХ: Потому что я, начиная с мая 1945 г., слышал бесконечное количество сообщений сначала о Маутхаузене, а потом и о других концентрационных лагерях, и все напечатанные в газетах сообщения, которые я мог получить о Маутхаузене, я прочитал в газетах, я снова задумывался над этим, спрашивая себя, видел ли я там вообще что-либо такое, что свидетельствовало бы о массовом истреблении людей. Я недавно, например, прочитал о конвейре, по которому переправлялись трупы - этого я не видел. Я должен здесь еще заметить, что я посетил также Дахау в 1935 году, этого я не должен забывать. В 1935 г. я вместе со всем партийным руководством посетил Дахау, куда мы выехали из Мюнхена. Это посещение состоялось, потому что различные политические руководители выразили заместителю фюрера ~~заключения в целях~~ свои опасения относительно заключения, в целях безопасности. Гесс передал эти опасения Гиммлеру и после этого мы получили приглашение от Гиммлера посетить

H1203 - 0480

H1203 – 0481

Дахау. В Дахау находилось в то время приблизительно от 800 до 1.000 заключенных. Я не осматривал всего лагеря, потому что я беседовал с некоторыми гаулейтерами, которые присутствовали там. Но в Дахау я видел барак, в котором размещались заключенные и который находился в безукоризненном состоянии. Я видел также барак, в котором помещалась библиотека, потому что это меня особо интересовало, я также видел, что там имелись хорошие врачебные кабинеты. Мне кажется важным здесь еще отметить, что я после того, как закончился осмотр лагеря, беседовал с многими гаулейтерами и с другими рейхслейтерами об их впечатлениях, причем общее мнение сводилось к тому, что рассеялись все сомнения относительно заключения, в целях безопасности, практиковавшегося Гиммлером; как все отметили, размещение в этом концлагере было гораздо лучше, чем в исправительных домах юридических органов. Таково было впечатление о Дахау в 1935 г. И я должен отметить, что с того времени меня не волновал больше вопрос о концлагерях. Мне кажется, что я должен еще дополнительно упомянуть о следующем: я вплоть до окончания войны твердо верил в то, что в Маутхаузене было 20.000 человек, в лагере Ораниенбург и в Дахау - это были два других лагеря, из которых один мне был известен своим названием, а другой я посетил сам, - находилось 10.000 человек, и в Бухенвальде под Веймаром, в котором я также не был, но о существовании которого я слышал, находилось приблизительно 10.000 человек. Таким образом, мне казалось, что около 50.000 человек находилось у нас в немецких концентрационных лагерях, и я также был твердо уверен в том, что две трети из числа заключенных были крупными преступниками, заключенными исправительных домов и преступниками против

нравственности и что лишь одна треть состояла - из политических заключенных. Я верил в это, прежде всего, потому, что я сам не посылал людей в концентрационные лагери, и мне казалось, что все другие действовали также. После окончания войны, я не мог поверить, когда я услышал, что сотни тысяч людей в Германии были политическими преступниками. Я должен сказать еще об одном моменте, о котором, как мне кажется, следует упомянуть в связи с общим комплексом вопросов о концентрационных лагерях: писатель Ганс Каросса предоставил в мою пользу аффидевит. В этом аффидевите говорится об одном издателе, которого я освободил из концентрационного лагеря. Я упоминаю об этом потому, что это один из типичных случаев, когда заступаешься за человека, с тем, чтобы его освободили, а затем он вам не рассказывает, как ему жилось в концентрационном лагере. Я в течение многих лет получал письма от населения, от людей, чьи родственники находились в концентрационных лагерях. Введя в Вене приемный день для населения, в который меня мог посетить каждый немец, желавший поговорить со мной, я, таким образом, переговорил лично с тысячами людей из различных слоев населения. Иногда в таких случаях кто-либо просил за своего родственника или знакомого, находившегося в концлагере, я имел обыкновение в таких случаях писать письма в главное управление имперской безопасности господину Гейдриху или господину Кальтенбруннеру и через некоторое время я получал ответ о том, что такое-то лицо отпущено или не отпущено, в зависимости от того, обвиняли ли его в каком-нибудь тяжком преступлении или нет. Но те лица, которые находились в концлагерях, никогда не рассказывали мне о том, что с ними там было, а тех, над которыми издевались, нам не показывали в лагере, и таким образом получалось, что я сам и

11803

H1203 – 0482

H1203 – 0483

многие другие в Германии не имели действительного представления о системе концлагерей.

ЗАУТЕР: Господин председатель, это аффидевит писателя Ганса Каросса, о котором только-что упомянул подсудимый, является документом № 3-а, я повторяю, 3-а в книге документов по делу Шираха, письменные показания под присягой писателя Каросса, и я прошу принять этот документ к сведению, в качестве доказательства. В последнем абзаце упоминается тот случай, о котором только что говорил подсудимый, а именно - освобождение из концлагеря издателя Зуркампа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите пожалуйста, какая это страница?

ЗАУТЕР: 25 страница книги документов, документ № 3-а... Ганс Каросса.

Что касается остальной части содержания этого аффидевита, то она посвящена оценке личности подсудимого Шираха доктором Кароссом и тому, что подсудимый фон Ширах заступался за людей, которые преследовались по политическим причинам. Господин свидетель, о каком числе концентрационных лагерей вы вообще знали?

ШИРАХ: Я уже сказал: Дахау, Маутхаузен, Ораниенбург, Бухенвальд.

ЗАУТЕР: Находился ли в Вашем гау какой-нибудь концентрационный лагерь?

ШИРАХ: Нет.

ЗАУТЕР: Я сейчас перехожу в связи с комплексом вопросов, касающихся обращения с евреями, к тем приказам, которые Гиммлер, как говорят, в вашем присутствии, господин свидетель, в марте 1945 года, якобы, дал коменданту Маутхаузена. Это пред'явленный Обвинением документ ПС-3870, ~~и~~ ПС-3870. Согласно этому документу, Гиммлер издал в марте 1945 г. приказ,

чтобы евреи были отправлены пешком в Маутхаузен со строительства Юго-Восточного вала. Имели ли Вы отношение к этому?

ШИРАХ: Я совершенно точно могу передать, что сказал тогда Гиммлер. Гиммлер прибыл в Вену в середине марта, или в конце марта, чтобы поговорить с командующим южной группы арии. Командующий южной группы, конечно, не сидел в то время в Вене, и тогда Гиммлер вызвал в Вену рейхсштаттхальтеров (имперских наместников) Австрии и передал им чрезвычайные полномочия военного времени на будущее время, поскольку Вена и некоторые другие гау Австрии стали районами военных действий. Во время этого совещания Гиммлер, пока в передней комнате печатался текст с чрезвычайными полномочиями военного времени, вызвал через своего ад'ютанта коменданта Цирейса. Тут я увидел Цирейса во второй раз и вот Гиммлер сказал Цирейссу не то, чтобы евреи, как показал Марсалек, шли пешком со строительства Юго-Восточного вала в Маутхаузен, а сказал нечто такое, что было для меня в высшей степени неожиданным. Он заявил: "Я хотел бы, чтобы все евреи, которые используются на работах, были доставлены в Линц или Маутхаузен на омнибусах или пароходах, причем они должны наилучшим образом снабжаться и им должна оказываться врачебная помощь". Я не помню точно, сказал ли он "доставлены в Маутхаузен". Он при этом заявил Цирейссу: "Следите за этими евреями как следует. Обращайтесь с ними хорошо, это мой лучший капитал". В результате этого заявления у меня в первый момент возникло мимолетное впечатление, словно Гиммлер хотел как-то обмануть меня, но потом мне стало ясно, что этими указаниями он преследует какие-то политические цели в самый последний момент войны для того, чтобы показать хорошее обращение с евреями. Таким образом то, что свидетель Марсалек

H1203 – 0484

H1203 – 0485

сказал о том, что евреи должны были отправляться пешком, является неправильным. В тот мом-ент Гиммлер был заинтересован в очень хорошем обращении с евреями при любых обстоятельствах. У меня было такое впечатление, и позднее это подтвердилось, так мы слышали, что он хотел как-то откупиться в последнюю минуту этим хорошим обращением с евреями.

ЗАУТЕР: Это было в конце марта 1945 года?

ШИРАХ: Да, это было в конце 1945 года в то время, когда передавались упомянутые полномочия штаттхальтерам в Вене.

ЗАУТЕР: Таким образом непосредственно перед окончанием войны?

ШИРАХ: Так точно.

ЗАУТЕР: К вашей венской деятельности, господин свидетель, относится также заявление Обвинения относительно того, что вы принимали участие в преследовании церкви. И это обвинение опирается, насколько я понимаю, исключительно на документ Р-146. Я повторяю документ Р-146, уже пред'явленный Обвинением. Господин свидетель, этот документ представляет собой письмо допрошенного здесь свидетеля доктора Ламмерса имперскому министру внутренних дел от 14 марта 1941 года и затем циркуляр Бормана, направленный всем гаулейтерам, от 20 марта 1941 года.

Я прошу вас сейчас высказаться относительно этих двух писем, в частности, потому, что в письме д-ра Ламмерса от 14 марта речь идет об имуществе элементов, враждебных государству и народу, в то время как в циркуляре Бормана от 20 марта речь идет о конфискациях церковной собственности (монастырских владений) и т.п. Что вам известно о том, какие обстоятельства обусловили это письмо и какую роль вы лично играли при этом?

ШИРАХ: Это действительно письмо Ламмерса. В сопроводительном письме Бормана говорится о церковном имуществе. Я говорил здесь о народном и государственном имуществе. Это был термин, употреблявшийся тогда. Относительно самого дела я хочу сказать, что, как известно, когда я приехал в Вену в августе 1940 года, ~~то~~ в Австрии производились конфискации такого имущества. В связи с этим возник спорный вопрос между гауляйтерами и имперским министром финансов; имперский министр финансов хотел передать это конфискованное имущество империи, я же, и это совершенно правильно, придерживался той принципиальной точки зрения, что это имущество должно оставаться в распоряжении соответствующих гау. Как я припоминаю, я участвовал в этом деле, имея отношение к следующим случаям конфискации. У князя Шварценберга было состояние, значительная часть которого находилась в Обердонау, а меньшая часть в известном дворце в Вене. И этот князь Шварценберг еще до моего назначения отказался в присутствии германского генерального консула или какого-то другого консула за границей отправиться в Германию и отбывать воинскую повинность. После этого его имущество было конфисковано. Я в интересах империи старался сохранить это состояние в распоряжении имперского гау Вены и воспрепятствовать тому, чтобы оно перешло в руки империи. Больше, насколько я помню, у меня нет в данном случае никаких документов, я ничего не могу сказать относительно этих мероприятий по конфискации. Я не несу ответственности за конфискацию, производившуюся в других гау. Но может быть я могу констатировать, что я лично добился того, чтобы такого рода конфискация была приостановлена во всей империи. И когда через посредника ко мне обратились монашки одного монастыря в Австрии, я попросил моего свекра путем освещения политических последствий, которые имели эти мероприятия, добиться

11807

H1203 – 0486

H1203 – 0487

за спиной Бормана, чтобы Гитлер издал прямой приказ о прекращении всех конфискаций. Это было достигнуто, и после того, как это случилось, Борман стал преследовать также и моего свекра. После этого случая у меня не было возможности обратиться с этими вопросами к фюреру.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, Вы еще не полностью высказались относительно письма доктора ~~доктора~~ Ламмерса от 14 марта. Я хотел бы зачитать Вам первую фразу, для того, чтобы освежить в Вашей памяти этот случай. В этом письме Ламмерса от 14 марта 1941 года, документ Р-146, сказано (я цитирую): "Имперский наместник и гаулейтер (рейхсштаттхальтер) фон Ширах, а также д-р Юрн и Эйгрубер недавно подали жалобу фюреру о том, что имперский министр финансов продолжает придерживаться того мнения, что конфискация всего имущества элементов, враждебных государству и народу, должна происходить в пользу империи, а не в пользу ~~гау~~ имперских гау". Конец цитаты. В этой связи Обвинение вменяло вам в вину, что вы принимали участие в преследовании церкви. Я прошу вас сказать нам, что, собственно, вы сделали тогда?

ШИРАХ: Можно констатировать, что при моем предшественнике Кельяя церкви в Вене преследовались. Я уже вчера упоминал о демонстрации перед дворцом епископа. Со дня моего прибытия в Вену не было совершено ни одного антицерковного действия в духе политической травли. По приезде в Вену я собрал всех политических руководителей и прочих сотрудников гау и потребовал от них, чтобы они ни устно, ни письменно никогда не выражали ничего такого, чтобы могло оскорбить чьи-либо религиозные чувства. Мне кажется, это является фактом, на который был с благодарностью воспринят населением Вены. С этого дня больше не было никаких выступлений против церкви.

Я не могу сейчас без документов ответить на вопрос, в какой мере военный налог распространился на церковные и вообще на всякие другие владения.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, из документа следует, что вы,якобы, по этому вопросу сами говорили с фюрером.

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Потому что в документе говорится, что имперский наместник (рейхслейтер) и гаулейтер фон Ширах подал жалобу фюреру.

Вы нам до сих пор об этом еще не рассказывали.

ШИРАХ: Да. Во время пребывания Гитлера в Вене, когда он подписывал „Юго-Восточный пакт, я ему сказал, что я придерживаюсь того мнения, что это конфискованное имущество должно принадлежать различным гау, а не империи. Такова была моя точка зрения, которую я считаю полностью правильной.

ЗАУТЕР: Г-н свидетель, в Обвинительном заключении вам также вменяется в вину, что вы имели какое-то отношение к СС, что вы способствовали ее росту и т.д. Вы сами были членом СС?

ШИРАХ: Нет.

ЗАУТЕР: Имел ли Гиммлер, как руководитель СС, какое-либо влияние на молодежную организацию и на воспитание молодежи?

ШИРАХ: Нет.

ЗАУТЕР: Происходили ли молодые кадры в корпусах фюреров СС из "Гитлеровской молодежи", и если да, то почему?

ШИРАХ: Пополнение всех корпусов фюреров СС состояло из молодежи. Наша молодежь руководилась ведь государством. Вы, очевидно, имеете в виду то соглашение, которое было заклю-

11809

H1203 – 0488

H1203 – 0489

чено между мной и Гиммлером относительно патрулей.

ЗАУТЕР: Да, это играет в данном вопросе определенную роль.

ШИРАХ: Такие соглашения...

ЗАУТЕР: Одну минуточку, господин фон Ширах. Это соглашение изложено в документе Обвинения ПС-2396, я повторяю, документ ПС-2396, в котором встречается - я попрошу вас затем, господин свидетель, особо высказаться по этому поводу - замечание относительно того, что СС должна получить свое пополнение от патрульной службы "Гитлеровской молодежи". Это соглашение от октября 1938 г. Я прошу Вас рассказать, как обстояло дело и что такое патрульная служба.

ШИРАХ: Патрульная служба - это один из особых отрядов "Гитлеровской молодежи", о котором я забыл вчера упомянуть. Патрульная служба являлась дисциплинарной службой молодежи. Она состояла из особенно дисциплинированных юношей, перед которыми не были поставлены полицейские задачи, но которые должны были следить за общим поведением молодежи, за их форменным платьем, наблюдать, за посещали ли подростки рестораны - я даю свои показания на основании документа, - они должны были также следить за опрятностью и порядком. Их обязанностью было осуществлять контроль над туристскими занятиями и туристскими базами молодежи. Во время больших церемоний они должны были следить за порядком и нести охрану. Они выставляли караулы в молодежных лагерях, сопровождали эшелоны, их использовали для розысков пропавших без вести подростков, они давали справки молодым туристам, несли службу на железных дорогах, должны были защищать подростков от преступных элементов, и должны были, прежде всего, и в этом заключалась их основная задача, охранять народное имущество,

например, леса, нивы, предотвращать пожары. Так как Гиммлер мог чинить препятствия деятельности такой дисциплинированной специальной службы, для меня было очень важным, чтобы он, т.е. полиция, признала мою дисциплинированную службу; потом, согласно моей идее о молодежи, как о молодежном государстве, не полиция должна была использоваться в случае проступков со стороны молодежи, а молодежь должна была сама поддерживать порядок. То, что этот принцип был правильным, явствует из того, что с 1933 года до начала войны детская преступность резко снизилась.

ЗАУТЕР: Господин свидетель...

ШИРАХ: Минутку, я еще не закончил. После этого соглашения...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, мы уже достаточно слышали об этом соединении. Обвинение же интересовал вопрос о том, использовались ли эти соединения в качестве резерва для пополнения СС.

ЗАУТЕР: Да, это была патрульная служба.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы уже слышали все подробности того, что они делали, и ... " мы имели вспомогательную защиту со стороны молодежи", безусловно, мы уже слышали об этом.

ЗАУТЕР: Господин председатель, об этих специальных отрядах Обвинение особо упомянуло, как о средстве подготовки к войне, как о средстве воспитания молодежи в милитаристском духе. В этой связи упоминались все эти специальные отряды и вот поэтому мы сочли необходимым, чтобы подсудимый дал соответствующее раз'яснение относительно того, что представляла собой эта патрульная служба. Но я могу покончить с этой темой, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы уже разбирали этот вопрос довольно подробно.

11811

H1203 – 0490

H1203 – 0491

ЗАУТЕР: Хорошо. Господин свидетель, из каких же формирований СС черпала пополнение для своих кадров (фюреров)?

ШИРАХ: Чтобы обеспечить рост своих кадров, СС создала свои особые воспитательные заведения, которые совершенно не входили в сферу моей компетенции. Это были так называемые национал-социалистские воспитательные заведения.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, касаясь вопроса об СС, Обвинение пред'явило еще одно соглашение, заключенное между вами и рейхсфюрером СС Гиммлером, соглашение от декабря 1938 г. под № ПС-2567, о так называемой сельской службе "Гитлеровской молодежи". Почему было заключено это соглашение с рейхсфюрером СС?

ШИРАХ: Очень тяжело ответить кратко на этот вопрос. Гиммлер имел сельскохозяйственное образование; он в свои студенческие годы принимал участие в так называемом движении артаманов, программа которого заключалась в том, чтобы помешать уходу молодежи из деревень. Поэтому он был особенно заинтересован в том, чтобы организации СС сотрудничали с сельскохозяйственными вспомогательными группами "Гитлеровской молодежи", которые ставили перед собой те же задачи, что и более ранее движение артаманов. Я хочу, заканчивая, сказать, как о патрульной, так и о сельской службе, что на подростков, принадлежавших к сельской или патрульной службе, не оказывалось давления, с тем, чтобы они вступили в СС. Само собой разумеется, что любой юноша, принадлежавший к патрульной службе, мог стать как членом СА, так и членом НСКК (национал-социалистского автомобильного корпуса) или политическим руководителем и становился им в действительности, как вообще всякий юноша из сельской службы или из других отрядов "Гитлеровской молодежи", мог быть членом любой вышеупомянутой организации.

11812

ЗАУТЕР: Господин свидетель, Обвинение вменяет вам так же в вину, что был издан приказ для политических руководителей относительно того, чтобы руководители из "Гитлеровской молодежи", подчинявшиеся вам, вошли в состав их штабов. Что вы можете по этому поводу сказать?

ШИРАХ: Я могу сообщить, что это является одной из попыток партийной канцелярии добиться включения руководства молодежных организаций в партийное руководство. Практически это постановление привело к тому, что целый ряд руководителей молодежных организаций стал использоваться просто в качестве ад'ютантов. Они жаловались мне по этому поводу и я отменил это постановление. Это исторический факт, что на практике в Германии не происходил переход руководителей молодежных организаций в состав политического руководства. Я могу по имени перечислить тех руководителей молодежи в Германии, которые попали в состав политического руководства, так невелико их число.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, Советское Обвинение пред'явило документ СССР-6. Это отчет львовской комиссии и в этом отчете сказано следующее: "Француженка Ила Вассо, руководительница французского дома для престарелых в городе Львове, дала письменное показание. Я передам лишь суть этого документа: "Гитлеровская молодежь" получила в подарок детей из гетто и эти дети использовались в качестве живой мишени для тренировки членов "Гитлеровской молодежи". Докладывали ли вам, во время вашей деятельности на посту имперского руководителя молодежи что-либо о подобных зверствах или может быть вы какми-либо другим путем узнали об этом?

ШИРАХ: Нет, это единственное показание о преступлении, совершенном со стороны гитлеровской молодежи, о котором мне

H1203 – 0492

H1203 – 0493

рассказывают. Ни на Востоке и ни на Западе не было таких команд из членов "Гитлеровской молодежи", которые могли бы совершить эти преступления. Я считаю эти показания в указанном аффидевите неправильными. Это все, что я могу заявить по данному вопросу.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, подсудимый ~~Ширах~~ Шахт во время своего допроса упомянул, что мистеру Идену в свое время предложили, что СС, СА и "Гитлеровская молодежь" будут лишены военного характера, если и другие державы будут разоружаться. Что вам известно о таких переговорах или таком предложении?

ШИРАХ: Что касается "Гитлеровской молодежи", я ничего не знаю о таком предложении. Я считаю совершенно исключенной такую возможность, чтобы мистеру Идену можно было сделать такое предложение относительно "Гитлеровской молодежи", потому что сам Гитлер не рассматривал "Гитлеровскую молодежь" как организацию военного или полувоенного характера. Таким образом, не могло быть фактически никакого разоружения гитлеровской молодежи. Единственное оружие, которое носили члены гитлеровской молодежи, - это был нож, предоставлявшийся младшим членам (юнгфольк) и соответствовавший ножу бойскаутов.

ЗАУТЕР: Обвинение вменяет вам также в вину, что вы в 1933 году заключили соглашение с Ф.Л.А., это сокращение "Союза немцев за границей". Так ли это, и какие цели вы преследовали этим соглашением?

ШИРАХ: Это правильно. Я не хочу говорить о целях и задачах ФЛА. Мне кажется, что это уже сделал защитник подсудимого Фрика. Я ссылаюсь на его высказывание и хочу лишь упомянуть, что у меня имелось совершенно понятное желание принять в члены

"Гитлеровской молодежи" многочисленную молодежь ФЛА, молодежь, состоявшую, впрочем, из учеников старших классов, а мое второе намерение заключалось в том, чтобы , отослав своего сотрудника в управление ФЛА, получать сведения о молодежи зарубежных стран.

ЗАУТЕР: Затем Обвинение вменило вам в вину, то что вы основали школы имени Адольфа Гитлера и что там производилось обучение молодых руководителей (фюреров) для национал-социалистского государства и для партии. Что вы можете сказать по этому поводу ?

ШИРАХ: Я мог бы очень многое сказать в связи с этим обвинением, но я постараюсь ограничиться лишь самым необходимым. Школы Адольфа Гитлера были основаны как школьные отряды гитлеровской молодежи с помощью тех средств, которые мне предоставил доктор Лей, когда я ему однажды сообщил о своих планах такого воспитания. Эти школы должны были не только подготовлять руководителей (фюреров) для партии, но и должны были обучать юношей различным профессиям. Я сам неоднократно беседовал с выпускниками этих школ и повторял им: "Вы можете избрать любую профессию, которую вы хотите, поскольку воспитание в такой школе вовсе не означает, что вы морально или как-то иначе обязаны стать политическими руководителями или еще кем-нибудь. И в действительности из этих школ вышло сравнительно небольшое число политических руководителей, очень многие стали чиновниками, врачами и т.п. Я сейчас по памяти не могу точно привести отдельные цифры, но в письмах молодежи, среди которых имеются показания воспитателей школ имени Адольфа Гитлера, содержатся высказывания по этим пунктам обвинения. Я вообще хотел бы попросить о том, чтобы из бесчисленных аффидевитов, которые подтверждают все то, что я здесь по-

H1203 – 0494

H1203 – 0495

казал, были ~~бы~~ пред'явлены, по крайней мере, 50 или 60, чтобы обосновать правильность моих показаний.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, теперь вопрос из другой области. Получали ли вы от Гитлера или от какого-нибудь другого так называемую дотацию или что-нибудь в этом духе?

ШИРАХ: Нет, я никогда не получал никаких дотаций.

ЗАУТЕР: Вы получали какие-нибудь ценные вещи, например, д-орогие картины или другие дорогие подарки?

ШИРАХ: Единственное, что мне подарил Гитлер в день моего 30-летия, это свою фотографию.

ЗАУТЕР: Свою фотографию, видимо с посвящением?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Затем у меня еще несколько коротких вопросов. Они относятся к последнему периоду вашей деятельности в Вене. Вы уже однажды упомянули в связи с посещением Гиммлера в Вене в марте 1945 года, что вы тогда получили от Гиммлера так называемые полномочия военного времени, следовательно, если я правильно понимаю, то это были полномочия, которые разрешали вам, как имперскому комиссару обороны специальный суд (штандгерихт).

ШИРАХ: Я тем самым имел право распоряжаться смертью или жизнью людей.

ЗАУТЕР: Насколько мне известно, этот "штандгерихт" должен был выносить только смертный приговор?

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Ввели ли вы в Вене такой специальный суд (штандгерихт) и созвали ли вы его?

ШИРАХ: Я назначил членов штандгерихта. Председательствовал один видный юрист.

Но практически я не созвал ни разу ни одного штандгерихта и не вынес ни одного смертного приговора. Что касает-

ся военного штандгерихта, находящегося в ведении военного коменданта, то, насколько я помню, им было вынесено четыре смертных приговора военным изменникам. Мой штандгерихт ни разу не заседал и не вынес ни одного смертного приговора.

ЗАУТЕР: Имели ли вы отношение к военному штандгерихту?

ШИРАХ: Нет. Верховным Судьей этого военного штандгерихта, естественно, был комендант Вены. А Верховным Судьей штандхерихта "Ширах", был я.

ЗАУТЕР: Вы сказали, что председателем был видный юрист.

ШИРАХ: Да.

ЗАУТЕР: Чем он занимался?

ШИРАХ: Мне кажется, он был ландгерихтсдиректором из Вены, что-то в этом духе, я точно сейчас не помню, я забыл.

ЗАУТЕР: Следовательно, судейский чиновник в Вене?

ШИРАХ: Так точно.

ЗАУТЕР: Распорядились ли вы затем, чтобы в Вене взрывались или разрушались жизненно важные предприятия, как это имело место в других гау, например, как и здесь в Нюрнберге?

ШИРАХ: Нет. Однако я должен здесь отметить, что я не осведомлен, в какой степени в соответствии с директивами из империи были проведены эти мероприятия по разрушению и выведению из строя предприятий военного значения, предприятий, производивших вооружение. Взрывание мостов было военным мероприятием. Я не мог приказать провести такое мероприятие. Гитлер оставил за собой право издавать приказы о разрушении дунайских мостов. Командующий южной группой армии, генерал-

H1203 – 0496

H1203 – 0497

полковник Рендевич, прежде чем отдать приказ о взрывании мостов, должен был делать по телефону запрос в ставку фюрера.

ЗАУТЕР: Когда вы сами покинули Вену?

ШИРАХ: Я оставил гау Вена после того, как последние части отступили из города и командный пункт 2-го корпуса 6-ой танковой армии СС был перенесен в Нижне-Дунайскую область.

ЗАУТЕР: Когда это было?

ШИРАХ: Это было, когда бои за Вену подходили к концу, точно я не помню.

ЗАУТЕР: И, наконец, у меня к вам последний вопрос. Вы знаете, что из кругов партийного руководства имперской канцелярии вышел приказ о том, что должно быть организовано движение вервольфов в целях борьбы с наступавшими войсками. Как вы относились к этому приказу?

ШИРАХ: Я запретил всякую организацию вервольфов в своем гау. Однако я хочу отметить, для того, чтобы меня правильно поняли, что имелся один батальон, состоявший из молодежи, батальон фольксштурма, принадлежавший к действующей армии и называвшийся "Вервольф", но не было ни одного отряда вервольфов. Я всегда отрицательно относился к тому, чтобы зрелые люди или молодежь вели борьбу, противоречащую принципам международного права.

ЗАУТЕР: У меня больше нет вопросов, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желает ли еще кто-либо из защитников задать вопросы свидетелю?

Д-р ТОМА: (защитник подсудимого Розенберга),

Господин свидетель, какое отношение имел Розенберг, как уполномоченный фюрера по идеологическому воспитанию,

партии, к руководству имперской молодежи?

ШИРАХ: Начальник управления по делам воспитания при руководстве гитлеровской молодежи должен был в среднем два или три раза присутствовать на совещании, в котором участвовали также руководители отделов по делам воспитания в других организациях, и которое происходило под председательством Розенберга. Как мне рассказывал мой начальник управления, Розенберг на этом совещании давал директивы и указания общего характера и требовал, чтобы ему делали доклады о воспитательной работе в отдельных организациях.

Д-р ТОМА: Выбирал ли Розенберг так же какие-нибудь определенные темы для доклада на этом совещании?

ШИРАХ: Точно не знаю. На конгрессах руководителей молодежи он выступал обычно с докладами на тему о воспитании, становлении личности; он говорил, насколько я помню, например, о товариществе и об одиночестве, о личности и чести, и т.д.

ЗАУТЕР: Затрагивал ли Розенберг на таких конгрессах так же еврейский вопрос и проблемы, связанные с вероисповеданием?

ШИРАХ: На конгрессах руководителей мололежи он не выступал с докладами, направленными против евреев. Насколько мне помнится, он, во всяком случае в моем присутствии, никогда не затрагивал также проблемы, связанной с вероисповеданием. Обычно я слышал, как он выступал на те темы, которые я только что перечислил.

Д-р ТОМА: Господин свидетель, читали ли вы книгу Розенберга "Миф 20-го столетия" и если да, то когда.

11819

H1203 – 0498

H1203 – 0499

ШИРАХ: Я начал ее читать, но не прочитал до конца.

Д-р ТОМА: Оказал ли "Миф" Розенберга влияние на молодежь или руководителей молодежи отнеслись к этой книге, приблизительно, так же, как и Вы?

ШИРАХ: Руководители молодежи определенно не читали "Мифа".

Д-р ТОМА: У меня больше нет вопросов.

ПРЕСВЕТАТЕЛЬ: Есть еще вопросы у кого-либо из защитников? (Пауза). Я думаю, что лучше будет сейчас об'явить перерыв.

(Об'является перерыв до 14.00)

11820

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 24 мая 1946 года

/Вечернее заседание/

СЕРВАТИУС /защитник подсудимого Заукеля/. Господин свидетель, говоря об указаниях Заукеля об использовании рабочей силы, вы показали, что к Вам поступало бесчисленное количество его распоряжений. Выполнялись ли эти распоряжения?

ШИРАХ. Насколько мне это известно, я могу подтвердить это. У меня создалось впечатление, что органы, ведавшие распределением рабочей силы, чувствовали себя связанными распоряжениями Заукеля и, насколько это я мог констатировать при посещении предприятий, эти указания действительно проводились в жизнь.

СЕРВАТИУС. Сам Заукель тщательно заботился о том, чтобы его распоряжения выполнялись?

ШИРАХ. Да, я вспоминаю, что Заукель однажды приехал в Вену в 1943 году, ~~— кажется —~~ в 1944 году, очевидно, это было в 1943 году, и обратился там с речью ко всем своим сотрудникам бюро по распределению рабочей силы. При этом он устно повторил то, что содержалось в его распоряжениях. В частности, он иногда, говоря об использовании иностранных рабочих, требовал справедливого обращения с ними; я даже помню, что при этом он говорил об установлении равноправия между иностранными и немецкими рабочими.

СЕРВАТИУС. У меня еще несколько вопросов по делу политического руководства.

Как информировались политические руководители в гау? Имели ли место отдельные совещания с фюрером, особенно в связи с областными с'ездами?

H1203 – 0500

H1203 – 0501

ШИРАХ. Нет. После заседаний гауляйтеров, фюрер в разговорах с большой группой всегда высказывался так же, как и в своих речах. Бесед практически не бывало. Он всегда произносил речи. После начала войны почти не было больше заседаний гауляйтеров у Гитлера.

СЕРВАТИУС. Мог ли отдельный гауляйтер лично обратиться к Гитлеру и просить о беседе с ним?

ШИРАХ. Он мог просить об этом, но такие беседы не состоялись. Он получал ответ через Бормана, в большинстве случаев по телеграфу. Со мной это бывало очень часто, так как я подавал такие прошения. В этих случаях предлагали в письменном виде изложить те пункты, по которым желательно задать вопросы, и после этого гауляйтер или получал, или не получал ответа.

СЕРВАТИУС. Господин свидетель, здесь было представлено одно письмо в качестве документа № 728, подписанное гауляйтером Шпренгером. Вы были здесь на заседании и вам известен этот документ. По нему у меня имеется два вопроса. Известно ли вам что-нибудь о списке сердечных и легочных больных, которых следовало изолировать от остального населения?

ШИРАХ. Нет, мне об этом ничего не известно.

СЕРВАТИУС. Так же, как и о том, что вы должны были сделать фюреру соответствующие предложения?

ШИРАХ. Да.

СЕРВАТИУС. Тогда в этом письме, по моему мнению, имеется ошибка, которая уже обсуждалась здесь, а именно обращение "господин". Письмо адресовано господам окружным руководителям, и в тексте неоднократно говорится о господах крейсляйтерах и ортсгруппенляйтерах. Я спрашиваю вас, было ли обращение "господин" обычным в партийном лексиконе?

ШИРАХ. Нет. Я вообще еще никогда не видел ни одного партийного документа, кроме этого, который я считаю фальшивкой,

в котором бы употреблялось обращение "господин".

СЕРВАТИУС. Вы считаете, что уже это обращение дает основание полагать, что этот документ не является подлинным?

ШИРАХ. Да.

СЕРВАТИУС. У меня больше нет вопросов.

ШТЕЙНБАУЭР /защитник подсудимого Зейсс-Инкварта/. Господин фон Ширах, вашим предшественником на посту гауляйтера был Иосиф Бюркель. Каковы были взаимоотношения между Зейсс-Инквартом и Бюркелем?

ШИРАХ. Я могу рассказать только то, что было общеизвестно в партии об отношениях этих людей. Эти отношения были крайне плохими и у нас у всех создалось впечатление, что Бюркель с самого начала старался вытеснить Зейсс-Инкварта.

ШТЕЙНБАУЭР. У кого из них двух фактически была власть?

ШИРАХ. Без сомнения, у Бюркеля.

ШТЕЙНБАУЭР. Кто, по вашему мнению и на основании фактических сведений из документов, ответственен за преследования евреев в Вене?

ШИРАХ. Гитлер.

ШТЕЙНБАУЭР. Хорошо, Вы говорите Гитлер. Но Гитлер не был в Вене. Кто выполнял эти приказы в Вене?

ШИРАХ. Выполнял эти приказы, как мне кажется, во времена Бюркеля и Зейсс-Инкварта тот же самый человек, который сегодня уже упоминался здесь, и сейчас приговорен в Вене к смертной казни, - доктор Бруннер.

ШТЕЙНБАУЭР. Хорошо. Известно ли вам, что Зейсс-Инкварт неоднократно в разговорах с Бюркелем, выступал против слишком жестоких мер по этому вопросу, и что поэтому у него были разногласия с Бюркелем?

11823

H1203 – 0502

H1203 – 0503

ШИРАХ. Об этом я ничего сказать не могу, этого я не знаю.

ШТЕЙНБАУЭР. Моему подзащитному инкриминируют - об этом говорится в одном документе, - что он, якобы, подарил Адольфу Гитлеру из бывшего королевского дворца гобелены и ковры. Известно ли вам что-нибудь об этом?

ШИРАХ. Мне неизвестно следующее: в большой венской коллекции гобеленов были две серии Александровской битвы. Одну из этих серий, менее ценную, Зейсс-Инкварт одолжил имперской канцелярии. Она висела там в одной из зал.

ШТЕЙНБАУЭР. Следовательно, речь идет о даче взаймы, а не об окончательной передаче, что означало бы потерю для Вены?

ШИРАХ. В каталоге коллекции гобеленов эта серия была записана, как отданная взаймы.

ШТЕЙНБАУЭР. Не известно ли вам, что и другие гобелены были предоставлены Зейсс-Инквартом в распоряжение империи, т.е. Адольфа Гитлера?

ШИРАХ. Нет, об этом я ничего не знаю.

ШТЕЙНБАУЭР. А не известно ли вам, кто еще брал себе такие гобелены и ковры?

ШИРАХ. Я думаю, что Вы намекаете на Бюркеля?

ШТЕЙНБАУЭР. Да.

ШИРАХ. Я точно не знаю, брал ли Бюркель себе гобелены. Однако, при вступлении на должность в Вене я констатировал, что Бюркель взял из дворцового склада мебель, а также несколько ковров, но не для себя лично, а для Венского дома, который он хотел создать в Саарском гау, как дом для друзей или клуб. Я тогда обратился в соответствующую инстанцию в Берлине - я не помню, к имперскому министру финансов или имперскому министру по вопросам культуры - и, когда я там ничего не добился, я обратился к самому Гитлеру, и в конце-концов достиг

того, что Бюркелю было дано распоряжение возвратить эти вещи. Я сейчас не могу точно сказать, были ли эти вещи действительно возвращены. Я знаю, что было отдано такое распоряжение и, я полагаю, что эти вещи были потом возвращены.

ШТЕЙНБАУЭР. Хорошо. Из того, что я сообщил вашему защитнику, Вам известно, что мы, австрийцы, ненавидели Бюркеля по ряду весьма важных причин, и что пойяльности ради следует сказать, что при вас положение несколько улучшилось, например, продовольственное снабжение города, и вы также сделали кое-что для искусства и науки. Мне кажется, что тем важнее до конца выяснить тяжелейшее обвинение, выдвигаемое против вас. Утверждается, что вы, как комиссар по имперской обороне, виновны в том, что были уничтожены ценнейшие памятники Вены. Вопрос: я спрашиваю Вас: 2 апреля, когда Ваш заместитель Шарицер и национал-социалист, бургомистр, инженер Блашке были за то, чтобы об"явить Вену открытым городом, во время приближения Красной Армии, вы возражали против этого предложения и отдали приказ об обороне Вены до конца? Или кто отдал этот приказ?

ШИРАХ: Ни Блашке, ни Шарицер в разговоре со мной не выступали за то, чтобы об"явить Вену открытым городом. Существовало...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штейнбауэр! Насколько Вас понимает Трибунал, вы выступаете от имени подсудимого Зейсс-Инкварта.

ШТЕЙНБАУЭР. Да, так как это является военным преступлением и он, согласно теории о заговоре, несет ответственность за все; поэтому должно быть расследовано главное обвинение, выдвигаемое против г-на фон Шираха: кто же в действительности отдал этот приказ, который вызвал столь большие разрушения.

11825

H1203 – 0504

H1203 – 0505

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но Вы только сейчас сказали, что Вы задавали вопросы не в защиту Зейсс-Инкварта, а в защиту фон Ширака. Я не думаю, что Трибунал действительно должен продолжить защиту фон Ширака, разрешив другому защитнику задавать вопросы. Мы уже довольно долго заслушивали аргументы в его защиту, представляемые доктором Заутером.

ШТЕЙНБАУЭР. Хорошо, тогда я не буду задавать этого вопроса.

Далее, не помните ли вы, какую позицию занимал Зейсс-Инкварт в вопросе о церкви, в отличие от Бюркеля?

ШИРАХ. Мне известно только, что доктор Зейсс-Инкварт вообще считался набожным человеком. Мне совершенно ясно, что на этой почве у него возникали конфликты с Бюркелем. О деталях я ничего не могу сказать.

ШТЕЙНБАУЭР. Спасибо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли Обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

/К микрофону подходит представитель американского обвинения г-н Додд/.

ГОСПОДИН ДОДД. Господин свидетель, сегодня утром, как мы поняли, Вы сделали заявление в форме исповеди, по крайней мере, по вопросу о преследовании евреев; и несмотря на то, что Вы были достаточно смелы в этой части исповеди, я думаю, что об очень многом вы не сочли нужным сообщать Трибуналу или, возможно, просто упустили.

Я бы хотел, чтобы Вы сказали Трибуналу, правильно ли, что Ваша ответственность за воспитание молодежи Германии при национал-социализме в основном заключалась в том, чтобы воспитать ее представителей действительно хорошими национал-социалистами и превратить их в фанатически преданных политических последова-

телей нацизма.

ШИРАХ. Я видел свою воспитательную задачу в том, чтобы с помощью своего воспитания сделать из молодежи хороших граждан национал-социалистского государства.

ГОСПОДИН ДОДД. И фанатических последователей, доверявших Гитлеру и его политическим идеям.

ШИРАХ. Кажется сегодня утром я уже сказал, что я воспитывал молодежь в духе повиновения Гитлеру. Этого я не оспариваю.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. И несмотря на то, что Вы сказали нам об этом, Вы не несли главной ответственности за систему образования, но я уверен, что Вы не будете отрицать того, что Вы несли главную ответственность за все другие действия, имеющие отношение к молодежи?

ШИРАХ. Я несу ответственность за внешкольное воспитание.

ГОСПОДИН ДОДД. И, конечно, в школах единственными людьми, обучавшими молодежь, являлись политически благонадежные лица, которые были последователями гитлеровских целей и идей и приверженцами национал-социализма.

ШИРАХ. Учительство в немецких школах было отнюдь не однородным. Большая часть учителей принадлежала к поколению, воспитанному не в национал-социалистском духе, и не была приверженцем национал-социализма. Молодые учителя прошли национал-социалистскую школу воспитания.

ГОСПОДИН ДОДД. Во всяком случае, Вы не можете сказать определенно, что через год или два после установления режима Гитлера и его приверженцев, молодежь при существовавшей системе образования в Германии, не всегда находилась под непосредственным руководством тех, кто являлся политически благонадежным.

11827

H1203 – 0506

H1203 – 0507

ШИРАХ. Пожалуйста, повторите вопрос, я не совсем понял его.

ГОСПОДИН ДОДД. То, что я пытаюсь сказать Вам, заключается в том, что ни у Вас, ни у нас нет никакого сомнения в том, что преподавательский персонал Германии в большинстве своем, по крайней мере, состоял из людей, преданных делу национал-социализма в политическом отношении?

ШИРАХ. Я не хотел бы этого подтверждать. Воспитанием преподавательского персонала руководил в Германии имперский министр Руст, который в связи со своей болезнью очень мало беспокоился о своих служебных обязанностях. В администрации учебных заведений работали многие тысячи старых чиновников, которые задолго до создания национал-социалистского государства занимали те посты, на которых они остались и потом.

ГОСПОДИН ДОДД. Я не интересуюсь тем, были ли они молоды или стары и сколько времени они находились на этой службе. Все они присягали Гитлеру, не так ли?

ШИРАХ. Это верно; раз они были чиновниками, то они приняли присягу для чиновников.

ГОСПОДИН ДОДД. Розенберг оказывал большое влияние на молодежь Германии, не так ли?

ШИРАХ. Я этого не думаю. Я думаю, что Вы неправильно оцениваете и переоцениваете влияние сподсудимого Розенберга на молодежь. Розенберг, конечно, оказывал влияние на многих людей, которые занимались философскими проблемами и были в состоянии понимать его труды. Но я оспариваю, что он оказывал на молодежь столь большое влияние, как это ему предписывается.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы однажды публично заявили, что путь Розенберга - это путь гитлеровской молодежи, не так ли?

ШИРАХ? Это было, кажется, в 1934 году...

ГОСПОДИН ДОДД/прерывая/: Неважно, когда это было. Скажите, говорили Вы это или нет?

ШИРАХ. Я это сказал.

ГОСПОДИН ДОДД. Когда это было?

ШИРАХ. Да, это было в Берлине во время одного массового мероприятия молодежи, но позднее я сам повел молодежь по совершенно другому пути.

ГОСПОДИН ДОДД. Позднее мы к этому вернемся. Во всяком случае в Берлине во время этого массового молодежного мероприятия, на котором присутствовало большое количество Ваших руководителей молодежи, Вы, насколько могли, постарались дать им понять, что путь Розенберга является тем путем, по которому они должны итти.

ШИРАХ. Да, но это были те же руководители молодежи, которые позднее получили от меня совершенно другие инструкции.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, возможно, это и было так. Позднее мы коснемся этих Ваших инструкций. Но в то время и в связи с этим мероприятием Вы хотели, насколько это вы могли, дать им понять, что они должны следовать по тому пути, по которому следовал Розенберг, не так ли?

ШИРАХ. Да, но этот путь, так сказать, относился лишь к одному вопросу, обсуждавшемуся тогда, и это был вопрос о религиозных организациях молодежи. По этому вопросу я был согласен с Розенбергом, тогда как по некоторым другим вопросам уже были разногласия. Именно к этому вопросу и относится это высказывание.

ГОСПОДИН ДОДД. Но путь Розенберга, конечно, не был таким путем, по которому должны были итти молодые люди, оставшиеся

H1203 – 0508

H1203 – 0509

верными своим религиозным убеждениям или идеям.

ШИРАХ. Этого я не хотел сказать. От Розенберга...

ГОСПОДИН ДОДД. Что Вы хотите этим сказать? Вы не знаете этого?

ШИРАХ. Я хочу ясно заявить, что я никогда не слышал от Розенберга какого-либо высказывания в том смысле, что молодежь должна была изменить своим религиозным убеждениям.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. Я также не знаю, высказывался ли он когда-либо таким образом, но я думаю, что Вы так же, как и многие другие люди, которые находились вне Германии в течение всех этих лет, очень хорошо знаете, что Розенберг был ярым противником существовавших религиозных организаций. Вы не отрицаете этого, не так ли?

ШИРАХ. В принципе я не хочу оспаривать этого. Но я не считаю, что это можно так сформулировать. Розенберг вовсе не старался влиять на молодежь таким образом, чтобы она выходила из религиозных об"единений.

ГОСПОДИН ДОДД. А позднее, фактически, Вы должны будете в этом признаться, не так ли? - позднее, а, возможно, в то время, Вы, действуя тайными и окольными путями играли наруку Розенбергу, устраивая молодежные мероприятия в часы церковной службы?

ШИРАХ. Я категорически отрицаю, что я таким образом противодействовал церкви. В 1933-1934 г.г. я был заинтересован в религиозных молодежных об'единениях. Об этом я уже говорил вчера.

ГОСПОДИН ДОДД. Я знаю, что все это Вы делали таким образом что рано или поздно все они должны были присоединяться к Вашей организации. Но сейчас я говорю не об этом. Я хочу сейчас сказать следующее /и я думаю, Вы должны согласиться/: в течение

большого периода времени Вы сделали совершенно невозможным для молодежи, имеющей определенные религиозные убеждения, посещать церковь, потому что в это время Вы устраивали молодежные мероприятия, посещение которых было обязательным.

ШИРАХ. Нет, это неверно.

ДОДД. Вы заявляете, что это было не так? Не выступали ли католические епископы против подобных мероприятий? Разве вы не знаете этого так же хорошо, как и я?

ШИРАХ. Этого я не могу вспомнить.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы не припоминаете никаких возражений со стороны католических священников против того, что Вы назначали ваши молодежные мероприятия в воскресенье утром, как раз в то время, когда в церкви происходила служба?

ШИРАХ. С течением времени, как я уже говорил вчера, многие лица из числа духовенства иногда обращались ко мне, иногда жаловались общественности на то, что они чувствуют себя стесненными в своей заботе о душе службой и формой службы молодежи, и потому я нашел метод урегулирования, изложенный в документе, который вчера передал Суду мой защитник.

ГОСПОДИН ДОДД. Я не думаю, что это можно назвать ответом. Я постараюсь освежить Вашу память напоминанием о том, что Ваша организация специально предусматривала, чтобы молодые люди, которые посещали церковь в воскресенье утром, не могли появляться в церкви в военной форме. Это было весьма преднамеренным действием, не так ли, потому что они после церкви не могли сразу итти на ваши молодежные собрания, поскольку они должны были итти домой и переодеть платье.

ШИРАХ. Во многих церковных общинах церковь запретила молодежи появляться в церкви в форме.

H1203-0510

H1203 – 0511

ГОСПОДИН ДОДД. Я не хочу спорить с Вами по этому вопросу. Вы утверждаете, что Вы не можете припомнить частое и настойчивой критики и протеста со стороны представителей церкви по поводу этой воскресной утренней программы. Вы так желаете ответить на этот вопрос?

ШИРАХ. Этого я вовсе не хочу сказать. Были периоды большого напряжения, периоды больших разногласий, как и вообще в молодежной организации был период бури и натиска. А позже все эти вопросы были очень хорошо урегулированы и упорядочены.

ГОСПОДИН ДОДД. Насколько я понял Вас, Вы также сказали, что, независимо от того, каким образом Вы воспитывали молодежь Германии в течение всех тех лет, когда эта молодежь находилась под Вашим контролем, Вы ни в коем случае не подготавливали ее в военном отношении и не проводили никакой подготовки, которую обычно считают военной. Это так или нет?

ШИРАХ. Это верно.

ГОСПОДИН ДОДД. Давайте теперь посмотрим, так ли это. Как фамилия Вашего личного агента по прессе или консультанта, если Вы предпочитаете его так называть?

ШИРАХ. Дольше всего пресс-референтом у меня был некий господин Кауфман.

ГОСПОДИН ДОДД. И Вы направили ему опросный лист? Между прочим, Вы получили от него ответы на опросный лист, которые будут представлены в качестве доказательства, не так ли? Я предполагаю, что Вы знали об этом, не так ли?

ШИРАХ. Мне известно, что мой защитник подал такое ходатайство, но я не знаю, какие ответы дал Кауфман на эти вопросы.

ГОСПОДИН ДОДД. Известны ли Вам те вопросы, на которые он просил дать ответ?

ШИРАХ. Я не помню их.

ГОСПОДИН ДОДД. Возможно, если я Вам напомню один или два вопроса, то Вы вспомните. Вы просили его сказать: публиковал ли он что-нибудь без Вашей санкции. Вы просили его сказать, был ли он когда-либо Вашим личным консультантом по прессе. Вы также просили его сказать, было ли правдой то, что Вы лично давали ему директивы о том, что Вы хотели опубликовать в прессе, в особенности в молодежной прессе. Вы помните эти вопросы?

/Нет ответа/.

Господин Додд. Вы не знаете как ответить?

/Нет ответа/.

ГОСПОДИН ДОДД. Известно ли Вам о том, что он опубликовал в официальном издании СС в сентябре 1942 года статью о молодежи Германии?

ШИРАХ. Я не припоминаю этой статьи.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. Я думаю, что в таком случае Вам лучше будет посмотреть на эту статью. Это документ № 3930-ПС, представленный в качестве доказательства за № США-853.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой Вы назвали номер? США...?

ГОСПОДИН ДОДД: США-853, сэр. Этот документ представляет собой телеграфное сообщение; "Имперский губернатор в Вене". Вы увидите наверху отметку, что этот документ был получен Вами 10 сентября 1942 года. Он представляет собой изложение содержания этой статьи и предназначается для передовой статьи журнала "Шварце корпс". Как Вы помните, этот журнал издавался организацией СС. Если Вы начнете читать, то увидите, что в самом начале статьи говорится, что офицер высшего ранга, прибывший в Берлин из Севастополя, сообщает, что юнцы, которых всего лишь четыре года тому назад можно было видеть маршировавшими в трусиках по улицам германских городов с песней "Да,

H1203 – 0512

H1203 – 0513

флаг для нас, больше, чем смерть", являются сейчас девятнадцатилетними юношами, которые взяли город Севастополь.

В статье далее говорится, что эти юноши выполнили в боях то, что они обещали в своей песне, что национал-социалистское движение воспитало молодое поколение, привив ему чувство веры, самоотречения и т.д. В остальной части статьи говорится о том, что имелись люди, которые выступали против Вашей программы в то время, когда Вы стремились сделать эту молодежь сильной.

Очевидный смысл всего этого заключается в том, что Вы ставите себе в заслугу то, что Вы воспитали из этой молодежи хороших девятнадцатилетних бойцов, которые взяли Севастополь, не так ли? В этой статье Вы считаете своей заслугой то, что Вы воспитали девятнадцатилетних юношей подобного типа?

ШИРАХ. До сих пор я ничего не знал об этой статье.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы знаете об этом, и Вы, несомненно, можете говорить об этом.

ШИРАХ. Я как раз хотел это сказать. Господин Кауфман как раз вернулся в это время с восточного фронта и он изложил свои свежие впечатления о том, что он там пережил. В этой статье, которую я сейчас не могу прочесть целиком, это изложено.

ГОСПОДИН ДОДД. Эта статья не очень большая. Я думаю, что я прочел наиболее важные части этой статьи, касающиеся Вас.

ШИРАХ. В этой статье ни слова не сказано о том, что молодежь проходила военное обучение.

ГОСПОДИН ДОДД. Я знаю об этом. Сейчас я просто хочу знать, действительно ли Вы в этой статье считаете своей заслугой то, что Вы воспитали этих девятнадцатилетних мальчиков хорошими бойцами для битвы в России? Это все, о чем я Вас спрашиваю.

ШИРАХ. Я Вам уже сказал, что я хотел сделать из молодежи хороших граждан и что я хотел воспитать их патриотами...

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо.

ШИРАХ. ... которые выполнили бы свой долг и на поле битвы.

ГОСПОДИН ДОДД. В таком случае ваш ответ следует рассматривать как признание того, что Вы действительно считали своей заслугой воспитание этих юношей хорошими бойцами. В этом вопросе нет никакого подвоха. Это просто подготовительный вопрос и я продолжу допрос, но я полагаю, что Вы должны были бы ответить - "да". Кстати, эту песню "Наш флаг для нас больше, чем смерть", написали Вы, не правда ли?

ШИРАХ. Песня о знамени, я ее написал, с припевом "Знамя выше смерти". Правильно.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы еще в довоенные дни опубликовали целый ряд других песен для молодежи в песеннике?

ШИРАХ. Было издано много песенников для молодежи. Я не знаю их всех.

ГОСПОДИН ДОДД. Я тоже не знаю, но я Вас спрашиваю, является ли фактом то, что Вы издавали такие песенники для молодежи?

ШИРАХ. Как управление по вопросам культуры, так и управление прессы издавали такие песенники. Я, конечно, не читал каждую песню, имевшуюся там, в отдельности, но в эти песенники, мне кажется, как правило, включали песни, которые уже пелись молодежью.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. У нас имеются некоторые выдержки из одного такого песенника, и я хочу сослаться только на одну из них. Помните ли Вы песню:"Вперед, вперед", которую Вы написали сами.[2] Это, между прочим, уже вторая песня, написанная лично Вами. Помните Вы эту песню?

ШИРАХ. "Вперед, вперед" - это боевая песня молодежи.

11835

H1203-0514

H1203 – 0515

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, Вы написали ее?

ШИРАХ. Да.

ГОСПОДИН ДОДД. Эта песня, несомненно, содержит сильно возбуждающие признаки, предназначенные для молодежи, в которых говорится о их военном долге?

ШИРАХ. Боевая песня молодежи? Я этого не нахожу.

ГОСПОДИН ДОДД. Слова, подобные таким, как: "Мы-будущие солдаты, Все, что против нас, упадет от наших кулаков. Фюрер, мы принадлежим Вам" и т.д. - Вы помните это?

ШИРАХ. Я не сказал, что "мы будущие солдаты ", как я сейчас слышу в переводе с английского. Здесь сказано, что "мы-солдаты будущего".

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо.

ШИРАХ: "Солдаты будущего", "носители будущего".

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, но это уже вторая из песен, написанных Вами, не так ли?

ШИРАХ. Это революционная песня, которая возникла во время борьбы. Но здесь речь не идет не о борьбе Германии с другими державами, а о той борьбе, которую мы должны были вести внутри страны для победы нашей революции.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, это мы еще увидим. Вы помните песню: "Вы видите зарю на востоке?". Вы помните эту песню?

ШИРАХ. Это не моя песня.

ГОСПОДИН ДОДД. Это одна из песен, которая была включена в сборник песен гитлеровской молодежи, не так ли?

ШИРАХ. Это-старая песня СА, которая пелась в 1923-1924 г.г

ГОСПОДИН ДОДД. Это возможно. Я только Вас спрашиваю, действительно ли эта песня была включена в Ваш официальный песенник молодежи?

ШИРАХ. Да.

ГОСПОДИН ДОДД. В этой песне Вы всячески поносите евреев, не правда ли?

ШИРАХ. Это мне неизвестно, я хотел бы посмотреть эту песню.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, я могу ее показать Вам, но если Вы сможете ее припомнить, то это с"экономит время. Помните ли Вы вторую строфу: "В течение многих лет люди были порабощены и направлялись по ложному пути, предатели и евреи господствовали над ними"? Помните ли Вы следующие слова в этой песне: "Люди, к оружию!" В следующей строфе...

ШИРАХ. Да, но я не знаю точно, было ли это напечатано в песеннике для молодежи.

ГОСПОДИН ДОДД. Я могу Вас заверить, что эта песня напечатана в песеннике. Он имеется у нас, и, если Вы хотите, то можете посмотреть.

ШИРАХ. Это очень известная песня СА, которую пела молодежь. Поэтому она и помещена в сборнике песен для молодежи.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, это все, что я хотел узнать. Я не интересуюсь автором этой песни, но, во всяком случае, это такого рода песня, которая была включена в Ваш сборник песен для молодежи.

ШИРАХ. Я хотел бы сказать еще кое-что. Этот песенник, имеющийся здесь у меня, издан в 1933 году.

ГОСПОДИН ДОДД. Да?

ШИРАХ. Я не думаю, что об организации молодежи, созданной мною, можно судить лишь по 1933 г.

ГОСПОДИН ДОДД. Я также не думаю этого, но мы нашли его в 1945 году.

ШИРАХ. Позднее мы издали другие песенники со совершенно другими песнями.

11837

H1203 – 0516

H1203 - 0517

ГОСПОДИН ДОДД. Да, я собираюсь через минуту перейти к ним. Этому песеннику присвоен номер 3764-ПС, США-854. Мое внимание только сейчас обратили на то, что в четвертой строфе, в последней строчке говорится: "Германия, проснись! Смерть еврейству! Народ к оружию!".

ШИРАХ. Одну минуту, пожалуйста, где это написано?

ГОСПОДИН ДОДД. В английском тексте в четвертой строфе. Я не знаю, где это находится. Мне сказали, что это на 19 странице немецкого текста. Вы нашли это?

ШИРАХ. Нет.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. Возможно, это не тот документ. Во всяком случае, мы найдем ее для Вас. Однако, Вы помните эту песню, не так ли? Вы не отрицаете того, что там говорится: "Смерть евреям!" и т.д., не так ли?

ШИРАХ. Это ведь та песня, которая начинается словами: "Вы видите зарю на востоке?"

ГОСПОДИН ДОДД. Да, правильно.

ШИРАХ. Да.

ГОСПОДИН ДОДД. Это все, что я хотел знать.

ШИРАХ. Но в этом сборнике этой песни нет.

/Книгу передают подсудимому/.

ГОСПОДИН ДОДД? У нас имеется несколько Ваших песенников.

ШИРАХ. Да, но это же большая разница. В этой книге как раз этой песни нет, а это- официальное издание имперского руководства молодежи. Но эта песня есть в сборнике, который был издан издательством Топпер в Кельне и озаглавлен "Песни гитлеровской молодежи". Но он отнюдь не является официальным изданием имперского руководства молодежи. Такие книги мог издавать любой издатель в Германии.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, я приму эти об'яснения, но, во всяком случае, Вы не будете отрицать того, что этой книгой

пользовались, не так ли? Это все, что мы пытаемся здесь установить.

ШИРАХ. Этого я не знаю. Я не знаю, использовался ли этот сборник гитлеровской молодежью.

ГОСПОДИН ДОДД. Известно ли Вам, что та песня, в которой содержатся такие слова, была опубликована Вами?

/Нет ответа/.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, во всяком случае, я хотел бы указать Вам на это. Я не пытаюсь сейчас утверждать или пытаться установить в ходе допроса, что любая из этих песен сама по себе заставляла молодежь Германии поддерживать или выступать за войну. Я скорее пытаюсь показать, что в отличие от показаний, которые Вы нам дали вчера, Вы делали нечто гораздо большее, нежели развлечения этих мальчиков и девочек различными играми.

ШИРАХ. Из моих прежних показаний вовсе не вытекает, что мы организовывали только игры. А рядом с такой песней находятся сотни других.

ГОСПОДИН ДОДД. Да, я знаю. Но это как раз те песни, которыми мы займемся сейчас. Помните ли Вы песню о "Знамени, обагренном кровью" и о "Марше по всей земле"?

ШИРАХ. Все это - песни "Перелетных птиц" и "Союзной молодежи". Это-песни, которые пелись во времена республики, песни, не имеющие никакого отношения к нашему времени.

ГОСПОДИН ДОДД. Думаете ли Вы, что кто-либо в дни Веймарской республики пел марши гитлеровской молодежи?

ШИРАХ. Что это за песня, я ее не знаю.

ГОСПОДИН ДОДД. Это-песня "Барабаны гремят по всей земле". Разве вы не помните ни одной из этих песен?

ШИРАХ. Конечно! Я знаю множество таких песен, но большее количество песен, основная их масса взята из старых

11839

H1203-0518

H1203 - 0519

сборников, организаций "Перелетных птиц" и "Союзной молодежи". То, что эти песни пела и СА, разумеется само мобой.

ГОСПОДИН ДОДД. Да, я не сомневаюсь, что это было так, но, откуда бы они ни происходили, вы использовали их для молодежи. И эту песню "Барабаны гремят по всей земле" вы написали сами, не так ли?

ШИРАХ. "Барабаны гремят по стране", да, мне кажется, что я написал такую песню.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, в таком случае, эта песня не такого уж древнего происхождения - не так ли?

ШИРАХ. Я написал ее задолго до прихода к власти.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы также, возможно, припоминаете, что по одному случаю генерал-фельдмаршал фон Бломберг написал статью для гитлеровского ежегодника. Вы помните это?

ШИРАХ. Нет.

ГОСПОДИН ДОДД. Это было не так давно, это было в 1938 году Я полагаю, что вы в то время, во всяком случае, читали ежегодник вашей организации за 1938 год?

ШИРАХ. Следует полагать, но я не припоминаю слов Бломберга, написанных по этому поводу.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Додд, мне кажется, что вы закончили вопрос относительно этих песен.

ДОДД. Да, сэр, я кончил с ними.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Представили ли Вы в качестве доказательства документ 3764-ПС?

ГОСПОДИН ДОДД. Да, сэр, я представил его в качестве доказательства под № США-854.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Под каким номером Вы представили документ 3763-ПС?

ГОСПОДИН ДОДД. Нет, простите, документ № 3764 я представил в качестве доказательства под № США-854, а документ № 3763 представлен в качестве доказательства под № США-855.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, 855.

ГОСПОДИН ДОДД. Я хотел бы, чтобы вы посмотрели на этот документ под номером 3755-ПС. Я думаю, он находится на 134-й странице того текста, который имеется у Вас, свидетель, и на страницах со 148 до 150 Вы найдете статью "Воспитание германской молодежи к войне", в которой говорится, что в работе "Воспитание и подготовка германской молодежи к войне", написанной доктором Штельрехтом, имеется позунг генерал-фельдмаршала фон Бломберга, из которого цитируется следующий абзац. Затем следует цитата. Вы нашли это? "Боевой дух - самое высокое достоинство солдата" и т.д. Вы нашли эту цитату из позунга Бломберга? Это то, что я хочу знать.

ШИРАХ. Да.

ГОСПОДИН ДОДД. Затем, далее, после цитаты, помещена статья Штельрехта.

ШИРАХ. Да.

ГОСПОДИН ДОДД. Если Вы обратите внимание на фразу, идущую несколькими строчками ниже, то Вы увидите следующее предложение: "Поэтому это является стойким и неуклонным требованием, которое генерал-фельдмаршал ставит перед молодыми людьми, марширующими в соединениях гитлеровской молодежи". В те дни в 1938 г., господин свидетель, Вы, по крайней мере, думали о будущей военной службе для гитлеровской молодежи; об этом также думал и фельдмаршал фон Бломберг? Именно этот вопрос я желал бы выяснить.

ШИРАХ. У нас было государство со всеобщей воинской повинностью.

H1203 – 0520

H1203 – 0521

ГОСПОДИН ДОДД. Я знаю об этом.

ШИРАХ. Разумеется само собой, что мы, как воспитатели, заботились о физическом развитии молодежи для того, чтобы они могли быть хорошими солдатами.

ГОСПОДИН ДОДД. И Вы не делали ничего большего? Вы хотите, чтобы именно так Вас понял суд.

ШИРАХ. То, что мы еще делали в области стрелкового обучения, спорта на пересеченной местности, обучения особых подразделений,—я описал уже вчера.

ГОСПОДИН ДОДД. Господин председатель,—это документ США-856. Я знаю, что Вы сказали нам вчера, что это можно было назвать чем угодно, но только не военной подготовкой.

Этот человек - Штельрехт сотрудничал с Вами, не так ли:

ШИРАХ. Доктор Штельрехт руководил отделом "Физическая закалка" в организации молодежи при имперском руководителе спорта фон Чаммер-Остен. Этот отдел был одним из отделов имперского руководства молодежи.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, но,во всяком случае,он сотрудничал с Вами?

ШИРАХ. Да.

ГОСПОДИН ДОДД. И Вы также использовали кое-что из показаний в качестве материалов для своей защиты. Это имеется в Вашей книге документов. Вы знаете об этом?

ШИРАХ. Да, доктор Штельрехт сделал одно высказывание, где он говорил о военном обучении, о физической переподготовке молодежи и где он сказал о том, что ни один юноша в Германии не обучен обращению с каким-либо видом оружия.

ГОСПОДИН ДОДД. Я знаю это и поэтому я хочу, чтобы Вы взглянули на другое заявление, которое он сделал в другое время.

Это - документ 1992-ПС, господин председатель, который мы представляем в качестве доказательства за № США-439. Помните ли Вы его речь, с которой он обратился к военным в январе 1937 г., + то-есть в то время, когда он сотрудничал с Вашей организацией гитлеровской молодежи? Вам знакома речь, на которую я ссылаюсь?

ШИРАХ. Я не присутствовал, когда была произнесена эта речь, и я не считаю себя ответственным за всякое его выступление или связанным всяким высказыванием, сделанным им.

ГОСП ОЛИН ДОДД. Хорошо. Это Ваше мнение, но, возможно, другие думают иначе. Во всяком случае, я спрашиваю, знакомы ли Вы с этой речью или нет, и сообщите нам об этом до того, как Вы просмотрите эту речь? Вам знакома речь, о которой я сейчас говорю, - не так ли?

ШИРАХ. Я не помню, чтобы мне сообщали о том, что он произнес речь на национал-политических курсах вооруженных сил, но возможно, что я был информирован об этом. Сама речь...

ГОСПОДИН ДОДД. Мне кажется, что Вы очень настойчиво пытались снять с себя ответственность до того, как Вы узнали, что он сказал в этой речи.

ШИРАХ. Я не хотел этого сказать. Между доктором Штейрехтом и мною и остальными отделами имперского руководства молодежи возникали разногласия, именно вследствие известной концепции, имевшейся у него в отношении военного обучения, и, наконец, ~~что~~ он, по моему мнению, слишком выделял свой отдел и эти разногласия в конце концов привели к тому, что он ушел из имперского руководства молодежи.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. Во всяком случае, он принадлежал к числу Ваших сотрудников тогда, когда он произнес эту речь,

H1203-0522

H1203 - 0523

и я попрошу Вас взглянуть на страницу - у меня это третья страница английского текста и страница 169 вашей книги документов. Внизу страницы английского текста параграф гласит: "Что касается чисто военного воспитания, то эта работа велась очень интенсивно на протяжении ряда лет. Результаты этой работы изложены в книге, написанной лично мной; в этой книге излагается план дальнейшего военного воспитания и все детали военной подготовки; в эту книгу, по общему согласию, в качестве предисловия будут включены заявления имперского военного министра и имперского руководителя молодежи".

И затем следующий абзац:

"Основная идея этой работы заключается в том, чтобы преподнести юноше то, что следует преподносить именно на этой стадии его развития". Я попрошу Вас обратить внимание на следующее предложение: "По этой причине никакому мальчику не следует давать военное оружие лишь потому, что это не принесет пользы его развитию". Но, с другой стороны, разумно дать ему оружие меньшего калибра для прохождения обучения. Точно так же, как имеются определенные задачи, которые даются взрослым при прохождении ими военного обучения, - имеются другие задачи, которые должны стоять перед мальчиками при прохождении ими военного обучения.

И затем ниже в английском тексте, в предпоследнем абзаце на странице 170 вашей книги документов, Вы увидите следующие слова Вашего доктора Штельрехта: "Такова цель великого воспитания, которое начинается с тренировки мальчика в различных играх и которое завершится прохождением им военной подготовки".

И затем дальше на 5 странице английского текста и, мне кажется, на странице 171 Вашего текста, в предпоследнем

параграфе, где говорится о путешествиях пешком, он заявляет: "... Это еще более важная задача, потому, что только таким путем юноша сможет изучить свое отечество, за которое он должен будет в будущем бороться." И, наконец, разбирая далее эту статью, я хочу обратить Ваше внимание на 6-ю страницу английского текста и на страницы 174-175 Вашего текста. В последнем абзаце английского текста Вы найдете следующее предложение: "Вся эта подготовка, поэтому должна закончиться стрелковой подготовкой. Вряд ли будет достаточно подчеркнуть всю важность этого, поскольку качество стрельб достигается практикой, и поэтому ее нельзя начинать слишком рано. Результат, который мы стремимся достигнуть в течение определенного времени, должен быть таким, чтобы каждый германский мальчик владел, мог владеть оружием также свободно, как пером".

Затем, обратитесь к следующей странице, стр. 7 английского текста и странице 176 Вашего текста.

Ваш доктор Штельрехт говорит еще более подробно о стрельбе и о том, что это "отвечает стремлениям мальчиков", и далее он заявляет следующее: "Помимо общей подготовки "существует еще специальная подготовка для нового пополнения, идущего в военно-воздушные силы, военно-морской флот и моторизованные войска. Курсами такой подготовки руководили компетентные офицеры вооруженных сил. В дополнение к этому в сельских местностях проводилось обучение кавалерийских частей".

На следующей странице Вашего текста и в предпоследнем абзаце английского текста я обращаю ваше внимание на следующую фразу: "Военное воспитание и идеологическое воспитание представляют собой неразрывное целое." В английском тексте говорится - "философское" воспитание, но я думаю, что это неправильный перевод, и фактически в немецком тексте стоит слово "идеоло-

11845

H1203 – 0524

H1203 – 0525

гическое".

И в следующем абзаце Вы увидите такую фразу: "Воспитание молодежи должно быть основано на том, чтобы знания и принципы, в соответствии с которыми строится государство и вооруженные силы нашего времени и на которых они покоятся, так глубоко вошли ~~бы~~ в мысли каждого, чтобы они никогда не могли быть уничтожены и продолжали оставаться руководящими принципами на протяжении всей жизни".

Я хотел бы, свидетель, чтобы Вы посмотрели на последний абзац этой речи, потому что вчера, если я не ошибаюсь, Вы употребили слово "игривый", а доктор Штельрехт употреблял это слово несколько ранее в своей речи. Вот что он заявил в тот день военным слушателям: "Джентльмены, Вы видите, что задача воспитания германской молодежи в настоящее время вышла далеко за пределы понятия о воспитании "игривых". Вы уверены, что у Вас не было разработано никакой программы введения военного обучения в вашей молодежной организации?

ШИРАХ. Из этого документа, который я должен был бы полностью прочесть, чтобы быть в состоянии отвечать правильно, я заключаю, что доктор Штельрехт, мягко выражаясь, очень ваничал. Значение д-ра Штельрехта для воспитания молодежи и значение его отдела в руководстве молодежью вовсе не было таким, как это описывалось им на этих курсах вооруженных сил. Я уже говорил ранее, что между мной и им вследствие его преувеличения, прежде всего, потому, что он так переоценивал стрелково е обучение, называвшееся нами военным обучением, возникли разногласия, которые в конце-концов повели к его устранению, к его уходу из имперского руководства молодежи. Он был одним из многих руководителей отделов, и значение его особой деятельности вовсе не так велико, как он описывает его

в этих словах. Мне кажется, что вчера я уже изложил, какое огромное количество задач было поставлено перед молодежью. И я смог даже приблизительно указать соотношение этого предвоенного, или военного обучения, как его называет г-н Штельрехт, и остальных видов обучения. А вообще и в этом документе совершенно ясно сказано, что военному обучению нельзя жертвовать ничем, об этом я тоже говорил вчера. Если он говорит, что каждый молодой немец должен научиться также владеть винтовкой, как пером, то это выражение, под которым я не могу подписаться.

ГОСПОДИН ДОДД. Конечно, у Вас имеется свое мнение о нем, но, по-моему, хорошо, что мы затронули этот вопрос, принимая во внимание тот факт, что Вы сами представили Трибуналу в своей книге документов заявление Штельрехта.

ШИРАХ. Я вовсе не хочу сказать этого. Он был специалистом в области стрелкового обучения и спорта на пересеченной местности и, конечно, он в этой связи описывал свою задачу как наиболее важную. Это вполне понятно с человеческой точки зрения. Возможно, другой начальник отдела считал важнейшей задачей, допустим, культурную работу или профессиональное соревнование. Во всяком случае для воспитания молодежи в Германии было решающим не то, что говорил перед солдатами на каких-то курсах г-н Штельрехт, а то, что говорил я на собрании руководителей молодежи.

ГОСПОДИН ДОДД. Я лишь хочу Вам напомнить, что через год после того, как он произнес эту речь, Вы написали предисловие к его книге, не так ли?

ШИРАХ. Мне кажется, что это была книга "Гитлеровская молодежь на службе", для которой мною было написано это предисловие.

11847

H1203 – 0526

H1203 – 0527

ГОСПОДИН ДОДД. Я сказал, что это было через год после того, как он написал эту речь, которая была опубликована в Германии. Он не только произнес эту речь, но она была издана в форме памфлета, - не так ли?

ШИРАХ. Я точно не припоминаю этого.

ГОСПОДИН ДОДД. Посмотрите на документ, который я вам передал. Я полагаю, что вы сейчас увидите это. Во всяком случае сейчас мы оставим этот вопрос. Вчера Вы сказали Трибуналу, что заявление в газете "Фелькишер Беобахтер" от 21 февраля 1938 года, приписываемое Гитлеру, явилось для вас тайной. Вы не знали, откуда он взял те цифры, которые были там приведены. Вы поняли, что я сказал, г-н свидетель?

ШИРАХ. Да.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы знаете, на какое место из Ваших вчерашних показаний я ссылаюсь? Я ссылаюсь на цитату из статьи Гитлера в газете "Фелькишер Беобахтер"?

ШИРАХ. Да.

ГОСПОДИН ДОДД. Что неправильно в этих цифрах?

ШИРАХ. Я думаю, что эти цифры преувеличены, я думаю, что в тексте, который я имею /это-перевод/, есть ошибка. Он, очевидно, получил эти цифровые данные от отдела доктора Штельрехта. Я так полагаю. Но я считаю, что то, что сказано о танковых войсках, он, повидимому, добавил сам, ибо вывод о том, что несколько тысяч или десятков тысяч юношей получили водительские права..., ... или на основании того факта, что несколько десятков тысяч юношей получили водительские права, делать вывод о том, что они обучены для службы в танковых войсках, собственно говоря, неверно.

ГОСПОДИН ДОДД. Дело в том, что это говорили не мы. Понимаете ли Вы, что все это сказал Ваш фюрер в феврале 1938 г.?

Я просил бы Вас, в целях экономии времени, сказать Трибуналу, где имеется ошибка и насколько велика эта ошибка. Гитлер, как об этом сообщалось в прессе, сказал, что 45 тысяч юношей было занято в военно-морском флоте. Считаете ли вы эту цифру слишком большой и неправильной?

ШИРАХ. Нет, она верна.

ГОСПОДИН ДОДД. Правильна?

ШИРАХ. Да.

ГОСПОДИН ДОДД. Далее он сказал, что в моторизованных войсках насчитывалось 60.000 юношей - членов организации гитлеровской молодежи. Что Вы можете сказать об этой цифре?

ШИРАХ. Она правильна.

ГОСПОДИН ДОДД. И далее он сказал, что для усиления авиации 55.000 членов организации "Юнгфольк" обучались планерному делу. Что Вы скажете об этой цифре?

ШИРАХ. Обучение полетам на планерах и строительстве моделей молодежью... простите, какая там цифра... 50.000 юношей из авиаотрядов?

ГОСПОДИН ДОДД. 55.000

ШИРАХ. 55.000, да, это правильно.

ГОСПОДИН ДОДД. Это правильно. Затем он говорит: "74.000 членов гитлеровской молодежи были включены в авиационные соединения". Что вы скажете об этой цифре?

ШИРАХ. Вы говорите - "Флиг юнайте" - это авиационное соединение, т.е. группы авиационных отрядов гитлеровской молодежи, которые, я подчеркиваю еще раз, занимались строительством моделей и полетами на планерах. В то время эти группы могли насчитывать столько членов.

ГОСПОДИН ДОДД. Правильна ли эта цифра - 74 тысячи?

ШИРАХ: Возможно.

11849

H1203 - 0528

H1203 – 0529

ГОСПОДИН ДОДД. Наконец, он говорит: "Только в одном 1937 г. 15 тысяч юношей сдали испытания по управлению планерами". Что Вы скажете об этой цифре? Она слишком велика или слишком мала, или вообще неправильна?

ШИРАХ. Нет, она, очевидно, также правильна.

ГОСПОДИН ДОДД. Таким образом, у Вас не было с Гитлером никаких расхождений по поводу этих цифр?

ШИРАХ. Нет.

ГОСПОДИН ДОДД. И, наконец, он говорит: "Сегодня 200.000 юношей из организации гитлеровской молодежи под руководством 7.000 инструкторов прошли регулярный курс обучения по стрельбе из мелкокалиберной винтовки". Имеется ли ошибка в этой цифре и в чем она заключается?

ШИРАХ. Возможно, она правильна. У меня, конечно, нет документального подтверждения того, что у нас было 7.000 юношей, которые проходили обучение стрельбе из мелкокалиберного оружия. И я вчера уже говорил об этом обучении и стрельбе из мелкокалиберного оружия. Известно, что мы занимались этим.

ГОСПОДИН ДОДД. Таким образом, Вы не возражали ни против одной из этих цифр. В таком случае эти цифры, насколько это Вам известно, правильны, и не так ли?

ШИРАХ. Мое возражение относится к высказыванию, запомнившемуся мне в связи с речью, в которой говорится о танковых войсках.

ГОСПОДИН ДОДД. У нас нет этой речи, но, если она у Вас есть, мы будем рады ее увидеть. У нас имеется речь, опубликованная в газете "Фелькишер Беобахтер", и представленная обвинением в то время, когда предъявлялись материалы обвинения по Вашему делу; в этой статье ничего не говорилось о танках.

ШИРАХ. Я думаю, что это об'ясняется тем, что обратный перевод с английского на немецкий неверен.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. Во всяком случае, мы должны согласиться с тем, что Гитлер был не очень далек от истины в своих цифрах, приведенных им в своей речи.

ШИРАХ. Нет, эти цифры, которые Вы сейчас назвали, я считаю верными.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. Далее, в ежегоднике гитлеровской молодежи за 1939 г. Штельрехт, Ваш сотрудник, занимавшийся вопросами подготовки гитлеровской молодежи, употребил то же самое выражение. Вы помните это? "Обращение с винтовкой должно быть так же естественно для каждого, как для ученика с пером"?

ШИРАХ. За 1939 г.?

ГОСПОДИН ДОДД. Да.

ШИРАХ. Могу ли я узнать, за какой месяц?

ГОСПОДИН ДОДД. Это помещено не в гитлеровском ежегоднике, а в ежегоднике гитлеровской молодежи за 1939 г. на 227 стр. Если Вы желаете ознакомиться с этим, то я могу Вам показать этот документ.

ШИРАХ. Нет, спасибо, мне незачем на него смотреть. Если он уже раньше сказал так, то очень возможно, что он повторяется.

ГОСПОДИН ДОДД. Да, важность этого для нас заключается в том, что это было опубликовано через два года после того, как он произнес эту речь, и год спустя после того, как Вы написали предисловие к его книге и, по-моему, одновремя Вы рассматривали его, как Вы сказали, - ненадежным?

ШИРАХ. Нет, этого я не говорил. Напротив, это был надежный человек, но между нами возникали разногласия, так как я не был согласен с ним в вопросе чрезмерного подчеркивания предвоенного обучения.

H1203 - 0530

H1203 – 0531

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо.

ШИРАХ. Я видел в этом обучении стрельбе лишь часть общего воспитания, а не самое главное. Он слишком выдвигал его на передний план.

ГОСПОДИН ДОДД. Да, Вы разрешили ему писать в ежегоднике, и через два года после того, как он произнес свою речь, он написал статью такого же содержания, предназначенную для молодежи, о том, что она должна так же мастерски владеть винтовкой, как и пером. Сделали ли Вы какие-нибудь возражения в то время, когда эта книга была передана в печать? Я полагаю, что Вы должны были бы...?

ШИРАХ. Я не читал этой книги перед ее напечатанием.

ГОСПОДИН ДОДД. Она не проходила Вашей цензуры?

ШИРАХ. ... И в частности я не выдвигал возражений.

ГОСПОДИН ДОДД. Возражали ли вы после того, когда прочли на той же самой странице той же самой книги, что вермахт в 1937 г. подарил гитлеровской молодежи 10.000 винтовок системы "ЦК"? Возражали ли Вы против этого?

ШИРАХ. Нет, я приветствовал этот подарок вооруженных сил, так как мы все равно проводили обучение стрельбе из мелкокалиберных винтовок. Я был благодарен за каждую винтовку, полученную нами, так как нам всегда нехватало их для этого стрелково-спортивного обучения.

ГОСПОДИН ДОДД. Были ли Вы обеспокоены, когда Вы прочитали в том же ежегоднике, что не существовало недостатка в тирах. Поскольку организованная стрелковая подготовка началась осенью 1936 г., 10 тысяч инструкторов по стрельбе получили особые зеленые сертификаты, дававшие им право на проведение стрельбы по субботам и воскресеньям и на проведение спе-

циального обучения. Каждый год число их увеличивалось на несколько тысяч". Помните ли Вы это место в Вашем ежегоднике за 1939 год?

ШИРАХ. Я не припоминаю этого, но я считаю вероятным, что Вы правильно передали содержание. Я не хочу оспаривать этого. Но в Швейцарии да и во многих других странах значительно интенсивнее занимались обучением стрельбе из мелкокалиберного оружия, чем у нас.

ГОСПОДИН ДОДД. Да, я знаю об этом.

ШИРАХ. Я вовсе не оспариваю того, что молодежь занималась спортивной стрельбой из мелкокалиберного оружия.

ГОСПОДИН ДОДД. Я надеюсь, что Вы не сравниваете свою страну с Швейцарией, например, не правда ли?

ШИРАХ. Нет.

ГОСПОДИН ДОДД. Этот документ 3769-ПС, господин председатель, я представляю в качестве доказательства за № США-857. Далее, мы слышали о том соглашении, которое Вы и подсудимый Кейтель заключили в 1939 году, незадолго до того, как началась война с Польшей. Это было в августе 1939 года. Этот документ уже представлен в качестве доказательства, г-н председатель, под № США-677. Это было 8 августа - не так ли, или 11 августа?

ШИРАХ. Я не помню точно уже. То, что это соглашение не имеет никакого отношения к войне и не может его иметь, показывает уже тот факт, что оно было заключено в августе 1939 г.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы говорите, что это соглашение не имело никакого отношения к войне, хотя оно и было заключено за три недели до нападения на Польшу?

ШИРАХ. Если бы это соглашение имело какое-либо значение для войны, то его следовало бы заключить значительно раньше.

11853

H1203 - 0532

H1203 – 0533

Уже тот факт, что оно было заключено лишь в августе 1939 г., показывает, что мы не думали о войне. Если бы мы были заинтересованы в том, чтобы подготовить молодежь к войне, то мы заключили бы его уже в 1936-1937 г.г.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, во всяком случае, согласитесь ли Вы с тем, что это соглашение, заключенное между Вами и Кейтелем, несомненно, имело отношение к обучению молодежи стрелковому делу и к армии?

ШИРАХ. Это соглашение, насколько я помню, относилось к обучению на пересеченной местности.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, в таком случае я лучше покажу Вам этот документ и зачитаю из него отдельные выдержки, если Вы не помните, что это соглашение имело определенное отношение к вопросу об обучении молодежи стрелковому делу.

ШИРАХ. Я думаю, что там сказано /и в такой степени существовала связь со стрелковым спортом/, что обучение на пересеченной местности должно в будущем достигнуть такого же об'ема в обучении молодежи, как и стрелковый спорт. Я не знаю, правильно ли я передаю содержание по памяти.

ГОСПОДИН ДОДД. Я сейчас кратко изложу Вам то, о чем там говорится, и через минуту Вы сможете ознакомиться с документом. Там говорится, что Вы уже имели 30.000 руководителей гитлеровской молодежи, проходивших ежегодное обучение в условиях полевой обстановки. Вся фраза в целом гласит следующее: "В школах для руководителей гитлеровской молодежи, в особенности в двух имперских школах, где проводилось обучение стрелковому делу в условиях полевой обстановки и спортивная подготовка, а также в районных школах для руководящего состава 30.000 руководителей гитлеровской молодежи ежегодно проходят полевые учения", и что это соглашение дает Вам возможность приблизительно удвоить это число\

11854

ШИРАХ. Да.

ГОСПОДИН ДОДД. И далее говорится о том, как Вы должны расквартировать этих людей и т.д.

ШИРАХ. Да.

ГОСПОДИН ДОДД. Итак, это имеет какое-то отношение к вашей программе обучения стрелковому делу, не так ли?

ШИРАХ. Я это уже говорил, до того, как видел этот документ.

ГОСПОДИН ДОДД. В таком случае, я неправильно вас понял? Я думал, что Вы сказали, что это не имело...

ШИРАХ. Нет, нет, я уже говорил об этом. Я сказал, что обучение молодежи на пересеченной местности должно занять такое же место в программе, как и обучение стрельбе. Однако и здесь речь идет не о подготовке руководителей молодежи на офицерские посты, а об обучении на местности руководителей молодежи, которые после короткого обучения на курсах /мне кажется, они были сроком в три недели - точно я не знаю/ возвращались в свои отряды. В течение такого времени нельзя провести военное обучение с 16-летним юношей. Да это и не было целью соглашения.

ГОСПОДИН ДОДД. Конечно, вы не хотите сейчас нас уверить в том, что вы и Кейтель заключили в августе 1939 года соглашение о проведении спортивного бега по пересеченной местности, не так ли? Вы серьезно говорите это?

ШИРАХ. Я совершенно серьезно сейчас утверждаю, что в то время я ничего не знал о войне, о будущей войне. Ведь я вчера...

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, но Вы...

ШИРАХ. Я не верю, что фельдмаршал Кейтель сам составил проект этого соглашения. Я думаю, что его разработал кто-либо из его сотрудников вместе с доктором Штельрехтом. Если бы оно имело значение для войны, то это соглашение, во всяком случае,

H1203 – 0534

H1203 – 0535

не опубликовали бы в августе в официальном органе.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, послушайте сейчас меня. Взгляните, пожалуйста, на первый абзац, в котором говорится о цели этого соглашения, и, пожалуй, тогда мы сможем положить конец этой дискуссии: "Между верховным командованием вооруженными силами и руководством имперской молодежи было заключено соглашение, явившееся результатом тесного сотрудничества между начальником главного штаба вооруженных сил генералом Кейтелем и руководителем молодежи германской империи фон Ширахом; это соглашение предусматривает сотрудничество с вооруженными силами в военном воспитании гитлеровской молодежи".Как Вы видите, здесь ничего не говорится о проведении кросса или об обучении, не так ли?

ШИРАХ. Я хотел бы раз'яснить кое-что: то, что вы сейчас цитируете, не относится к тексту соглашения, а является комментарием редактора этого сборника "Дас Архив".

ГОСПОДИН ДОДД. Я не собираюсь дальше читать, но я предоставляю Трибуналу право решать, имеет ли это отношение только к спорту или это связано с военным обучением молодежи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, сейчас удобно будет сделать перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

КОМЕНДАНТ СУДА. Господа судьи, подсудимый Редер отсутствует на этом заседании.

ГОСПОДИН ДОДД. Господин свидетель, не согласитесь ли Вы с тем, что время от времени члены Вашей гитлеровской молодежи пели такие песни и вели себя так, что это можно было несомненно расценивать как враждебное отношение к существовавшим религиозным институтам.

ШИРАХ. Того, что отдельные члены держали себя так в первые годы существования национал-социалистского государства, я не хочу оспаривать. Но я хотел бы дать по этому поводу короткое об'яснение:

В первые годы я принял к себе миллионы юношей из марксистских организаций, из антирелигиозного движения и т.д. и, конечно, нельзя было в течение 2-х - 3-х или 4-х лет полностью их дисциплинировать. Но я думаю, что могу сказать, что, начиная с определенного момента, приблизительно с 1936 года, подобные вещи больше не имели места.

ГОСПОДИН ДОДД. Ну, хорошо. Во всяком случае, мы можем сказать, что в 1936 году такие случаи имело место и, таким образом, я, полагаю, тем самым мы сэкономим время. Вы можете с этим согласиться? Они пели, например, такие песни: "Мы хотим быть вновь язычниками; папа и раввин уйдут с нашего пути". Вам известна эта песня? Известно ли Вам, что об этом было доложено министру юстиции или судебным властям в Бадене?

ШИРАХ. Нет.

ГОСПОДИН ДОДД. Известно ли вам о том, что они пели песню, которая была включена в песеннике: - "Кровь и честь", где говорится: "Мы хотим убить попа вашим копьем и посадить красного петуха на крыше монастыря". Вы знаете эту старую песню?

ШИРАХ. Эта песня, которая возникла во время тридцатилетней войны, которую молодежное движение пело задолго до первой мировой войны.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы мне ~~это~~ уже говорили об этом раньше. Я хотел бы сократить это. Согласитесь ли Вы с тем, что Ваши люди пели эту песню в 1933, 1934 и 1935 г.г. и это достигло таких масштабов, что если против этого возражали священнослужители, то они подвергались преследованию со стороны судебных

H1203 – 0536

H1203 – 0537

властей, которые обвиняли их за вмешательство и критику. Из этого видно, насколько это было важно.

ШИРАХ. Я знаю, что эта песня, которая, как я уже сказал, является старой песней, появившейся в 30-летнюю войну, иногда пелась молодежью в 1933-36 г.г. Я пытался изжить эту песню. А об особых жалобах, которые были поданы по этому поводу, я ничего не могу сказать.

ГОСПОДИН ДОДД. Мне кажется, мы твердо не установили, что эти песни были включены в песенник, который вы опубликовали для гитлеровской молодежи в те дни. Вы согласны с этим?

ШИРАХ. Я считаю это возможным, так как эта песня с давних пор имеется во всех песенниках молодежи. Эта песня имелась в первых песенниках "Движения перелетных птиц" от 1898 года.

ГОСПОДИН ДОДД. Меня не интересует история. Я пытаюсь лишь установить, что в Вашем песеннике для молодежи имелась эта песня, что эту песню пели, и что если священнослужители выражали свое недовольство по этому поводу, то они подвергались преследованию судебных властей .

ШИРАХ. Последнее я оспариваю.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, в таком случае я должен буду представить этот документ. Его номер 3751-ПС, это выдержки из дневника судебных властей, из дневника министра юстиции. Я представляю этот документ в качестве доказательства за № США-858. /Документ пред'является свидетелю/.

Первый документ, который Вам передан, представляет собой запись из дневника министра юстиции о католическом священнике Пауле Васмере и о уголовном преследовании, которое было возбуждено против него, и одновременно обсуждается вопрос о том, предложит ли Розенберг подвергнуть его какому-либо наказанию

за клевету. Епископ в своей проповеди процитировал песню, которую распевала молодежь. Я процитировал несколько слов из этой песни несколько минут тому назад; там говорилось: "Папа и раввин сойдут с дороги. Долой евреев". и т.д. Министр юстиции в своем дневнике говорит, что этот католический епископ так же цитировал из "маленького сборника песен, опубликованного Бальдуром фон Ширахом", нижеследующую фразу:

"Мы хотим сказать Всевышнему, что у нас большое желание убить этого попа", и далее : "Вперед с оружием в руках", и далее он цитирует Ваши слова: "Розенберг - путь германской молодежи".

Именно из-за этого он имел неприятности, и я спрашиваю Вас, - и это все, о чем я Вас спрашиваю, - признаете ли Вы, что люди, которые критиковали использование вашей молодежью, руководимой Вами, литературы подобного рода, находились под угрозой возможного и, во многих случаях, фактического преследования? Вчера вы заявили Трибуналу, что Вы никогда не делали ничего для того, чтобы вмешиваться в дела католической или протестантской церкви.

ШИРАХ. Я хотел бы сказать кое-что по этому поводу.

ГОСПОДИН ДОДД. Могу ли я прервать Вас...

ШИРАХ. Эта цитированная песня имеет такой припев, который показывает, что это очень старая песня, и, возможно, она была включена в песенник "Честь и кровь". Но я, конечно, не знаю о том, что против какого-то духовного лица был возбужден иск за то, что он критиковал эту песню.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо.

ШИРАХ. Это для меня ново, я слышу об этом в первый раз...

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. Посмотрите на страницу 192-ю того

H1203 – 0538

H1203 – 0539

же самого дневника и вы увидите, что архиепископ из Падерборна сообщил о случае, имевшем место 12 мая. Он просил предпринять что-нибудь для того, чтобы прекратить подобные вещи. И здесь не помещена непристойная маленькая песня о монахе и монашке и т.д., которую распевала наша молодежь. Далее говорится о том, что случилось с архиепископом, когда он вышел на площадь, как вела себя гитлеровская молодежь, какими именами она его обзывала. Далее говорится, что в этот день в городе находилось семь приехавших туда руководителей гитлеровской молодежи, одетых в гражданскую одежду. Вы хотите сказать, что Вы никогда не слышали о подобных вещах?

ШИРАХ. Этот случай мне известен. Я за это привлек к ответственности соответствующего руководителя области, его звали Ланганхе. Я много занимался этим случаем. Я попрошу своего защитника задать по этому поводу вопрос свидетелю Лаутербахер, который был тогда начальником штаба и также знает об этом случае. Тогда среди населения возникло очень большое возбуждение в связи с некоторыми строчками этой песни; - здесь переданы некоторые строчки, которые Вы здесь цитировали. Причиной того, что распевали эту сатирическую песню, является то, что несколько духовных лиц занималось спекуляцией девизами.

В заключение я хотел бы сказать: Поведение этих руководителей молодежи я не одобряю и делаю это ясно и недвусмысленно. Все это относится к тем случаям, которые, как я уже упоминал, происходили в те годы, когда я должен был принять в свою организацию громадное количество молодежи из организаций строившихся на совершенно иных духовных началах.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. Давайте обратимся к странице 228 этого дневника, где говорится, что капеллан Генрих Мюллер и

городской священник Франц Рюммер рассматривались подозрительными лицами, потому что они сказали в кругу католических священников, что одну песню гитлеровская молодежь распевала в партийный день на партийном митинге в 1934 году:

"Мы - счастливая гитлеровская молодежь и
Мы не нуждаемся в христианской правдивости,
Потому что Адольф Гитлер наш фюрер,
И наш заступник".

"Никакой старый проповедник и никакой злой человек не может помешать нам чувствовать себя детьми Гитлера". Подождите пока я не закончу.

ШИРАХ. Я еще не нашел этого.

ГОСПОДИН ДОДД. Это на странице 228-"а" и "б". Простите, может быть, Вы вспомните эту песню, если я ее Вам прочитаю. Помните ли Вы строчки, где говорится: "Мы не пойдем за Христом, мы пойдем за Хорст Весселем"?

ШИРАХ. Эту песню я вижу здесь в первый раз, я ее не знаю.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, я не буду читать дальше. Вы заметите, что в начале дневника, в последнем абзаце говорится: "прокурор, однако, отмечает, что нет никакого сомнения в том, что эта песня распевалась и была широко распространена среди гитлеровской молодежи; однако, он считает, что заявление о том, что эту песню пели на партийном митинге, т.е. в присутствии и, следовательно, с согласия высших партийных чиновников, может быть опровергнуто".

ШИРАХ. Третья строфа гласит: "Я не христианин и не католик, я иду с СА через огонь и воду". Уже из этого явствует, что это не песня молодежи. Если молодежь пела эту песню, то я об этом сожалею. На празднике молодежи во время партийного

H1203 - 0540

H1203 - 0541

с"езда в 1934 г., как здесь указано, эта песня не пелась.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо.

ШИРАХ. Все программы молодежного праздника во время с"ездов я сам просматривал. Эта песня мне не знакома, я никогда ее не слышал, и текста ее я совершенно не знаю.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы заметите, что в последней строчке говорится: "Бальдур фон Ширах, возьми меня также". Единственно, что я могу сказать в отношении всего этого, это то, что для Обвинения было очень странно слышать, что вы, как руководитель гитлеровской молодежи, якобы, не знали ничего о том, что ~~трения~~ между молодежной организацией Германии и священнослужителями всех церквей Германии в течение всех этих лет существовали очень серьезные противоречия.

ШИРАХ. Я хотел бы об'яснить суду, что молодежь переживала период бури и натиска и развивалась, так что нельзя характеризовать организацию по поведению отдельных членов или групп, в тот же год, когда эти члены поступили в организацию. Результат воспитательной работы может сказаться лишь через несколько лет. А то, что группа молодежи из участников антирелигиозного движения, влившаяся к нам в 1934 г., сочиняла и пела такие песни, - это очень возможно. В 1936 году они этого уже не делали.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. Давайте посмотрим, что вы делали в 1937 году. Вы знаете, что была издана книга, которая называлась "Удовольствие, Дисциплина, ~~Убеждение~~"? Известна ли Вам эта брошюра о культурной работе в ваших лагерях молодежи?

ШИРАХ. Я хотел бы увидеть ее.

ГОСПОДИН ДОДД. Я покажу ее Вам, но я хотел бы прежде всего Вас спросить: известна ли Вам эта книга? Знаете ли Вы о чем я говорю, когда я ссылаюсь на нее?

ШИРАХ. Я не знаю всего того, что мы печатали. У нас было такое огромное количество публикаций, что я не могу говорить о книге, если у меня нет ее перед собой.

ГОСПОДИН ДОДД. Ну, хорошо, я понимаю ваш ответ так, что вы не знаете ее, не посмотрев на нее. Мы сейчас вам ее покажем. В этой книге помимо других вопросов имеется недельная программа одного из Ваших лагерей, ряд предлагаемых программ. Я вновь задаю Вам вопрос и, возможно, на этом мы закончим. Разве неправда, что в ваших лагерях вы пытались проповедывать идею о том, что Гитлер и Бог больше чем товарищи и особенно пытались направить религиозные чувства молодежи в таком направлении, чтобы они поверили, что Гитлер был послан на землю Богом и был назначен для того, чтобы руководить Германией? Прежде всего ответьте на этот вопрос, а затем мы можем рассмотреть программу.

ШИРАХ. Нет. Сравнение между Гитлером и Богом мною никогда не проводилось и я вижу в этом богохульство, и во все времена я видел в таком сравнении богохульство.

То, что в те годы, когда я верил в Гитлера, я видел в нем богом ниспосланного фюрера народа, это верно. Я думаю, что каждого великого человека в истории, - а я раньше считал таковым Гитлера, - можно рассматривать как богом ниспосланного.

ГОСП ОДИН ДОДД. Это документ № 2436-ПС, США-859. Я не хочу детально останавливаться на этом документе, но я хотел бы обратить ваше внимание на некоторые части этого документа. Прежде всего, на стр. 64 перечисляются имена лиц, являвшихся образцом необходимого поведения; как я полагаю, все они являются видными политическими или военными героями Германии.

ШИРАХ. Арминий-Гейзерих-Брауншвейг...

11863

H1203 – 0542

H1203 – 0543

ГОСПОДИН ДОДД. Нет необходимости перечислять все имена. Если это лица действительно военные или политические герои Германии, то скажите "да", если же нет, то скажите "нет". Я просто спрашиваю, являются ли эти лица политическими или военными героями Германии?

ШИРАХ. Я не знаю, можно ли выставить принца Фердинанда Прусского героем войны. Он, конечно, в такой же мере был художником, как и офицером.

ГОСПОДИН ДОДД. Ну, хорошо, я перехожу к другому вопросу и рассматриваю Ваш ответ как утверждение того, что они не являлись таковыми. Давайте перейдем к торжеству, которое должно было состояться утром в воскресенье. Это - на стр. 70 имеющейся у Вас брошюры, в конце 70-й страницы. Я особенно хотел бы обратить Ваше внимание на это, принимая во внимание то, что вы сегодня говорили о Розенберге: "если нет никого кто бы мог выступить с краткой торжественной речью, - эта речь должна быть хорошей и внушительной, - то пусть лучше зачитают выдержки из книги "Майн кампф" или из речей фюрера, или из трудов Розенберга". Вы нашли это?

ШИРАХ. Да, нашел.

ГОСПОДИН ДОДД. Однако, Вы все еще утверждаете, что Розенберг и его труды не имели ничего общего с гитлеровской молодежью. Вы же сами предложили зачитать на вашем празднике в воскресенье отдельные отрывки из трудов этого доброго философа. Разве это не так?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это на 70-й странице?

ГОСПОДИН ДОДД. Английский текст? Нет, сэр - стр. 3 английского текста и 70 страница немецкого текста.

Свидетель, вы найдете это на стр. 71-й немецкого текста. У меня это стр. 70. Видите? Это на стр. 71 немецкого текста.

ШИРАХ. То, что в одном из многочисленных справочников по культурной работе имеется указание на одного из инструкторов, посещавших упомянутые мною совещания у Розенберга, которые имели место два раза в год, еще ничего не доказывает, и я думаю, что вам пришлось очень долго искать, пока вы среди бесчисленного количества справочников по работе с молодежью не нашли именно этот.

ГОСПОДИН ДОДД. Я вас хочу спросить об этом, когда Вы найдете одну строчку относительно воскресного празднества, где говорится о священнике, о капеллане, о священном писании и обо всем, что имеет отношение к религии или к религиозным институтам. Скажите, пожалуйста, Трибуналу, где это находится.

ШИРАХ. Я уверен, что ничего подобного там не имеется.

ГОСПОДИН ДОДД. Это - программа вашего воскресного торжества?

ШИРАХ. Гитлеровская молодежь - это государственная организация молодежи, а моей целью было разделение церковного и государственного воспитания молодежи. Молодежь, которая желала посещать церковь, могла после этого утреннего праздника - речь идет о празднике в лагере - или до этого праздника - как кому угодно - пойти на мессу или посетить протестантское богослужение, а по воскресеньям, когда она не находилась в лагерях /все лагерное пребывание продолжалось максимум около трех недель/, она имела полную возможность посещать церковь с родителями или какими-либо знакомыми.

ГОСПОДИН ДОДД? Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Додд, я думаю правильно будет сказать, что три строчки, которые предшествуют словам "Страница 71", имеют непосредственное отношение к религии.

11865

H1203 – 0544

H1203 – 0545

ГОСПОДИН ДОДД. Я теперь хотел бы обратить ваше внимание на ту историческую балладу о морали, которая была предназначена для молодежи этого лагеря. Это - на странице шестой английского текста и на странице 89 или на 90-й вашего текста. Я не хотел бы оглашать всю эту балладу об исторической морали. Я думаю, Вы согласитесь, что смешно высмеивать евреев, а также другие политические партии Германии. В первых строках делается ссылка на "Изидора" и далее говорится: "Бедный Михаил был несчастным; он должен был служить еврейскому отродью".

Затем ваши партийные руководители предложили показать призраков: "Нос Изидора должен быть сделан очень увеличенных размеров, германский Михаил должен быть показан очень условно; коммунистов следует изобразить как нагромождение баррикад, социал-демократов следует изобразить в шляпе, имеющей форму воздушного шара; реакционеров - в высокой шляпе и с моноклем; центральную партию следует изобразить в иезуитской шляпе". Кстати, Вам когда-либо приходилось наблюдать такие церемонии?

ШИРАХ. На странице 89-й у меня нет текста, который вы цитировали.

ГОСПОДИН ДОДД. Я вам вероятно дал неправильные страницы. Мне только что сказали, что это на страницах 154-155 вашего текста.

ШИРАХ. Да.

ГОСПОДИН ДОДД. Я хотел бы, чтобы вы мне рассказали об этой рекомендованной для вашей молодежи программе?

ШИРАХ. Я хотел бы вообще кое-что сказать об этой книге. Я написал к ней предисловие и я беру на себя ответственность за ее содержание. Подробно я не мог прочесть ее ранее, и я не хочу оспаривать, что в лагерях, в лагерных цирках организовывались такие политические карикатурные теневые представления.

ГОСПОДИН ДОДД. Знаете ли Вы, что один из ваших юношей написал письмо Штрейхеру, в котором сообщает, что он видел подобное представление. Известно ли Вам об этом? Сейчас я Вам передам это письмо для того, чтобы показать вам, что это действительно имело место и что Ваша молодежь писала об этом Штрейхеру. На последней странице английского текста, на 179-й странице вашего текста, имеется лозунг, предназначенный для праздника, имевшего место в воскресенье 19 июля . Там говорится следующее: "Наша служба Германии должна быть священной службой".

Этот лозунг вы также повторяли и в последующие воскресенья и, как Трибунал указал, на странице 70-й вашего текста. Вы говорите: "утром в это воскресенье мы не ставим своей целью ставить на обсуждение вопрос касательно вероисповедания. Мы должны вселить в людей силу и веру для того, чтобы они могли выполнить свои большие и небольшие задачи, беспредельно веря в священную власть Бога и идеологию фюрера и его движения.

Вы помните, что во всех случаях, когда вы упоминаете о боге, вы всегда при этом упоминаете имя Гитлера или руководителей партии, не правда ли?

ШИРАХ. Может быть можно показать мне раньше то место, которое вы под конец цитировали?

ГОСПОДИН ДОДД. Это начало страницы 70-й того документа, который имеется у вас.

ШИРАХ. Да, здесь написано: "Оно не приносит с собой дискуссии и разногласий с религиозными убеждениями, а хочет на основании безусловной уверенности во всемогуществе божием и в мировоззрении фюрера и его движения усилить и укрепить жизнь и людей для выполнения больших и малых задач". Это вовсе не

H1203 – 0546

H1203 – 0547

означает, что Гитлер сравнивается с богом, но я думаю, что в своем предыдущем ответе я ясно изложил свою позицию.

ГОСПОДИН ДОДД. В таком случае давайте рассмотрим этот вопрос. На странице 148 вашей книги "Революция воспитания" помните ли Вы следующее заявление: "Флаг третьей империи". Я зачитаю все предложение: "Напротив, служба Германии означает для нас службу богу. Флаг третьей империи нам кажется флагом бога; фюрер для народа является спасителем, которого Бог послал нам для того, чтобы спасти нас от бедствий и опасностей, в которые ввергли нас наиболее набожные партии бывшей Германской республики".

ШИРАХ. Я хотел бы видеть подлинник этого текста.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. Дайте ему ознакомиться с документом.

/Шираху пред'являют документ/.

ШИРАХ: Я пишу: "Мы считаем, что служим всемогущему, когда мы стараемся своими молодыми силами помочь Германии вновь сделать ее единой и сильной. В вере в нашу Родину мы не видим ничего, что могло бы быть в противоречии с его вечной волей. Наоборот, служение Германии кажется нам истинным и верным служением богу. Знамя третьей империи кажется нам знаменем, а фюрер народа ниспосланным им спасителем от нужды и опасности, в которую ввергли нас самые набожные партии бывшей германской республики".

Это относится к партии центра прежней республики и другим аналогичным церковно-политическим об"единениям. Я написал это, я не вижу в этом ничего такого, что могло бы представлять собой обожествление фюрера. В службе Родине я видел также службу всемогущему.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. Таков Ваш ответ, я же понимаю это иначе. Перейдем к другому вопросу, но я бы хотел вам показать, если вы этого хотите, письмо, направленное Штрейхеру. Оно уже было представлено Трибуналу в качестве доказательства британским обвинением. Мне сказали, что из этого документа цитировались лишь выдержки и что сам документ представлен не был.

Во всяком случае, известно ли Вам об этом, г-н свидетель? Известно ли Вам о письме, которое юноши и девушки молодежной гостиницы в Гроссмолден написали Штрейхеру в апреле 1936 года и в котором они сообщали ему о том, что видели евреев.

"Каждый вечер в воскресенье наш руководитель показывает нам в кукольном театре пьесы о евреях".

Я желал бы лишь знать, было ли Вам известно об этом?

ШИРАХ. Я хотел бы сказать по этому поводу, что упоминавшаяся здесь национал-социалистская молодежная гостиница Гроссмолен не была институтом гитлеровской молодежи. Я думаю, что здесь речь идет о детском саде национал-социалистского союза страхования или о какой-нибудь другой организации. Это - одно из типичных писем, которые заказывал редактор "Штюрмера" для того, чтобы действовать ими.

ГОСПОДИН ДОДД. Одну минуту. Разве в 1933 году вы не приняли на себя руководство всеми молодежными гостиницами?

ШИРАХ. Да.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, но что же Вы имеете в виду, когда говорите, что в 1936 году эта гостиница национал-социалистской молодежи в Гроссмолене не являлась частью организации гитлеровской молодежи?

ШИРАХ. Это называлось не домом отдыха, а гостиницей для молодежи. Здесь следует употребить иное выражение. Выражение

11869

H1203 – 0548

H1203 – 0549

"дом отдыха" относится к организации союза женщин или союза страхования. У нас были лишь "гостиницы для молодежи".

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, но Вас не поражает то странное совпадение, что в программу одного из ваших летних молодежных лагерей вы предложили включить представление, в котором еврей изображается с большим носом, высмеивается и в котором детей учили не любить еврея и насмехаться над ним; одна девушка писала Штрейхеру из молодежного лагеря, что она, юноши и девушки видели подобные представления.

ШИРАХ. Это не лагерь молодежи, о котором здесь пишется.

ГОСПОДИН ДОДД. Ну, хорошо, если таков Ваш ответ, я его принимаю.

ШИРАХ. Я не хочу оспаривать, что такие кукольные представления имели место и что было написано это письмо, но я нахожу, что вывод этот, так сказать, притянут за волосы. Связь очень искусственна.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы считаете, что связь между этим представлением и попыткой высмеять еврея очень отдаленная, что она искусственная?

ШИРАХ. Нет, я оспариваю, что здесь речь идет о доме гитлеровской молодежи. Я считаю, что здесь действительно речь идет об однодневном детском доме отдыха союза страхования или какой-либо другой организации.

ГОСПОДИН ДОДД. Может быть, об'яснение заключается в том, что вся молодежь Германии видела одно из этих представлений. Во всяком случае, я хотел бы сейчас перейти к последнему вопросу на эту тему.

Сегодня утром ваш защитник допрашивал вас относительно конфискации имущества одного монастыря, кажется в Австрии, в то

время, когда вы находились там. Вы помните об этом?

ШИРАХ. Сегодня утром мы говорили о дворце князя Шварценберга. Это был не монастырь, а личная собственность частного лица.

ГОСПОДИН ДОДД. Ваш защитник д-р Заутер сослался сегодня на документ Р-146, США-678. Это - письмо Бормана ко всем гауляйтерам. В самом начале этого письма говорится, что вся церковная собственность должна была быть захвачена как в Италии, так и в Австрии. Документ был подписан Борманом. В ответ на этот документ было послано письмо Ламмерса, сообщавшего о том, что происходит спор по поводу того, должна ли церковная собственность быть передана империи или должна оставаться в гау/область/. Вы помните об этом, не правда ли? Таким образом, вы в 1941 г. захватили собственность монастыря в Клостернойбурге? Вы знаете, о чем я говорю? Может быть, я неправильно произношу?

ШИРАХ. Знаменитый приют - Клостернойбург; этот известный монастырь служил для сохранения художественных коллекций нашего исторического музея и музея изящных искусств.

ГОСПОДИН ДОДД. Так, так. Ну, а чем же Вы пытаетесь оправдать захват собственности этого монастыря?

ШИРАХ. Об этом я уже не могу дать точных показаний. Я думаю, что он был очень слабо заселен, что огромное здание не использовалось полностью и что нам срочно необходимо было помещение для опытов государственной винокуренной школы, и, мне кажется, таким образом дело дошло до конфискации этого монастыря.

ГОСПОДИН ДОДД. Ну, хорошо. Я хочу, чтобы Вы взглянули на документ 3927-ПС и я бы хотел, чтобы Вы помнили, что сегодня

H1203 – 0550

H1203 - 0551

утром Вы сказали Трибуналу, что Вы приостановили конфискацию церквей и церковной собственности в Австрии. Я хотел бы, чтобы Вы, ознакомившись с этим документом, затем вспомнили бы Ваши показания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите, документ М-25 был представлен в качестве документального доказательства или нет?

ГОСПОДИН ДОДД. Я сейчас это сделаю, г-н председатель. Это США-861. Документ 3927-ПС я представляю в качестве доказательства за № США-862.

На первой странице этого документа указывается, что этот документ является секретным. Он датирован 22 января 1941 года. Это - письмо, адресованное Дельбрюге из Вашей организации в Вене. В этом письме он говорит, что, как ему стало известно, имеется возможность создать гитлеровскую школу, которую также старается создать Гамбург, и что по его мнению монастырь Клостернойберг может рассматриваться как подходящее место для школы гитлеровской молодежи в Вене. Это письмо написано Шарицером, вашим заместителем, как вы его назвали вчера.

Он прилагает телеграмму от Бормана; если Вы перевернете страницу, то Вы увидите, что эта телеграмма датирована 13 января. Борман заявляет, что эта телеграмма совершенно секретная. "Стало известно, что население не проявляет никакого возмущения, по поводу того, что монастыри будут использованы для чего-нибудь, что окажется наиболее целесообразным".

Он далее говорит: Превращение этих монастырей в госпитали, дома для выздоравливающих, учебные заведения и школы Адольфа Гитлера, может быть наиболее целесообразным.

Итак, это письмо было датировано 13 января, а Ваш заместитель написал письмо 22-го.

Затем, переверните еще одну страницу и Вы найдете отчет гестапо касательно монастырей. Отчет датирован 23 января 1941 года и адресован Вашему помощнику Дельбрюге. Я хотел бы, чтобы Вы взглянули на то место, где говорится: "Устный приказ от 23 января 1941 года".

Очевидно, кто-нибудь из Вашей организации, Вы или ваши помощники, в устной форме отдали распоряжение гестапо составить отчет касательно этого монастыря в тот же день, когда Вы написали письмо в Берлин, в котором предлагали рассматривать этот монастырь как помещение для школы гитлеровской молодежи.

В этом отчете гестапо выдвигаются некоторые обвинения против обитателей монастыря, но попрошу Вас обратиться к следующей странице, где Вы найдете написанный Вами 22 февраля 1941 г. приказ об использовании помещения монастыря для школы гитлеровской молодежи. Я Вам это покажу, если Вы желаете; но на оригинале этого приказа имеются Ваши инициалы. Это на странице с 15 по 17 той фотокопии, которая имеется у Вас.

Итак, у Вас имелся предлог для того, чтобы использовать этот монастырь в качестве помещения для школы Гитлера, но Вы не имели никакого основания делать это. Поэтому Вы приказали гестапо составить такой отчет, хотя позднее Вы никогда не ссылались на доводы, предоставленные Вам представителями гестапо.

ШИРАХ. Естественно, так как я сам был начальником этих школ, я придавал большое значение тому, чтобы и в Вене создать такую школу. Я мимоходом рассмотрел изложенную здесь мысль об использовании монастыря Нойбурга в качестве дома для школы Адольфа Гитлера, даже обсудил ее с господином Шарицером, но совершенно от нее отказался, и этот монастырь Нойберг никогда

11873

H1203 – 0552

H1203 – 0553

не был использован под школу Адольфа Гитлера.

ГОСПОДИН ДОДД. Нет. Но этот монастырь также никогда не был возвращен и священнослужителям, не правда ли?

ШИРАХ. Нет. Так как в Вене нехватало музейных помещений для чрезвычайно больших коллекций, мы хотели сделать из этого монастыря дополнительный, доступный общественности крупный музей, и начали это делать. Мы уже экспонировали там большую часть предметов, входивших в коллекции. Кроме того, нам нужны были очень надежные подвалы этого монастыря в качестве места для укрытия различных предметов искусства, которые мы хотели предохранить от воздушных налетов, и в связи с этим мы должны были вновь обратиться к этому зданию. Мысль о создании в этом здании школы Адольфа Гитлера я взвесил мимоходом, обсудил с одним - двумя своими сотрудниками, но затем отказался от нее, во-первых, потому, что это вызвало бы возмущение, если бы мы поместили школу Адольфа Гитлера в бывшем церковном помещении, и, во-вторых, потому, что нам было необходимо использовать этот монастырь для других целей. Больше я ничего не могу сказать об этом.

ГОСПОДИН ДОДД. Обратите внимание на дату этой операции и на сообщение Бормана. Когда Вы впервые установили, что Борман был так резко настроен против религии и церкви, как Вы об этом сообщили Трибуналу?

ШИРАХ. Бормен...

ГОСПОДИН ДОДД /прерывая/: Скажите только, когда впервые Вы это обнаружили?

ШИРАХ. Я как раз намеревался сделать это. Борман яснее всего изложил свои антирелигиозные настроения в 1943 г., но они были ясны уже начиная с 1937 года.

ГОСПОДИН ДОДД. Когда он послал эту телеграмму? в 1941 г.?

ШИРАХ. В 1941 году.

ГОСПОДИН ДОДД. Свидетель, когда Вы впервые установили связь с Гиммлером?

ШИРАХ. Я познакомился с Гитлером...

ГОСПОДИН ДОДД /прерывая/. С Гиммлером...?

ШИРАХ. С Гиммлером в 1929 г. Да, в 1929 г., когда я однажды явился к партийному руководству. Он был тогда руководителем пропаганды в партии; это было нашей первой встречей.

ГОСПОДИН ДОДД. Я не хотел Вас спрашивать об этом, хотя интересно знать, когда Вы впервые с ним встретились. Меня по-существу интересует вот что: когда Вы и ваши молодежные группы впервые установили с ним деловые отношения? Под словами "деловые отношения" я имею в виду,например, такое мероприятие, как набор молодых людей в бригады СС "Мертвая голова".

ШИРАХ. Я думаю, что сегодня утром я уже об"яснил это. В соглашении, под заключения которого я не помню, условие о патрульной службе было, кажется, изложено одним из первых. В общем, это не было обеспечением пополнения лишь для соединений "Мертвая голова", а вообще для всех полицейских частей, так называемых "военных соединений" /"Черфюгунгструппен"/ полиции.

ГОСПОДИН ДОДД. В течение какого времени Вы продолжали направлять юношей из Вашей организации молодежи в СС? Может быть Вы помните до какого времени эта программа претворялась в жизнь?

ШИРАХ. Я насильно не гнал молодых людей в СС, а я разрешил СС, как и всякой другой организации, вербовать своих членов среди молодежи.

ГОСПОДИН ДОДД. Я Вас не об этом спрашиваю. Я спросил, ког-

11875

H1203 – 0554

H1203 – 0555

да по вашему мнению вы фактически в последний раз оказывали помощь Гиммлеру в наборе юношей из молодежи Германии при помощи Вашей молодежной организации? Мне не нужна точная дата. Вы хотите сказать приблизительно.

ШИРАХ. С 1940 года я постоянно стремился к тому, чтобы перевести молодежь в соединения армии СС. Войска СС производили среди молодежи очень значительную вербовку, которая продолжалась до последнего дня войны. Я не мог воспрепятствовать этой вербовке.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы, конечно, знали для какой цели их использовали в конце и в середине войны?

ШИРАХ. Я знал, что все юноши, которые были призваны или добровольно пошли на фронт, должны были сражаться.

ГОСПОДИН ДОДД. Я говорю сейчас не о сражениях, а о кое-чем другом. Вы знали о том, что происходило на Востоке, и Вы знали из кого состояла охрана концлагерей, не так ли?

ШИРАХ. Сегодня утром я сказал, что я знал о событиях на Востоке. О том, что молодежь, которая вступила в войска СС во время войны, использовали для охраны концлагерей, я не знал.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы не знали из кого состояла охрана, хотя Вы сами посетили два концентрационных лагеря?

ШИРАХ. Это была охрана, которая не принадлежала к войскам СС.

ГОСПОДИН ДОДД. Я знаю лишь о том, что Ваше соглашение с Гиммлером предусматривало, главным образом, набор молодежи в соединения СС "Мертвая голова".

ШИРАХ. Когда я заключал это соглашение, я не знал, что Гиммлер осуществлял охрану концлагерей с помощью соединений "Мертвая голова". Кроме того, тогда я считал концлагери чем-то вполне нормальным. Я сегодня утром ведь сказал это.

ГОСПОДИН ДОДД. Вчера Вы сообщили Трибуналу, что, примерно, только в 1944 г. Вы узнали об истреблении заключенных. Я хотел бы поговорить с Вами немного на эту тему и задать Вам несколько вопросов.

ПЕРВЫЙ вопрос. Как Вы об этом узнали? Вы фактически узнали об этом только от Колин Росса?

ШИРАХ. Я сказал, что об этом я узнал через Колина Росса...

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо.

ШИРАХ. И что я, кроме того, задал много вопросов всем доступным мне лицам, чтобы узнать об этом что-либо конкретнее.

ГОСПОДИН ДОДД. Я Вас спрашиваю, было ли Вам известно об этом из каких-либо других источников помимо Росса? Вы можете ответить довольно просто. Мы знаем, что Вы узнали об этом от Росса. Можете ли Вы назвать кого-нибудь другого, кто также сообщил Вам об этом?

ШИРАХ. Я хотел как раз, еще раз повторить то, что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Простите, я не слышу.

ШИРАХ. ... что я получил точные сведения о том, что в районе Варты...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не повторите ли Вы это. Последнее, что я услышал было то, что он задавал вопросы самым различным людям, которых он встречал.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, сэр. Итак, Вы узнали от кого-нибудь об истреблении, которое производилось на востоке?

ШИРАХ. Практически я ничего не мог выяснить точно.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо.

ШИРАХ. Большинство не знало ничего положительного, и точные сведения я получил лишь о районе Варты.

ГОСПОДИН ДОДД. Но в действительности Вы не получали регулярные отчеты относительно истребления евреев, не правда ли?

H1203 – 0556

H1203 – 0557

ШИРАХ. Эти...

ГОСПОДИН ДОДД. Я имею в виду письменные отчеты.

ШИРАХ. Эти отчеты, два из которых были представлены здесь, в зале суда, направлялись имперскому комиссару обороны, одному из его референтов. Этот референт передавал экземпляры дальше, как мне кажется, инспектору, или начальнику полиции охраны порядка. Я видел экземпляр, который был представлен по делу Кальтенбруннера, он ранее никогда не был у меня в руках .

ГОСПОДИН ДОДД. Вы хотите сказать, что Вам не было известно, что эти отчеты поступали в Ваше управление?

ШИРАХ. Я не видел этого экземпляра.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо.

ШИРАХ. Мое бюро было центральным бюро, а не бюро имперского комиссара обороны. Дела имперского комиссара обороны вел президент правительства, референт которого обрабатывал все ежедневно поступавшие и отправляв[ш]ие материалы. Почта для меня поступала в центральное бюро.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы были имперским уполномоченным по обороне в той области, не правда ли?

ШИРАХ. Да.

ГОСПОДИН ДОДД. Это был совершенно секретный отчет СС, который не разглашали по всей Германии?

ШИРАХ. Я не знаю, сколько экземпляров этого доклада было разослано.

ГОСПОДИН ДОДД. Всего было 100 экземпляров. Вы получили 67-й экземпляр?

ШИРАХ. И эти экземпляры, как я заключаю на основании подлинника, который я видел, были направлены не мне, а одному референту, некоему г-ну Фишеру.

ГОСПОДИН ДОДД. А кто был этот Фишер?

ШИРАХ. Сегодня утром я уже сказал, что этот г-н Фишер мне лично неизвестен. Я полагаю, что это был референт президента правительства, референт по делам обороны империи.

ГОСПОДИН ДОДД. Ну, хорошо. Теперь я хочу Вам показать некоторые документы из Вашего же собственного архива.

Здесь у нас, господин председатель, не имеется полного перевода, потому что некоторые документы мы получили слишком поздно.

Но я полагаю, что Вы легко признаете, что этот подлинник взят из Ваших собственных архивов. Здесь Вы найдете - я помогу Вам отыскать страницу - кое-что, что Вам напомнит о том, кем был доктор Фишер.

По-моему, на странице 29-й, Вы найдете здесь фамилии тех лиц, которые работали при имперском совете обороны; среди этих фамилий имеются фамилии Фишера, генерала Штюльпнагеля, генерал-майора Гауция, доктора Форстера. Вы нашли? Это был Ваш собственный имперский совет обороны, который Вы время от времени посещали, довольно часто встречались с этими людьми. Я вам могу показать документы относительно этих фактов, если Вы попытаетесь отрицать.

ШИРАХ. Один момент. Повторите, пожалуйста, какая это страница.

ГОСПОДИН ДОДД. Стр. 29. Это меморандум от 28 сентября 1940 года.

ШИРАХ. Да, я нашел его теперь.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы нашли фамилию д-ра Фишера в числе лиц, которые были рекомендованы для Вашего совета обороны. Его фамилия, между прочим, стоит последней. Там имеется также его подпись. Именно он рекомендовал Вам всех остальных.

11879

H1203 - 0558

H1203 – 0559

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Додд, не будете ли Вы говорить немного медленнее?

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо.

ШИРАХ. Здесь, 20-м по порядку, упоминается правительственный советник, доктор Фишер - референт, т.е. референт по делам обороны империи, то-есть референт президента правительства. Таким образом, я, возможно, видел его на каком-либо заседании. Может быть, он вел протокол. То, что я лично помню о нем, - это я должен, как и ранее, оспаривать.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо.

ШИРАХ. Я не могу при упоминании имени доктора Фишера никого себе представить. Но я ясно вижу, что он был там, кто принимал почту для комиссара по обороне империи, и, возможно, он также вел протокол. Какую-либо другую функцию он не мог осуществлять в этом кругу лиц уже из-за своего небольшого чина, он ведь всего правительственный советник.

ГОСПОДИН ДОДД. На странице 31-й того же документа Вы найдете другую ссылку на д-ра Фишера, и на этот раз, на этом документе имеются Ваши инициалы. Это - список членов имперского совета обороны. В списке 20 человек, и последней фамилией стоит фамилия Фишера. В конце документа есть Ваши инициалы, которые, повидимому, показывают, что Вы одобрили этот список. Вы это видите?

ШИРАХ. Да, я должен был поставить свои инициалы на этом списке.

ГОСПОДИН ДОДД. И Вы одобрили состав членов, не правда ли?

ШИРАХ. Я вовсе не хочу утверждать, что я не узнал бы доктора Фишера, если бы его указали мне. Он был чиновником, ведшим протокол, и при этом большом количестве людей, которое

присутствовало на таких заседаниях, он ничем не бросился мне в глаза. К тому же таких заседаний по обороне империи было очень мало. Во всяком случае - и это мне кажется решающим - он не делал мне лично докладов, он делал доклады президенту правительства.

ГОСПОДИН ДОДД. Как же вы не могли встретиться с ним? Вы ведь в 1940 году регулярно посещали совещания имперского совета обороны. У нас имеются некоторые документы и я хотел бы показать их вам. В этих документах точно отражается то, что вы заявили на заседании этого совета.

ШИРАХ. Да, я и говорю, что он, наверно, вел протокол.

ГОСПОДИН ДОДД. Да, конечно, и поэтому вы встречались с ним неоднократно в период между 1940 годом, т.е. когда был составлен этот протокол, и 1942 г., т.е. до того времени, когда стали присылаться отчеты СС об истреблении. Он, вероятно, был знаком с Вами в течение 2-х лет до того, как был получен первый имеющийся у нас отчет от 1942 года, и он был одним из 20 членов Вашего совета.

ШИРАХ. Я думаю, что я должен описать, из кого состоял этот комитет по обороне империи. Там была группа генералов, руководящих генералов на командных постах в сухопутных и военно-воздушных силах, там были различные гауляйтеры, там были упомянутые здесь лица, уполномоченный министра боеприпасов доктор Путт, руководитель экономического штаба и другие лица, которые здесь перечислены. В этом большом кругу людей, которых я приветствовал, находился также один чиновник, ведущий протокол, который был одним из многих чиновников моего управления. Эти заседания - я думаю, что вы установили это - имели место очень редко. Доктор Фишер не делал мне постоянно докладов, он также

11881

H1203 – 0560

H1203 – 0561

не представлял мне протоколов заседаний, а доклад делал мне президент правительства.

ГОСПОДИН ДОДД. Не думаете ли Вы, что Генрих Гиммлер или Райнхарт Гейдрих посылали эти отчеты об истреблении, происходившем на востоке, лицам, не имеющим никакого значения в Германии и в гау?

ШИРАХ. Эти доклады, если бы они были предназначены для меня, пересылались бы прямо ко мне. Вообще, я сегодня уже сказал, что я вовсе не оспариваю того, что я узнал о расстрелах евреев на Востоке, правда, в очень позднее время. Я видел в этом связь с военными событиями. Сами доклады мне не были представлены, и если бы они были мне представлены, то на них были бы определенные пометки, которые я немедленно бы узнал.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, давайте посмотрим. Они, конечно, были адресованы Вам и для сведения Фишера.

Я сейчас перейду немного дальше. Теперь я вам докажу, что вы получали еженедельные отчеты. Вы их видели? Что вы скажете на это?

ШИРАХ. Еженедельные отчеты?

ГОСПОДИН ДОДД. Да.

ШИРАХ. Еженедельные отчеты я получал в огромных количествах из самых различных инстанций.

ГОСПОДИН ДОДД. Нет, я говорю об одном определенном виде отчетов. Я говорю об отчетах, получавшихся вами от Гейдриха и Гиммлера.

ШИРАХ. Я не знаю, что вы имеете в виду.

ГОСПОДИН ДОДД. В таком случае, взгляните сюда. У нас имеются 55 таких докладов, на 55 недель. Они все здесь, идут в хронологическом порядке и доктор Фишер не имеет к ним никакого отношения. На отчетах имеется штамп Вашей канцелярии, а

также имеется пометка о том, когда они были получены.

В них, кстати, говорится - посмотрите на них - говорится о том, какая участь постигла евреев на Востоке.

ШИРАХ. Все эти... Может быть... Я не могу их сейчас все просмотреть. Эти докпады направлены от начальника полиции безопасности в бюро комиссара по делам имперской обороны. Они, я вижу это по первому документу, приняты не мной. Напротив, здесь имеется подпись президента правительства, я не получал этих докпадов, иначе здесь стояла бы моя подпись.

ГОСПОДИН ДОДД. Согласно примечанию, их получал доктор Дельбрюгге, являвшийся Вашим главным помощником. Кстати, мне кажется, что необходимо раз'яснить Трибуналу, что оба ваших главных помощника являлись бригаденфюрерами СС, не так ли?

ШИРАХ. Я уже упомянул и без этого, что доктор Дельбрюгге был одним из доверенных лиц Гиммлера, но я считаю...

ГОСПОДИН ДОДД. А он был Вашим главным помощником. Именно это я хочу сказать. Другой ваш помощник тоже был бригаденфюрером СС.

ШИРАХ. Но я думаю, что эта констатация доказывает как раз обратное тому, что вы хотите доказать по делу против меня.

ГОСПОДИН ДОДД. Я продолжу обсуждение вопроса о еженедельных отчетах, но я хотел бы спросить у Вас о следующем: Между Вами и Гейдрихом существовали довольно дружественные отношения?

ШИРАХ. Я знал Гейдриха, и когда он был имперским протектором в Праге и прислал мне приглашение, как президенту юго-восточного европейского общества, о созыве с'езда, я сделал то, что он хотел. Но в тесных личных, человеческих отношениях я с Гейдрихом не находился.

ГОСПОДИН ДОДД. Считали ли вы его хорошим государственным деятелем в то время, когда он ввел в Чехословакии систему

11883

H1203 - 0562

H1203 – 0563

ужасного террора?

ШИРАХ. У меня было такое впечатление, что Гейдрих, - как он выразился во время моего пребывания в Праге, - хотел проводить политику взаимопонимания, в первую очередь, по отношению к чешским рабочим. В нем я тогда, собственно, не видел представителя политики террора. По всяком случае, у меня нет никаких практических сведений о событиях в Чехословакии. Я лишь один этот или еще один раз посетил Чехословакию.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы послали телеграмму "Дорогому Мартину Борману", когда был убит Гейдрих. Вы помните об этом. Вы послали эту телеграмму человеку, который, как я понимаю, не был у вас в 1942 г. на хорошем счету? Вы помните, когда Гейдрих был убит в Праге чешскими патриотами?

ШИРАХ. Да.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы помните, что Вы сделали, когда Вы об этом узнали?

ШИРАХ. Уже не помню точно.

ГОСПОДИН ДОДД. Может быть, если я оглашу вам эту телеграмму, то вы вспомните?

"Рейхслейтеру Борману. Берлин. Партийная канцелярия; очень срочно. Для немедленного ознакомления.

"Дорогой Мартин Борман,

Я прошу, чтобы о последующем доложили фюреру. Зная чешское население и его настроение как в Вене, так и в протекторате, я обращаю ваше внимание на следующее:

Вражеские державы и британская клика, окружавшая Бенеша, в течение длительного времени отрицательно относились к сотрудничеству чехословацких рабочих с Германией и к тому вкладу, который они вносят в военную экономику Германии. Они любыми путями пытаются восстановить чехословацкое население против

империи. Покушение на Гейдриха было, без сомнения, запланировано в Лондоне. То, что нападавшие были вооружены британским оружием, указывает, что это дело рук агентов, сброшенных на парашюте. Лондон надеется, что в ответ на это покушение Германия будет вынуждена принять самые строгие меры, что вызовет создание движения сопротивления среди чехословацких рабочих. Для того, чтобы во внешнем мире не создалось впечатления о том, что население протектората настроено против Гитлера, необходимо будет немедленно раз'яснить, что эти действия были спровоцированы англичанами. Самым эффективным действием явился бы внезапный и сильный налет на какой-либо культурный центр Англии, а мир должен быть оповещен, что это ничто иное как "Месть за смерть Гейдриха". Только это может вынудить Черчилля немедленно отказаться от создания инцидентов, которые начали случаться в Праге. Германия отвечает за нападение, имевшее место в Праге, контр-нападением на мировое общественное мнение. Предлагается завтра сделать следующее сообщение в прессе, в связи с покушением на жизнь Гейдриха...".

Затем вы пишете, что это покушение явилось делом рук британских агентов и берет свое начало в Англии. И Вы подписали: "Хайль Гитлер, твой Ширах".

Вы помните, что Вы послали эту телеграмму Борману?

ШИРАХ. Я только что слышал английский перевод. Я хотел бы, чтобы мне показали немецкий подлинник.

ГОСПОДИН ДОДД. Очень хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Додд, Вы, как мне показалось, прочли "британский город, расположенный на побережьи", не так ли?

ГОСПОДИН ДОДД. Нет, я хотел сказать "культурный центр", господин председатель.

11885

H1203 – 0564

H1203 – 0565

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, это так, как здесь у меня написано.

ГОСПОДИН ДОДД. Да, "культурный центр".

Господин свидетель, я, кстати, обращаю Ваше внимание на слова "культурный центр". Ведь Вы проявляли такой большой интерес к культуре.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите, удобно ли сейчас об'явить перерыв или Вы предпочитаете продолжать?

ГОСПОДИН ДОДД. Я надеялся, что я смогу закончить. Мне нужно несколько минут. У меня имеется один или два довольно важных документа, которые я хотел бы пред'явить свидетелю. Господин председатель, если мы сейчас сделаем перерыв, я просил бы, чтобы свидетелю не давали возможности беседовать со своим защитником до завтрашнего утра. Я думаю, что совершенно правильно, если в течение того времени, когда свидетель подвергается перекрестному допросу, ему не следует разрешать беседовать со своим защитником.

ШИРАХ. Относительно этого документа я хотел бы...

Доктор ЗАУТЕР. Господин председатель, я прошу выяснить вопрос - имею ли я, как защитник, право говорить со своим подзащитным или нет. Уже ранее мистер Додд запретил мне говорить с моим подзащитным. И я, конечно, подчинился. И если я слышу, что я до конца перекрестного допроса должен не иметь права разговаривать со своим подзащитным, и если перекрестный допрос будет продолжен в понедельник, то это будет означать, что я завтра и послезавтра не смогу говорить с подсудимым. Однако я должен в целях защиты иметь возможность обсудить со своим подзащитным все то, о чем сейчас говорилось здесь.

ГОСПОДИН ДОДД. Господин председатель, я отказываюсь от своего ходатайства. Я забыл, что перерыв продлится до понедель-

ника. Я полагал, что это является общим правилом, но я думаю, что это создаст некоторые затруднения для защитника. Я хочу справедливости от Трибунала. Во время перерыва доктор Заутер подошел к свидетельскому пульту. Я сказал ему, что мне кажется, что он не должен говорить с подзащитным в то время, когда подсудимый подвергается перекрестному допросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это правило принято в Англии, но при данных обстоятельствах, я полагаю, что лучше дать возможность доктору Заутеру...

ГОСПОДИН ДОДД. Я совершенно согласен. Я не думал, что перерыв продлится дольше завтрашнего дня, но я не желаю мешать беседе защитника с подзащитным в течение выходного дня.

/Перерыв до 27 мая 1946 г./

11887

H1203 – 0566